

Проклятие
могилы викинга
Керри в дни войны
Тайна «Альтамаре»

Фарли МОУЭТ
Нина БОДЕН
Либер Карлье

Мир приключений

Фарли МОУЭТ
Проклятие
могилы викинга
Нина БОДЕН
Керри в дни войны
Либер Карлье
Тайна «Альтамаре»

Мир приключений

Фарли МОУЭТ

**Проклятие
могилы викинга**

Нина БОДЭН

Кэрри в дни войны

Либерта КАРЛЬЕ

Тайна «Альтамаре»

МОСКВА · ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

1988

84. 4.
М 86

Переводы с английского
и фламандского

Составление
Н. Шерешевской

Послесловие
Т. Саниной

Иллюстрации
О. Бай

М $\frac{4703000000-1557}{080 (02) - 88} 1557-88$

© Издательство «Правда», 1988.
Составление. Послесловие.
Иллюстрации.

Фарли МОУЭТ

**Проклятие
могилы викинга**

ГЛАВА 1

Школа среди лесов

На открытом всем ветрам льду озера в северной Манитобе, у замерзшего скелета оленя-карибу топтались два ворона. Лисицы и волки оставили на костях оленя вожаденные кусочки мяса, и вороны угрожающе теснили друг друга, их сварливые голоса далеко разносились в предполярной тишине над озером.

Росомаха, что кралась по мрачному лесу вдоль берега, вскинула тяжелую голову и прислушалась. Крики воронов означали, что поблизости есть еда, и росомаха свернула и пошла по льду на птичьи голоса.

На северном берегу озера, в густом высоком ельнике, приняхивалась к холодному воздуху белая лайка. Она учуяла мускусный запах росомахи, и шерсть у нее стала дыбом. Задрав морду, она вызывающе взвыла. Тотчас вскочили на ноги и еще лайки — добрый десяток — и подхватили ее вой.

Среди деревьев, неподалеку от того места, где привязаны были собаки, уютно примостился низкий бревенчатый сруб, уставясь двумя окнами на озеро Макнейр. В доме этом Энгус Макнейр отложил книгу, которую читал вслух, и подошел к окну. Минуту-другую он приглядывался к собакам, потом, мотнув рыжей пиратской бородой, обернулся к трем мальчишкам, что выжидающе на него смотрели.

— Нет, ребята. Собаки расшумелись не из-за оленя. Волки, может... а то росомаха. Да вы не горюйте, карибу скоро пойдут назад этой дорогой, и у нас опять будет свежее мясо.

Он уселся в самодельное кресло и продолжал урок.

Энгус Макнейр никак не походил на учителя. Это был рослый, крепкий охотник, с лицом, точно высеченным из

камня; в северных краях Канады он жил с тех самых пор, как тринадцатилетним пареньком уехал с Оркнейских островов. Классной комнатой служила хижина Макнейра, с низким потолком, загроможденная всякой всячиной, пропахшая звериными шкурами, что свешивались со стропил. Здесь три дня в неделю Энгус давал уроки. А в остальные дни учитель и ученики обходили свои капканы, которые расставлены были в окружности пятидесяти миль на север, восток, запад и юг.

Энгус читал, а его племянник Джэйми, пристроясь на чурбаке подле железной плиты, слушал. Голубоглазый, с резкими чертами лица и взлохмаченной копной светлых волос, он склонился над лисьей шкурой, растянутой на деревянной раме, и ловко соскабливал с нее тупым ножом остатки мяса.

Рядом с ним, на краю широкой деревянной скамьи, сидел Эуэсин Мнуэсин, сын вождя индейского племени кри, которое жило неподалеку, у озера Танáут. Эуэсин был худощавый, смуглый, черноглазый и черноволосый, весь упругий и гибкий, точно силок для кроликов.

Третий «школьник» был, несомненно, самый занятный из этой тройки. Его приветливое скуластое лицо можно было бы принять за азиатское, если б не большие голубые глаза да огненно-рыжие, спадающие на лоб волосы. Звали его Питью́к. Был он сыном бродячего охотника англичанина по имени Фрэнк Андерсон. Однажды зимой, много лет назад, Андерсон отправился за белыми лисами в открытую тундру, к северу от озера Макнейр. Там он встретил женщину из племени эскимосов и женился на ней. Незадолго до того, как у них появился ребенок, Андерсон переходил озеро по уже непрочному весеннему льду и утонул, так что сын его, Питьюк, родился и вырос среди эскимосов.

Книжка, которую Энгус читал сегодня мальчикам, очень их увлекла. В ней рассказывалось о том, как в старину, задолго до Колумба, приплыли в Америку норвежцы. Сегодня утром Энгус читал главу об экспедиции некоего викинга, которая примерно в 1360 году приплыла в Гренландию, а оттуда, вероятно через Гудзонов залив,— в Северную Америку. Дальше рассказывалось о том, как в 1898 году в Кенсингтоне (штат Миннесота) нашли камень, на котором была вырезана какая-то странная надпись. Оказалось, что это рунические письмена.

В древности ими пользовались скандинавы и другие германские племена.

— Когда надпись расшифровали,— продолжал Энкус,— стало ясно, что ее оставили восемь шведов и двадцать норвежцев, которые пустились открывать неведомые земли, лежащие на западе. Надпись рассказывала о том, как однажды они заночевали на острове посреди какого-то озера. Наутро они отправились ловить рыбу, а десять человек остались охранять лагерь. Когда рыбаки вернулись, они никого не застали в живых: все десять их товарищей лежали убитые. Еще десятерых, говорилось в надписи, с самого начала оставили охранять корабль: он стоял на якоре в четырнадцать дней пути от места убийства. Надпись эта была высечена на камне в 1362 году.

Энкус поднял глаза от книги.

— Вот здесь нарисован этот камень со всеми знаками,— сказал он мальчикам.— Смотри-ка, Джейми, а ведь они здорово похожи на те — помнишь, на обломке свинцовой пластинки, которую вы с Эуэсином нашли прошлым летом в тундре? Дай-ка ее сюда, Джейми, сейчас поглядим.

Джейми вскочил на ноги и с полки под стропилами достал обломок свинцовой пластинки размером примерно в пятнадцать квадратных сантиметров. Энкус положил пластинку на книгу, рядом с изображением Кенсингтонского камня. Мальчики тесно обступили его.

— А всдь точно! Знаки такие же. Может, тайник, где вы нашли пластинку, устроили те самые люди, которые вырезали письмена на камне. Эх, вот бы нам прочесть эту надпись, а, ребята?

У Джейми заблестели глаза.

— Если надпись и правда такая же, значит, и все остальное в тайнике тоже норвежское! За такое открытие наверняка большие деньги дадут!

— Деньги, конечно. Только если ваши находки и в самом деле норвежские, они стоят куда дороже денег. Пожалуй, они помогут написать новую главу в истории Америки. В общем, как наступит лето, пойдем к вашему тайнику... Да только идти надо осторожно, не так, как вы тогда ходили.

Джейми и Эуэсин сделали вид, будто им совестно. Они отлично помнили то путешествие: оно чуть не кончилось катастрофой. Они отправились в тундру с охотниками племени чипсуэв и набрали на загадочный тайник, но

слишком на себя понадеялись, отстали от индейцев, на речных порогах потопили каноэ и большую часть снаряжения. Несколько месяцев, пока в тундре свирепствовала зима, им пришлось отчаянно бороться за жизнь. В конце концов им посчастливилось встретить Питтьюка с эскимосами его племени, только это их и спасло.

Энгус закрыл книгу и бережно поставил ее на полку: здесь размещалась вся его библиотека — десятка два изрядно потрепанных томов, которые он берег как зеницу ока.

— На эту неделю урокам конец, — сказал он мальчикам. — Я буду стряпать, а вы идите делайте свою работу.

Мальчики выбежали за дверь, а Энгус еще минуту-другую стоял у окна и любовался на них. Питтьюк колот березовые поленья, а Джейми и Эуэсин по очереди работали ломом: пробивали в замерзшем озере прорубь. Энгус смотрел на мальчиков и вспоминал, что привело их в его одинокое жилище.

Джейми приехал к нему три года назад из одного южного канадского города: родители его погибли в автомобильной катастрофе, и у него не осталось родных, кроме Энгуса. За эти годы Джейми из хилого, ни к чему не приспособленного маленького горожанина превратился в крепкого подростка, который в предполярном лесу чувствовал себя так же уверенно и свободно, как родившийся здесь Эуэсин.

Эуэсин никогда не бывал южнее Пёликан Нёрроуз, всего в двухстах милях отсюда; там, в школе при миссии, его научили хорошо говорить и читать по-английски. Но Эуэсин жадно тянулся к знаниям, и, когда Энгус Макнейр стал учить Джейми, Эуэсин без труда уговорил своего отца, Альфонса Миуэсина, позволить и ему учиться у Энгуса и прожить у него зиму.

Третий ученик Энгуса, Питтьюк, оказался здесь потому, что встретился тогда в тундре с Джейми и Эуэсином. Эскимосы, с которыми кочевала мать Питтьюка, благополучно доставили двух спасенных мальчиков на юг. Но, уходя к местам своих кочевий, они оставили Питтьюка на попечение Энгуса Макнейра, рассудив, что пора уже мальчику познакомиться с миром его покойного отца Фрэнка Андерсона.

К тому времени как ящик был полон дров, а ведра — воды, у Энгуса поспел обед. Он сварил вкусную похлебку из ячменя, сушеной оленины и жирной свинины. Наре-

зал хлеб свежей выпечки, налил каждому по кружке крепкого сладкого чая.

Мальчики обедали не спеша, строили планы летнего похода в тундру, к загадочному каменному тайнику. За этим разговором они могли бы засидеться дотемна — ведь зимний день в тех краях короток, — но Энгус вернул их к действительности.

— Эй, ребята! От разговору мехов не прибудет. Нечего рассиживаться! Вам еще сегодня надо привезти хороший груз шкур. Коли собрались идти к землям эскимосов, понадобятся новые каюэ и всякое снаряжение, а на это нужны деньги.

Энгус первым встал из-за стола, натянул свою огромную парку, оленьи рукавицы и мокасины. Потом взвалил на плечи тюк и пошел к двери, мальчики поспешили за ним.

Джейми непременно хотел отъехать первым, он кинулся к своим нартам (узким саням, которые так любят звероловы), бросил на них свой тюк и мигом отвязал собачью упряжку. У него было три лайки. Двух, маленьких и мускулистых, дал ему дядя. А третью — крупную, белую, по кличке Зуб, — Эуэсин и Джейми нашли в тундре: этот Зуб и еще один пес отстали от эскимосов.

Во дворе поднялся отчаянный шум — выли собаки, кричали ребята. Первым справился с упряжкой Питьюк; он громко, заодно попрощался с товарищами, прыгнул на свои длинные эскимосские сани, и они, кренясь набок, покатались по льду озера к югу. Джейми и Эуэсин чуть замешкались. А когда выехали на лед, упряжки их поначалу шли голова в голову, стараясь обогнать друг друга. Но вот Джейми закричал: «Давай! Давай!» — и его упряжка послушно свернула влево, к восточному краю озера.

Ребятчи упряжки уже мчались во весь опор, а Энгус все еще обстоятельно запрягал своих собак. Глядя, как бешено несутся тобóгганы¹ и нарты, он улыбнулся и покачал головой.

— Джульетта, голубка, — говорил он, затягивая постромки на брюхе своего вожака, — видала, какие проворные ребята? Что твои барсуки.

Джульетта заскулила в ответ и натянула постромки, давая другим собакам знак трогаться. Неторопливо, сте-

¹ Тобóгган — сани без полозьев, передок загнут, вместо бортов натянута шкура или береста. Канадские индейцы перевозят на них грузы. (Здесь и далее примеч. пер.)

пенно она вывела упряжку на лед, и тобогган Энгуса свернул к северу.

Последний завиток голубого дыма поднялся из старой черной трубы, истаял в небе, и вокруг воцарилась морозная тишина январского дня.

ГЛАВА 2

Холод, который убивает

Следующие четыре дня, пока Энгус и мальчики объезжали капканы, безмолвие дома нарушалось лишь резкими криками соек, слетавшихся на отбросы. Только под вечер четвертого дня из трубы к голубому, чуть затуманенному небу вновь поднялся дым. Перед дверью дома в свежевывавшем снегу стояли нарты Эуэсина, а собаки, уставшие от последнего тридцатимильного перехода по рыхлому снегу, тяжело дыша, развалились подле своих бревенчатых конурок. Эуэсин гнал их вовсю: он непременно хотел вернуться первым. Но едва у него успел закипеть чайник, как на пологий берег озера стремительно влетела упряжка Джейми.

— Ты что это как долго? — насмешливо спросил Эуэсин.

Джейми не ответил. Посвистывая, он привязал вожак к дереву и снял с нарт что-то большое и темное. Потом подошел к дому и небрежно бросил свою ношу к погам Эуэсина.

Тот присел на корточки и недоверчиво на нее поглядел.

— Илька! — восхищенно воскликнул он, поглаживая прекрасный темный мех. — Я такую видел только раз в жизни. Где ты ее взял, Джейми?

— В купьем капкане, в ельнике, у моей избушки, где я почевал вторую ночь. Наверно, там их полно. Да только они не всякому даются, тут нужно уметь.

Но Эуэсин не попался на эту удочку: он не мог оторвать глаз от ильки. Ведь куница илька — одно из самых редких млекопитающих в здешних местах, и притом самое ценное. Эуэсин торжественно внес ее в дом и положил на стол: тут можно будет рассмотреть ее всю — от острой, совсем как у ласки, мордочки до великолепного пушистого хвоста.

На дворе снова залаяли собаки. На сей раз они возвещали о прибытии Питыюка. А в сумерки вернулся и Энгус.

Поездка у всех была удачная. Питьюк привез двух лис, куницу, трех горностаевых ласок и норку. Эуэсин — двух пороков и двух красных лисиц. Энгус, у которого был самый большой участок, привез трех лис, двух норков, ласку и выдру. У Джейми, кроме ильки, оказалась еще только красная лисица, но илька одна стоила едва ли не всей сегодняшней добычи.

После ужина зажгли керосиновые лампы, и все принялись за работу. Снимали шкуры, чистили их, распяливали, а тем временем рассказывали друг другу, что интересного произошло с ними за эти дни. Эуэсин рассказал о том, как, расставляя капкан, ступил одной ногой на тонкий лед, провалился — пришлось поскорей развести костер и сушить мокасины, чтобы нога не заledenела окончательно. У Джейми в одной избушке побывала россомаха и съела все припасы, так что пришлось довольствоваться белой куропаткой, которую он подстрелил из ружья. Питьюк повстречался с двумя индейцами-чипеуэями: с зимней стоянки в лесах у озера Кэсмйр они держали путь на юг, к фактории на озере Оленьем. Но самая интересная новость была у Энгуса: он видел свежие следы карибу.

Как всегда, ранней осенью началось передвижение оленей-карибу, они ушли из тундры и укрылись в лесах. Но главные стада миновали озеро Макнейр всего за какую-нибудь неделю, свернули на запад и скрылись. Однако, судя по словам Энгуса, выходило, что они сделали круг — прошли на север, на восток — и теперь снова двигаются на юг. Известие это взбудоражило всех: ведь вот уже три месяца они ели только кроликов да куропаток, другого свежего мяса на озере Макнейр не было.

Потолковали об оленях, и Энгус вновь заговорил о встрече Питьюка с чипеуэями, или, как сами они себя называли, элδέями (слово это означает «едоки оленьи»).

— Зачем они двинулись на юг в такую неподходящую пору? — рассуждал он вслух. — Они тебе не сказали, Питьюк?

Питьюк покачал головой:

— Я по-ихнему не говорю. Да только видно: они очень голодный и спешил здорово. На нарты никакой мех нет, и у собак живот подвело.

— Чудной народ эти чипеуэи,—задумчиво продолжал Энкус.— Стараются жить, как жили их предки сто лет назад, а ведь теперь так уже не проживешь. В прошлом году они чуть не перемерли с голоду, а сейчас, может, у них дела и того хуже. Да, к нам Альфонс Миуэсин собирается. Я остановился у Танаутского озера, хотел его повидать, а он в это время объезжал свои капканы. Твоя мать, Эуэсин, сказала, он скоро нас навестит — верно, хочет знать, как твои успехи в ученье.

Альфонс Миуэсин появился еще раньше, чем его ждали. На завтра в час обеда собаки возвестили о приезде гостя, и через несколько минут на пороге встал высокий сухощавый вождь племени кри. Под мышкой у него был какой-то узелок, завернутый в оленью шкуру. Еле сдерживая улыбку, он протянул этот небольшой сверток Питьюку.

— Моя дочка Анджелина думает, эскимосы не умеют шить хорошие сапоги,—объяснил он.— Вот она тебе и посылает...

В свертке оказались две пары прекрасно сработанных лосевых мокасин, искусно расшитых красными, зелеными и золотыми бусами. Питьюк очень смутился, он держал в руках мокасины и не знал, что сделать и что сказать.

— Ну, Пит, попался! — весело воскликнул Джейми.— Уж если девушка кри шьет парню мокасины — тут ему и конец. Правда, Эуэсин?

Эуэсин важно кивнул:

— Верно. Моя сестра еще никогда никому не шила мокасины. Теперь буду следить за тобой в оба, Питьюк. Я ведь ей брат, помни!

Питьюк, весь красный, растерянно обернулся к Эуэсину, натолкнулся на его суровый взгляд и крикнул в отчаянии:

— Меня зачем ругаешь? Я слова с ней не сказал.

Мученьям Питьюка положил конец Альфонс — он отвернулся от смущенного парнишки и заговорил с Энкусом:

— Вчера утром я проезжал стойбище едоков оленей на Кэсмирском озере; там женщины причитали по покойнику. Я хотел пойти в чумы, но старый вождь Деникэзи остановил меня, сказал, что на них напала болезнь и уже есть мертвые. Все больные; только он сам да несколько стариков здоровые и еще охотники Пенъят-

ци и Мэдис. Этих двух он послал на юг, к белым людям за помощью.

Лицо Энгуса омрачилось:

— Плохие вести. А что у них за болезнь, ты знаешь?

— Легкими они болеют. Сперва горят в жару, а потом коченеют и умирают.

— Тогда и сомневаться нечего,— пробормотал Энгус.— Это грипп, дело ясное. Видно, подхватили, когда ездили на рождество в миссию.— Он вскинул голову и спросил с тревогой: — А как твоё племя, Альфонс? Тоже есть больные?

Альфонс помотал головой.

— Мои все здоровые. И я послал Деникази двое саней с вяленным сигом, а то у них есть нечего.

— Да, знаю, ты всегда готов помочь,— сказал Энгус и положил руку на плечо друга.— Но пускай твои люди больше к ним не ездят. Я позабочусь, чтоб они не голодали. Для белых грипп не так страшен, для индейцев он опасней. А у меня хорошие вести. Олени идут на юг. Капканы наши подождут. А ты давай нам в помощь несколько твоих охотников, и мы с ребятами заготовим мясо для племени Деникази.

Весть, принесенная Альфонсом, круто изменила жизнь мальчиков. И объезд капканов, и уроки были отставлены. На другое утро все трое отправились к северо-востоку от озера Танаут, в те места, где Энгус видел оленьи следы, а Энгусу предстояло одному объехать все капканы и собрать всю добычу. Энгус велел гнать собак без роздыха, а когда ребята настигнут стадо, охотиться два дня и убить как можно больше оленей. Потом пусть нагрузят нарты, все, что не поместится на них, спрячут понадежней и едут к стойбищу едоков оленьих. Он будет их ждать неподалеку и персправит мясо большим соседям Деникази.

Первого оленя мальчики повстречали на южном берегу Кэсмирского озера, но, помня наказ Энгуса, поехали дальше, на северо-восток, по реке Кэсмир, пока не оказались среди кочующих оленьих стад.

Они раскинули лагерь и два дня охотились на карibu, которые во множестве сошлись там у несчетных мелких озер. Двое мальчиков прятались, держа ружья наготове, а третий выезжал на своей упряжке на лед и гнал перепуганных оленей напрямик на засаду.

К концу второго дня было убито и готово к отправке десятка два оленей. Наутро молодые охотники двинулись к стойбищу Деникази; тяжело груженные парты двигались вверх по реке Кэсмир, потом выехали на широкий простор Кэсмирского озера. У северного его рукава к небу поднимались тонкие спирали дыма над чумами чипеуэев, что стояли среди чахлого кустарника подле устья реки Касба.

Энгус встретил мальчиков на льду озера, на дальних подходах к стойбищу: он давно уже с нетерпением их поджидал. Энгус помог им спрятать мясо на крохотном островке — отсюда он сможет переправлять его больным и голодным чипеуэям.

— Быстрее назад, ребята! — распорядился Энгус. — И завтра же возвращайтесь с новым грузом, потому как я решил сам ехать на юг. Торговцы и миссионеры не станут слушать Пенъятци и Мэдиса, а меня, может, послушают. А если и от меня отмахнутся или не смогут помочь, я поеду еще южнее — надо поговорить с властями. Чипеуэям нужны врачи и лекарства. Они очень тяжело болеют, и если мы не остановим эпидемию, она, пожалуй, охватит весь край. Так вот, слушайте! Когда я уеду, вы сгрузите мясо на лед в полумиле от их стойбища. Там кое-кто еще держится на ногах, они приедут за мясом. Вам подходить к чумам нельзя. Но уж если у этих несчастных все станет совсем худо, если все-таки придется идти в их лагерь, туда пойдет только Джейми. Один! Поняли?

...Спустя два дня Энгус отвез последний груз мяса на стойбище чипеуэев. Попрощался с мальчиками и пустился в далекий путь, почти за двести миль, — на ближайшую факторию. А оттуда ему, быть может, придется проехать и еще сто пятьдесят миль — до ближайшего крупного поселения.

Весь конец января и первую неделю февраля мальчики с помощью нескольких охотников-кри трудились в поте лица, добывали пропитание для больных чипеуэев. Они доставляли нарты с мясом, а другие кри возили к становищу дрова.

Но пища и топливо — это было еще не все. Многие едоки оленины так ослабели, что уже не могли ни разжечь огонь, ни сварить еду. Слег и вождь Деникази, и, хотя он еще кое-как выползал из своего чума и отрубал куски сырого мороженого мяса, он тоже день ото

для слабел. С каждым днем среди островерхих, крытых шкурами чумов было заметно все меньше признаков жизни.

К концу первой недели февраля ребятам стало совсем невтерпеж. Они приняли решение, и в тот же вечер объявили его в чуме Альфонса Миуэсина на озере Та-наут. Они молодые, здоровые, доказывали они Альфонсу, уж паверпое они не умрут, даже если и заразятся от чипеуэев. Так что решено: они поедут в стойбище и будут ухаживать за погибающими чипеуэями. Не отпускать же туда Джейми одного, горячо доказывали Эуэсин и Питьюк. Спорить с этим было трудно: в одиночку там и в самом деле не справиться.

Альфонс и Мэри Миуэсин, в конце концов, с великой неохотой согласились.

— Мы будем каждый день привозить мясо и топливо,— сказал Альфонс.— Пусть духи крепко держат ваши жизни в своих руках, дети мои.

На стойбище ребята застали невероятную грязь и запустение. Уже много недель ни у кого не хватало сил убирать чумы или хотя бы вынести мертвых. Мальчики переходили из чума в чум и, подбадривая друг друга, делали свою тяжкую и страшную работу. От всего, что открывалось их глазам, лица у них каменели, их мутило, но решимость их не ослабевала. Чипеуэи — их друзья, а на севере ради друга человек готов на все.

Скоро они начали одерживать кое-какие победы в битве с болезнью. Гудящее пламя костров и крепкий мясной бульон прибавили сил тем чипеуэям, кто уже переболел и остался жив. К концу недели больше двух десятков мужчин и женщин перенесли кризис и стали выздоравливать, но почти столько же больных умерли.

У мальчиков совсем не оставалось времени на отдых. Всю ночь напролет — а зимние ночи длинные — двое обходили чумы, поддерживали огонь в очагах, а третий, совсем уже без сил, сваливался и засыпал. И они думали только об одном: когда же наконец подоспеет помощь? День за днем они вглядывались вдаль: не появятся ли на другом берегу озера охотники Альфонса? Быть может, с ними приедут наконец Энгус Макнейр и доктор?

Однажды, в конце февраля, Альфонс пригнал на обычное место сани с едой и застал там одного Джейми. Как было условлено с самого начала, мальчик стоял

поодаль, шагов за полсотни, и сразу видно было — он совсем измучен, вот-вот свалится в снег.

Альфонс поглядел на Джейми с испугом, но голос почти не выдал тревоги.

— А где остальные? — спросил он.

— Питъюк заболел, — ответил Джейми. — Эуэсин около него. Эуэсин здоров, и я тоже. Когда придет помощь, Альфонс? Неужели от моего дяди все нет вестей?

Красивое бронзовое лицо Альфонса потемнело. Он протянул к мальчику руки, словно в досаде, что их разделяют эти пятьдесят шагов.

— Ты сильный, Джейми, — сказал он. — Так вот, соберись с силами — у меня дурные вести.

— Энгус! — воскликнул Джейми. — Что с ним? Добрался он до Те-Паса?

— Он все сделал, как сказал, сын мой. Вчера вечером из Те-Паса присхал вестник из племени кри, его полиция послала. Он привез тебе письмо от полиции и еще одно известие. Когда Энгус добрался до озера Оленьего, Пенъятци и Мэдис лежали больные. Их палатка стояла в стороне от фактории, и никто к ним не подходил. Твой дядя начал за ними ухаживать. Мэдис выжил, а Пенъятци умер. В фактории Энгус помощи не нашел и поехал дальше. Но болезнь уже сидела у него в легких. В Те-Паса он приехал больной. Его взяли в больницу и сперва думали — умрет. Но он жив, сын мой, жив! И он послал тебе наказ через своих друзей кри. Вот что он велел тебе передать: «Скажите ему, пускай поступает как знает. Он показал себя мужчиной, а мужчина должен сам решать, как ему жить».

Альфонс замолчал и положил на снег плотный конверт. Потом отошел подальше, а Джейми подбежал, схватил конверт, вскрыл и прочел:

*Те-Пас, провинция Манитоба
18 февраля*

*Джейми Макнейру
Озеро Макнейр, провинция Манитоба*

Уважаемый сэр!

1. Должен сообщить Вам, что Ваш дядя, Энгус Макнейр, положен в больницу в Те-Пасе, у него двустороннее воспаление легких с серьезными осложнениями. По мнению врачей, он пролежит еще много недель, и если

вообще сможет вернуться на Север, то не раньше чем через несколько месяцев.

2. Поскольку у него нет средств, его положили в палату для немущих пациентов.

3. Как нам известно, мистер Макнейр Ваш опекун. Поскольку он сейчас не в состоянии о Вас заботиться, мне предложено до Вашего сведения, что Вам надлежит возможно скорее явиться в Виннипэг, в отдел попечительства о несовершеннолетних.

4. Тем самым Вам надлежит приехать в Те-Пас с подателем сего письма, констеблем Питером Моуисти. Вышеназванный отдел оплатит Ваш железнодорожный билет до Виннипега.

5. Сообщите, пожалуйста, вождем Деникази и Миуэсину, что управление по делам индейцев обсуждало вопрос об эпидемии и постарается, когда позволят обстоятельства, послать к ним врача.

*Сержант Роберт Оуэн,
командир отряда в Те-Пасе*

ГЛАВА 3

Анджелина

Джейми дочитал письмо, и его обуяли возмущение и ярость. Кровь отлила от его лица и взгляд стал суровым.

— Ты только послушай, Альфонс! — с горечью воскликнул он и прочел письмо вслух.

Глаза вождя тоже загорелись гневом.

— Значит, пришлют доктора, когда позволят обстоятельства! — сказал он. — Ну, тогда он увидит много могил, лечить будет уже некого. А ты как решил? Что будешь делать, сын мой?

— Останусь здесь! — с жаром воскликнул Джейми. — Скажи констеблю Моуисти, я буду в чуме Деникази, там пятеро больных чипеуэев. Хочет меня забрать — пускай приходит туда.

— Не горячись, сын мой. Питер Моуисти сам из племени кри. Его не надо бояться. Захочешь, он уедет на юг без тебя. Но только подумай как следует. Сдается мне, полиция пошлет за тобой еще кого-нибудь.

— Тут еще о многом надо подумать, — уже спокойнее ответил Джейми. — Они обращаются с Энгусом как с ничем. Я должен добыть денег, чтобы позаботиться о нем: вдруг он еще долго проболит. В сиротском доме я ничем

не смогу ему помочь, а ведь если я поеду в Те-Пас, меня уж наверно засадят в сиротский дом. А если останусь здесь, буду промышлять пушного зверя, и... и потом, есть еще сокровища викингов! За них наверняка дадут кучу денег. И мы все равно пойдем за ними на Север! Это самый лучший выход, Альфонс!

Альфонс подошел ближе, задумчиво кивнул:

— Пожалуй, ты прав, сын мой. Но помни, ты ведь белый. Значит, белые так легко тебя не отпустят. Не забывай, они твой народ.

Джейми сжал кулаки, скомкал письмо, бросил его на лед. И сказал с горьким вызовом:

— Мой народ? Ну, нет! Вы тут можете умирать, а они пальцем о палец не ударят. Нет, Альфонс, это не мой народ!

Альфонс искусно перевел разговор.

— Тебе самому решать, — сказал он. — Дядя написал, чтоб ты сам решал, как тебе поступить. Но вот что: если едоки оленины могут теперь обойтись без вас, лучше бы перевезти Питьюка в вашу хижину — там его легче будет выходить.

Упоминание о Питьюке сразу остудило гнев Джейми:

— Да, правильно. Чипеуэи теперь обойдутся и без нас, лишь бы вы привозили им мясо и топливо. А Питьюк совсем больной.

На другое утро, когда Джейми и Эуэсин запрягали собак в нарты, из своего чума вышел вождь Деникази. Он был еще слаб, но не сгибался под холодным ветром. Молча смотрел он, как друзья осторожно положили Питьюка, который от жара почти потерял сознание, на нарты Эуэсина и укутали оленьими шкурами. Только после этого Деникази кашлянул, чтобы привлечь их внимание, и, даже не глядя на них, пробормотал несколько слов.

— Что он сказал? — спросил Джейми: он не понимал языка чипеуэев.

— Сказал: мы будем здесь, — перевел Эуэсин.

— Вот так благодарственная речь за все наши заботы!

Эуэсин пронзительно взглянул на друга, и его всегда мягкий голос зазвучал сурово:

— Иногда мне кажется, ты совсем нас не знаешь, Джейми. Зачем нужны длинные речи? Что значат слова

Деникази? Что пока в краю этом есть чипеуэи, у нас всегда будут друзья. Разве этого мало?

Джейми смущенно вертел в руках постромку.

— Прости, Эуэсин,— пробормотал он.— Скажи ему, что мы рады были помочь.

— А зачем говорить, Джейми? Он и так знает. Поехали.

Несколько минут спустя мальчики обернулись — старый вождь все стоял и смотрел им вслед. Лишь когда они отъехали так далеко, что едва могли его разглядеть, он повернулся и медленно пошел к неровному ряду чумов, крытых оленьими шкурами. Многие чумы стояли теперь пустые, открытые всем ветрам, а те, кто поставил их, безмолвные и застывшие лежали под тяжелым покровом снега и ждали весны, когда земля оттаст и примет их, и они обретут вечный покой.

К обоим своим упряжкам мальчики подпрягли собак Питьюка и теперь во весь дух мчались домой. Боясь раздражить индейцев кри, они далеко объезжали стойбища на озере Танаут, но почти все кри выходили из чумов и издали махали им и кричали. Едва стемнело, нарты подкатили к озеру Макнейр.

Джейми и Эуэсин думали, что заброшенный на столько недель дом встретит их запустением и холодом. Но что за чудеса — окна приветливо светятся! Ребята быстро оглядели двор — нет, ни нарт, ни собак не видать. Что же это значит? Ведь они уговорились, что не будут общаться с кри, пока Питьюк окончательно не выздоровеет. А кто еще, кроме кри, мог зайти в их жилище?

Ответа долго ждать не пришлось. Собаки втащили сани со льда озера на берег, отрывисто залаяли — и тотчас дверь распахнулась. На пороге появилась девушка. В руке она держала керосиновый фонарь. Он освещал ее миловидное лицо, и яркие отблески дрожали на ее длинных черных волосах.

— Анджелина! — поразился Эуэсин.— Что ты здесь делаешь? Сейчас же уходи. Мы привезли Питьюка, он больной. Нам надо внести его в дом. Хватай свои вещи и уходи!

— Вносите его скорей,— спокойно ответила сестра.— В доме все готово. На плите горячий суп. И не командуй мной. Мама позволила мне присхаты, и отец сам привез меня сюда. Скорей несите Питьюка. Что вы стоите, будто к месту примерзли?

Мальчики, изумленные до немоты, покорно внесли Пит்யюка в дом. Его переодели, уложили на койку, накормили горячим бульоном и, лишь когда он забылся тяжелым, лихорадочным сном, приступили к Анджелине с расспросами. Она же мыла посуду, кипятила воду и не спешила отвечать: она чувствовала себя хозяйкой положения. Только когда Эуэсин перестал покрикивать на нее, как на маленькую, и взмолился — да объясни же наконец, что все это значит! — она с улыбкой обернулась к мальчикам и все им рассказала.

— Ты забыл, Эуэсин, а ведь когда я училась в школе при миссии, там была эта болезнь. Я тоже заболела, но скоро все прошло. Когда отец сказал, что вы везете больного Пит்யюка, я спросила: а кто ж за ним будет ухаживать? И мама поняла. Отец согласился и сегодня утром привез меня сюда. Хорошо, что я здесь. Погляди-те-ка на себя! Медведь и тот выгнал бы вас из своей берлоги — от вас ужас как разит! Вот горячая вода, вот чистая одежда. Если хотите почевать в доме, а не за дверью, с собаками, тогда мойтесь!

Народам Севера не знакома ложная стеснительность, и Эуэсин покорился неизбежному довольно кротко. В два счета скинул он с себя грязную одежду и, блаженно вздыхая, стал мыться обжигающе горячей водой.

Но Джейми вырос в городе, и он просто не мог последовать примеру Эуэсина. Под конец он взял бадью и пошел в неотапливаемую пристройку, где хранилось все, чему не страшен мороз. Никто не сказал ему ни слова, когда он выходил на холод, но, когда он, окутанный горячим паром, весь дрожа, мылся в пристройке, из-за стены явственно донеслось хихиканье, и Джейми невольно покраснел от досады.

— Проклятая девчонка...— проворчал он, стараясь, однако, чтобы за стеной его не услышали.— Принесла ее нелегкая!

Но час спустя, когда он улегся на свою койку чистый, в чистых трусах и рубашке, которые днем постирала Анджелина, злости поубавилось. А когда Анджелина принесла ему кружку кофе и взяла его мокасины, чтобы починить истершиеся подошвы, он даже почти дружелюбно поблагодарил ее.

Пит்யюк и в самом деле тяжело хворал, и долгий переезд в санях, конечно же, не пошел ему на пользу. Жар держался у него еще несколько дней. Все это время Анд-

желина ухаживала за ним на редкость заботливо и внимательно. А Джейми и Эуэсину она спуска не давала. Правда, она досыта кормила их, тщательно починила изорванную одежду, зато задавала такую работу, за которую без нее они нипочем бы не взялись. Им пришлось отскрести грязь со стен и пола. Она уговорила Джейми, и он целый день мастерил и прибивал новые полки, чтобы было где аккуратно уложить одежду и всякую утварь, раскиданную по всему дому. Она послала Эуэсина ставить капканы на кроликов: для больных нет ничего лучше кроличьего супа, объяснила она.

Да, Анджелина крепко забрала ребят в руки, она никогда не повышала голоса, никогда не командовала. Говорила всегда кротко, спокойно, с улыбкой — и, однако, оставалась непреклонной в своих требованиях. Джейми был совершенно сбит с толку. Почти все время он в душе негодовал — чего ради она им навязалась? — но в минуты, когда решался быть откровенным с самим собой, бывал благодарен ей за то, что она так заботится о Питьюке и этим облегчает бремя, которое иначе пришлось бы нести ему с Эуэсином вдвоем.

Анджелина строго спрашивала с мальчиков, но и старалась дать им отдохнуть и набраться сил после испытаний, которые выпали на их долю в становище чипеуэев. Стряпать и ходить за больным было ей не в новинку: она приучилась к этому и дома и в школе. Но в доме Макнейра она чувствовала себя хозяйкой и все хлопоты доставляли ей огромное удовольствие (хоть она и старалась его не выдать). Притом она, конечно, замечала, что Питьюк, чьи силы прибывали день ото дня, смотрит, как она хозяйничает, с нескрываемым восхищением.

Эуэсин очень быстро примирился с присутствием сестры. Он хорошо ее знал и не хотел зря тратить время и силы на сражения с ней. Притом он понял, что она им здесь неоценимая помощница, втайне этому радовался и гордился ею.

Однажды, примерно через неделю после возвращения в дом Макнейра, Эуэсин и Джейми рубили дрова и толковали о том, в какую беду попал Энгус и как бы ему помочь.

— Питьюку уже гораздо лучше, — сказал Эуэсин. — Анджелина теперь и одна за ним приглядит и с хозяйством управится, а нам пора заняться капканами. Зимний мех сейчас еще очень хорош, и вот-вот подойдет время

ондатры и бобра. Скоро мой отец поедет на юг, в факторию,— расплатится там с зимними долгами и запасется снаряжением для весенней охоты. Давай пошлем с ним наши меха. Он купит нам все, что нужно,— и поехали в тундру!

Джейми просиял. Его давно уже мучили мысли о будущем и о том, что дядю держат в больнице из милости, как нищего, и непременно надо как-то раздобыть для него денег.

— Верно, Эуэсин. Пора проверять капканы. Ты будешь объезжать свой участок, я — свой, а участок Питьюка поделим, пока он сам не станет на ноги. Может, мы и часть капканов Энгуса тоже сумеем объезжать. У нас уже немало мехов и до тепла еще сколько-то добудем, так что отправим на продажу хороший груз. Самые лучшие меха пошлем прямо в Те-Пас. Там хороший скупщик. Энгус ему доверяет: он их продаст и постарается, чтобы у Энгуса были деньги.

Так и порешили и наутро распрощались с бледным, исхудалым Питьюком, который все еще не вставал с постели.

Анджелина помогла брату и Джейми нагрузить сани, проводила их. Когда они, проголодавшись, сделали первый привал, оказалось, что Анджелина наготовила им пончиков, мороженой тушеной оленины и пресных лепешек с сушеной голубикой, которые на Севере заменяют хлеб,— их делают из муки, замешанной на воде с щепоткой пекарного порошка, и жарят на оленьем жире. Так вкусно и сытно они не едали в своих походах уже много месяцев, и Джейми поймал себя на том, что не без удовольствия думает о черноволосой девушке с блестящими глазами, которая ждет их в доме на озере Макнейр.

ГЛАВА 4

В бегах

В середине марта Питьюк наконец поднялся с постели. Когда Джейми и Эуэсин, объехав все свои капканы, вернулись домой, там их ждали Альфонс Миуэсин и еще четверо кри. Они направлялись на юг, в факторию, и заехали к мальчикам узнать, не надо ли им чего. Альфонс охотно согласился захватить с собою их меха и привезти взамен необходимое снаряжение и припасы: мальчики заранее подготовили для него длинный

список. Все плотно поужинали жареной олениной, которую приготовила Анджелина (при отце и других взрослых мужчинах Анджелина двигалась по дому тихая и незаметная, как тень), а потом Альфонс поднялся из-за стола и начал рассматривать меха.

— В факторию хорошие меха не повезем,— сказал он.— Там платят мало, у них и на плохой мех, и на хороший одна цена. Я самые лучшие меха, как начнется лето, повезу в Те-Пас. Мы вернемся через две недели и привезем все, что вам надо. На обратном пути заберем Анджелину.— Он чуть помолчал и взглянул на Пит்யюка. На лице его в эту минуту ничего нельзя было прочесть.— Она вам, верно, уже надоела своей ленью и болтливый языком.

Пит்யюк, нетерпеливый и горячий, не успев подумать, кинулся защищать Анджелину:

— Ничего она не ленивый! И много не говорит. Она очень даже добрый, хороший...

И вдруг, увидев, что лица пятерых мужчин расплылись в улыбке, осекся на полуслове. А сама Анджелина так грохнула кастрюлей об плиту, что слетела крышка, мигом выбежала из дома и с треском захлопнула за собой дверь.

— Да ладно, пускай живет с нами,— сказал Джейми, улыбаясь во весь рот.— Уж как-нибудь стерпим. Не то Пит்யюк совсем расстроится.

— Нет, лучше заведи ее домой, отец,— возразил Эуэсин.— А то Пит்யюк все будет болеть да сидеть дома и на промысел никогда не пойдет. А ведь чудно: дрова-то он колет и воду носит — на это у него сил хватает.

Этого Пит்யюк стерпеть не мог: вне себя он вскочил, одной рукой обхватил за шею Джейми, другой — Эуэсина.

— Да,— сердито крикнул он,— сейчас столкну вас лбами, тоже и на это есть сил... Вот!

И он так их стукнул, что оба завопили от боли, а мужчины громко захохотали.

Альфонс подошел к двери, кликнул дочь. Когда она нехотя вошла в круг света, он потрепал ее по плечу, поднял подбородок своей большой рукой, заглянул ей в лицо и сказал:

— Ты поистине дочь своей матери, а она хорошая женщина. Ты не побоялась прийти в дом болезни — это хорошо. Никто над тобой не смеется. Хочешь, оставайся,

если они тоже хотят. Мужчинам тяжело делать их собственную работу и еще женскую тоже.

Наутро пятеро охотников двинулись на юг, увозя с собой большой груз мехов и обстоятельное письмо, которое Джейми написал дяде. Жизнь в доме Макнейра начала входить в колею — Питьюк скоро уже совсем стал на ноги и принялся объезжать свои капканы; теперь они с Джейми разделили между собой участок Эуэсина, чтобы Эуэсин мог заняться участком Энгуса, самым большим и расположенным севернее других.

Никогда еще мальчики не охотились так много и усердно. Они редко задерживались дома больше чем на день; выспятся, вволю и вкусно поедят, снимут шкуры с добытой дичи — и снова на охоту. Счастье, долгие месяцы изменявшее жителям этого северного края, снова им улыбнулось. Теперь каждый новый день неизменно приносил богатую добычу. В капканы попадалось немало куниц и лис, но больше всего повезло Питьюку: он поймал черно-бурую лисицу.

Мальчики редко собирались в доме все вместе, не часто им удавалось поговорить, не было времени строить планы на будущее и даже просто подумать. Изредка Джейми спрашивал себя: как-то власти отнеслись к его отказу приехать?.. А в общем, мысль эта не слишком его тревожила.

Но вот однажды в конце марта, возвратясь после обхода капканов, Джейми застал дома Альфонса и его спутников. Все вместе сели обедать, только Эуэсин еще не вернулся. За едой Альфонс рассказал Питьюку и Джейми, как шла торговля.

— Начальник фактории удивился, что у нас столько мехов и мы можем купить так много всякого товара. Но он, конечно, не знает, что тут большая часть для вас и для вашего путешествия в тундру. Да только и он, и священник из миссии много спрашивали про тебя, Джейми. А когда мы уезжали, священник сказал, чтобы мы, кри, не прятали тебя, не то не миновать нам беды от полиции. Но мы не боимся. Только вот что он сказал плохое. Сказал, полиция будет тебя искать, пошлет патруль на собаках, а не найдет тебя патруль — прилетит самолет, который может на лед садиться.

Страх клещами сжал сердце Джейми.

— Патруль на собаках может застать врасплох. А самолет возьмет да и сядет прямо перед нашим домом.

Меня наверняка схватят. Что же делать? Как ты посоветуешь?

Вопрос был обращен к Альфонсу, но ответил Питьюк.

— Что делать? Уезжать нам надо. Уйдем на север от кри, на озера и болота. Верно говорю? Там бобра, ондатры много. Там на ту́кту охотиться будем, на олень. Зиме скоро конец. В палатка жить будем.

— Верно говоришь, Питьюк,— сказал Альфонс.— Если на Север поедете, мы сумеем предупредить вас, когда придет полиция. Они сперва здесь искать будут. Потом к нам приедут. Кри им мало скажут, а что и екажут — не больно им поможет.— Тут Альфонс принялся набивать свою самодельную трубку.— Только зачем вам в палатках жить? На Кэсмирском озере стоит дом Кэсмира. Кэсмир был великий вождь, хоть он и элдели. Дом построил большой, на высоком холме, окон много — чтоб видеть на много миль, кто по его стране ходит. А когда умер, никто не стал в том доме жить; изо всех чипеуэев он один под крышей жил. Деникази, наверно, позволит вам поселиться в том доме. Я поеду к нему на стойбище, спрошу. Вот Эуэсин вернется, собирайте все, что надо, да поезжайте на Север.

На другое утро Альфонс уехал, а когда днем возвратился Эуэсин, в доме все было вверх дном. Большую часть припасов и снаряжения, которые понадобятся для весенней охоты и для путешествия в тундру, уже увязали в тюки; осталось только погрузить их на тобогганы и нарты. Альфонс, верный своему слову, получил для мальчиков разрешение поселиться в доме Кэсмира и послал им в помощь двоих людей своего племени с собачьими упряжками.

Джейми так боялся, что вот-вот нагрянет полицейский патруль, так ему не терпелось поскорей унести ноги, что он даже не мог толком объяснить ошеломленному Эуэсину, из-за чего такой переполох. Но скоро Эуэсин и сам все понял, горячо взялся помогать, и в тот же день после обеда все было готово. Собачьи упряжки двинулись в путь. В сумерках добрались до стойбища кри на Танаутском озере, там и заночевали. Наутро заспешили дальше и, наконец, на восточном берегу Кэсмирского озера, на гребне холма, увидели дом Кэсмира.

Замечательный это был дом — бревенчатый, и бревна не уложены, а поставлены стоймя; к тому же в нем было целых три комнаты. В каждой стене — по два окна, а так

как дом стоял высоко на безлесном холме, выше окружающих холм деревьев, то из окон видно было все окрест миль на восемь, а то и на десять.

Собаки с трудом втащили в гору тяжело нагруженные сани.

— Нелегко будет возить воду из озера, — сказал Эуэсин.

И тут мальчики вдруг осознали, что Анджелина, которая в доме Макнейра всегда сама носила воду, все еще с ними.

А она уже успела растопить печку и старательно выметала мусор, скопившийся здесь за годы после смерти вождя Кэсмира.

Джейми озадаченно поглядел на распахнутую дверь дома.

— Она-то чего ради с нами увязалась? Кто ее звал? — растерянно спросил он.

Ответом было молчание. Да, конечно, никто Анджелину не приглашал. Но никто и не запрещал ей поехать с ними. В суматохе поспешных сборов да и в пути Эуэсин и не задумывался, почему сестра с ними. Питьюк все время помнил, что Анджелина здесь, но уж он-то вовсе не собирался напоминать об этом или предлагать, чтобы ее оставили в стойбище кри. Ну, а Джейми только о том и думал, как бы поскорей убраться с озера Макнейр, — ему было не до Анджелины, тем более что она умела не бросаться в глаза.

Эуэсин невесело усмехнулся.

— Что ж, — сказал он, — звали не звали, а она здесь. Если ты знаешь, как от нее избавиться, попробуй. Ну, а по мне пускай остается — кому-то все равно надо стряпать, а она хотя бы не отравит нас, не то что вы оба, когда приходит ваш черед готовить еду. — Он лукаво глянул на Питьюка. — Что скажешь, Питьюк? Разве плохо, если можно посидеть и отдохнуть, а хлопочет пускай кто-то другой?

— Что скажу? Скажу — оставляйте бедный девчонка в покое, не то возьму опять да как стукну лбами.

— «Бедный девчонка!» — фыркнул Джейми. — Да она обвела вас обоих вокруг пальца! Но я в меньшинстве, так что пускай пока остается.

Анджелина словно бы не подозревала, что за порогом в эти минуты идет жаркий спор о ней. Но, подметая, она тихонько улыбалась.

Они хорошо сделали, что переехали, и причин на то было несколько. В доме Кэсмира они могли не опасаться, что полиция нагрянет к ним неожиданно; к тому же вокруг простирались отличные охотничьи угодья. Земли эти принадлежали чипеуэям, но те из них, кого не унесла болезнь, так ослабели, что промыслять зверя этой весной им было не под силу.

Дня через три после того, как мальчики и Анджелина устроились на новом месте, их навестил вождь Деникази. Поначалу старик сказал только, чтоб спокойно пользовались с этим домом, и землями чипеуэев. В ответ (это придумал Эуэсин) мальчики пообещали отдавать чипеуэям четверть добычи ондатры и бобра — они ведь хорошо понимали, как сейчас нуждаются чипеуэи. Если Деникази и был благодарен, он ничего не сказал им прямо.

— Когда месяц народится, поедете на Север, в тундру? — спросил он. — Каноэ белых не берите. Нехорошие. Тяжелые очень. У элдели каноэ берите. Я сказал.

— По-моему, это значит, он хочет дать нам чипеуэйские каноэ, — объяснил Эуэсин, переведя слова вождя. — Если так, нам повезло. Их каноэ самые лучшие во всем северном крае. Они из бересты. Маленькие, легкие.

— Слушай, Эуэсин, — сказал Джейми, — скажи ему про полицию, что меня искать будут. Пускай знает. Вдруг полиция через эти места поедет!

Эуэсин перевел слова Джейми; суровое лицо старика неожиданно осветилось чем-то вроде усмешки. Он вдруг разразился длинной речью:

— Говорят, белая полиция, они знатные ездоки. У-у! Да только где им с моими равняться. Они по широким дорогам ездят, по большим рекам и озерам. А мои такими дорогами ездят, какие один олень видел. Элдели покажут вам тайные пути, и пускай тогда белые люди вас ищут. Состарятся, зубы потеряют, а никого не отыщут, одних чаек да белок. У-у! Я для них обманных следов понаделаю, как матерый волк.

Настал апрель. Он принес с собой первые признаки оттепели, что начнется в мае. Горячей грело солнце, длинней становились дни. Ребята расставили на болотах и топях капканы; вскоре дом Кэсмира украсили гирлянды из ондатровых и бобровых шкурок. Снова жизнь вошла в колею. Сейчас мальчикам приходилось не так трудно, как зимой: участки, на которых они расставили капка-

ны, были куда меньше. Теперь хватало времени и на то, чтобы поболтать, даже чтобы изредка навестить своих старых приятелей кри на озере Танаут. Кри все время были настороже, но до сих пор не подметили ни единого знака, что в их краях появились чужаки.

Чем ближе подходило время весеннего таяния, тем меньше мальчики боялись полицейского патруля. Они знали, что с середины мая до середины июня, в пору, когда вскроются реки и подтаает лед на озерах, с юга никому сюда не добраться ни на собаках, ни на лодках. А к тому времени, как реки очистятся ото льда, ребята уйдут уже далеко на север и им не страшны будут никакие преследования.

Но Джейми нашел новый повод для беспокойства. Несколько раз Питьюк ухитрялся обойти свои капканы куда быстрее товарищей, причем приносил меньше ондатры. И в этих случаях, когда Джейми и Эуэсин возвращались домой, оказывалось, что Питьюк с удовольствием хлопочет по хозяйству, занимается каким-нибудь чисто женским делом. Однажды он, повязавшись вместо фартука старым мешком из-под муки, перетирал вымытые Анджелиной тарелки. В другой раз нес с озера две большие корзины мокрого белья: он развел на берегу костер и кипятил воду в баке, чтобы Анджелина стирала тут же, а не таскала воду наверх.

Эуэсин начал было его поддразнивать, но всегда добродушный Питьюк сразу мрачнел, обижался, и Эуэсин в конце концов оставил его в покое. Зато чем дальше, тем больше тревожился Джейми. Ведь если Питьюк стал вздыхать по Анджелине, это, пожалуй, помешает летнему путешествию в тундру, а Джейми готов был на все, лишь бы поездка состоялась.

Через несколько дней после того, как Питьюка застигли, когда он помогал Анджелине со стиркой, мальчики собрались на озеро Танаут — навестить кри и запастись новыми лосевыми мокасинами. Джейми решил про себя, что на Кэсмирское озеро они вернутся без Анджелины, но он не принял в расчет ее чутье. Она наотрез отказалась ехать с ними: ей, мол, столько надо чинить одежды, столько стряпать, нет, она никак не может поехать... Ничто, даже трогательные уговоры Питьюка, не заставили ее передумать. В конце концов мальчикам пришлось ехать без нее, но Джейми порядком разочлился.

Они сделали привал у все еще покрытых льдом Кэсмирских порогов, стали кипятить воду, чтобы напиться чаю. Вдруг Джейми не выдержал.

— Слушайте. Май ведь уже. Через неделю, ну, через две надо ехать на Север. Пора нам отделаться от Анджелины. Раньше, в доме Макнейра, она и правда помогала, а теперь от нее одна помеха. Девчонка уже вообразила, будто она с нами на равных. Она еще и на Север захочет с нами ехать.

Эуэсин постарался успокоить друга:

— На Север ей с нами никак нельзя. Мы все это знаем. А если она побудет в доме Кэсмira, пока мы не уедем, — что плохого? После приедет отец и заберет ее.

— А вот что плохого! — вне себя закричал Джейми. — Этот олух, — он показал на Питьюка, который склонился над котелком с чаем, — совсем из-за нее спятил. Дела не делает, капканы забросил, бродит, будто пьяный, толку от него чуть. А на Север поедem, так он и вовсе голову потеряет.

Эуэсин от такого взрыва ярости совсем растерялся. Питьюк же вскинулся, точно от удара ножом. Он выпрямился, повернулся к Джейми.

— Ты мне друг,— раздельно сказал он.— Теперь изменил. Анджелина мне друг тоже. Она не изменила, как ты. Ты мне теперь враг, тогда и я стану тебе враг. Драться хочешь — буду драться.

Джейми вскочил.

— Да ты что, сдурел?! Тебя уму-разуму учить надо!

Эуэсин и моргнуть не успел, как они кинулись друг на друга. Это была борьба без правил, самая обыкновенная драка. Они сцепились намертво, повалились в снег, перекатились через костер, расплескивая чай, разбрасывая уголья. Джейми вцепился Питьюку в волосы и старался ударить его головой оземь, а Питьюк обхватил его поперек туловища ногами и сжимал изо всех сил.

Эуэсин прыгал вокруг дерущихся, пытаясь ухватить их, растащить, но безуспешно — они катались по земле и рычали, словно дикие звери.

Вдруг Эуэсин отступил от них, насторожился, озадаченно поглядел на юг.

— Да бросьте вы! — крикнул он.— Бросьте! Тише! Слушайте! Что там за шум?

Его тревожный, властный окрик отрезвил дерущихся. Они расцепились, сели. У Питьюка была рассечена скула, лицо в крови. На миг все трое замерли, и вдруг Джейми закричал:

— Собаки! Скорей собак и нарты! Надо прятаться! Скорей, черт возьми! Это самолет!!!

ГЛАВА 5

Бегство на Север

К счастью, собак не успели распрячь, трое перепуганных мальчишек мигом вскочили в сани и понесли к густому темному ельнику, до которого от замерзшей реки было рукой подать. Костер уже погас, предательский дымок не поднимался над стоянкой, но все равно Эуэсин кинулся из лесу обратно и забросал черное кострище снегом. Едва он успел вновь укрыться под деревьями, как глухое завывание, что насторожило его, перешло в грозный рев.

Мальчишки скорчились подле собак, со страхом глядя сквозь ветви на оснащенный лыжами одномоторный самолет, с громовым гулом промчавшийся над ними на высоте каких-нибудь трехсот футов. Самолет был так близко, что Джейми казалось, будто взгляды летящих людей

устремлены прямо на него. Он низко опустил голову, теснее вжался в снег. Вдруг вспомнил — и его даже замутило от страха: сани-то они спрятали, а следы ведь остались!

Рокот мотора быстро удалялся, но все-таки с перепуга Джейми загворил шепотом:

— Они увидят наши следы. Увидят и вернутся! Мы пропали... нам не удрать...

Пит்யук сидел на корточках и рассеянно стирал со щеки кровь. Казалось, он вовсе не слышал Джейми. Широко распахнутые, удивленные глаза его были прикованы к бледно-голубому небу, где за беспокойными лохматыми верхушками елей скрылся самолет. Пит்யук впервые в жизни увидел самолет и от изумления не мог вымолвить ни слова. Зато Эуэсин, который тоже никогда прежде не видел самолета, все равно оставался начеку и мигом сообразил:

— Да нет, Джейми. Откуда им знать, в какую сторону ведут следы? И откуда им знать, что эти следы — наши? Но на всякий случай надо уходить от реки, ведь самолет только на реке и может сесть.

Голос друга прозвучал так спокойным, что страх Джейми как рукой сняло.

— Тогда поехали. Быстро!..

Эуэсин вскочил, стал распутывать постромки, которые совсем запутались, когда упряжки неслись к лесу.

— Первым делом, наверно, самолет полетит к озеру Макнейр, — задумчиво сказал он. — Потом на стойбище моего племени. Мои не окажут, где мы. Край наш большой, Джейми. Если никто нас не выдаст, они станут тыкаться во все стороны как слепые. А на Танаутское озеро нам сейчас нельзя. Вдруг самолет опять сядет там на обратном пути. Я так думаю, надо возвращаться в дом Кэсмира. Если самолет поджидает нас там, мы загодя увидим: небо ясное и луна будет.

Пит்யук наконец опомнился от изумления.

— Кто обидит Анджелина, всех убью! — сказал он, да так сказал, что ясно было: и вправду готов убить.

Джейми бросил на него пронизательный взгляд:

— Хватит тебе о ней беспокоиться, Пит்யук. Никто ее не обидит. А вот мы попали в переделку. Слушай, зря мы с тобой дрались. Я виноват. Просто так сболтнул, сгоряча... был сам не свой. Давай про это забудем, Пит. Ладно?

Пит்யук просиял:

— Я быстро забыл. Мы опять друзья. Друзья — хорошо.

Полоса ельника вдоль берега реки была не очень широкая. Уже через полчаса они выехали на открытую равнину, на которой там и сям торчали корявые сосны; снег тут был глубокий, по крепкому, надежному насту можно было ехать очень быстро. Ребята свернули к северу, параллельно реке и восточному берегу Кэсмирского озера. К концу дня они были уже всего в двух-трех милях от дома Кэсмира.

Эуэсин оставил Джейми и Питьюка с собаками, а сам осторожно пошел к берегу озера, стараясь, чтобы его лыжня не пересекала открытые пространства. Через час он вернулся.

— Самолета нигде не видать, на озеро он не садился — его следов нет. Да только дым из трубы не идет, и Анджелины тоже нигде не видать.

Питьюк вскочил, но Джейми ухватил его за руку:

— Ну, что ты, Пит. Она, верно, заметила самолет или, может, услышала и загасила печку, чтоб полиция не увидела дым. А теперь вот что. Мы отведем собак на южный склон холма, там их привяжем. И если нам придется удирать, они будут наготове. А потом потихоньку проберемся к дому и посмотрим, что случилось.

В считанные минуты они объехали холм, привязали собак. И стали осторожно подниматься к дому. Подобравшись совсем близко, Эуэсин тихонько свистнул, но в ответ — ни звука, ни признака жизни. Джейми подшел к дому с торца, заглянул в окно.

— Никого! — удивленно сказал он. — Ни души. Анджелины нет.

Забыв об осторожности, они кинулись к двери. Она оказалась запертой на засов и заколоченной. В полном недоумении, порядком напуганные, они сбили засов и ворвались в дом.

Здесь было чисто прибрано, но пусто. Больше того, несмотря на сильный едкий запах дыма, все выглядело так, будто здесь давно никто не жил. Совершенно сбитые с толку, ребята обошли комнату за комнатой и обнаружили, что все их припасы и снаряжение, приготовленные для поездки в тундру, исчезли. Всюду было почти так же пусто и голо, как несколько недель назад, когда они впервые переступили этот порог. Они стояли в пустом, тихом доме; всем поневоле стало жутко.

— Не пойму,— едва слышно сказал Джейми,— куда подевалась Анджелина и все наши припасы? И не видно, чтоб спешила. Будто тут сто лет никто не жил...

Пит்யук схватил ружье, шагнул к двери, на лице его легла тень тревоги и гнева.

— Что-то случилось, не знаю. Буду узнавать! — крикнул он.

Эуэсин преградил было ему путь, но Пит்யук оттолкнул его. И тут неожиданный звук приковал всех троих к месту — чуть слышный, приглушенный смех.

Джейми круто повернулся, словно в него выстрелили. Вплотную прижавшись к окну, так что кончик носа расплющился о стекло, на них лукаво глядела Анджелина.

Рассказ ее — когда ей наконец дали возможность рассказать — был несложен. Она колола подле дома дрова и вдруг услышала незнакомый шум. Чуть погодя вдалеке, над устьем реки Кэсмир, показался красно-серебристый самолет. Она кинулась в дом, распахнула дверцу печи, вытащила и побросала на пол горящие поленья, залила их водой; весь дом наполнился дымом и паром, и она чуть не задохнулась. Кашляя, ловя ртом воздух, она подхватила лыжи и выбежала из дома; она хотела юркнуть в кусты и кружить там, пока не углядит на льду реки след мальчиков,— тогда она пошла бы за ними вдогонку. Но тут она увидела, что самолет повернул, удаляясь на северо-запад, к стойбищу чипеуэв. Тогда она передумала. Около дома стояли маленькие санки. С яростью отчаяния она принялась собирать вещи, лихорадочно кидала все подряд на санки и отвозила в лес на северном склоне холма. Покончив с этим, она подмела, прибрала в доме, чтобы казалось, будто здесь давным-давно никто не живет. Потом березовым веником подмела вокруг дома, чтобы на снегу не видно было ее следов. Потом спустилась с холма, стала усердно перевозить снаряжение и припасы глубже в кустарник, что тянется к северу. Она трудилась без роздыха, пока не перетащила весь груз почти за две мили. Там она устроила тайник, прикрыла его еловыми ветками, вернулась к холму и спряталась так, чтобы видеть дверь дома. Она совсем выбилась из сил, утрелась в своей оленьей парке и незаметно для себя задремала.

Разбудил ее скрип отворяемой двери. Кто приехал, она не знала. Осторожно подкралась к опушке леса,

а уж там увидела и узнала собак. Она разом успокоилась — значит, мальчишки целы и невредимы, — но не устояла перед искушением незаметно подобраться к дому и ошеломить их.

Когда она все им рассказала, Эуэсин поглядел на нее с нежностью.

— Отец верно говорил, — сказал он, — хорошая ты девчонка, очень смекалистая.

Питьюк так и сиял, не в силах скрыть свое восхищение. Он схватил Анджелину за руку, круто повернул, и оба они оказались лицом к лицу с Джейми.

— Очень прекрасный друг! — крикнул он. — Мы теперь все очень прекрасный друзья — правда, Джейми?

Джейми не мог не улыбнуться:

— Ну конечно, Пит. И Эуэсин верно говорит: смекалистая ты девчонка, Анджелина. Если сюда прилетит самолет, они нипочем не узнают, куда мы делись, да и что мы здесь были, тоже не узнают. — Улыбка вдруг сбежала с его лица. — Анджелина, а они не могли увидеть дым до того, как повернули?

— Не знаю, Джейми. Я развела большой огонь — грела воду для стирки, а дом стоит высоко. Но это было очень недолго, скоро весь дым пошел в дом и мне в горло.

— А все-таки они могли его увидеть, — задумчиво сказал Эуэсин. — Лучше нам отсюда убраться.

— Ничего страшного, — возразил Джейми. — Такие самолеты ночью не летают, а сейчас уже сумерки. Давайте возьмем с саней одеяла и кое-какую еду. Поедим и обсудим, что делать дальше.

Сияя от непривычной похвалы Джейми, гордая своей сообразительностью, счастливая оттого, что все так хорошо удалось, Анджелина поспешно разожгла огонь, всем маленький, из сухих поленьев. А мальчишки тем временем принесли все необходимое. Вечер настал холодный, тепло, распространившееся по дому, было приятно. Но даже после еды, в темноте (а они решили, что зажигать свет опасно) никого не клонило в сон. Слишком они были взбудоражены, и слишком о многом надо было поговорить. Но хотя свое положение они обсуждали не один час, они так и не надумали, как же действовать дальше. Ясно было одно: как только рассветет, из дома Кэсмира надо уходить. И еще: нельзя ехать к Танаутскому озеру, по крайней мере до тех пор, пока они не узна-

ют наверняка, что самолет покинул эти края. Питьюк предлагал сразу же двинуться на Север, в тундру.

— Зачем ждем? Все есть. Собаки хороший, побегут скоро. Лед не успеет таять, мы будем у эскимосы. Тогда полиция сто самолет пошлет — нас не найдет.

Эуэсин не согласился.

— Нет,— упрямо сказал он,— у нас еще есть дела на озере Танаут, а самое главное — каноэ нет. Как летом без каноэ по тундре двигаться? Как без каноэ возвращаться осенью? На санях из тундры на юг пройдешь только зимой. А с Анджелиной как быть? Нельзя ее тут бросить, нельзя ей одной возвращаться на Танаутское озеро. И отцу с матерью надо сказать, без этого не уеду. Я им столько забот и тревог принес — больше не хочу.

Джейми не знал, на чью сторону стать. Ему не терпелось отправиться на Север — он отчаянно боялся попасть в лапы полиции,— однако же понимал, что Эуэсин прав. Меж тем Анджелина тихонько вышла за порог и почти тотчас вернулась.

— Эуэсин! Кто-то едет по озеру! — объявила она.

Мальчики вскочили, кинулись за порог. Небо подернулось дымкой, слабого света луны едва хватало, чтобы различить: по озеру к холму бесшумно движется что-то очень чудное. Впереди словно бы собачья упряжка, за ней маячит что-то непонятное, огромное, а рядом бежит человек.

— Да что ж это такое? — в тревоге спросил Джейми.

— Что бы ни было, а из дома надо уходить,— веско сказал Эуэсин.— Анджелина, печка прогорела? Хорошо. Быстро собирайтесь. Спрячемся у подножия холма!

Уже через пять минут все укрылись в лесу. Скорчившись подле упряжек, сдавленным шепотом грозили собакам, чтоб не смели подать голос. Все напряженно ждали — и скоро услышали скрип полозьев, тяжелое дыхание собак, шлепанье лыж. Потом все смолкло.

Ребятам казалось, тишине не будет конца. Питьюк уже хотел было встать, оглядеться, и вдруг так внезапно, что у всех захватило дух, над ними вырос какой-то человек. В ночи раздался свистящий шепот.

Со вздохом облегчения Эуэсин вскочил на ноги.

— Порядок. Это чипеуэй. Он привез нам вести.

Немного смущенные, все четверо вышли из укрытия (чипеуэй с легкостью отыскал их по следам) и подошли к вестнику. То был молодой охотник Зэбэдис. Скоро все

поняли, почему такой чудной вид у его упряжки. Он привез два четырнадцатифутовых каное из бересты, увязав их одно на другом на длинных нартах.

Все пошли в дом. На сей раз Эуэсин засветил свечу.

— Сейчас не опасно,— уверил он друзей.— Он говорит, самолет остался на ночь в стойбище элдели, белые поставили рядом с ним палатку и спят.

— Разузнай про все! — нетерпеливо воскликнул Джейми.

Несколько минут Эуэсин и Зэбэдис перебрасывались словами. Потом Эуэсин перевел:

— Белых трое. Один полицейский. Один управляет самолетом. И один доктор. Они привезли и Мэдиса — это чипеуэй, который поехал на юг за помощью и чуть не умер на Оленьем озере. Белые велели ему показать дорогу на Север. Он не знал, что у нас тут беда. А когда они сели на Танаутском озере, мой отец улучил минуту и все ему растолковал. И еще отец вот что передал мне через Мэдиса. Велел, чтоб мы спрятали наши меха и уходили на Север, если сумеем. Говорит, полицейский разозлился, что тебя нет ни на Макнейрском озере, ни на Танаутском. Отец говорит, они теперь вовсю примутся тебя искать. Велел нам отослать Анджелину в стойбище Деникази: через несколько дней он сам за ней приедет.

Деникази тоже кое-что передал. Также велит нам поскорей уходить на Север. Он послал нам два каное и Зэбэдиса. Зэбэдис проведет нас к тундре тайными тропами. Сказал, белые видели дым над домом: глядишь, утром сюда прилетят. Надо скорей уходить.

Джейми и Питбюк забросали Эуэсина вопросами, а он переводил их Зэбэдису, но тот прибавил только, что Деникази сдержал слово и постарался сбить белых со следа. Когда белые ушли в свою палатку, со стойбища вместе с Зэбэдисом тихонько выехала еще одна упряжка. Они ехали кружным путем почти до самого Кэсмирского холма, а потом вторая упряжка свернула в сторону. Она пошла серединой северо-западного рукава озера и тем же путем еще до рассвета вернется, так что можно будет подумать, будто след ее начинается от дома Кэсмира. Скорей всего, самолет полетит по этому ложному следу. А тем временем Зэбэдис поведет мальчиков по малым водоемам к реке Пыютхау. По этой реке они пойдут на Север, причем первых два перехода будут делать только по ночам.

— Деникази здорово все продумал! — восхищенно сказал Джейми. — План вроде лучше не надо. Как по-вашему, ребята?

— Все хорошо, — ответил Эуэсин, — только вот одно: как быть с Анджелиной? Не оставлять же ее здесь. И к чипеуэям ей одной тоже идти нельзя...

— А я все равно туда не пойду! — решительно перебила Анджелина. — Может, они и хорошие люди, да только я их не знаю и не останусь у них. Пойду с вами...

— Нет, не пойдешь, — сердито оборвал Джейми.

— Почему «не пойдешь», Джейми? — вмешался Питьюк, который до того почти все время молчал. — Она обед варит, упряжкой правит, гребет тоже. Чем хуже нас? У нас два каноэ, два парень в каждый. Нет, — он слегка покраснел, — два парень в один каноэ, один парень и девушка — в другой.

— К черту! — крикнул Джейми. — Никаких девчонок!

— Не кричи, Джейми, — сказал Эуэсин. — Я знаю, что делать. Пускай она едет с нами первую часть пути, пока Зэбэдис не повернет назад. А тогда он возьмет ее с собой и довезет прямо до Танаутского озера. Я думаю, он не откажется. Сейчас спрошу.

Услышав вопрос Эуэсина, Зэбэдис впервые толком посмотрел на Анджелину. И, как показалось Питьюку, пронзительный взгляд его черных глаз задержался на милом ее лице и стройной фигурке дольше, чем следовало. Наконец чипеуэй обернулся к Эуэсину и кивнул.

— Ладно, свезу ее домой, — сказал он.

Другого выхода у них не было; Джейми волей-неволей согласился. Часом позже путники собрались у тайника, который с таким трудом устроила Анджелина. Все необходимое для путешествия она еще тогда увязала в тюки, которые теперь в два счета погрузили на тобогганы и нарты. И вот четыре упряжки во главе с санями Зэбэдиса, на которых горой высились обе лодки, двинулись по освещенному луной сосновому лесу к поджидавшей их на Севере тундре.

ГЛАВА 6

Зэбэдис

Они пустились в путь уже за полночь, а ведь до свету надо было уйти от дома Кэсмира на безопасное расстояние. Однако двигаться все равно приходилось медленно. Луна хоть и светила, но выбирать до-

рогу в сумрачном сосновом лесу было нелегко. Снег лежал глубокий, а наст совсем тонкий, так что тяжело груженные нарты и тобогган то и дело проваливались; скоро собаки совсем выбились из сил. Ни одного седока они бы не свезли. Даже Зэбэдис, у которого груз был самый легкий (каное весили всего по сорок фунтов), и тот шел впереди упряжки, прокладывая ей дорогу.

Часа в два ночи они добрались до первого звена в цепи маленьких озер, по которым пролегал их путь, и тогда идти стало легче. Анджелина еще накануне устала до полусмерти и сейчас еле передвигала лыжи. Она старалась не отставать, никто не слышал от нее ни единой жалобы. Но когда в конце первого озера сделали короткий привал, Зэбэдис кинул на нее быстрый взгляд и что-то отрывисто сказал Эуэсину.

— Он говорит, у него груз легкий,— сказал Эуэсин сестре.— Говорит, дорога сейчас лучше, ты можешь сесть на его сани. Садись, не то скоро тебя совсем ноги держать не будут.

Слишком измученная, чтобы спорить, Анджелина послушно сняла лыжи, забралась на сани Зэбэдиса и свернула там под оленьей шкурой.

Упряжки медленно перевалили через невысокий, поросший ельником водораздел, спустились к следующему озерку. Но когда они снова выехали на крепкий гладкий лед, Зэбэдис погнал собак быстрее, оставив мальчиков далеко позади. Они не стали беспокоиться — ведь след его саней был ясно виден, но когда они достигли третьего озера, Зэбэдис со своей упряжкой уже окончательно исчез из виду. Увидели они его лишь тогда, когда заходящая луна поблекла в опаловом свете зари, а темно-синий снег стал угрюмо-серым. К этому времени они пересекли глубоко врезавшийся в сушу залив Кэсмирского озера (при этом они держались поближе к берегу, чтобы скрыть свой след) и подошли к другому заливу, от которого начинался волок к бассейну реки Пьютхау.

У волока их ждал Зэбэдис. На его санях все еще крепко спала Анджелина.

— Он спрашивает, пойдем ли мы дальше,— объяснил Эуэсин Питьюку и Джейми.

— По-моему, еще час можно идти,— ответил Джейми.— Вряд ли патрульные полетят не поевши, да и мотор им надо разогреть. Продвинемся еще немного. Уж очень мало мы отъехали от дома Кэсмира.

Так и сказали Зэбэдису. Он кивнул, тотчас крикнул собакам и был таков. Мальчикам пришлось отправиться следом, не дав отдыха ни себе, ни собакам.

Они нагнали его снова на опушке густого темного ельника, на берегу южного рукава Рыбачьего озера. Зэбэдис уже проложил путь в самую гущу зарослей; скоро и сани, и упряжка были надежно укрыты.

Утро настало ясное, светлое — погода самая что ни на есть летная. Чутко прислушиваясь, не раздастся ли шум мотора, ребята позавтракали пресными лепешками и холодной олениной. Все изнемогали от усталости. Покормив собак, расстелили на еловых ветках меховые одеяла и легли. Питъюк и Зэбэдис мигом уснули; скоро их примеру последовали Эуэсин с Анджелиной. Одному только Джейми от волнения не спалось.

Долго он лежал в полудреме. Снег подтаял, большие комья, шурша, упали с еловых ветвей. Джейми сразу очнулся, сердце его громко стучало. Попытался было уснуть, но едва задремал, как снова встрепенулся от далекого, еле слышного звука — будто загудел комар.

На этот раз ошибки быть не могло. Джейми дотянулся до Эуэсина, потряс его. Мальчики сели и молча, вытянув шеи, напряженно прислушивались к далекому жужжанию. Медленно, но верно звук становился громче. Сердце Джейми сжалось: да, конечно, воздушные преследователи напали на их след! Но, по счастью, далекий звук снова стал слабеть. Вскоре тишину вокруг нарушал лишь гортанный крик ворона, парящего высоко в пустынном небе.

— Они пошли по ложному следу, Джейми, — сказал Эуэсин и шумно перевел дух. — Все в порядке. Теперь они нас не найдут.

Понемногу Джейми успокоился и, вконец измученный, погрузился в сон, точно в глубокий колодец. Он проспал почти весь день. Наконец открыл глаза оттого, что кто-то коснулся его лица. То была Анджелина. Она подала ему кружку мясного супа (Эуэсин, осмелев, разжег маленький костер) и робко улыбнулась.

Джейми приподнялся на локте, взял у нее из рук кружку, небрежно поблагодарил. Анджелина отошла, а ему вдруг захотелось узнать, что же она о нем думает: ему стало немного совестно.

На вторую ночь беглецы ушли далеко вперед. Они двигались по реке и озеру Пьютаху; лед покрыт был

твердым пластом прибитого ветром снега, собаки бежали ходко. На время последнего перегона Зэбэдис уговорил Анджелину опять сесть в его сани, потом снова оторвался от остальных упряжек. Они добрались до привала на берегу Гусиного озера почти часом позже него.

Когда мальчики приехали, здесь уже горел костер. Зэбэдиса нигде не было видно, зато Анджелина сбежала с берега им навстречу как-то уж очень явно обрадованная. Эуэсин, который знал нрав сестры куда лучше, чем остальные, был озадачен. Не в ее это характере — так открыто выражать свои чувства. Когда все наскоро поели, а Джейми с Питьюком пошли кормить собак, Анджелина отвела брата подальше и что-то торопливо зашептала ему на ухо. Эуэсин слушал и становился все мрачней и мрачней. Через час из лесу неожиданно появился Зэбэдис: он ходил охотиться на оленя, но вернулся ни с чем. Эуэсин словно бы и не заметил его, Анджелина не стала разжигать для него костер, разогревать еду. Зэбэдис посмотрел на них долгим взглядом, но промолчал. Сам развел огонь, сам разогрел еду и пошел есть в сторонку, там же приготовил себе и постель.

— Что это с Зэбэдисом? — спросил Джейми, укладываясь спать.

— Ничего, — коротко ответил Эуэсин. — Элдели чудной народ. Плохо сходятся с чужими людьми.

— Зачем чудной! — возразил Питьюк. — Этот парень, он все с Анджелина. Почему всегда вперед с ней едет?

— Просто у него груз легче, Питьюк, — ответил Эуэсин. — Да все равно, она теперь отдохнула. Сегодня с ним не поедет. А теперь спать давайте, ведь нам еще ехать и ехать.

Но в этот вечер они не поехали дальше — погода испортилась. Случись это вчера, они бы только радовались, а сегодня ненастье оказалось совсем некстати. Задул резкий северо-восточный ветер, повалил снег, а к концу дня начался настоящий буран, так что о ночной езде нечего было и думать. Мальчики поставили палатку, у входа развели большой костер и устроились очень уютно. Только Зэбэдис не пожелал к ним присоединиться, хотя Джейми знаками радушно его зазывал. Отчужденность, чуть ли не враждебность чипеуэя его встревожила.

— Наверно, мы чем-то ему досадили, — сказал Джейми, когда все уютно укутались в одеяла из шкур. — Не

нравится мне это. Вдруг он разобидится, возьмет да и бросит нас, а мы ведь не знаем дороги.

— Пускай бросит,— громко сказал Питъюк.— Не надо его. Скоро лес кончается, дальше мой земля. Я нахожу дорогу.

— Но ведь пока мы еще в лесу, Пит. Нам без него не обойтись. Что с ним случилось? Ты не знаешь, Эуэсин?

Эуэсин быстро переглянулся с Анджелиной, но только покачал головой:

— Да ничего. Все будет хорошо. Ты о нем не беспокойся, Джейми.

К утру буран утих. Все сытно позавтракали, не спеша выпили по второй кружке чая и решили двигаться среди бела дня. Погода для езды выдалась отличная. Буран прибил снег, а верхний слой подтаял на солнце как раз настолько, чтобы образовался наст, по которому легко скользили сани. В такой день можно было продвинуться далеко вперед.

Но как раз в этот день их на каждом шагу подстерегали неожиданные помехи и препятствия. Дважды Зэбэдис словно бы сбивался с пути, давал крюку, упирался в тупик — в губу, из которой не было другого выхода. Один раз он вдруг остановился, схватил ружье и на целый час скрылся среди кустов в погоне за оленем, хотя мальчишки не сомневались, что никакого оленя тут не было — он его просто выдумал. И еще того хуже: через каждые час-два он требовал останавливаться и кипятить чай.

Питъюк откровенно радовался, что Анджелина идет с ним рядом у последних саней, и ему горя было мало, что они двигаются так медленно, а вот Джейми отчаянно волновался. Эуэсин молчал, на лице его ровным счетом ничего нельзя было прочесть.

Часа в три дня они вышли с восточного края озера Рыжий Сосунок, пересекли невысокую гряду холмов и, оставив позади бассейн реки Пьютхау, приблизились к новому озеру, которое, как не сразу и неохотно сказал им Зэбэдис, называлось Озером Мертвых. Оно тянулось к востоку, а посреди него стоял голый каменистый островок. Как только они вышли из еловой чащи и спустились к озеру, Зэбэдис остановил сани и выпряг собак, показав этим, что на сегодня путь окончен. Джейми с помощью очень неохотно переводившего на сей раз Эуэсина, пытался уговорить его, но безуспешно. Зэбэдис уго-

ворам не поддавался. Наконец, когда Джейми примирился было с тем, что вторая половина дня потеряна, Зэбэдис небрежно кивнул в сторону Анджелины и на свистящем своем языке что-то быстро пробормотал.

Лицо Эуэсина не выразило никаких чувств.

— Он говорит, пускай Анджелина едет с ним. Говорит, в этих местах злые духи, а она приносит удачу, с ней легче отыскать дорогу.

— Ну и пускай едет! — запальчиво сказал Джейми. — Это ж лучше, чем идти пешком. Раз он верит во всяких там духов и удачу, пускай от девчонки будет толк.

Лицо Эуэсина стало суровым.

— Она моя сестра, не собака! Она не хочет с ним ехать, ей нельзя приказать. — Лицо его смягчилось. — Не сердись, Джейми, но лучше ей с ним не ехать.

— Да почему? Все равно ж она поедет с ним обратно, к Танаутскому озеру.

Эуэсин отвернулся и стал снимать со своих нарт остатки оленьей ноги.

— У нас кончается корм для собак, — сказал он, переводя разговор на другое. — Я видел сегодня много следов оленя. Остановимся здесь, сходим на охоту — чем плохо?

Питьюк внимательно прислушивался к их разговору, но ничего не сказал. Выражение лица у него стало совсем непривычное. Дружелюбия как не бывало. Он вдруг обернулся к Анджелине.

— Этот парень плохо тебе говорил? — резко спросил он. — Обижал тебя, да?

Анджелина так яростно замотала головой, что в длинные ее волосы замелькали блики угасающего солнца.

— Да что ты, Питьюк! Поди-ка помоги мне собрать ветки для костра. Или, знаешь, наколи льда, будет вода для чая.

Озадаченный и раздосадованный Джейми посмотрел им вслед.

— Девчонки! — чуть ли не злобно пробормотал он, пожал плечами и принялся разгружать нарты.

Зэбэдис неподвижно сидел на своих санях. Черные глаза его так неотступно следили за Анджелиной, что будь Джейми проницательней, он бы многое заметил и понял. Но Джейми поглощен был одним — как бы поскорей отъехать подальше от Кэсмирского озера. Где уж

ему было уловить, что происходило между проводником и братом с сестрой!

Ночь настала тихая, безветренная; уже ощущались первые признаки весенней оттепели. Путники не стали разбивать палатку, а просто забрались под меховые одеяла. Никто за этот день особенно не устал, и они принялись разговаривать о крае, по которому странствовали. Питъюк рассказал, как эскимосы попытались однажды завязать отношения с белым торговцем, который держал факторию на Танаутском озере.

Самый могущественный и деятельный из эскимосов, по имени Кейкуми, решил поехать к этому торговцу, хотя эскимосы смертельно боялись и чипеуэев, и сумрачных лесов, в которых они жили. Кейкуми отправился в путь среди зимы; он запряг двенадцать больших эскимосских собак, нагрузил сани шкурками белых лисиц. Ехал он западным берегом озера Ньюэлтин-туа — чипеуэи называют его Озером Спящих Островов — и быстро продвигался на юг.

Потом от одного залива Кейкуми свернул по реке. Она привела в край лесов, и в первую ночь, которую предстояло провести в лесу, он разбил лагерь на невысоком каменистом острове посреди озера, откуда открывался вид во все стороны. Один во вражеской стране, он спал, конечно, очень чутко. На рассвете одна его собака заворчала, и он вмиг проснулся.

В бледном свете утра он увидел семь собачьих упряжек, семь нарт, все они двигались по льду прямо к нему. Кейкуми сразу увидел, что правят упряжками чипеуэи, но не пытался ни бежать, ни занять оборонительную позицию. Он спокойно разжег костер, подвесил котелок с водой и, безоружный, ждал чужаков, которые промчались по льду и остановились у подножия острова.

Их было девять, все чипеуэи. Поначалу они держались на расстоянии, потом, уверившись, что Кейкуми здесь в одиночестве, подошли к костру. Один дерзко откинул шкуры, что прикрывали груз мехов. Другой пнул ногой одну из собак Кейкуми. Пес огрызнулся, и чипеуэй ударил его по голове прикладом.

Кейкуми не знал языка чипеуэев, но догадался, о чем они говорят. Скоро трое принялись вскрывать его тюки с мехами, а трое других медленно двинулись вокруг костра, чтобы оказаться у него за спиной.

Кейкуми не стал терять время даром. Под паркой у него было спрятано магазинное ружье. Кейкуми выхватил его, упер о бедро... Индейцы опомниться не успели, как он выстрелил ближайшему в живот. Раненый вскрикнул и повалился наземь, а Кейкуми обернулся и выстрелил в одного из тех, кто подбирался к нему сзади.

Оставшиеся в живых чипеуэи перепугались. Кинулись к своим упряжкам, а Кейкуми аккуратно сажал пулю за пулей в лед, по которому они только что пробежали. Через десять минут индейцы были уже на дальнем берегу озера и скрылись в лесу, оставив Кейкуми целого и невредимого, со всеми его мехами, в обществе двух мертвецов. Кейкуми не притронулся к убитым и поехал дальше; добрался до фактории, а потом благополучно вернулся домой. Слух о его подвиге распространился по лесам, точно пожар. Ни в тот раз, ни во время других своих поездок на юг он не встречал больше ни одного чипеуэя.

Зэбэдис, казалось бы, не прислушивался к рассказу Питьюка, но несколько раз, когда упоминалось имя Кейкуми, быстро взглядывал на рассказчика. Питьюк это заметил.

— Этот парень, он вроде знает про Кейкуми. Скажи ему, что я сказал, Эуэсин. Скажи все, что на это озеро случился, и еще скажи, Кейкуми — мой дед.

Эуэсин с видимым удовольствием передал суть рассказа. Зэбэдису явно стало не по себе. Он беспокойно переводил взгляд с Эуэсина на Питьюка, а когда Эуэсин сказал, кем приходится Питьюку Кейкуми, Зэбэдис сбросил с себя шкуры, в сердцах плюнул в угасающий костер и гордо удалился в темный лес. Вернулся он, когда все, кроме Питьюка, уже спали.

Но едва он закутался в свои шкуры, Питьюк встал и подбросил сучьев на уголья. Костер разгорелся, стало светлей. Тогда Питьюк достал из саней свое ружье и начал неторопливо, старательно его чистить. При этом он то и дело задумчиво поглядывал в сторону: по сгустившимся в том месте теням он угадывал, где лежит Зэбэдис.

Потом тихо, почти шепотом, Питьюк запел песню эскимосов. То был странный, загадочный напев, словно заклинание, словно призыв к умершему. Однообразный, нескончаемый, он вновь и вновь нарастал и вновь затихал, терзая душу. Время от времени в песне звучало имя Кейкуми, и всякий раз при этом Питьюк щелкал затвором.

В слабом, мерцающем свете костра все это выглядело очень внушительно. А когда костер совсем погас и все опять погрузилось во тьму, Пит்யук усмехнулся про себя. «Уж этому-то чипеуэю сегодня будет не до сна», — с судовлетворением подумал он и уютно закутался в шкуры.

ГЛАВА 7

Ньюэлтин-туа — Озеро Спящих Островов

Джейми спал беспокойно и проснулся первый. Полежал немного, наслаждаясь теплом своего мехового гнездышка, потом сел, огляделся. Эуэсин и Анджелина спали у нарт, которые защищали их от ветра. По другую сторону погасшего костра под горой меховых одеял спал Пит்யук. Зэбэдиса не было видно.

Поначалу Джейми не придавал этому значения, подумал, что тот пошел поохотиться или набрать сучьев для костра. Но вдруг сообразил, что одеял его тоже нет на месте. Тогда Джейми встал и поглядел на берег, где спали собаки. Упряжка Зэбэдиса исчезла — ни собак, ни саней... Обе лодки лежали на сугробе, видно, сброшенные второпях.

— Вставайте! — тревожно закричал Джейми. — Вставайте, эй, вы! Зэбэдис смылся!

Из груди шкур высунулась рыжая всклокоченная голова Пит்யюка.

— Где мылся? — озадаченно спросил он. — Зачем?

— Сбежал он, дурак ты! — сердито крикнул Джейми. — Эуэсин! Вставай!

Все трое мальчишек торопливо натянули меховые чулки и мокасины, кинулись к берегу замерзшего озера. Сомнений не было. Поверх следа, который оставили накануне их сани, они ясно различили след саней Зэбэдиса.

— Скорей, — требовал Джейми, — давайте запрягать! Может, мы его догоним.

Эуэсин внимательно разглядывал след.

— Нет, Джейми, — спокойно ответил он. — Зэбэдис уехал давно. А даже если мы его поймаем, как заставим ехать назад?

Джейми был взбешен.

— Это все ты! — обрушился он на Пит்யюка. — Ты и твои дурацкие байки. Напугал его до смерти, вот он и удра. Ну, как мы теперь пойдем дорогу? И как... — лицо

у него стало совсем растерянное, — как теперь отделаться от Анджелины?

— Я так не хотел, Джейми, — довольно кротко ответил Питьюк, — не знал, что он так боялся. Хотел от Анджелины его отогнать. Пускай от нее отставал...

— Это правда, — перебил Эуэсин. — И Питьюк еще не все знает. Я не хотел вам обоим говорить. Ты бы разозлился на Анджелину, а Питьюк сцепился бы с Зэбэдисом. Два дня назад, когда он укатил так далеко вперед, он кое-что сказал Анджелине. Он не так уж и виноват. Он молодой, хотел жениться, а та девушка умерла весной в эпидемию. Ну, вот он и хотел взять Анджелину в жены. А когда она отказалась, он, может, и не захотел нам больше помогать. В общем, хорошо, что он уехал. Если бы вы сказали, чтоб она возвращалась с ним, мне пришлось бы самому везти ее домой.

— Жалко, я не продырявил ему башка! — вскипел Питьюк. Потом по лицу его расплылась улыбка. — Он, верно, думал, я стрелял, как Кейкуми. Сейчас буду рассказывать... — И он описал им представление, которое разыграл ночью на страх Зэбэдису.

Эуэсин посмеялся, и даже Джейми не выдержал, улыбнулся. Но тотчас опять помрачнел.

— Да, вам хорошо веселиться, а ведь он нас без ножа зарезал. Повесил нам на шею Анджелину, и как ехать отсюда до тундры, мы совсем не знаем.

— Как ехать? Почему не знаем? — возмутился Питьюк. — Не бойся. Тот рассказ я сказал, все правда. Много раз его слышал. Кейкуми этот дорога шел. Пойдем на восток, там Озеро Мертвых. За ним еще один озеро, элдели его зовут Ньюэлтин-туа, а потом на Север. Я дорога легко найду.

Пока они все это обсуждали, подошла Анджелина и заговорила прямо с Джейми:

— Мне тоже очень жаль, Джейми. Я никому не хотела доставлять хлопот, никому бы не сказала про Зэбэдиса, только брату. Если хочешь, чтоб я вернулась, я пойду домой одна, на лыжах. А еду возьму в заплечном мешке, на дорогу хватит.

Джейми чуть было не хлестнул ее злым словом, но, увидев, что в темных глазах девушки блеснули слезы, прикусил язык.

— Понимаешь, — смущенно сказал он, — по-моему, не дело брать тебя в тундру. Там может быть здорово труд-

но. Но, конечно, нельзя тебе возвращаться одной к Та-наутскому озеру, так что, выходит, надо тебе ехать с нами.

Когда Джейми умолк, Эуэсин и Питъюк заулыбались. Эуэсин — оттого, что все уладилось, а Питъюк — просто от счастья. Час спустя они дружно сидели вокруг костра, завтракали овсяной кашей, пресными лепешками и чаем. Так хорошо и весело им давно уже не было.

Снимались с лагеря на этот раз особенно бодро и деловито. Перераспределили груз, кое-что из нетяжелого снаряжения перетащили с длинных саней Питъюка на нарты, а на его сани поверх всего остального привязали канюэ, причем вложили одно в другое и сняли с них банки. Решено было, что упряжкой Питъюка будет править Анджелина, а Питъюк пойдет впереди всех на лыжах — будет прокладывать путь.

Собакам словно тоже прибавилось сил. Они сразу пошли ходко и скоро поравнялись с каменистым островком посреди озера. На вершине островка торчали двумя остроконечными пирамидками серые шесты, точно каркасы двух вигвамов. Эуэсин прикрикнул на своих собак; они побежали быстрее, пошли вровень с санями Джейми.

— Старые могилы чипеуэев, — сказал Эуэсин, кивнув в сторону «вигвамов». — Видно, Питъюк не сказки рассказывал.

Озеро Мертвых оказалось невелико. Через час они достигли уже того места, где брала начало покрытая в эту пору льдом речушка. Полчаса они мчались по ней, как вдруг перед ними до самого горизонта распахнулось огромное ледяное поле.

Сани и нарты остановились. Четверо путешественников, стоя рядом, смотрели на необъятные просторы Нью-элтин-туа. На юге серая ледяная пустыня переходила в бесчисленные, поросшие лесом острова. На севере тоже виднелось множество островов, но голых, без единого деревца. Черные, крутолобые, они горбились на льду, точно спины спящих мастодонтов.

— Вон там начинается мой страна, — гордо сказал Питъюк, указывая на север.

— Поехали, — заторопил Джейми. — Поглядите на небо. Если пурга застанет нас на открытом месте, нам несдобровать.

По белесому небу неслись белые длинные космы облаков, точно косяк серебристой сельди, а за ними на востоке вспухали зловещие черные тучи.

— Пожалуй, сильная пурга будет,— сказал Эуэсин.— Лучше нам не уходить далеко от берега.

Все согласились, что это самое разумное; они двинулись вдоль берега большого залива, который вытянулся к северу, упираясь в цепь безлесных холмов.

Скоро поднялся ветер, взметнул и погнал перед ними сухой снег. Небо быстро темнело. К полудню его сплошь затянуло тучами. Путникам непременно хотелось уйти как можно дальше, пока не началась пурга, и потому на обед они не остановились, а просто на ходу пожевали холодные лепешки. Добрались до края залива, свернули на восток, огибая холмы, и теперь ветер стал дуть им прямо в лицо. Черные тучи разразились не снегом, как они ожидали,— внезапно стал хлестать обжигающий холодом ливень.

Упряжки понеслись к берегу, но там почти негде было укрыться. Густые ели и сосновые леса бассейна Пьютхау остались позади, а здесь попадались только одинокие малорослые, искривленные ветром деревца. Кое-как укрыться можно было лишь за расколотыми морозом валунами. И когда удалось наконец поставить палатку, все уже промокли насквозь. Пока они с немалым трудом набрали сучьев и веток для костра, сгустились сумерки, а едва удалось развести огонь, дождь и ветер вновь его погасили, не дав вскипятить воды для чая. Тогда все отказались от напрасных усилий и забрались в палатку, где Анджелина постаралась постелить самые сухие одеяла.

Ночь прошла прескверно, но хотя путникам было холодно и неуютно, они не падали духом. Края палатки билась и хлопала под порывами ветра и потоками дождя, а ребята сидели, тесно прижавшись друг к другу, натянув на плечи меховые одеяла, и, чтоб разогнать тоску, пели. У Анджелины оказался на редкость чистый, звонкий голосок. Брат уговорил ее спеть несколько песен, которым она научилась в школе.

Только Петьюк, всегда такой добродушный и веселый, сейчас что-то приуныл. Джейми принялся его поддразнивать, назвал филином, и он заставил себя улыбнуться.

— Лесной край — твой край,— объяснил он.— Ты там вел, я за тобой шел, не заботился. Теперь мой край пришли. Ты здесь мало знаешь. Теперь вся забота моя.

Скоро реки растают. Потом лед плохой на маленький озера. Потом на большой тоже. Нам на стойбище иннуит надо скорей, скорей надо, застрять можем. Этот дождь нам плохо. Много воды будет в речках.

— Что верно, то верно,— согласился Джейми.— Но, по-моему, мы успеем. Озеро еще не скоро растает. Долго нам по нему идти, Питьюк?

— Два дня, может, три. А потом еще по маленький речкам, по озерам, по тундре.

— Дождь сейчас уже не очень сильный,— сказал Эуэсин.— Может, перестанет скоро. Надо бы немного поспать.

— В такой палатке только рыбам спать,— проворчал Джейми.

Однако скоро все задремали.

Утро наступило сухое, теплое, дул южный ветер, и небо над головой расчистилось. На рассвете все четверо, замерзшие, одеревеневшие, усталые, вылезли из палатки. Питьюк разжег костер. Наскоро выпив горячего чаю, поев жареной оленины, запрягли послушных собак и двинулись в путь.

После дождя по льду растеклись мелкие лужи, покрывавший его снег превратился в жидкое месиво. Но для нарт такая дорога была хороша; собакам, кажется, также не терпелось поскорей уйти на Север, как и их хозяевам. Весь день путники упорно продвигались вперед, лишь дважды останавливались у берега — наломать ивовых прутьев для костра, вскипятить чай и перекусить. Около полудня они миновали горловину озера Ньюэлтинтуа, вступили в его северную часть — и здесь окончательно распрощались с деревьями. Перед ними расстилались неоглядные просторы тундры, теперь им лишь изредка будут встречаться чахлые ивы, что жмутся ко дну иных, укрытых от ветра долин.

В этот день, прежде чем остановиться на ночлег, они прошли двадцать миль — неплохой переход; ведь сани у всех были перегружены, так что ни мальчики, ни Анджелина ни разу не могли присесть. Всю дорогу шли, вернее, почти все время бежали. На завтра — то был шестой день путешествия — они тоже сделали большой переход. Ночью подморозило, но днем мороз отпустил, оттепель продолжалась. Питьюк становился все озабоченней и гнал

вовсю; быстрее не могли бы двигаться ни собака, ни человек. В этот вечер они стали лагерем у залива, что вдавался глубоко в северо-западный берег озера.

Непомерная спешка начала уже сказываться на ребятах: у них хватило сил лишь на то, чтобы кое-как перекусить и забраться под меховые одеяла. Собаки были голодны — запасы оленины подходили к концу, а на всем пути по озеру мальчики не встретили ни одного оленя.

По-весеннему теплая погода, видно, решила держаться. Этой ночью морозец был совсем слабенький, а утром в чистом, безоблачном небе поднялось ясное жаркое солнце. И опять, как только ребята открыли глаза, Питъюк их заторопил.

— Солнце горячий очень, — тревожно хмурясь, говорил он. — Может, на маленький реки лед уже треснул.

Они ехали по заливу (а он повернул теперь почти прямо на запад), из-под полозьев саней били фонтаны, ибо кое-где талые воды уже покрывали лед на несколько дюймов.

— Здорово, что у нас есть каноэ, — сказал Джейми Эуэсину (их упряжки шли рядом). — Еще один такой день — и они нам понадобятся. А не то придется учить собак плавать.

Эуэсин собрался ответить шуткой на шутку, как вдруг увидел, что Питъюк повернул назад, поднял руку, давая Анджелине знак остановиться, и спешит к ним. Все упряжки подъехали к саням Питъюка.

— Скорей ружья берите, — распорядился он. — За мысом олень много. Анджелина, ты здесь стой. Собак держи, шуметь не давай.

Мальчики выхватили ружья из меховых чехлов и побежали под укрытие невысокой каменной гряды. Добежали, медленно, осторожно взобрались на невысокий гребень, заглянули на другую сторону.

Десятью футами ниже, всего в какой-нибудь сотне шагов от них, почернелый лед залива почти скрылся под могучим потоком карибу. Чуть не тысяча оленей длинными извилистыми вереницами переходили залив с юга на север. Они шли медленно, одни самки, почти все с большими животами — ведь наступало время отела.

Зрелище это так заворожило Джейми и Эуэсина, что они забыли про ружья. С десятков верениц переходили залив прямо перед ними, другие спускались на лед с хол-

мов. А дальше, к северу, все холмы были испещрены и расчерчены бесчисленными вереницами карibu. Каждую цепочку — а в иных было до сотни голов — вела старая оленуха, которая, наверно, уже в двадцатый раз проделывала этот весенний переход в тысячу миль.

— Зачем ждем? — нетерпеливо сказал Питьюк. — Нам тоже скорей на Север надо. Буду стрелять.

Он вскинул ружье, вмиг прицелился и выстрелил. Грохот выстрела далеко раскатился над ледяной гладью озера, но олени точно и не слышали. Одна нетельная самка упала на колени, попыталась подняться — и повалилась на бок. Те, что шли за нею, чуть посторонились, обошли ее. Несколько оленух замешкались было, вытянули голову в ту сторону, откуда раздался выстрел, и, фыркнув, пошли дальше своей дорогой.

— Оленуха когда на Север идет, телиться хочет, никто не остановит, — объяснил Питьюк. — Волка не боится, человека не боится. Идет, никто не остановит.

Несколько минут спустя он доказал свою правоту. Мальчики вернулись к Анджелине. Все четверо погнали упряжки прямо на оленей. Голодные собаки совсем обезумели. Джейми не справился со своей упряжкой: она оторвалась от него и пошла вскачь колесить по льду, а он бежал далеко позади, крича до хрипоты, тщетно приказывая собакам остановиться.

Но олени просто расступились, пропуская упряжку, а когда она повернула и погналась за одной оленухой, та припустила галопом, далеко опередив своих преследователей. Потом снова ровной рысцой повернула на север. Собаки Джейми кидались во все стороны и вскоре совсем запутали построжки. Они вдруг остановились, уже не в силах сдвинуться с места. Когда Джейми, запыхавшись, подбежал к ним, вся упряжь так переплелась, что он минут двадцать истошно кричал на собак, сыпал пинками, пока наконец, обливаясь потом, не разделил сбившихся в клубок псов. А тем временем Эуэсин и Питьюк разрубили и разделали тушу убитой оленухи, погрузили мясо на сани и подъехали к Джейми.

Увидав спутанную упряжь, Питьюк горестно покачал головой:

— Может, когда и выучишься собаками править, — сказал он. — Бывает, белый человек правит хорошо, только долго ждать надо. Борода седая вырастет.

Джейми все никак не мог перевести дух. Он лишь сердито хмыкнул вслед Питьюку, а тот уже гнал свою упряжку к концу длинного залива.

глава 8

Наперегонки со временем

Северо-западный залив озера Ньюэлтин упирался в забитую снегом долину, что тянулась на запад, извиваясь меж высоких голых холмов. Не сбавляя скорости, Питьюк вывел упряжки на лед реки, текущей по этой долине. Лед был неровный — в буграх и впадинах; растаявший снег образовал кое-где лужи в добрый фут глубиной.

Так они проехали несколько миль. Вдруг Питьюк остановил упряжки и осторожно пошел вперед, простукивая лед прикладом ружья. Скоро он вернулся очень встревоженный.

— Под ледом река быстро бежит, — сказал он. — Растопляет лед снизу. Очень тонкий стал лед. На берег идти надо.

— По берегу не пройти, — возразил Джейми. — Вот снегу сколько, да мягкий, пушистый, муха и та провалится.

— Может, река не тот? — неуверенно сказал Питьюк. — Эта на запад течет, большой. А нам надо на северо-запад и поменьше. Он по равнине течет, не по долине. Может, спешил я очень? Может, назад надо идти, смотреть надо?

Обидно было возвращаться, но что поделаешь. Повернули назад и через два часа вновь выехали из устья большой реки на лед залива. Тут все остановились, а Питьюк, взобравшись на холм, стал оглядывать северный берег залива. Когда он, скользя, спустился к остальным, тревога на его лице уже сменилась обычной усмешкой.

— Нашел! — ликующим голосом объявил он и повел их к маленькой бухте, скрытой за цепью островов.

Нужную им речку они увидели, лишь обогнув последний на их пути остров.

— Да как ты сумел ее найти, Пит? — спросил Джейми.

— Реку не видел, Джейми. Вон что видел... — И Питьюк показал на гребень одного из островов.

На фоне неба высилась груда камней фута в три высоты. Случайному взгляду она и в самом деле показалась бы обычной каменной грудой, в тундре то и дело натыкаешься на беспорядочные нагромождения камней — остатки отступивших древних ледников.

— Это инуко́к, каменный человек, — объяснил Питьюк. — Эскимосы делал. Много инукок делал, по вся тундра. Дорогу показывает. Этот, верно, Кейкуми делал. Теперь дорога знаю.

Хотя день был уже на исходе, Питьюк не дал им передохнуть, не дал даже согреть чаю. Собаки устало потянули сани, и устало побрели дальше путники.

Новая река оказалась всего-навсего неглубоким ручьем; он вел из залива на северо-запад, петляя по холмистой равнине, пересеченной длинными каменистыми грядами, с которых снег уже совсем сошел. В заснеженных долинах лежали бесчисленные озерца, по краям они оттаяли, и между берегами и ноздреватым льдом чернели полосы воды.

Ехать по Маленькой речке, или Мики́ку (так ее называл Питьюк), было нелегко. Лед таял и трескался, да к тому же на каждом шагу торчали валуны. Всюду разлились талые воды; ребята ясно слышали зловещий рокот реки, что бежала у них под ногами, под тонким, ненадежным льдом.

Сани их, напоминавшие тобогганы, были плохо приспособлены к такой дороге: они днищем плотно прилегали к земле, а значит, толкали перед собой тяжелое талое месиво. Весь груз скоро промок. А сани Питьюка, сделанные на эскимосский лад, на высоких полозьях, легко прорезали талый снег, и груз оставался сухим.

У всех четверых ноги промокли до колен, от ледяной воды застыли, околенили. И вдруг Анджелина, которая мужественно шла наравне со всеми, не проронив ни слова жалобы, соскользнула в глубокую полынью и по пояс погрузилась в воду.

Эуэсин проворно ее вытащил и объявил, что сегодня они дальше не пойдут.

— Хватит, — устало сказал он. — Я знаю, надо спешить, да только так мы загоним собак.

И Питьюк сдался:

— Ладно, лагерь разбивать будем. Холм хороший, песчаный. Может, дерево найдем, костер будем зажигать.

Все принялись разгружать сани, раскладывать вещи на склоне песчаного пригорка, а Питьюк тем временем сбегал вверх по течению и скоро вернулся с большущей охапкой добела высохшего хвороста.

— Раньше тут лес всюду был,— сказал он, когда его спросили, где он раздобыл такую драгоценность.— Давно-давно деревья умер. Почему — не знаю. Лес стоит, не гниет. Для костра очень хороший.

Сухое дерево это, сохранившееся здесь с незапамятных времен, когда климат был теплее и леса еще не отступили к югу, горело жарким белым пламенем. Над мокасинами, меховыми одеялами, носками, развешанными на камнях и палках вокруг костра, закружился пар.

Ребята сытно пообедали олениной, жаренной на открытом огне. Так как небо было ясное, палатку решили не ставить. Хорошая еда, сухая одежда, отдых восстановили силы путешественников. Джейми, Эуэсин и Анджелина взобрались на вершину песчаного холма — поглядеть на новые для них просторы.

Анджелина впервые видела настоящую тундру. Перед лицом этих неоглядных далей, бесконечной холмистой равнины, каменистых кряжей, широких долин, которые тянутся чуть не до края света, она не сразу обрела дар речи.

— Нет, не нравится мне тундра,— тихо сказала она и поежилась.— Большая очень.... и пустая.

— Она не пустая,— возразил Эуэсин.— Вон сколько там точек, будто камни. Видишь? Немножко движутся, да? Это олени. Вот она где, оленья страна. Зимой они приходят к нам, в леса, но это ненадолго, а дом их здесь. В прошлом году, когда мы с Джейми ездили с Дениками на Север, мы столько оленей встречали — иногда прямо проехать не могли. Нет, здесь не пусто.

Скоро, накормив собак, к ребятам подошел Питьюк. За последние день-два он как будто даже изменился внешне: словно раздался в плечах, стал выше ростом, сильнее, увереннее в себе. Он стоял сейчас рядом с ними, рыжие волосы его трепал ветер; он вытянул шею и смотрел вперед, на север, будто вожак, вынюхивающий добычу. Веселый, беспечный мальчишка, которого зимой знали Джейми и Эуэсин, уступил место юноше с уверенным взглядом голубых глаз, юноше, который знает, что делает и чего хочет.

— Мой край! — с гордостью сказал Питъюк. — Здесь тукту живет и иннуит. Олень и люди. Хорошо!

Джейми усмехнулся, легонько ткнул друга в бок:

— Ты как туристский гид говоришь, Пит. А я тебе вот что скажу. Не очень-то мне нравятся дороги в твоём драгоценном краю.

Питъюк ответил без улыбки.

— Дороги плохой, — согласился он. — Поздно едем. Сани сейчас нехорошо. Каное рано. В такой время эскимос на месте сидит. А нам идти надо... быстро идти. Может, лучше спрятать немного тюки здесь?

— Дельно, — согласился Эуэсин. — Лед сейчас тает быстро. А с нашим грузом нам и десяти миль в день не сделать.

Вернувшись в лагерь, они принялись разбирать припасы и снаряжение, раскладывать их на две кучи, чтобы одну оставить здесь, а другую взять с собой. Мальчики везли два ящика патронов, несколько мешков муки и три ящика чая в подарок эскимосам, которые выручили Джейми и Эуэсина прошлой зимой, когда они заблудились в тундре. Большую часть этих припасов вместе с чаем, салом, мукой, патронами, запасной одеждой и многим другим ребята уложили высоко на песчаном холме, надежно укрыли шкурами карибу, а сверху завалили камнями. Питъюк сказал, что, как только река освободится ото льда, эскимосы приплывут сюда на каяках и переправят весь этот груз в свое стойбище.

Ночью сильно похолодало, от мороза наст опять затвердел. Облегченные сани быстро скользили по узкой извилистой Маленькой речке. Еще засветло путники добрались до истоков речки, до водораздела, за которым реки текут уже на север. Под защитой этого водораздела, с гребня которого дружелюбно глядели на мир несколько инукоков, разбили лагерь.

— Холод продержится — за один день стойбище иннуитов приедем, — радостно объявил Питъюк.

Но в тундре погоду не угадаешь. Ночью ветер переменялся и принес с юго-запада теплынь. Перед рассветом начался ливень. Когда путники стали спускаться по Гусиной реке, из близлежащих долин хлынули талые воды. Река бежала, не только подо льдом, но и поверх него. Скоро все и вся окончательно промокли. Ребята попытались было подняться из русла реки и пойти берегом, но не могли пробраться через мокрые снега, лежа-

шие в долине. Волей-неволей пришлось вернуться к реке, но двигаться по ней можно было лишь очень осторожно: лед стал совсем тонкий, едва выдерживал тяжесть саней или человека. Об остановке же Пит்யук и слышать не хотел.

— Ехать надо, — твердил он. — Лед ломаться будет. Тогда сани не поедешь.

Через каждые несколько миль река расширялась, образуя озерцо. Тут ехать было легче, но скоро и крохотные эти озерца стало опасно переезжать: собаки уже не раз проваливались в полынью, и тогда приходилось далеко, осторожно обходить опасное место.

В сумерки они все еще шлепали по Гусиной реке; но членг опять был холодный и неудобный. Наутро все чувствовали себя так худо, что Пит்யуку никак не удавалось их поднять. Вялые и понурые от усталости и холода, они наконец двинулись в путь. Около полудня небо посветлело, а немного погода берега расступилась и путникам открылись просторы большого озера.

— Круглое озеро! — закричал Пит்யук. — Теперь хорошо. Скорей вперед!

На душе у всех полегчало; перекинув длинные сани Пит்யука, точно мостки, через полоску воды у берега, ребята вышли на озерный лед. Отрезанный от берега, где разгулялись и все пропитали талые воды, он был сухой, двигаться по нему было легко и удобно. Даже собаки приободрились. Караван помчался на север. К концу дня через горловину вышли в другую часть озера. И вдруг Пит்யук, сильно всех опередивший, громко закричал. Услышав в этом крике радость, все стали жадно вглядываться вперед.

— Смотрите! — воскликнула Анджелина. — Там люди!

На длинном низком мысу, протянувшемся от западного берега, стояли пять приземистых, островерхих чумов. До них было не меньше мили, но все равно ребята разглядели, какая там поднялась суeta. Собаки носились взад-вперед, люди выскакивали из чумов и бежали к берегу.

— Верно! — с трудом переводя дух, крикнул Эуэсин, видя, что его собаки почуяли запах стойбища и припустили вскачь. — Вот теперь познакомимся с эскимосами — едоками сырого мяса. Держись, сестричка, как бы тебя не съели.

Стойбища ихалмиутов

Первой на берег въехала упряжка Питьюка, и сразу же ее окружило такое множество мужчин, женщин, детей и собак, что и сани и Питюк скрылись из глаз, будто их захлестнул коричневый вал. Джейми и Эуэсин тем временем вновь обрели власть над своими взбудораженными собаками и остановили упряжки в сотне ярдов от стойбища. Втроем — Анджелина посередине, мальчики справа и слева от нее — смотрели они на шумную встречу, которую устроили соплеменники Питьюку, но ближе не подходили.

Их удерживала не застенчивость, а что-то более серьезное. То был и не страх — они знали, что эскимосам им бояться нечего. Скорее чувство у них было такое, словно они перенеслись из одной эпохи в другую, откатились на бесчисленное множество веков назад и очутились в невообразимой древности, среди невообразимо древнего народа.

Еще прежде чем отправиться на Север, они знали, что эскимосы удаленных от побережья областей тундры живут очень замкнуто и совсем не связаны с миром белых людей. Питюк рассказывал, что лишь очень немногие чужаки побывали у ихалмиутов, народа малых холмов, как они себя называют. Правда, иной раз кто-нибудь из самых отважных эскимосов отправлялся в дальний путь, в факторию, оттого-то к ним и попадали ружья и иные товары. Вообще же ихалмиуты жили совсем как их предки во времена, когда даже Европа была еще лесной чащобой и населяли ее одни лишь кочующие охотники.

Ощущение это—будто они вдруг перенеслись в древний и чуждый мир — было так сильно, что и Анджелина и оба мальчика просто не понимали, как быть и что делать. Они еще долго стояли бы на льду точно истуканы, но Питюк наконец вырвался из смеющейся толпы и повернулся к друзьям.

— Зачем стоите? — крикнул он. — Иннуита боитесь? Вот еще! Идите скорей, знакомить буду с мое племя!

Порядком смущенные, Эуэсин и Джейми повели упряжки к берегу. Анджелина шла за братом, чуть не наступая ему на пятки. Как нарочно, словно для того, чтобы еще сильнее смутить юных путешественников, эски-

мосы вдруг будто онемели, выстроились в ряд и в мертвой тишине пристально, пытливо смотрели на подходящих к ним незнакомцев.

Кликнув двух эскимосских парнишек, Питьюк кинулся навстречу друзьям, каждому пареньку передал по упряжке (чтобы между непривязанными эскимосскими псами и ездовыми не началась драка), а сам схватил Анджелину и Джейми за руки и потащил к эскимосам.

Он подвел их прямо к огромному, как медведь, длинноволосому старику, чье широкое, иссеченное морщинами лицо расплылось в улыбке, открывшей обломки темных зубов.

— Это Кейкút, — сказал Питьюк. — Когда мой отец умер, вместо отца мне стал.

Джейми застенчиво улынулся, протянул старику руку. Но тот посмотрел озадаченно — он явно не знал, что с ней делать. Джейми густо покраснел и отдернул руку.

— Я его с прошлой зимы запомнил, — грубовато сказал он. — Как поживаете, мистер Кейкút?

Питьюк захохотал, согнулся в три погибели; не сразу ему удалось взять себя в руки. Наконец он выпрямился и закричал:

— Кейкút не белый начальник! Эскимос! Рука не пожимает, «как поживаете» не знает. Нос тереться! Вот смотри!

Он круто повернул Анджелину к себе лицом, вытянул шею и потерся носом об ее нос; глядя на них, эскимосы громко, весело расхохотались. Напряженного молчания как не бывало, эскимосы толпой окружили приезжих. Мужчины и женщины брали их за руки, хлопали по плечам, смеялись, что-то быстро, непонятно говорили — шум поднялся оглушающий.

— Вот это да... — шепнул Джейми Эуэсину. — Как расходились-то!

— Они напугают Анджелину до смерти, — сказал Эуэсин. — Погляди, как она уцепилась за Питьюка!

Путешественников увлекли к самому большому чуму. Он был сделан из скобленных шкур карибу, сшитых и натянутых на каркас из тонких шестов. Конусообразный, он был около двадцати футов в поперечнике и футов двенадцать высотой. Анджелину и мальчиков провели, вернее, протолкнули внутрь; здесь было просторно, светло. В глубине чума пол застлан был толстым слоем

одеял из оленьих шкур мехом наружу. Меховая одежда, инструменты из оленьего рога, лук, стрелы, множество каких-то непонятных предметов свешивались с шестов каркаса и валялись на полу.

— Садитесь,— пригласил Питъюк своих друзей.— Сейчас большой еда будет. Для гость всегда большой еда, потом много разговор.

— А где твоя мама, Питъюк? — спросил Эуэсин.

— В стойбище на Кейкут-озеро,— ответил Питъюк и объяснил, что его племя живет в трех стойбищах, меж Круглым озером и рекой Кейзон, которую эскимосы называют Иннуит Ку — Река Людей. Так разделились они для того, чтобы широким фронтом стать на пути оленьих стад, идущих на север, и тем самым добывать как можно больше оленей.— Пуля нет для ружья,— закончил он.— Охотятся с лук и стрелы. Много не убьешь. Эта зима все был сильно голодный.

Появилась немолодая женщина с круглым улыбчивым лицом, черные волосы, зачесанные назад, открывали широкий лоб, их придерживал блестящий медный обруч. Женщина внесла глубокую деревянную миску с супом, в котором плавали какие-то коричневые куски. Поставила миску перед гостями и ушла. В дверной проем вдруг просунулись головы по меньшей мере десятка ребятишек; большими круглыми глазами серьезно и зачарованно глядели они на приезжих и на еду.

— Вареные оленьи языки,— объяснил Питъюк.— Мы надо все съесть. Самый лучший еда на стойбище. Весь нам отдали. Не съедим — горевать будут.

Языки оказались необыкновенно вкусными, да к тому же все четверо проголодались, так что слова Питъюка никого не испугали. Но не успели еще ребята разделиться с языками, как появились две женщины. Одна несла старое ведро, а другая — миску. Ведро было до краев полно рыбьими головами — они плавали в воде и глядели на мир бессмысленным взглядом. В миске грудой высились жареные оленьи ребра.

— Ух ты! — воскликнул Джейми.— Они что, думают, мы это все съедим?

— Надо есть,— сказал Питъюк.— Эскимосы весь еда отдал. Нельзя обижать эскимосы, Джейми.

— Да ведь я тогда сам себя обижу или помру. Тут еды на целый полк. И лучше бы рыбы закрыли глаза. Терпеть не могу есть, когда на меня смотрят,

Прошло полчаса. Эуэсин, Джейми и Анджелина наелись так, что, казалось, вот-вот лопнут, и, обессилив, с трудом переводя дух, откинулись на оленьи шкуры. Один Питьюк не сдавался. Он обгладывал ребра карибу одно за другим и правой рукой кидал их в дверь; ребятишки, не спускавшие глаз с пирующих, пригибались; кости вылетали наружу, собаки набрасывались на них и уносили в зубах.

Мало-помалу, поодиночке и по двое, в чум стали сходиться взрослые. Скоро Питьюк так увлекся разговором, что забыл о еде. Ему было что порассказать эскимосам, а им — что порассказать ему, ведь с тех пор, как он отправился с Джейми и Эуэсином на юг, в лесные края, прошло почти полгода.

Джейми, Эуэсина и Анджелину пока оставили в покое, и они были этим очень довольны. Передышка дала им время освоиться с незнакомым обиходом эскимосского стойбища.

Меж тем другие женщины внесли железные котелки с чаем. Чай привез Питьюк, эскимосы его не пили уже больше года. Чай — главное лакомство эскимосов; в этот вечер они выпили, наверно, литров тридцать пять.

Время от времени Питьюк оборачивался к своим товарищам, коротко пересказывал, о чем идет беседа.

Много толковали о том, что с кем произошло за эту зиму, но немало говорили и об оленях: что их становится все меньше, что зима была голодная, — а еще о том, какая жизнь была в тундре в старину.

— Давний-давний время, — рассказывал Питьюк друзьям, — ихалмиуты жили еще дальше на север, у большой озера Энгикүни. Тогда много было эскимос, очень много. Стойбище большой был, наверно пятьдесят чум. Когда Кейкут совсем ребенка был, белый люди приплыл каное по реке, а в стойбище пошел большой болезнь. Почти все помер...

Тут его прервали другие эскимосы. Наконец поток речей приостановился.

— Теперь праздник будет, — сказал Питьюк. — Эскимосский праздник. Очень весело. Вот увидите!

На дворе смеркалось; одна из женщин принялась зажигать плошки из мыльного камня, в которые налит был растопленный олений жир. Фитилями служили жгуты из шелковистой неприхотливой пушицы, что цветет повсюду за Полярным кругом. Коптилки горели чистым, ярким

пламенем, освещая темные улыбающиеся лица эскимосов, тесно набившихся в чум.

Старик Кейкут вытащил деревянный обод, футов трех в поперечнике; на обод была туго натянута оленья кожа.

При виде этого огромного бубна эскимосы одобрительно зашумели и потеснились к стенам, оставив посредине свободное место. В чуме все гуще клубился табачный дым: Питьюк раздал пачки табаку всем мужчинам и всем женщинам, и теперь они раскуривали трубочки из мыльного камня.

Кейкут, шаркая ногами, вышел на середину. В меховых штанах и парке, он сейчас еще больше походил на добродушного медведя. Держа бубен в левой руке, он завертел его и при этом палочкой, которую держал в правой руке, постукивал по ободу. Наконец он подобрал нужный ритм, склонился над бубном и запел, переступая ногами в такт музыке.

Дикая, пронзительная песнь эта состояла из множества коротких строк; после каждой все собравшиеся хором подхватывали, причитая: «Ай-я-я-я-й, ай-я-я-я...»

Это было так странно, непривычно, что сначала у Джейми пошел мороз по коже. Но понемногу мерный рокот бубна захватил и его, и, сам того не заметив, он присоединился к хору. Он видел, что Эуэсин и Анджелина не сводят глаз с Кейкута и тоже подхватывают припев вместе со всеми.

Но вот песня кончилась. Кейкут передал бубен другому эскимосу, и тот тоже запел. Так продолжалось до тех пор, пока каждый мужчина не спел свою песню. Между песнями пили чай — чай лился рекой. Табачный дым становился все гуще. Наконец одна из женщин приподняла боковую полу чума, чтобы впустить свежий воздух. Оказалось, вокруг чума лежат на животах мальчишки и девочки и слушают, что происходит у старших.

Пение кончилось. Питьюк повернулся к своим гостям.

— Теперь вы, — строго сказал он. — Пойте для эскимосы.

— Ой, нет! Только не я! — воскликнул Джейми, но Эуэсин не стал отказываться.

Он поднялся, серьезный и важный, шагнул на середину чума и запел. Песню эту Джейми никогда прежде не слышал. Было в ней что-то древнее, первобытное, прорывался порою какой-то нечеловеческий вопль, словно

отзвук иных времен, голос ушедших в небытие, забытых людских племен.

Эуэсин пел, в чуме стояла мертвая тишина, а едва он кончил, все громко, восторженно закричали, хотя никто не понял ни слова. Да на что им были слова? Мелодия и сама внятно говорила о том, что было им так близко,— о бескрайних северных просторах, о загадочных существах, которые неведомы белому человеку, о горе и радости, о любви и смерти.

— Что за песню ты пел? — требовательно спросил Джейми, когда Эуэсин вновь сел с ним рядом. — Я не слышал таких песен ни от одного кри.

Эуэсин смущенно улыбнулся:

— Старая песня старого народа, Джейми. При белых мы таких песен не поем — они не поймут. Они просто за-тыкают уши да иногда смеются. А здешние люди, они понимают.

Джейми немного обиделся: не такой уж он тупица, чтоб не понять песню. Когда Питьюк снова потребовал, чтобы и он выступил, он поднялся и несмело протиснулся на середину.

Все взоры обратилась на него, а он глубоко вздохнул, двумя пальцами одной руки зажал нос, а другой рукой сжал горло.

И вдруг тишину прорезал звук не менее странный и жуткий, чем те, что уже слышались здесь сегодня, — пронзительный, дрожащий и жалобный вой. Ошеломленные эскимосы замерли, а из тьмы, обступавшей чум, в лад этой дикой музыке взвыли и вновь постепенно затихли ездовые собаки.

Наконец Джейми опустил руки и прошел на прежнее место. Было тихо-тихо. Никто даже не кашлянул. Потом Питьюк громко, одобрительно закричал, и все остальные эскимосы к нему присоединились.

— Что это было такое? — крикнул Эуэсин в самое ухо Джейми. — Ты меня прямо напугал! Вот уж не думал, что белые так могут.

Джейми расплылся в улыбке: он был очень доволен впечатлением, которое произвел на всех его номер.

— Не одни кри да эскимосы умеют петь дикие песни, — гордо сказал он. — Это волынка. Ну, вернее сказать, подражание волынке. Меня отец научил, еще когда я был маленький. А раньше я вам не показывал, потому что... ну, потому что боялся, вы меня засмеете.

Выступление Джейми было гвоздем вечера. Эскимосы хлопали его по спине и все разом что-то говорили. Питьюк предложил Джейми еще порадовать публику. Успех был неслыханный.

Джейми изобразил «Шотландского волынщика», а потом «Нашего леса цветы». Замолчал он, лишь когда совсем охрип.

Наконец он сел. Какая-то женщина поднесла ему большую кружку чая, а Питьюк потрепал его по плечу и сказал:

— Ты инук, Джейми, эскимос. Все наши говорят: лучше тебя нет певец. Может, женишься на эскимосской девушка и останешься здесь, а? Знаменитый человек будешь!

От сдержанности и напряженности, которые поначалу сковали гостей, не осталось и следа. Даже Анджели-на, которая все время сидела тихо, как мышь, и только настороженно осматривалась, и та оживилась. Она под- села к молоденькой эскимоске — своей сверстнице, и каж- дая с любопытством изучала, рассматривала одежду

другой, хоть они не могли обменяться ни единым словом. Изредка Анджелина робко, но вместе с тем гордо поглядывала на Питъюка: вот он какой стал среди своих, настоящий мужчина! Питъюк поймал один такой взгляд и ответил ей широкой, счастливой улыбкой. Анджелине стало совсем хорошо и радостно.

Еще задолго до полуночи у гостей начали слипаться глаза. Но празднику не видно было конца. Теперь в бубен одна за другой били женщины, а там дошел черед и до детей: у каждого была своя песня. Ели вареную и жареную оленину. Поток чая не иссякал. Затеяли игру в «кроватьку»: мастерили разные узоры, перехватывая надетую на пальцы бечевку.

Под конец Джейми уже не в силах был сопротивляться сну. Он стал клевать носом. Заметив это, Кейкут своим хриплым голосом о чем-то распорядился. Гомон затих. Эскимосы тихонько потянулись к выходу; скоро в чуме остались только четверо путников, Кейкут, его жена и их взрослый сын Белликари.

— Теперь спать будем, — сказал Питъюк своим друзьям. — Все спать у задняя стена, под шкура тукту.

Слишком сонные, чтобы смущаться тем, что спать придется вот так, в общей постели, Джейми и Эуэсин сбросили с себя верхнюю одежду и забрались под шкуры. За ними последовал Питъюк, потом Кейкут и Белликари. Анджелина и жена Кейкута свернулись в своем уголке общего ложа. Последняя лампа мигнула и погасла, в становище ихалмиутов воцарилась тишина.

ГЛАВА 10

Иннуит Ку — Река Людей

Измученные долгой дорогой и вчерашним сидением допоздна, мальчики и Анджелина спали как убитые, а проснулись, когда утро было уже в разгаре. Совсем еще сонные, они вылезли из-под шкур и увидели, что в большом чуме, кроме них, нет ни души. Они оделись, вышли.

Их ошеломила невообразимая кутерьма. Эскимосы бежали взад-вперед, перетаскивали грузы, волокли к саням собак, кричали, смеялись и все друг другу мешали. Тут же носились дети, гонялись за убегающими собаками. Там, где вчера стояли пять чумов, теперь оставался один чум Кейкута. На месте остальных были только связки шестов да груды оленьих шкур.

— Что это здесь творится? — спросил Джейми Питьюка.

— Едем становище моей матери, — объяснил Питьюк. — Весь люди едут. Время ехать Иннуит Ку, всем собираться большой становище. Скоро лед сойдет, олень тогда не может бегать всюду. Будет переходить реки, где узкий места. Люди пойдут туда на каяках, большой охота будет.

К ним подошел Кейкут и повел к своей жене — она разожгла костер из мха и прутьев. Над костром висел железный котел, в нем что-то кипело и шипело. Женщина приветливо улыбнулась, выудила из котла куски вареного мяса, подала им безо всяких тарелок. Мясо было горячее. Джейми стал перебрасывать свой кусок с ладони на ладонь. Начал есть и обжегся.

— Вот это называется походный завтрак, — пробормотал он. — А все равно здорово, — поспешно прибавил он, перехватив колючий взгляд Питьюка.

Эуэсин усмехнулся:

— Прошлой зимой в Потаенной долине ты был не такой неженка. Помню, ел мясо руками, да бывало, что и сырое.

— Может, я достану из саней наши жестяные тарелки? — предложила Анджелина.

— Нет, сестричка. Здесьний народ с тарелок не ест. Не годится показывать, что им чего-то не хватает.

Позавтракали быстро, и Питьюк повел ребят по становищу. Мальчики не могли глаз отвести от собак: великопные рослые псы были чуть не вдвое крупней лаек лесного края, притом удивительно нарядной масти — в черных и белых пятнах. Эуэсин спросил, почему эскимосы не привязывают их, когда они не в упряжке. Сразу видно, что у этих собак хороший нрав, заметил он еще.

— Потому что непривязанные, — объяснил Питьюк. — Тебя на привязи долго держать, ты тоже злой станешь. Эскимосский собака свободен, как эскимос. Потому и веселый, как эскимос.

Мальчикам очень понравились и эскимосские сани — такие же, как у Питьюка, только гораздо больше. Нарты Кейкута были двадцати футов длиной, массивные полозья соединялись поверху десятком коротких поперечин. Увидев, как велики эти нарты, какой на них громоздится груз, Джейми даже присвистнул. Он откровенно не верил, что собаки сдвинут такую махину с места, но, ког-

да Кейкут и Белликари запрягли всех своих восемнадцать собак, недоверие его рассеялось. Собаки впряжены были не гуськом, как в лесных краях. У каждой была своя отдельная постромка, так что упряжка могла разойтись перед санями весером.

Последним на сани Кейкута погрузили какой-то странный предмет футов пятнадцати длиной (чум сложили еще прежде). То была частая изогнутая решетка из ивовых прутьев, прикрепленная сыромятными ремнями к длинным тонким еловым жердям. Она походила на скелет гигантской рыбыны.

— Каяк,— объяснил Питьюк, заметив, как удивленно и пытливо смотрит Эуэсин.— Приедем к Иннуит Ку, Кейкут берет олений кожи, кроет каяк, тогда очень хорошо плавает.

Над становищем разнесся крик Кейкута, и все как один обернулись к нему. Огромные его парты готовы были двинуться в путь. Эскимосы один за другим стали подъезжать к нему поближе. Старухи и маленькие дети уже сидели поверх поклажи; женщины помоложе и дети постарше с тючками за спиной приготовились идти пешком. Кое-кто надел выючные седла на еще не подросших собак, которым не приспело время ходить в упряжке. Несколько таких собак тащили за собой маленькие травой — подобие салазок: к двум длинным шестам ремнями привязан был небольшой щит с легкой поклажей. Пять-шесть совсем молодых собак — вчерашние щенята — вольно резвились между нарт, под ногами у людей.

Картина была веселая, но от нее веяло чем-то древним, первобытным. Толпа людей в звериных шкурах, воющие псы, необозримый простор холмистой тундры под белесым весенним небом — все было такое, как сотни, а быть может, и многие тысячи лет назад.

Мальчишки и Анджелина вместе со своими упряжками присоединились к Кейкуту. Старик щелкнул над головами своих собак длиннейшим бичом — подал знак отправляться в путь. И тотчас караван тронулся.

Продвигались медленно, потому что во многих местах снег уже стоял. Нарты двигались не быстрее идущих рядом женщин и детей, но никого это, видно, не заботило. Все перебрасывались шутками, смеялись, а когда один из юношей, желая похвалиться своим искусством править упряжкой, неосторожно выехал на некрепкий лед и по самую шею провалился в воду, все остановились и весе-

ло, необходимо захохотали. Сам пострадавший, едва выбрался на прочный лед и переоделся во все сухое, тоже присоединился к общему веселью.

До становища, куда они направлялись, было всего восемь миль, но к озеру Кейкут, откуда уже видны были чумы, добрались лишь в сумерки. Все жители становища вышли навстречу прибывшим. Джейми, Эуэсину и Анджелине снова пришлось претерпеть обряд знакомства и одолеть щедрое угощение, только на этот раз пировали в чуме Эпитны, матери Питьюка.

Эпитна была еще молода и хороша собой, хотя, пожалуй, слишком полная. Жила она вместе со своим женатым братом Оухото, дядей Питьюка,— коренастым крепышом лет тридцати пяти. Когда Оухото увидел Питьюка, он обхватил его по-медвежьи, поднял над землей и, как тот ни вопил и ни брыкался, донес на руках до чума Эпитны, а она стала тереться носом об нос сына, радостно похлопывая его по спине.

Эскимосы, приехавшие с Кейкутом, не ставили чумы, а разошлись по жилищам своих друзей. Всюду сразу стало тесно: ведь в четырех чумах теперь размещалось чуть не сорок мужчин, женщин и детей. Но никого это не смущало, а вечером все собрались в одном чуме, и празднество снова затянулось до поздней ночи. Эуэсину, Джейми и Анджелине это уже оказалось не под силу; они не хотели никого обижать, но все же выскользнули из чума, юркнули к своим саням, и только собрались было достать меховые одеяла, как вдруг, откуда ни возьмись, появились Питьюк с Оухото.

— Вы что?! — возмутился Питьюк. — Мать думает, не нравится вам. Печальный стала. Все эскимосы печальный. Назад идите, слышите?

Эуэсин и Джейми переглянулись. Джейми пожал плечами.

— Ничего не поделаешь, дружище, — шепнул он. И сказал Питьюку: — Мы просто хотели взять одеяла, Пит. И сейчас же назад.

— «Одеяла»! — фыркнул Питьюк. — На что они? Сколько людей рядом спать лягут, тепло будет!

— Угу, вот этого я и боялся, — пробормотал Джейми, но Питьюк не услышал.

Эту ночь Джейми запомнил надолго. На длинном широком ложе спали бок о бок девять человек. Со всех сторон слышались храп, бормотание, вздохи, посвистывание,

точно в котельной. Мало того, кое в ком из эскимосов си-лушка играла и во сне. То вдруг кто-нибудь пнет Джей-ми в бок, то заедет локтем в ухо, а один раз чья-то ручи-ща хлопнула его по губам — да, тут уж не соскучишься! Анджелине больше повезло: женщины спали спокойнее, но даже у нее наутро, когда можно было наконец встать с этой общей постели, лицо было усталое, а глаза сов-сем провалились.

И вот опять ребята смотрят, как эскимосы снимаются с лагеря: все, кто жил у озера Кейкут, тоже решили от-правиться к реке Кейзон.

— Мы обрастаем людьми прямо как снежный ком,— сказал Джейми Эуэсину и Анджелине.

Анджелина призадумалась.

— Верно, Джейми,— сказала она.— Интересно, сколь-ко народу будет спать сегодня на одной постели?

— Даже подумать страшно! — проговорил Джейми.

Но им повезло. Следующая стоянка была у северного конца озера Кейкут. Когда они дошли до места, оказа-лось, что здешние эскимосы накануне уже снялись с ме-ста и поехали дальше. Так что в эту ночь все выпались, и даже Питьюк, казалось, радовался свежему воздуху, простору, возможности завернуться в свое собственное одеяло.

На другой день еще до полудня неровный ряд саней и людей пересек полосу суши по ту сторону озера Кейкут и вышел к высоким, обрывистым берегам Иннунт Ку. Для Джейми и Эуэсина то была торжественная мину-та — они снова оказались на большой реке, которая в прошлом году унесла их на Север, к необычайному при-ключению.

Иннунт Ку была сейчас совсем не такая, какой они видели ее в прошлый раз,— ее сковало льдом. Но талые воды оторвали лед от берегов, вздулись под ним; он трескался, раскалывался, огромные глыбы наползали на берег. И под беспокойным этим покровом грозно рычали рвущиеся на волю воды.

— Лед, того гляди, тронется,— почтительно и со страхом сказал Эуэсин.— Не хотел бы я в этот час ока-заться на реке.

Но двигаться по реке нечего было и думать. Кейкут повел всех на Север по восточному берегу. Около полу-дня он объявил привал, и все разошлись собирать топли-во для костра.

Джейми и Эуэсин ушли подальше от реки за ивовыми прутьями, оставив Анджелину и Питьюка у саней. И вдруг промерзшая земля у них под ногами задрожала. Послышался глухой, раскатистый рев; ребята испуганно поглядели друг на друга, а рев уже перерос в оглушительный грохот.

— Река! — крикнул Эуэсин, и они помчались к стоянке.

Когда они добежали, глазам их представилось устрашающее зрелище. Талые воды, что скопились в реках и озерах на протяжении сотен миль, наконец вырвались из оков. Река вся вздыбилась. Громадные льдины выпирали из воды, громоздились, рушились, содрогаясь, отрывались друг от друга, и течение уносило их прочь. А потом с верховий, грохоча, надвинулась стена льда и воды футов в двадцать высотой и ринулась, кажется, прямо на зрителей.

Прижав к себе Анджелину, Эуэсин во все глаза смотрел, как несется к ним могучий ледяной таран. Джейми что-то кричал, но голос его затерялся в чудовищном треске и громе воды, льда, камней. Ледяные глыбы толщиной футов по десять взлетали высоко в воздух и падали в воду, поднимая фонтаны брызг и ледяных осколков. Ледяная пыль искрилась, мерцала над сорвавшейся с цепи могучей рекой, точно алмазный туман.

Все полчаса, пока яростный поток не унялся, эскимосы будто вросли в землю. И когда Кейкут наконец велел раскладывать костры и готовить еду, даже эскимосы и те принялись за дело молчаливые, подавленные.

— Зиме конец, — сказал Питьюк, когда ребята пили чай. — Для эскимос хороший время пришел. Гляди! Летит!

Он показал в небо — над рекой неровным клином летела на север стая диких гусей.

Караван медленно продолжал путь. Снег сходил, обнажая камни и болота; собаки с трудом тащили нарты. Нередко эскимосам приходилось им помогать: люди с криками хватались за постромки, тянули наравне с псами. Лишь к концу дня на восточном берегу разлившейся широко, точно озеро, Иннуит Ку показались островерхие чумы.

Это было место главного летнего становища. Здесь ихалмнуты собирались, чтобы перехватить оленей-сам-

цов, которые уходили на север несколькими днями позже самок. Теперь, когда прибыл караван Кейкута, здесь собралось двенадцать семей, шестьдесят человек, — остатки некогда многочисленного народа, населявшего бескрайние северные равнины.

Племя это жило когда-то повсюду по берегам извилистой Реки Людей, что несет свои воды долгих четырехста с лишним миль. Последними из своего народа были эти немногие, ибо Река Людей превратилась в Реку Теней, и могучий край обезлюдел.

ГЛАВА 11

Илайтутна

Вот уже несколько недель мальчики и Анджелина жили в эскимосском становище. Хотя реки вскрылись, но ледоход еще не кончился, плыть в каное пока было опасно. На заполярных равнинах весеннее таяние идет слишком бурно; снежные топи, вздувшиеся озера, набухшие водой болота обратили весь этот край в непроходимое месиво, так что и по земле пути тоже не было.

Хоть молодым путешественникам и не терпелось добраться до заветного тайника — могилы викинга, но невольная задержка оказалась им не в тягость. Очень уж интересно было жить среди эскимосов.

Джейми, Эуэсин и Анджелина скоро почувствовали себя среди ихалмиутов как дома, однако настояли на своем — поселились отдельно в своей палатке. Гостеприимство эскимосов оказалось немного утомительным. Но ребята опять и опять делили с ними трапезу: редкие гости были нарасхват, а радушие хозяев неисчерпаемо.

Питались эскимосы почти одной олениной; стряпали из нее разнообразные блюда, а иногда ели сырую. В первые дни мяса не хватало, потому что у эскимосов кончились патроны, а без них трудно убить достаточно оленей. Но Питюк недолго думая повел Джейми и Эуэсина на охоту, а когда они вернулись, убив шесть упитанных оленей, их встретили торжественно, как могучих охотников. Добыча эта пришлась тем более кстати, что эскимосам надо было обтянуть кожей каяки, чтобы подготовиться к встрече самцов, а хороших шкур не хватало.

Джейми и Эуэсин с жадным любопытством смотрели, как Кейкут ладил свой каяк. Сперва он два дня вымачи-

вал в реке только что снятые шкуры, потом дочиста отскоблил с обеих сторон, снял волос и жир. После этого кожи стали походить на пергамент. Тогда он снова их намочил, осторожно натянул на остов каяка, а три женщины накрепко их сшили. Сшивали они сухожилиями, костяными иглами, работали так искусно, что швы совсем не пропускали воду.

Просохнув, кожи сели, натянулись туго, как на барабане.

И вот однажды утром Кейкут решил испытать свой каяк. Он без труда его поднял — каяк, можно считать, ничего не весил, — отнес к озеру, осторожно спустил на воду, и легкое, как пушинка, суденышко поплыло. Кейкут вошел в воду, ловко вскочил в каяк, взялся за двухлопастное весло и стремительно заскользил по озеру.

Казалось, ну что тут трудного? И когда Питьюк лукаво намекнул, что одни лишь эскимосы умеют управлять каяком, Эуэсин неосторожно принял вызов.

Питьюк потихоньку шепнул об этом одному, другому, третьему. Когда Эуэсин спустился на берег, он с ужасом увидел, что тут собрались чуть не все эскимосы. Стараясь ни на кого не глядеть, он натянул кожаные сапоги — высокие, выше колен, да еще непромокаемые — и вошел в воду.

Забраться в каяк оказалось труднее, чем он думал, глядя со стороны. При первой попытке Эуэсин опрокинул суденышко набок, и оно порядком черпнуло воды. Эуэсин, помрачнев, вытянул его на берег, вылил воду и приготовился начать все сначала. На этот раз он решил не шагнуть, а вскочить в скорлупку, и это было удалось. Но тут каяк накрепился влево, и Эуэсин чуть не вывалился.

Джейми, Питьюк и толпа эскимосов потешались вовсю. Пока бедняга Эуэсин силился обуздать капризное суденышко, они вперемежку со взрывами хохота засыпали его добродушными советами. Наконец он обрел равновесие и ударил веслом по воде. Каяк понесся с такой скоростью, что Эуэсин только рот раскрыл от удивления, а зрители на берегу так и покатались со смеху. Теперь Эуэсин не знал, как остановиться. Каяк прыгал по ледяным водам озера, а Эуэсин греб изо всех сил, стараясь повернуть его к берегу. Описав огромный пеловый круг, он сумел наконец направить длинный ост-

рый нос каяка к берегу. И почти тотчас одним концом весла принялся тормозить, но чересчур сильно. Не успел он перехватить весло, как лодка перевернулась вверх дном, а сам он ушел под воду. В следующий миг голова его вынырнула из воды, и он по-собачьи поплыл было к берегу. Однако тотчас лицо его выразило полнейшее недоумение. Он перестал работать руками, медленно встал на ноги — вода едва доходила ему до колен!

Питьюк больше не мог сдержаться. Давясь от смеха, сч катался по берегу, но вот, спотыкаясь о подводные камни, Эуэсин выбрался на берег, ухватил его за ногу и поволок к воде. Питьюк не сопротивлялся — он совсем ослабел от смеха. Голова его скрылась под водой, а когда он вынырнул, отфыркиваясь водой точно кит, эскимосы совсем зашлись от восторга.

Каяк выудили и высушили, а потом Джейми предложили показать, как им управлять. Джейми вежливо, но решительно отказался, а в душе дал себе слово, что по доброй воле нипочем не ступит в утлое это суденышко.

Однажды, примерно через неделю после приезда в летнее становище, Оухото, который всякий день ходил пешком к югу, вернулся до крайности взволнованный: долгожданные стада оленей-самцов совсем близко!

Эскимосы поспешно перенесли шесть уже готовых к этому времени каяков через водораздел за становищем, на берег узкой, но быстрой речки, что впадала с северо-востока в Иннуит Ку. Здесь их спрятали в ивняке. Рядом с каждым каяком лег и притаился охотник.

Еще двое эскимосов побежали к востоку, туда, где косо протянулся на юго-восток длинный, почти в милю, ряд инукоков, каменных людей: их поставили здесь давным-давно на расстоянии примерно в полсотни футов друг от друга. Перебегая от одного инукока к другому, эти двое на каждого нахлобучивали кусок дерна, из которого торчала и качалась на ветру сухая прошлогодняя трава. Эти «головы» придавали инукокам сходство с присевшими на корточки людьми. То была «оленья ограда»: она должна была отклонить приближающиеся стада к той самой переправе через реку, у которой затаились охотники со своими каяками.

А в становище хлопотали женщины и дети: сгоняли собак, накрепко привязывали, чтобы не кинулись, не

спугнули карибу. Костры загасили, золу залили водой, чтобы олень не учуял запах дыма.

Наконец все было готово, и все, кто не принимал участия в охоте, взобрались на гребень холма неподалеку от становища — отсюда лучше всего видно будет охоту.

Питьюк, Эуэсин, Джейми и Анджелина устроились в северном конце гребня, над местом предполагаемой переправы.

Кейкут стоял в южном конце и через старинную подзорную трубу пытливо оглядывал горизонт. Но вот он отложил трубу, замахал руками — вверх-вниз, вверх-вниз. Эскимос, стоявший неподалеку от Джейми, повторил сигнал, чтобы его увидели охотники, притаившиеся подле каяков.

— Идут, — шепнул друзьям Питьюк.

Напряженно вглядываясь, они наконец заметили в той стороне какое-то движение на склонах холма, в двух милях к югу. Скоро там стало вырисовываться нечто знакомое. Длинные вереницы карибу медленно струились по склону холма и вились по дну долины. Тут были одни самцы. Они шли неспешно. Казалось, они бредут куда глаза глядят, подгоняемые слабым южным ветерком; то и дело они останавливались пощипать ягель, который уже выступил из-под растаявшего снега.

Они двигались переносимо медленно, а может, так казалось со стороны. Наконец вожаки подошли к «оленьей ограде». Они как будто не слишком ее испугались, но все же свернули на северо-запад. Спустя два часа после того, как эскимосы заметили оленей, вожаки наконец вышли на берег. Здесь они топтались минут двадцать, видимо не уверенные, стоит ли переходить быструю речку. Но сзади подходили все новые олени, стадо напирало, и передним волей-неволей пришлось рискнуть: с полсотни самцов вошли в воду. Высоко задрав головы, они поплыли к противоположному берегу.

Взгляд Джейми был прикован к едва различимым силуэтам охотников, но те по-прежнему не шевелились.

— Чего это они? — шепнул Джейми Питьюку. — Почему не спускают каяки? Олени ведь сейчас выйдут на тот берег.

— Погоди, — успокоил Питьюк. — Смотри, все увидишь.

Олени благополучно перебрались через речку, отряхнулись, точно собаки, и направились к северу. На южном берегу тем временем собралось уже около сотни оленей: они следили за вожаками и, видно убедившись, что переправа безопасна, тоже ступили в быстрый поток.

Они достигли середины, и тут шестеро охотников вскочили, схватили каяки, кинули на воду и прыгнули в них. Быстро работая веслами, они налетели на перепуганных оленей и мигом отрезали их от обоих берегов.

Олени в ужасе закружились, кинулись вверх по течению, но было их так много, что они мешали друг другу и оттого пугались еще больше. Меж тем каждый охотник одной рукой управлял своим суденышком, а другой выхватил короткое, фута в три, копьё с треугольным широким стальным наконечником, закрепленное на носу лодки точно гарпун. Охотники подплыли вплотную к теснившимся на одном месте оленям.

Быстрый удар сзади, под ребра,— и оленю конец. Охотник тут же направляет каяк к новой жертве. Скоро холодные зеленые воды реки потемнели, помутнели от крови. Стремительное течение уносило десятка два убитых оленей вниз по реке. Уцелевшие, кто где мог, выбирались на берег и неуклюжим галопом мчались прочь.

С того мгновения, как появились охотники, и до того, как олени рассыпались по равнине, прошло не больше пяти минут. Когда Джейми, Эуэсин и Анджелина встали на затекие от неподвижности ноги и вместе с эскимосами начали спускаться с холма к переправе, ниже по течению реки появились те двое, что приделывали инукокам травяные головы. В руках у них были длинные шесты с крюками, они сноровисто подтягивали к берегу плывущие по воде туши.

— Твоим и ружья ни к чему! — сказал Питьюку Джейми. — В жизни не видал таких ловких охотников.

Питьюк широко улыбнулся:

— Хорошо охотятся, только олень не часто в река идет. Тогда эскимос голодный, если для ружья пули нет. Пошли. Теперь большой еда будет, мозговой кости.

В тот вечер в становище устроили пир горой. Все всласть полакомились костным мозгом из длинных оленьих костей и прочими деликатесами — жареными почками, сердцем, истекающей жиром зажаренной грудинкой. Ког-

да все изрядно подзаправились и могли уже оторваться от еды, появились бубны, начались песни и пляски.

Один из танцоров был старый-престарый, лицо все в морщинах и складках. Однако двигался он так легко и проворно, что, когда он запел и пустился в пляс, все остановились и стали смотреть и слушать.

— Кто этот старик? — спросил Джейми Питьюка.

— Илайтутна. Старей всех ихалмиутов. Шаман знаменитый. Со многим духи говорит, много историй знает. Может, завтра вам рассказывать будет.

На другой день Питьюк повел друзей в гости к Илайтутне. Когда они вошли в его чум, старик не встал с груди шкур, только кивнул и пронзительно поглядел на них маленькими черными, как уголь, глазками, упрятанными в складки морщинистой кожи. Немного погодя он что-то сказал Питьюку, тот долго ему отвечал, потом объяснил друзьям, о чем речь.

— Он спросил, зачем вы пришли наша земля. Я сказал про викинг, сказал, мы будем все забирать. Ему не нравится. Может, захочет останавливать нас. Говорит, могила викинг заколдован. Теперь погодите, буду узнавать.

Питьюк опять заговорил по-эскимосски, старик кивнул, но ничего не ответил. Казалось, они зашли в тупик, но тут Джейми осенило. В кармане у него было несколько плиток прессованного табака, он хотел их подарить охотникам. И вот теперь он достал три плитки, степенно подал старику.

Похожая на клешню рука молниеносно, точно нападающая змея, метнулась к табаку, схватила и сунула под широкую парку. Илайтутна пробуравил Джейми зоркими глазками и, кажется, на что-то решил. Встал на колени, принялся шарить под парами и наконец вытащил оттуда какую-то диковину, сработанную из дерева и кости. Поднял ее повыше, чтобы гости лучше разглядели, но только Джейми понял, что это такое.

— Арбалет! — изумился он. — Но ведь эскимосы не стреляют из арбалетов! Это — оружие европейца, оно было в ходу сотни лет назад. Откуда он у старика, Питьюк?

Питьюк перевел старику вопрос, потом ответил:

— Говорит, сам сделал. Говорит, иншуты научился у инохáуик — железный люди, они давно-давно сюда приходил. Говорит, может рассказать, если хотим.

— А вдруг это связано с викингами? — вскинулся Джейми. — Пусть он расскажет, Питьюк. Попроси его, пожалуйста!

Питьюк повернулся к старику, перевел. Илайтутна поднял глаза, уставился куда-то поверх ребячьих голов. Казалось, он смотрит сквозь стену чума в непостижимую даль, куда им не дано проникнуть. Долго-долго он молчал. Но вот в исполненной ожидания тишине раздался его голос.

глава 12

Лук викинга

— Этот лук был оружием! Он прибавил силы моему народу, многим поколениям — не счесть. А потом белые люди привезли к нам ружья, и мы забыли про него. Напрасно мы это сделали: не должен человек забывать про дары, что принесли ему величие.

Дар этот мы получили в незапамятные времена, но я их помню, ибо я шаман, мне ведомо волшебство, и память о тех временах пережила бесчисленные зимы и пришла ко мне.

То был дар ипхоауников. Они были могущественнее, сильнее людей, и все же не боги, ибо всех их под конец одолела смерть. Были они бледнолицые и бородатые. А глаза голубые, точно глубинный лед.

А из каких красв они родом, никто не ведал. Знали мы только, что земля их далеко на востоке, за соленой водой, которой нет ни конца, ни края. И по воде этой они приплыли в лодках в пятьдесят раз больше каяка — так говорили наши предки.

В те времена мы жили ближе к соленой воде, но было нас в этом краю немного, а индейцев-иткилитов — не счесть. Они ненавидели нас и охотились на нас, как на кроликов. Выйдут летом на равнины, нападут на становища иннуитов и всех подряд вырежут. И мы всегда жили в страхе.

Однажды в месяц охоты племя наше пришло на берег реки Айкарлүку. И вот утром мальчонка пошел к реке — хотел рыбу забить — и вдруг бежит назад, кричит: «Иткилиты идут!» Мужчины схватили копья, стоят перед чумами и дрожат — боятся иткилитов. Но совсем не иткилиты приплыли по реке — пришло диковинное каноэ из тяжелого дерева, и в нем сидели восемь диковинных гребцов.

То были инохауики. Они гребли по двое, а девятый стоял на корме лицом к ним. На голове его сверкала железная шапка, грудь закрывали железные пластины, и на них играло встающее солнце.

Испугались иннуиты, подумали, что это приплыли дьяволы. В страхе глядели, как инохауики высаживались на берег. Первым сошел тот, высокий, кто стоял на корме. Он держал перед собой огромный круглый щит, белый как снег. Потом он бросил щит на землю и на него положил большой железный нож длиною с ногу мужчины. Так он и стоял безоружный, и все увидели, что пришел он не с черными помывками и в сердце у него нет злобы.

Так пришли инохауики. Они не говорили на нашем языке, а мы не знали их языка. Но они знаками объяснили нам, что они в пути уже много лун и теперь хотят вернуться в далекий край, за солеными водами. После народ наш понял, что инохауики приплыли к нашим берегам в другом, совсем большом каноэ, а потом пошли на юг, в леса, и там на них ночью напали иткилиты и перебили всех, кроме этих девяти. Девять бежали на Север, но не скоро добрались до соленой воды — большое каноэ ушло, не дождалось их, и они остались одни.

Когда они приплыли к становищу иннуитов, они были голодные, и наше племя их накормило — таков наш обычай. То был великий день, когда они к нам пришли. Он положил начало нашему могуществу.

А что случилось после, о том много есть рассказов. Рассказы те — о силе чужеземцев и об орудиях их и оружии. Почти все у них было сделано из железа. До них мы никогда не видели железа и стали называть его по имени одного из чужеземцев — х́аупк. А вождя их звали Ќунар.

Они пожили немного среди нашего племени, а потом стали спрашивать, нет ли пути на Север вокруг соленой воды. И когда услышали, что такого пути нет, сильно опечалились. Потом выпал снег, и они стали жить в чумах вместе с нашим народом.

Больше года жили они среди нашего племени. Научились охотиться, как иннуиты. Почти все забросили диковинную свою одежду и стали одеваться в меха, как иннуиты. Но Кунар не пожелал расстаться со своей железной одеждой. Даже в самый жестокий мороз он ходил в рогатой железной шапке и похож в ней был на мускусного быка.

Кунар был великан. Один мог унести на плечах целого карibu. Своим большим железным пожом разрубал оленя на куски так же легко, как женщина — рыбу. Кунар жил в одном чуме с человеком, по имени Киликтук, а этот Киликтук был шаман. У него была дочь Айрут, и в скором времени она понесла от Кунара. Иннуиты обрадовались, думали, теперь Кунар и его люди останутся с нами навсегда. Инохауикам было чему научить наш народ. Они научили нас высекать огонь железом из камня, строить запруды, чтобы ловить лосося, находить дорогу по звездам и еще многим удивительным вещам. Мудрые они были, а в нашем краю были все равно что дети, и мы учили их, как жить на великих равнинах.

Пришла еще одна зима, и они собрались в йглу и долго о чем-то говорили. Кунара с ними не было, он был в йглу Киликтука и Айрут: там он жил со своим сыном, которого родила ему Айрут. Те восемь пришли к нему и сказали, что будут уходить. Пойдут к берегам соленой воды, а оттуда — на юг, в леса, будут искать такое дерево, из которого можно строить большое каноэ, и тогда поплывут на восток, к своему далекому дому.

Они просили Кунара пойти с ними — ведь он был их вождь. И Кунар согласился, хотя, видно, без радости.

Тогда эскимосы рассердились. Все инохауики взяли себе в жены наших дочерей, и племя рассердилось: ведь они теперь покинут своих женщин! Едва не дошло до драки, но вмешался Кунар. Сказал: если мы отпустим его людей на юг, он останется с нами навсегда и откроет нам еще много секретов.

Так и порешили. Эскимосы все равно отговаривали инохауиков уходить — знали, что белым такой путь не под силу. Знали: если их не погубит пурга, так перебыют индейцы. Но те восемь и слышать ничего не хотели. Эскимосы дали им собак и нарты, и они ушли.

Их поглотил снегопад, и больше никто никогда их не видел. Где-то в почной тьме их настигла ярость нашей земли, и они погибли.

И теперь рассказ мой уже не обо всех инохауиках, а о Кунаре, и еще об Айрут, и об их детях. Народ наш очень любил Кунара. Он часто рассказывал про то, что знал и видел в далеких краях. И многим его рассказам нельзя было поверить, оттого что говорил он про страшные сражения: грозным оружием бились люди на море и

на суше и кровь человеческая лилась, будто весенние дожди.

Иннуиты просили Кунара показать им, как сделать такое оружие, но он не согласился. Сказал — не хочет, чтобы они сами себя погубили. Он так говорил оттого, что не понимал эскимосов. Не понимал, что мы отнимаем жизнь только тогда, когда иначе нельзя. Кунар боялся, что, если он откроет нам секрет смертоносного оружия, мы станем как индейцы.

Эскимосы любили Кунара, по годы шли, и Кунар за-тосковал. Он больше не ходил на охоту, а все сидел у своего чума и глядел на восток и говорил сам с собой на непонятном своем языке. Эскимосы жалели его, но ничем не могли ему помочь.

Пришла еще одна весна, и племя решило двинуться в глубь страны, на земли, богатые оленинами, неподалеку от Реки Людей; наш народ знал, что теперь мы сумеем отбиться от индейцев.

И вот племя пустилось в путь. И говорят, когда шли на запад, Кунар шел последним, и все оборачивался, и глядел на восток, и плакал.

Эскимосы пришли к берегам Реки Людей и разбили лагерь близ озера Ангикүни — место хорошее, там было много жирных оленей. Три года племя жило спокойно и сытно, и все думали, что это Кунар приносит им счастье, и полюбили его больше прежнего.

Потом, на третий год, в месяц, когда забивают рыбу, охотники решили пойти на Север, вниз по течению Реки Людей, за мускусным быком. Попросили и Кунара пойти с ними, но он сказал, он совсем больной, пойти не может. Только заболел он душой, а не телом.

Охотники взяли каяки и пошли на Север, а Кунар остался в становище с женщинами, детьми и стариками. И случилось так, что, когда мужчины ушли, сверху по реке нагрянула орда индейцев-иткилитов, и они напали на становище эскимосов.

Была жестокая резня. Индейцы перебили половину женщин и детей. Если бы не Кунар, они убили бы всех.

Кунар сидел неподалеку от становища, сидел один — такой у него был обычай. Услыхал он вопли женщин и детей и бросился к чумам. В руках у него был его большой нож, на голове рогатая шапка, и солнце играло на его железной рубашке.

Он накинулся на индейцев и рычал, будто бурый медведь из тундры. И нож его мелькнул как молния и стал красный, и он мелькал и становился красный много раз.

Иткилиты не могли устоять против Кунара. Он убил многих, а кто остался в живых, кинулись к своим каноэ и уплыли вверх по реке. Да только прежде чем им скрыться из виду, один из них обернулся и пустил стрелу из своего длинного лука, и стрела эта попала в Кунара, ниже края железной рубашки, и впилась в живот.

Когда вернулись наши мужчины, у многих жены и дети были уже похоронены, а уцелевшие женщины их оплакивали. Айрут и обоих детей Кунара тоже убили. А сам он лежал в чуме и ни с кем не говорил. Он своей рукой вытащил стрелу, что впилась ему в живот, но рана была черная и зловонная.

Он ни с кем не говорил, пока к нему не подошел шаман. Сперва Кунар произнес страшные заклиния. Потом попросил шамана Киликтука принести ему дерево и крепкие, упругие рога мускусного быка. Киликтук все принес, и Кунар сказал, какую форму придать дереву, а какую — рогу и как их соединить. Киликтук все так и сделал, и в руках у него оказался такой самый лук, как я вам показал.

И тогда Кунар заговорил:

— Это — дитя смерти. Прими его от меня в дар. Возьми его и пойди в леса, где живут иткилиты, и убивай их всюду, где они ходят и где спят. Пусть во всем этом краю не останется в живых ни одного иткилита.

И, сказав так, умер.

Тело его отнесли на высокое место, недалеко от Реки Людей и рядом с ним положили все его вещи, даже его большой нож, которому цены не было. А потом над ним построили дом, построили из камня — он говорил, что так строят дома на его родной земле.

Там Кунар и лежит. Его дом вы и видели прошлым летом.

И еще про тот лук. Мы не пошли с ним на юг, не стали мстить. Такого обычая у нас нет. Но мы сделали много таких луков, и, когда нам нужно было мясо, мы убивали оленей. А иткилиты больше не показывались в наших землях — дитя смерти очень их напугало.

Так мы жили в довольстве и сытости, и скоро эскимосов стало многое множество. Дитя смерти служило нам

ради жизни, и это было хорошо. Никогда никто не приносил нам такого бесценного дара, и как знать, может, если б мы его сохранили, мы все еще были бы большим племенем, а ведь сейчас нас осталось совсем мало. Пройдет еще немного зим — и никого из нас не останется.

А теперь устал я. Старый стал, скоро спать буду. Теперь идите, старый я...

глава 13

Планы меняются

Задумчивые, сосредоточенные возвращались Анджелина и мальчики от Илайтутны. В глазах Анджелины блеснули еле сдерживаемые слезы. Ей так живо представилась трагическая судьба Купара, словно все это случилось только вчера.

Рассказ старика растрогал их всех, но особенно глубоко задел Питьюка. Он молчал, и его всегда веселое лицо омрачала затаенная скорбь. Под вечер друзья забеспокоились и попробовали как-то его подбодрить.

— Ведь Купар умер давным-давно, — напомнил Эуэсин.

Питьюк поднял голову, посмотрел хмуро, как никогда.

— Я не про Купар думал. Про ихалмнутов. Это мой племя. Я, когда рос тут, часто мясо не был, и дети умирали, и старый люди голодный сидел. Вот я думал, что шаман рассказывал. Раньше много люди был, много олень, никто голодный не сидел. Теперь мало люди, мало олень, и, может, скоро все голодный станем. Вот как будет, если никто не помогает.

— Это дело властей — помогать людям, когда они голодают, — сказал Джейми. — Плохо, что никто про твоё племя ничего не знает, Питьюк, только несколько торговцев. Спорим, власти даже не знают, что есть на свете такое племя. А вот мы, когда поедем на юг, мы все про него расскажем и про то, что с ним делается.

Эуэсин безжалостно охладил пыл Джейми:

— Думаешь, нас кто-нибудь станет слушать? А что случилось с чипеуэями, забыл? Сколько раз белых просили помочь, а часто они помогали? Народ Питьюка чужой твоему народу. Даже если белые нам поверят, им ничего не стоит забыть.

— А я им не дам забыть! — с вызовом крикнул Джейми. — Уж я постараюсь, чтоб не забыли. Я такой шум подниму, на весь свет, и тогда придется им что-нибудь да сделать!

Но Эуэсин стоял на своем:

— А как ты это сделаешь? Ты ведь всего-навсего один человек, и за тобой охотится полиция. Кто станет тебя слушать? Я-то знаю, каково сейчас Питьюку, а ты не знаешь, Джейми. Ты мой лучший друг, и ты друг индейцев и эскимосов, но ты никогда не поймешь, каково нам.

Горечь, которую Джейми впервые слышал в голосе Эуэсина, безмерно поразила его. Он не сразу нашелся что сказать, его опередил Питьюк:

— Эуэсин правда говорил. Я рассказывать буду про ихалмиут. Ты хорошо слушай, Джейми. Раньше они сильный племя был, много оленина у них был, весь зима охотились на белый лисица. Раз в два зима самый сильный мужчина везли большой груз белый лисица на берег торговцу. Назад везли ружье, патрон, капкан. Очень далекий путь, трудный, два месяц ехали, три ехали. Такой путь только с полный желудок ехать можно. Только охотник с полный желудок может бежать много сотня миль по тундра за белый лисица. Потом давно-давно, я еще тогда не рождался, мужчина повезли большой груз белый лисица торговцу. Приехали на берег, а торговец говорит, белый лисица теперь не надо. Ничего не стоит. Мужчина поехал назад, ничего не привез — ни ружье, ни патрон. В тот зима десять люди, двадцать люди умер, потому что не было пуля, печем было зимой убивать олень. И тогда нет сил зимой охотиться на лисица. И каждый год меньше олень стало. Больно много олень белый люди на юге убивал. Тогда эскимосы, хочешь не хочешь, сиди в становище, и все до весна голодный. Четыре, пять лет назад Оухото и три мужчина опять поехал на берег. Говорил торговцу — патроны надо, никак нельзя без патроны. Торговец смеялся, говорил, вези много мех. Эуэсин правда сказал. Белый люди помогает только белый люди. Мой отец белый, но, может, я про это забуду. Лучше пускай мой отец эскимос.

Впервые с тех пор, как Джейми приехал на Север, он ощутил, что между ним и жителями этого края зияет пропасть. И ему стало страшно.

— Послушайте,— в отчаянии сказал он.— Белые ведь не все такие. Разве мой дядя Энгус такой? И там, подалее к югу, еще много таких, как он. Говорю вам, если б только они знали, что здесь творится, они бы послали помощь. Нет, мы заставим власти что-то сделать...— закончил он упавшим голосом: он видел, что Эуэсин и Питьюк ему не поверили. Он почувствовал себя глубоко несчастным и очень одиноким. Он отчаянно ломал голову: как одолеть это отчуждение?

И тут заговорила Анджелина. Заговорила тихо и мягко:

— Я вот все думаю: Джейми сказал, оружие викинга будет на юге больших денег стоить. А ведь это вещи Кунара. Он женился на эскимоске, и у него были здесь дети. Разве он не захотел бы помочь эскимосам еще больше, чем помог? Ведь если его вещи стоят больших денег, часть их надо отдать племени Питьюка, правда? Тогда эскимосы купят ружья, и патроны, и другое, без чего им нельзя жить.

У Джейми гора с плеч свалилась.

— Верно! — воскликнул он.— Конечно! Говорю вам, какой-нибудь музей тысячи за это заплатит. Денег вполне хватит и для дяди Энгуса, и для всего племени Питьюка. И потом вот что: газеты захотят узнать, как мы все это нашли. И мы расскажем про беды эскимосов. Вся страна прочтает. И тогда властям поневоле надо будет вмешаться. Им уже не дадут забыть.

Питьюк смотрел на Анджелину, и впервые за весь вечер на лице его промелькнула улыбка. Он протянул было руку, хотел, видно, коснуться ее плеча, но передумал и обернулся, только не к Джейми, а к Эуэсину:

— Толк будет, Эуэсин? Как думаешь?

— Пожалуй, будет,— осторожно ответил Эуэсин.— Если только мы сумеем сами все продать. А то, пожалуй, белые все у нас отнимут и ничего не дадут взамен. С нашим народом такое случалось... и с твоим тоже...

— А теперь не случится! — яростно перебил Джейми.— Сокровище нашли мы, и никто не может его у нас отобрать. Когда поедем в Те-Пас, все спрячем, с собой возьмем только что-нибудь одно на образец. И никому не скажем, где спрятали: сперва надо твердо знать, что нам заплатят по-честному.

— Все так,— согласился Эуэсин.— Только неохота мне ехать в Те-Пас. У нас там нет ни одного друга, а вра-

ги есть. Полиция там, верно, очень зла на нас. Достанется нам от них.

Но тут Джейми осенило, и он разразился потоком слов:

— Питьюк! Когда эскимосы прежде ездили на берег, они в какое место ездили? В Черчилл, да? А мы можем туда проехать? Если можем, тогда все в порядке. Черчилл настоящий город, и там никто не узнает, кто мы такие. Оттуда я пошлю телеграмму в Торонто, директору школы. Он по части истории дока. И в музеях он людей знает. Он для нас сделает что только сможет, уж это наверняка.

Питьюк постарался не потонуть в потоке вопросов.

— Давний время эскимос ездил Черчилл зимой на собаках. Прямо не ездил, боялся чипсуэй встретить. Кругом ездил, долгий путь: Ангикуни, потом Большой река — почти до самый берег. Черчилл мы называл Иглууджарик — там большой каменный крепость. Сам я не знаю, может, по Большой река каноэ плавать можно.

Уныние, овладевшее ребятами после того, как они побывали у шамана, теперь рассеялось. И они еще долго взхлеб во всех подробностях обсуждали новые планы. Конец этим разговорам положил дядя Питьюка, Оухото: он заглянул в палатку и, сияя улыбкой, объявил, что у него в чуме их ждет ужин.

Они пошли за ним и уселись на полу вокруг большого деревянного блюда, которое мать Питьюка с верхом наполнила вареной оленьей грудинкой. За едой Питьюк рассказал об их новых планах эскимосам, которые ужинали вместе с ними.

Тут же был и Кейкут, он внимательно все это выслушал.

— Да-а... — задумчиво протянул он. — В давние-давние времена эскимосы иногда ходили по Большой реке на каяках прямо до соленой воды и там встречали морских эскимосов и торговали у них тюленьи шкуры. Но мы-то этой дорогой летом никогда не ездили, только зимой, по льду. Надо спросить шамана — он один знает, как что было в давние времена.

...На несколько дней вернулось ненастье и остановило оттепель. Ночи были морозные, дни серые, ветреные: то и дело налетал мокрый снег, и река никак не могла освободиться ото льда. Мальчики и Анджелина держались поближе к становищу. После того, что они услышали от

шамана, им еще сильнее не терпелось добраться до могилы Кунара и ждать становилось тягостно. Но что поделаешь... Эуэсин тщательно осматривал и чинил упряжь. Джейми много времени проводил с Оухото — тому белый юноша особенно пришелся по душе — и старался хоть немного naucиться языку эскимосов. Анджелина и Питьюк постоянно бывали вместе, это не укрылось от глаз Джейми.

Скверная погода продержалась недолго. Через неделю после того, как ребята побывали у шамана, Питьюк объявил, что река почти уже очистилась ото льда и теперь можно плыть в каное. Решили на другое же утро отправиться к могиле Кунара. Поплывут они в тех двух каное, что дали им чипеуэи, и с ними пойдут проводниками Оухото и Кейкут в каяках. Собаки останутся на становище под присмотром Белликари.

Каменный дом — так они по-прежнему называли могилу викинга — находился милях в тридцати от стойбища, вниз по течению Иннунт Ку. Течение было такое стремительное, что они всего за полдня доплыли до порогов: здесь прошлым летом Джейми и Эуэсин потопили свое каное.

Водопада еще не было видно, слышался только его рев, но Кейкут уже повел флотилию к берегу. Каяки и каное вытащили на сушу и пошли пешком.

Потом все остановились на берегу, посмотрели на пенистые буруны, и тут Джейми и Эуэсин переглянулись. Питьюк заметил это и закричал, перекрикивая шум воды:

— Вы, может, недовольный, что мы пороги не переплываем? Думаете, эскимосы трусы? Только белый да индеец храбрый, может плыть такой большой пороги?

— Брось, Питьюк, — ответил Джейми. — Мы были не храбрые, а просто дураки, сам знаешь!

— С скромный стали! Вот пойдем дальше по Большой река, может, вы бедный эскимосский мальчишка тоже покажете, как плавать большой пороги? Я быстро научусь, честный слово.

Они, наверно, еще долго бы препирались, но их прервал Оухото. Он первый поднялся на невысокую гряду и теперь показывал рукой куда-то на север. Остальные взобрались к нему, остановились и молча глядели на каменный холм, что поднимался по ту сторону затопленной талыми водами долины: на вершине холма виднелось массивное сооружение из камня.

То был Каменный дом, на поиски которого они пустились в такой далекий путь. То была могила Кунара, Железного человека.

ГЛАВА 14

Могила Кунара

В этот весенний день несоглядные холмистые дали наводили такую тоску, что ее не могло развеять даже ослепительно яркое солнце. Равнина казалась пустынной, давным-давно вымершей. Не слышно было птичьего пения. Среди одноцветных каменистых холмов и тающих сугробов в тундре, пропитанной водою, точно губка, не видно было ни единого оленя. Мхи и лишайники еще не ожили. Они все еще оставались мертвенно, позимнему тусклыми, серо-бурыми.

Наступил самый унылый час в жизни тундры: она пробудилась от зимней спячки, но еще не встрепенулась, лихорадочный восторг короткого лета еще не завладел ею. Она лежала серолистая и недвижная, как мертвец.

Гнетущая безжизненность равнины подавляла, и Анджелина, Эуэсин и Джейми невольно старались держаться поближе друг к другу. Эскимосам и Питьюку тоже стало не по себе. Оухото что-то тихонько сказал, и Кейкут медленно кивнул.

— Он говорит, здесь останутся. Ждать нас будут,— объяснил друзьям Питьюк.— Могила Кунар не ходят. Я тоже не хочу туда ходить. Но вы ходите, значит, я с вами.

Джейми встряхнулся, заговорил как мог бодро и деловито:

— Что мы, маленькие, что ли? Привидений испугались? Тут пугаться нечего. Мы с Эуэсином пробыли у Каменного дома целую ночь, и я туда лазил. С виду он и правда жутковатый, только никакие призраки там не водятся; да их и вообще не бывает. Так что пошли.

Эуэсин переглянулся с Питьюком и ответил за обоих:

— Может, в твоей стране и нет духов, Джейми. Может, глаза белого человека не видят того, что видим мы. Белые знают много, но они знают не все.— Он пожал плечами, повернулся и поднял дорожный мешок. Закинул его на плечо и снова повернулся к Джейми.— Заяц даже и слепой чувствует белую сову,— закончил он и зашагал к маячившему вдали Каменному дому.

Остальные трое пошли за ним, и Джейми так и не нашелся что сказать. Не впервые поведение друзей сбивало его с толку.

— Все-таки когда-нибудь я научусь помалкивать,— огорченно пробормотал он, нагоняя Эуэсина.

Они пересекли широкую болотистую долину, причем кое-где пришлось идти по колено в ледяной талой воде, и стали взбираться по усыпанному камнями склону холма, на котором похоронен был Кунар. Чем ближе они подходили, тем величественней становился Каменный дом, и под конец стало казаться, что он возвышается надо всем окрест. Но это только казалось, на самом деле он был не выше десяти футов, а основание его занимало не больше пятнадцати квадратных футов. Но такой обман зрения вполне понятен: ведь в здешних краях не видно никаких следов человека и оттого единственное творение рук человеческих стало главной вехой в море пустоты.

Они перелезли через расколотые морозом острые валуны, которые преграждали путь к дому, и им снова стало не по себе: будто снова они перенеслись из знакомого обжитого мира в чуждый мир бесконечно далекого прошлого.

В десятке шагов от могилы Эуэсин остановился. Ни на кого не глядя, он порылся в своем мешке, выудил оттуда плитку табака. И положил ее на плоский камень.

Потом подошел Питьюк. Он достал из своего мешка небольшой сверток с вяленой олениной и положил рядом с табаком.

Джейми смотрел на все это озадаченно, но смолчал. И сдержанность его была вознаграждена. Видя, что Джейми не подшучивает над ними и не проявляет никаких признаков нетерпения, Эуэсин объяснил, правда немного робко и смущенно:

— У нас так считается, Джейми: кто умер, тому надо делать подарки. У нас много всего есть, потому что мы живые. А у них нет ничего, потому что они мертвые. В прошлом году, когда мы с тобой тут были, я забыл поделиться с мертвым. А потом дал себе слово: если приду еще раз, ни за что не забуду.— Тут он заговорил чуть ли не умоляющим голосом:— Ты, может, думаешь, это все глупости, но только все равно не смейся. Пожалуй-ста, не смейся.

— Да мне и неохота смеяться,— серьезно сказал Джейми. Порылся в кармане и вытащил истинную дра-

гоценность — перочинный нож, приз, который он завоевал в школе в Торонто несколько лет назад. И не без смущения взглянул на Эуэсина: — А мне можно? Ничего, если я тоже что-нибудь подарю?

Пит்யук схватил левую руку Джейми, крепко ее сжал. — Это очень, очень хорошо, Джейми.

С тех пор как они подрались на Кэсмирском озере, не часто голос его звучал так дружески. Джейми выступил вперед и положил нож на камень. За ним подошла Анджелина и рядом с их дарами положила пачку чая.

Эуэсин первый нарушил молчание и заговорил так весело, словно с души его свалилась немалая тяжесть:

— Ты прости, что я нехорошо сказал тогда в становяще про твой народ. Мы с тобой отделились друг от друга, тут и я тоже виноват. Понимаешь, у нас в сердце столько гнева накопилось против белых, оттого мы иногда сердимся и на своих друзей. А ты нам друг: и Анджелине, и мне, и Пит்யуку. Зря мы на тебя обиделись.

— Я не обижалась, — колко заметила Анджелина. — Говори за себя Эуэсин. Ты забыл, я ведь люблю дикобразов.

— Выходит, я дикобраз? — спросил Джейми. — Ну ладно, Анджелина, твоя правда. Дикобраз и есть. И раз все тут вроде виноватые, так и я скажу: я тоже виноват, нехорошо говорил. Ну, а теперь займемся делом.

Массивную и неприступную гробницу Кунара строили, видно, с большим тщанием — камни сложены были в плотный куб, зазоры между ними наглухо зашпакованы болотным дерном. Дерн пустил корни, разросся, окутал гробницу мшистым покровом. Однако каменный куб был сплошным только с виду — Джейми обнаружил это еще в прошлом году. Он тогда отыскал узкий, наполовину осыпавшийся ход, что вел под северную стену, и пробрался во внутренний склеп. Теперь он повел друзей к этому ходу. И вдруг остановился как вкопанный: чуть в стороне среди мха что-то белело. В тот же миг это увидел и Пит்யук и негромко ахнул.

— Ничего-ничего, Пит்யук, — заторопился Джейми. — Это просто череп. Он лежал внутри, а прошлым летом я вытащил его, не разобрал, что это такое. Мы положим его на место.

Но слова эти не успокоили Пит்யюка. Он быстро попятился от гробницы, и Эуэсин тоже отступил — он-то ви-

дел череп еще в прошлом году и тогда отчаянно перепугался.

— Я туда не иду! — нетвердым голосом выговорил Питьюк. — Ты не обижайся, Джейми. Только я не иду.

— И не нужно, Питьюк, — ответил Джейми. — Я сам все сделаю. Эуэсин, помоги отвалить камни.

Эуэсин нехотя подошел, и вдвоем они сдвинули камни, которыми в прошлом году завалили узкий вход.

Это была всего лишь расщелина, дно ее густо поросло мхом, через трещины меж валунами сочился слабый свет. Джейми наклонился, заглянул в отверстие. Сердце его часто стучало, и ему вдруг отчаянно не захотелось лезть в эту сырую, темную дыру.

Он набрал в грудь побольше воздуха и сунул голову и плечи в проход. Руки его коснулись знобюще-холодного металла, и он тотчас выполз, таща за собой то, что успел нащупать.

Питьюк и Анджелина изумленно уставились на длинный, чуть не в четыре фута нож, покрытый корою грязи и ржавчины.

— Нож Кунара! — прошептал потрясенный Питьюк.

— Это меч, — объяснил Джейми. — Двуручный меч. С таким мог управиться только настоящий великан. Мне его даже поднять трудно. Эуэсин, положи-ка его осторожно на мох. Он весь изъеден ржавчиной. В нем, может, железа-то почти совсем не осталось.

Во второй раз Джейми нырнул в дыру уже с меньшей неохотой. Теперь он вытащил ржавый шлем, а потом и кинжал — от его лезвия осталась лишь узкая полоска металла, изузоренная ржавчиной.

— Вот и все, что я достал в прошлом году, — объяснил Джейми Питьюку и Анджелине. — Теперь полезу внутрь и погляжу, что там еще есть. Буду зажигать спички, а то ничего не увижу.

— Там одни кости, Джейми, — боязливо сказала Анджелина. — Может, не надо туда лазить? Может, и этого хватит?

Джейми упрямо замотал головой.

— Нет, — сказал он. — Надо посмотреть, что там еще есть. И череп надо положить на место.

Эуэсин подошел к дыре и, опасливо глядя, как Джейми лезет в тесный проход, опустил на корточки. Питьюк и Анджелина стояли поодаль. Питьюк то и дело переводил взгляд с входа в гробницу на белый череп, кото-

рый, казалось, пустыми глазницами слепо уставился в небо.

Но вот Джейми скрылся из виду. Слышно было, как он чиркнул спичкой, потом раздался его приглушенный голос:

— Я внутри, Эуэсин. Здесь вроде пещеры. Фута три в высоту. Давай мне сюда череп.

Эуэсин с трудом заставил себя поднять череп, осторожно поднес его к дыре и сунул во тьму, где его перехватил Джейми.

Долго, нетерпимо долго из гробницы не слышалось ни звука. Но вот снова раздался приглушенный голос Джейми. Казалось, ему трудно говорить.

— Передаю еще кое-что. Придется тебе сунуть голову в дыру, Эуэсин. Ты поосторожней. Это вроде ящичка, только он тяжеленный.

Набравшись храбрости, Эуэсин стал на колени и сунул голову и руки до самых плеч в дыру, из которой несло затхлостью. Пальцы его коснулись чего-то холодного, скользкого, и он невольно отпрянул. Но вот чиркнула спичка, и он увидел лицо Джейми, совсем белое, в поту — прямо глядеть страшно. И Эуэсин невольно попятился.

— Держи, — нетерпеливо сказал Джейми. — Это же просто ящик. Он не кусается.

Прежде чем спичка погасла, Эуэсин увидел зеленоватую квадратную коробку. Стиснув зубы, он взял ее и полез из хода. Джейми — за ним следом.

Выбравшись наружу, Джейми поднялся на ноги и минуту-другую молчал: казалось, ему не хватает воздуха.

— Ну ладно! — сказал он, отдышавшись. — Давайте поглядим, что это за ящик.

Оказалось, что это — подобие шкатулки, вырезанной из мыльного камня, десяти дюймов в основании и восьми дюймов глубиной. Когда-то у нее, видно, была деревянная крышка, но давно сгнила; дерево сохранилось лишь кое-где по толстому краю. Коробку наполнял какой-то черный прах, но, осторожно покопавшись палочкой, Джейми наткнулся на что-то твердое.

Мальчики и Анджелина, позабыв все свои страхи, склонились над коробкой. Джейми бережно вынул какой-то твердый предмет, пальцами счистил истлевший мох и плесень. И в руках у него оказалось широкое не-

замкнутое кольцо, похожее на браслет, в котором не хватает куска. Оно было металлическое, и металл какой-то очень тяжелый, тускло-зеленый. Джейми поскреб его ногтем.

— По-моему, это золото,— прошептал он.

Пит்யок с жадным любопытством схватил палку и стал ворошить ею в коробке. Но Джейми удержал его за руку:

— Погоди, Пит. Лучше не будем больше ничего трогать. Вдруг сломаем что-нибудь, что прогнило. Лучше оставим коробку как есть, пускай в ней роется, кто в этих делах понимает.

— Это не коробка,— сказал Пит்யок,— это эскимосский горшок, старый-старый кастрюлька из камня.

— Горшок ли, коробка ли, а в ней вещи Купара,— вмешалась Анджеллина.— Джейми верно сказал: надо обернуть ее мхом и положить в чей-нибудь заплечный мешок.

Джейми показал рукой в сторону меча и кинжала, лежащих неподалеку на земле:

— С ними тоже хлопот не оберешься. Они до того ржавые: стукни посильней — рассыплются.

— Я сделаю,— сказал Пит்யок; после того как Джейми его одернул, он хотел искупить свою вину.— Берем палка, кладем по бокам. Потом заворачиваем крепко мокрый олений шкура. Шкура высыхает, садится. Будет жесткий покрывка, очень крепкий, не гнется.

Эуэсин кивнул:

— Так и сделаем. Но сперва надо все это доставить в становище эскимосов. Каждый понесет по одной вещи, и, если осторожно, все донесем в целости.

Они не стали задерживаться у гробницы. Но перед тем как уйти, Эуэсин собрал скромные дары, что лежали на плоском камне, и сунул в отверстие лаза. Потом вместе с Джейми завалил вход большими валунами.

Через полчаса они присоединились к двум эскимосам, поджидавшим их на дальнем холме. Кейкут и Оухото взглянули на все, что они принесли, но ничего не сказали. Легко вскочили и повели ребят обратно к каякам и каное.

Поздним вечером, когда все в становище улеглись и четверо друзей остались одни в своей палатке, Пит்யок сказал:

— Я раньше не хотел говорить, только прошлый неделя разговоры был, говорили, вы будете забирать вещи Кунар. Некоторый люди ходил шаман, и он бил бубен, пляска был, вызывал духи. Эскимосы слышал чудной голос, больно густой, говорил непонятный слова — никто не понимал. Только три раза слышал имя «Кунар». Шаман слушал с закрытый глаза. Дрожал весь. Потом упал на пол, будто помер. Скоро проснулся, говорил, очень плохо взять вещи с могила Кунар. Говорил, Кунар рассердится сильно, найдет на нас несчастье.

Джейми слушал и еле сдерживался — очень хотелось сказать: ерунда все это, пустая болтовня. Однако он молчал до тех пор, пока Питьюк не вышел на минуту из палатки. Джейми сразу обернулся к Эуэсину и даже поразился — такая тревога была в лице друга.

— Ты что? — резко спросил он. — Может, ты тоже веришь во всю эту чепуху?

У Эуэсина лицо стало совсем растерянное.

— Не знаю, что и думать. У нас тоже есть колдуны, Джейми; они всякое могут, ты даже не поверишь. Не знаю, правда ли это дух Кунара с людьми говорил, только не нравится мне разговор про то, что он найдет несчастье. Эскимосы теперь, наверно, не захотят нам помогать, а тогда нам нипочем не найти путь, как плыть на восток, к побережью. Вот уж это и правда будет для нас настоящее несчастье.

Джейми уже готов был отчитать друга, но тут вернулся Питьюк и пришлось прикусить язык. Он позволил себе лишь несколько слов:

— Дядя Энгус говорит, счастье каждого человека зависит от него самого, и я ему верю. Мы прекрасно со всем справимся, только не надо пугаться сказок да заклинаний. А теперь давайте забудем про это и ляжем спать. Завтра у нас дел по горло.

ГЛАВА 15

Нежданная помеха

На другое утро мальчики и Анджелина принялись готовить сокровища викинга к далекому путешествию в Черчилл. Питьюк достал у одного из своих друзей эскимосов остов старого каяка, и ребята взяли из него несколько длинных и тонких палок, чтобы положить меч в лубки.

Они как раз прилаживали лубки, и вдруг полу палатки резко откинули, и к ним, шаркая, вошел шаман. Он впервые появился у них, и они не очень понимали, как его принимать. Но он не обратил внимания на их неловкие попытки оказать ему радушный прием, а прошел напрямик к мечу и опустился подле него на корточки.

Бережно потрогал он тяжелый черенок — на нем еще виднелись остатки костяной или, может быть, роговой рукояти, с которой свисали зеленоватые металлические кольца. Потом отрывисто что-то приказал Питьюку, и тот поспешно подал ему кинжал, шлем и каменный «горшок».

Старик мельком взглянул на кинжал и на шлем, но так устоялся на каменную шкатулку, что ребятам даже стало жутковато. Джейми выступил вперед, хотел показать ему металлический браслет, но старик яростно отмахнулся.

Потом шаман порывлся в кожаной сумке, которая висела на ремне у него через плечо, и выудил кожаный мешочек. Был он до того черный и грязный, что ребята не могли толком его разглядеть. Старик ткнул им в сторону каменной шкатулки, что-то пробормотал и засунул обратно в сумку. Потом встал, изрыгнул какие-то сердитые слова, откинул полу палатки и исчез, не оглянувшись.

— Это еще что за дурацкое представление? — спросил Джейми.

Питьюк помялся, ответил не сразу, упавшим голосом:

— Он сердитый очень. Из сумки доставал очень сильный амулет. Когда поднимал его, он сказал горшок: «Не сделай мне зло. Не я виноват, другой выкопал твой кости. Виноват белый люди и индейцы». А когда пошел из палатка, сказал, мы большой дураки, а все эскимос, кто нам помогает, совсем большой дураки.

Незванный гость очень расстроил Питьюка, и Эуэсин тоже сильно встревожился. Джейми пробовал их успокоить:

— Послушайте, ребята. Ну неужто мы позволим этому старикашке нас запугать? Может, он и правда разговаривает с привидениями, а может, и нет. Но мы-то ведь не делаем ничего плохого. Археологи во всем мире каждый день раскапывают могилы, и ничего с ними не случается. И с нами тоже ничего не случится.

— Я не знаю, кто что в другой место делает,— упрямо возразил Пит்யук.— А только в мой страна это худо — будить мертвец. Шаман говорит, очень худо.

Джейми обозлили слова Пит்யюка, но он уже научился держать себя в руках. Он старался придумать, как бы развеять страхи друга и при этом не рассердить его, и вдруг на помощь ему неожиданно пришла Анджелина:

— Джейми верно говорит, Пит்யук. Мы Кунару ничего плохого не делаем. Мы ведь хотим помочь эскимосам; по-моему, Кунар был бы тоже рад помочь. Я думаю, не все согласны с шаманом, что мы плохо делаем.

Джейми с благодарностью ухватился за помощь, хоть она и пришла не из самого приятного для него источника.

— Шаман — это только один человек. Давайте поговорим с Оухото. Он лучший охотник в становище, и его все уважают. Мы расскажем ему, зачем нам сокровища Кунара, и может, он встанет на нашу сторону.

К великому облегчению ребят, Оухото с ними согласился: в том, что они взяли оружие Кунара из гробницы, ничего плохого нет, тем более если продать его белым людям на юге и на эти деньги купить эскимосам ружья и патроны. А вот насчет каменной шкатулки Оухото сомневался. Ведь, по словам шамана, в шкатулке хранится стрела, которая убила Кунара, и — страшно подумать — кровь Кунара, что пролилась из смертельной его раны.

Переводя друзьям эти слова, Пит்யук весь дрожал, и даже у Джейми екнуло сердце. Но он тут же себя одолел.

— Не верю я,— сказал он.— Откуда старику знать, что в шкатулке? Наконечник, может, и вправду там, а на счет крови — это он, скорей всего, выдумал, чтоб нас напугать. Наверно, самому захотелось шкатулку. Только что бы он там ни надумал, а мы заберем ее с собой. Я сам ее понесу и уж постараюсь ее уберечь. А вы все можете к ней даже не притрагиваться. Скажи это Оухото, Пит. Спроси, поможет он нам?

Пит்யук перевел, и Оухото ответил не вдруг. Долго и сурово глядел он на Джейми, потом раздельно что-то сказал.

— Он говорит,— перевел Пит்யук,— ты, может, глупый, но и храбрый тоже. Говорит, будет помогать. Будет показывать дорога к Большой река, когда нам пора идти.

— Ну, а ты, Пит? Ты теперь согласен?

— Может, я тоже глупый, Джейми. Но храбрый, как ты. Мы берем каменный горшок.

Следующие десять дней погода становилась все лучше. В тундре, где, как известно, настоящей весны не бывает, уже наступило лето. Зима уходит в грохоте тающих рек, и едва они освободятся ото льда, как весь край наводняет всевозможная живность: чтобы до возвращения холодов произвести на свет и выучить потомство, зверям и птицам надо спешить.

Чайки, кулики, болотные птицы, утки, гуси и мелкие сухопутные пичуги появляются мгновенно, и их такое множество, что хор, в который вливаются мириады голосов, не смолкает даже ночью. Но настоящей ночи в ту пору и нет, солнце почти не скрывается за горизонтом и светит круглые сутки.

Стада тельных оленух к этому времени уже давно откочевали на север, и большинство оленей-самцов не спеша отправились вслед за ними, но многие самцы еще медлят, бродят кое-где по равнинам.

На песчаных холмах, с которых уже стаял снег, лают и пронзительно тявкают подле своих нор полярные лисы — они уже сбросили белые зимние шубы и стали тускло-рыжими. На холмах повыше волчьих логовищ барахтаются драчливые коричневые волчата, лазают прямо по растянувшимся здесь же терпеливым родителям.

Повсюду на озерных болотах кишмя кишат похожие на мышей пеструшки.

Там, где посуше, столбиками стоят золотистые бундуки, пересвистываются друг с дружкой и освистывают мохноногих ястребов, что парят над ними.

Мертвые земли ожили. В тундре повсюду закипела мимолетная летняя жизнь.

Все это время мальчики и Анджелина усиленно хлопотали, готовясь к путешествию на побережье. День ото дня шаман становился враждебней, однако почти все остальные эскимосы по-прежнему относились к ним хорошо, никогда не отказывались помочь в приготовлениях к отъезду. Старые охотники сообщая припоминали места у Гудзонова залива, помогая Оухото выбрать самый лучший путь. Кейкут и Белликари согласились съездить на Малую речку за вещами, которые ребята спрятали

там по пути сюда, и оставить у себя на лето их собак. Кейкут, Оухото и еще двое эскимосов обещали, что, едва только наступит зима и по льду и снегу можно будет проехать на нартах, они поедут на юг, к Танаутскому озеру. Они приведут собак и доставят припасы, которые ребята не смогут захватить с собой к Гудзонову заливу. И как будет хорошо, если с Танаутского озера они увезут в тундру ружья, патроны, чай и муку: всего этого вдоволь купят для них ребята на деньги, которые выручат за сокровища викинга.

Анджелина взялась починить одежду и мягкую упряжь. Но эскимосские женщины и девушки так усердно принялись помогать, что почти ничего не оставляли на ее долю. Зато они учили ее шить непромокаемые кожаные сапоги. Внимательней всех к Анджелине относилась мать Питьюка, и всякий раз, завидев сына, что-то говорила ему, отчего он краснел и тут же старался улизнуть. Ни Анджелина, ни мальчики не понимали, что она говорит, а Питьюк наотрез отказывался переводить, но догадаться о смысле ее речей было не так уж трудно. И однажды утром Джейми простодушно сказал Эуэсину:

— Похоже, мать Питьюка выбрала себе невестку.

Питьюк сидел тут же и смазывал ружье и сделал вид, будто не слышит, но вот пропустить мимо ушей ответ Эуэсина оказалось не так легко.

— Верно, Джейми,— сказал Эуэсин.— А ты видал, как Анджелина шьет одежду на эскимосский лад? Я думаю, Питьюк будет хорошим мужем. Ведь если она у него будет голодать, мне придется его поколотить: брат должен присмотреть, чтоб сестра жила в достатке.

Этого Питьюк уж никак не мог стерпеть. Он вскочил и с криком кинулся на друзей, но они были начеку. Схватили его за руки, повалили наземь. Джейми уселся на него верхом, а Эуэсин озабоченно пощупал его лоб.

— Горячий. По-моему, любовная лихорадка. Анджелина! — громко крикнул он.— Иди скорей. Питьюк заболел. Тебя зовет!

Анджелина сидела в одном из чумов и шила. Она мигом примчалась на зов. Но с первого же взгляда поняла, что над ней подшутили. Не говоря ни слова, она схватила ведро, и ребята ахнуть не успели, как Анджелина окатила всех троих ледяной водой. Повернувшись, большими, сердитыми шагами ушла в чум.

Отплевываясь, тяжело дыша, ребята поднялись на поги.

— Что ж,— отдышавшись, сказал Эуэсин,— теперь Питьюк остыл... ненадолго!

К концу июня стали ощущаться кое-какие перемены. Большинство эскимосов по-прежнему относились к ребятам дружески, помогали им, но явно чувствовали себя при них не в своей тарелке. Эуэсин сразу же это заметил и как-то вечером приступил к Питьюку с расспросами. Поначалу Питьюк отвечал уклончиво, но в конце концов признался, что назревают неприятности.

— Все старик. Говорит, нам беда будет, а если мы остаемся становище эскимосы, им беда будет тоже. Говорит всем, нам не добраться до Гудзонов залив. Говорит, Кунар не даст упосить свой вещи в чужой земля. Сказал Оухото — если идет с нами, не вернется живой.

— Старый черт просто завидует! — сердито выпалил Джейми. — Он сколько времени всем здесь заправляет, и поглядите, как эскимосам сейчас худо приходится. Сам он ничем не может им помочь, а мы вроде можем: вот он и лезет из кожи вон, чтоб нам напортить.

— По-моему, надо опять поговорить с Оухото, — спокойно, но твердо сказала Анджелина. — Ты злишься, Джейми, а от этого только всем хуже.

Ребята зашли в чум Оухото и застали у него нескольких эскимосов, но те сразу же под разными предлогами ушли. Да и сам Оухото казался угнетенным и неспокойным. Но когда Питьюк объяснил ему, зачем они пришли, ему явно полегчало.

— Я рад, что вы уже знаете, — сказал он через Питьюка. — Сам я не хотел вам говорить, и оттого было мне совсем не хорошо — ведь между друзьями не должно быть секретов. А теперь расскажу вам остальное. Шаман еще раз говорил с духами; при этом было почти все племя. Под конец он сказал, что Кунар вас проклял, и не велел больше с вами знаться. Теперь никто не понимает, как быть. Некоторые даже говорят, чтоб я с вами не ходил. Да разве я больной старик, чтоб духов бояться? Нет, я пойду с вами до Большой реки. И я так думаю: нам надо уходить поскорей, потому что племя все больше слушается шамана. Набрались страху, да чем дальше, тем больше, а от пуганого человека всего можно ждать.

— А скоро ли пойдем? — тревожно спросил Джейми.

Оухото задумался, сдвинул густые брови.

— Нам нельзя трогаться, пока сильный ветер не сломал подтаявший лед на больших озерах. Надеюсь, ждать теперь не долго. Нет у меня доверия к старику, а если, пока ждем, что случится с вашими каноэ, никуда вам не уехать.

— Не посмеет он ничего сделать! — крикнул Джейми, но в голосе его не было уверенности.

В этот вечер у себя в палатке они долго не могли уснуть, хотя час был уже поздний. Положение свое они обсуждали далеко за полночь, но так ничего и не придумали. Наконец Анджелина решила, что хорошо бы выпить по кружке чая, и вышла разжечь костер и вскипятить воды. Но скоро она вернулась, глаза ее радостно блестели.

— Слушайте,— сказала она.— Северный ветер задул, уже слышно, и по небу облака пошли. Может, он прямо сегодня взломает лед?

Когда ребята напились чаю, ветер уже гулял по становищу, и шум его, суля надежду, в конце концов успокоил их и усыпил.

Когда же они проснулись на рассвете, ветер дул всю. Они вылезли из палатки и увидели Оухото, который шел их будить. Он улыбался.

— Ешьте скорей,— сказал он,— у нас много дел. Сегодня лед тронется, а завтра и мы тоже.

глава 16

Озеро-в-озере

Ветер весь день не утихал, а путешественники тем временем заканчивали приготовления к отъезду. Эуэсин тщательно осмотрел каноэ, проверил каждый шов, удостоверился, что смоляная прокладка надежна. Остальные ребята укладывали снаряжение и прочие припасы.

Ехать решили налегке, захватить только самое необходимое. Все, без чего можно обойтись, оставляли в становище. Лишнюю провизию отдали эскимосам, кроме того, Эуэсин и Питьюк оставили им в пользование свои ружья и большую часть патронов. Они рассчитали, что на время путешествия к побережью вполне обойдутся одним ружьем и полусотней патронов.

Поклажу составляли меховые одеяла, палатка, два дорожных мешка с запасной одеждой, из кухонной утвари

ри только то, без чего никак нельзя в дороге: два топора, веревка, чай, соль, мука, вяленая оленина,— и, конечно, сокровища викинга. Их тщательно уложили в два лубка, каждый обернули оленьей кожей, и каждый сверток привязали к одному из каноэ под банками: так они не потонут, даже если лодка перевернется. Решено было, что Джейми и Питьюк поплывут в одном каноэ, а Эуэсин с сестрой — в другом.

На рассвете следующего дня путешественники готовы были к отплытию. Провожать их пришло совсем немного народу. На берегу собрались только друзья и родные Питьюка, не слышно было обычных для такого случая добродушных шуточек, поддразнивания. Серьезно и тихо все помогали ребятам нагружать каноэ. Мать Питьюка только что принесла им на дорогу вареное мясо, и тут с холма, что возвышался над берегом реки, донесся хриплый крик.

Все обернулись: на фоне рассветного неба четко вырисовывался черный, зловещий силуэт шамана. Несколько мгновений он оставался недвижим. Но вот он занес правую руку, в которой сжимал короткое копье, и яростно потряс им, будто грозя путешественникам, и злобно прокаркал что-то своим старческим, надтреснутым голосом.

Эскимосы испуганно забормотали и, казалось, готовы были разбежаться. Но тут выскочил Оухото, погрозил старому шаману кулаком, с вызовом прокричал что-то ему в ответ. Старик еще мгновение помедлил — и скрылся из виду.

Оухото повернулся к ребятам, стоявшим в нерешительности у своих каноэ, лицо его было мрачно. Он отрывисто бросил Питьюку несколько слов, и тот нетвердым голосом перевел:

— Шаман нас проклял, а я ему сказал: когда с вами случись беда, тогда буду брать нож, буду пропороть ему костлявый бок. Пошли, пора в дорога.

Ребята только этого и ждали. Питьюк оторвался от матери, а она стояла неподвижно, и по щекам ее текли слезы. Кейкут и еще несколько мужчин осторожно спустили каноэ на воду, и путешественники тут же в них прыгнули. Еще миг — и они понеслись по реке вслед за Оухото, чей маленький каяк вырвался вперед.

Анджелина обернулась, бросила прощальный взгляд на кучку молчаливых людей, на приземистые, крытые

оленьими шкурами чумы, что виднелись позади них, на серую волнистую равнину, раскинувшуюся до самого горизонта. И ее пробрала невольная дрожь: она подумала о старике, чья злоба, казалось, последовала за ними в дальний путь, в неведомую страну, что лежала на востоке.

Когда лодки отошли на милю к северо-востоку от становища, Оухото направил флотилию в устье небольшой речки — той, где шла охота на оленей. Речка была очень быстрая, и гребцам приходилось изрядно налегать на весла, чтобы двигаться против течения, но через несколько часов они оказались в маленьком озерке и направились к его южному концу.

Отсюда вытекала уже и не речка, а просто ручей — узкий и такой мелкий, что ребятам пришлось вылезти из каноэ и вести их, шагая рядом вброд. Вот когда мальчики порадовались, что эскимосы научили Анджелину, как сшить им высокие сапоги! Для этих сапог брали выделанную, как пергамент, оленью кожу и тщательно сшивали ее нитками из оленьих сухожилий. Потом на несколько минут наливали в них воду. От воды нитки разбухали и швы становились водонепроницаемыми, а сама кожа — мягкой и гибкой.

Оухото незачем было брать свой каяк на буксир. В мелководье он просто поднимал его и нес на голове, а сам живо шагал дальше да еще покрикивал на спутников, чтоб поторапливались.

Ручей вливался в озерцо, которое они быстро переплыли, а за ним шел длинный волок — каменистый водораздел — до Волчьего озера. Когда все пожитки наконец перетаскили через волок, близился вечер и Оухото предложил раскинуть лагерь.

— Эскимос начинает путь — не спешит, — объяснил друзьям Питьюк. — Медленно начинает. Потом быстрее идет. Белый человек начинает быстро, потом идет медленно.

Джейми на сей раз не попался на удочку. Двадцать миль он то изо всех сил выгребал против течения, то тянул каноэ на буксире и теперь рад был согласиться с Оухото. В ответ на слова Питьюка он только усмехнулся:

— А я теперь сам эскимос. Сам иду медленно.

От их стоянки до становища на Иннуит Ку по прямой было всего восемь миль. Они же должны были идти по рекам и речушкам, а потому описывали широкую дугу.

На Севере в каноэ редко можно двигаться кратчайшим путем: чтобы отъехать от места на десять миль, обычно проходишь на веслах миль тридцать, а то и все сорок.

Следующий день был удачнее. Перед ними на юго-восток до самого горизонта простиралось огромное, двадцать миль в длину, Волчье озеро. Еще только два дня назад воды его были скованы пятифутовым слоем льда. Весеннее солнце понемногу истончило его, и едва подул сильный ветер, лед превратился в кашу и растаял. Когда на другое утро оба каноэ и каяк плыли вдоль западного берега, лед уже исчез бесследно.

Ветра в этот день почти не было, и воды озера оставались спокойными. Все утро путешественники плыли на юг, придерживаясь плоских голых берегов.

Из озера вытекала, устремляясь на юго-восток, довольно широкая речка. Талые воды напители ее, она вздулась и несла каноэ и каяк со скоростью добрых трех узлов. Маленькая флотилия стремительно понеслась вниз по течению. Река текла по равнине, порогов на ней не было, и плыли они безо всяких происшествий.

— Вот здорово! — крикнул Джейми сидевшему на носу каноэ Питьюку. — При такой скорости мы за неделю будем на побережье!

— Хо! За неделю?! За месяц, может. Вот погоди. Со всем скоро не такой легкий путь.

— Ну, слишком-то трудно не будет, Пит. В лесном краю я по очень плохим речкам плавал. Не может быть, чтоб Большая река была хуже.

— На юг нет плохой река! — пренебрежительно заметил Питьюк. — Посади маленький ребенка в мокасин — и то по южной реке могут плавать. Не то что Большой река. Оухото говорит, по такой реке только большой рыба может плавать, сильный рыба.

Полчаса спустя Оухото, который сильно опередил их и пристал к острову посреди широко разлившейся в этом месте, точно озеро, реки, подал знак, чтобы они высаживались на берег. Он разжег костер, и в котелке уже кипел чай. Питьюк принес к костру запасы провизии, и Анджелина замесила пресные лепешки.

Скоро все уже ели лепешки, пили обжигающе горячий чай, и ребята расспрашивали Оухото про края, по которым лежал их путь. Питьюк переводил слова Оухото:

— Сейчас мы в Кúнок, так место зовут — Без река. Имя такой дали, потому что озеро много, а пороги нету.

Это половина речка, половина озеро. А потом будет Озеро-в-озеро. Такой большой озеро, лежит на остров, а вокруг остров совсем большой озеро.

Это тайный место. Сюда дорога очень трудно находить. Давний-давний время индейцы-иткилиты пришел летом на равнина, искал эскимосы. Знал, что эскимос жн-вет на Кунок, и шел четыре отряд, много люди, много каноэ. Один отряд с восток, другой с запад, еще другой с юг и еще другой с север.

Один человек, по имени Яха, охотился на олень, увидел индейцы и скорей побежал становище сказать всем эскимосы. Почти сто эскимос был в тот становище, а индейцы пришел, наверно, три раза сто. Эскимосы не знал, что делать. Женщины все начал причитать, дети плачут. Тогда один эскимос, Кахутсуак, собрал всех и так сказал: «Берите все каяк. Пускай женщины садится перед гребец, а дети привязывайте позади гребец. Ночью уезжайте из становище, костры пускай все горят, чумы стоят, собаки привязан рядом с чумы. Я повезу все прятаться».

Все послушались Кахутсуак, и он повел каяки тайный путь на Озеро-в-озеро и на остров посреди внутрен-ний озеро. Индейцы-иткилиты ничего не видел. Потом Кахутсуак говорил: «Все надо спать в ямы в земля. Не ставить никакой чум. Никто не зажигать огонь. В светлый время никто не ходит, тогда со сторона незаметно. Индейцы, все четыре отряд, пришли в Кунок, нашли эскимосский становище. Напали на него, а там никого — один собаки и пустой чумы. Индейцы стал очень злой. Стал всюду искать след, куда ушел эскимос, и ничего не нашел.

На остров эскимос очень плохо жил, тяжело жил. Нелзя еда готовить, вода греть, сам согреться. Каждый день дождь шел, люди все мокрый. Один женщина, Пáмео,— очень красивый женщина, умный очень. Она говорит себе: «Индейцы никогда не найти этот место, зачем буду замерзать до смерти?»

Ночью тихонько ушел из становища, спрятался за песчаный холм на остров. Утром сделал совсем маленький костер, варил рыба. Совсем маленький костер, а дым все равно поднялся. То утро индейцы стоял на единственный холм, с который видно Озеро-в-озеро. Индейцы увидел дым.

На другой утро индейский каноэ со все стороны окружил остров, очень страшно кричал. Большой битва был.

Только индейцы очень много был, никакой эскимос не остался живой, одна Памео, потому сама раньше ушел, индейцы ее не видел.

Когда индейцы ушел, Памео вернулся, видит — все мертвый. Она рвал одежда, волосы рвал, плакал долго. Никогда больше не ушел с то место. Старый люди говорят, она и сейчас там, каждый ночь все плачет. Старый люди говорят, иногда дымок поднимается над остров. А никакой эскимосы этот остров не ходят. У этот остров имя — Мертвые Кости.

* * *

Путники поели и поплыли дальше на юго-восток. К вечеру Кунок перестала притворяться рекой и разлилась широким лабиринтом проток, усеянных множеством островов. Оухото повернул, повел флотилию этими извилистыми протоками и, наконец, вывел ее на открытое водное пространство посреди голой болотистой низины. Лишь один невысокий холмик нарушал унылое однообразие картины. К нему-то Оухото и направил каяк, и у его подножия все высадились.

Странное то было место. Ровная низина, нечеткая, извилистая линия берега — не разберешь, где кончается озеро и где начинается суша. Острова не отличить было от мыса, мыс от берега. Казалось, все сливается в смутный, бесформенный, неправдоподобный мир дурных снов.

— Что-то я уже запутался,— сказал Эуэсин, когда они с Анджеллиной вытащили каноэ на берег и подошли к друзьям.

— Тут всякий индейцы запутается,— сказал Питъюк.— Не горюй. Сейчас влезает маленький холм. Может, тогда все понимаешь.

Оухото остался разводить костер и готовить ужин, а ребята начали подниматься по некрутому склону холма, чуть не по колено проваливаясь в пропитанные водой мхи. Добрались до невысокой вершины, огляделись по сторонам.

Чуть поблескивая в последних лучах заходящего солнца, перед ними лежало Озеро-в-озере. Воды его, протянувшиеся с севера точно руки великана, сомкнулись вокруг почти безукоризненного кольца суши миль двадцати в поперечнике. Внутри этого кольца лежало еще одно большое озеро, посреди него — обширный остров, и из самой середины острова поблескивало новое озеро.

— Вон там эскимосы прятался от индейцы,— объяснил Питъюк, показывая на островок.— А с этот холм индейцы увидел дым от костра Памео.

Джейми глядел на плоские однотонные просторы затопленных земель — тундры и озер,— где ни единое деревцо, ни единый каменистый гребень не нарушали однообразия, и его пробрала дрожь.

— Пошли,— сказал он,— а то еще и нам тоже привидится дым! — И он первый двинулся к крохотному костру, который тускло алел внизу, подле темнеющих вод озера.

Ужин был скудный. Привал на эту ночь устроили на узкой полоске усыпанного галькой берега, что едва поднимался над водами озера. Только здесь и можно было поставить палатку: со всех сторон их окружало сплошное болото. Топливом мог служить лишь сырой мох, и Оухото потратил целый час на то, чтобы вскипятить воду. Приготовить какую-нибудь еду все равно бы не удалось, так что путники обошлись холодными лепешками и горячим чаем и сразу же завернулись в меховые одеяла. Спали плохо, а Питъюк всю ночь напролет беспокойно бормотал и всхлипывал, словно во сне его тревожил дух запустения, что обитал в этом краю.

ГЛАВА 17

Эноиук — ураган

Утро наступило хмурое, сумрачное. Стали разжигать костер, но тут посыпала мелкая серая изморось, так что не удалось даже вскипятить воды. Все мрачно забрались в каноэ и под этой изморосью поплыли по озеру.

— Ты ночью так расшумелся, мертвых и то мог разбудить,— сказал немного погодя Джейми.— С чего это ты, а?

— Плохой шутка, Джейми,— рассудительно сказал Питъюк, перестав на миг грести.— Не говори про будить мертвый. Прошлый ночь я, наверно, слышал Илайтутна. Он говорил, мы останемся на Озеро-в-озере. Наши кости останетса с кости эскимосы, который давний время здесь умирал.

— Ох, Пит, не болтай чепуху! — вспыхнул Джейми: угрюмые эти места угнетали и его.— Ну, что нам помещает отсюда выбратсья?

— А вон что, Джейми.— Питьюк показал на восток: на горизонте возникла серая зыбкая стена тумана и пошла на них.

Оухото тоже увидел эту надвигающуюся стену, как его мигом очутился меж двух каное, и он тревожно закричал.

— Скорей, скорей, говорит,— перевел Питьюк.— Хикикок идет. Туман с дождь делает нас слепой, потом эноиук, большой ветер, нас гонит. Мы не найдем берег. Может большой волна топить каное.

Голос Оухото прозвучал так, что стало ясно: медлить нельзя. Оба каное понеслись за ним со всей скоростью, какую могли из них выжать налегшие на весла гребцы, к ближайшему клочку суши — низкому каменистому островку посреди озера. Казалось, оба каное и каяк, точно птицы, летят над свинцовыми водами, но где им было тягаться с хикикоком. До спасительного островка оставалось всего полмили, и тут все вокруг исчезло. Словно они вдруг вплыли в черный мокрый туннель. Эуэсин и Джейми, сидя на корме своих каное, с трудом различали Анджелину и Питьюка, сидящих на носу. Лодки потеряли друг друга из виду, можно было только перекликаться.

Серый туман-дождь был густой, плотный, но ветер еще не поднялся. И только заглушенные крики Оухото, которыми он указывал путь остальным, нарушали зловещую тишину.

Ребята, всерьез испуганные, усердно налегали на весла: отчаяние прибавляло им сил. Дышали тяжело, никто не произносил ни слова, но в душе каждый недоумевал: как же теперь Оухото найдет этот островок? Сердца громко стучали от напряжения и тревоги, и вдруг Анджелина, а за ней Питьюк предостерегающе закричали: оба каное перенеслись через каменный выступ, едва прикрытый водой.

Из тьмы возник Оухото, ухватил нос одного каное, другого, выволок их на островок. Ребята соскочили на берег. Оухото резко скомандовал, они подняли лодки, потащили на середину острова. Каяк Оухото был уже там; теперь эскимос велел им навалить в свои каное большие камни и сам занялся тем же.

Все спотыкались, сталкивались друг с другом, натыкались на что-то, не различимое в мокрой тьме, падали.

— Да что ж это такое? — жалобно завопил Джейми, с натугой поднимая тяжелый камень.— Оухото спятил, что ли? Для чего это нужно?

— Не говори, работай! — сердито буркнул Питъюк. — Совсем скоро увидишь, что будет. Больше не скажешь глупый шутка про мертвый.

Они все еще накладывали камни в лодки, когда налетел ветер. То был эноиук, грозный ураганный ветер; в открытом море его называют штормом, но он бушует и на бескрайних равнинах тундры. Эноиук налетает внезапно, среди полного безветрия, и порывы его сразу же достигают скорости сотен миль в час. Ничто, кроме потемневшего, угрюмого неба, его не предвещает. И он свирепствует недолго, но мало что способно против него устоять.

Первый же порыв эноиука закрутил Джейми волчком. Но чья-то рука схватила его, бросила наземь и кто-то навалился на него. То был Оухото. Другой рукой он крепко обхватил Анджелину. А Питъюк схватил Эуэсина, и вдвоем они подкатились под защиту каноэ.

Встать на ноги было невозможно. Ветер бил точно испанский таран, и под его ударами лодки поддались, со зловещим скрипом поползли по каменистой земле. Оухото подтолкнул Анджелину прямо в руки Джейми, на четвереньках подполз к ближайшей лодке, перекинулся через нее, стараясь удержать. И скрип прекратился, но появилась новая опасность.

Ветер взбил, вспенил мелкие воды озера, крутые короткие волны гневно наступали на островок. Они все росли. Скоро уже пена с гребней хлестала по всему островку — вот-вот через него начнут перекатываться волны!

Ураганом разогнало туман, но из-за густо летящих брызг все равно мало что было видно. Однако в какой-то миг Джейми заметил: Эуэсин и Питъюк по примеру Оухото, вцепившись в борта, прижимают к земле второе каноэ.

— Одна продержишься? — крикнул он в самое ухо Анджелине.

Анджелина вымокла, замерзла, худо ей было да еще и страшно. Но она вовсе не желала показать Джейми свою слабость. И храбро прокричала в ответ:

— Справлюсь! Иди!

Джейми выпустил ее и пополз к лодкам. Оухото показал ему на каяк: тот дергался, точно раненая птица, которая пытается взлететь. Джейми повернул, подполз к хрупкой эскимосской лодчонке, вскарабкался на нее, лег, прижал к земле. И тотчас огромная волна разбилась подле самого каяка — Джейми вмиг промок до нитки.

Пятеро людей, оцепенев, жались к островку, а его быстро, неотвратимо заливало. Они ничего больше не могли сделать. Каждый чувствовал холодную руку смерти, что уже тянулась к ним... Они ничего, ничего не могли сделать.

И вдруг эпинок затих — так же внезапно, как палетел. Небо стало светлеть. Рев урагана умолк, его сменил грохот прибоя.

Потрясенные, без кровинки в лице, ребята поднялись и окружили Оухото. Они смотрели на озеро: все оно бурлило водоворотами, дыбилось волнами, которые сшибались друг с другом, суля неминуемую мгновенную гибель любой лодке. С наветренной стороны волны накатывались на островок на добрых полсотни футов вглубь — чуть не до середины их крохотного каменного прибежища.

Тумана с дождем как не бывало, но небо еще хмурилось и все вокруг было до неправдоподобия угрюмо и пустынно. Лицо Оухото помрачнело от усталости, а быть может, от чего-то еще. Он вполголоса сказал несколько слов Питьюку.

— Говорит, теперь опасность нет,— перевел Питьюк.— Но только его тапек помог, удача его. Очень сильный тапек. Илайгутне его не перешибить.

Джейми взглянул на друга, но не нашлось у него насмешливых слов, какими он возразил бы прежде. Сейчас ему нечего было сказать.

Лишь далеко за полдень озеро успокоилось настолько, что можно было плыть дальше. Лодки спустили на воду, и ребята сразу же яростно налегли на весла. Гребли с неослабным рвением, пока Оухото не ввел флотилию в маленькую бухту у Южного берега. С юга в бухту впадала небольшая речка.

— Земля мертвых позади,— с облегчением сказал Оухото.

ГЛАВА 18

Оленья дорога

Плыть вверх по реке, все еще по-весеннему полноводной, поначалу было нелегко: приходилось часто вылезать из каноэ, переводить их через малые пороги. Но некоторое время спустя они вплыли в крохотное озерко; на южном берегу его виднелась купа карли-

ковых ив. Путники так радостно поспешили к этим жалким «зарослям», словно то был густой лес.

И словно для того, чтобы совсем их развеселить, небеса прояснились. Вскорости уже пылал костер, варилось вдоволь мяса, которому предстояло унять урчанье в пустых желудках.

— Теперь пойдут хороший места,— сказал Питьюк.— Видите? На берегу много олений след.

Остаток дня они плыли по маленьким озерам и потокам к главному волоку, а вокруг становилось все оживленней. Повсюду на воде резвились, справляли свадьбы утки. Дважды с песчаных холмов на них глядели дымчато-коричневые полярные лисицы. Стаи сухопутных птиц то и дело взлетали по кромкам озер. К вечеру, когда они миновали волок и поплыли вниз по течению другой небольшой речки, на каменистом холме они увидели стадо самцов-карибу. Рога у всех были еще бархатистые, пошли в рост, но уже казалось, будто на фоне неба поднялись раскидистые деревья.

Оухото зорко поглядел на стадо и крикнул что-то Питьюку; тот расплылся в улыбке и перевел друзьям:

— Говорит, мы хороший время пришли. Завтра придем главный олений дорога на свете. Может, увидим Великий стадо.

Еще не совсем стемнело (в это время года в полярной тундре не бывает настоящей ночи: солнце не успевает сесть, как уже снова восходит), но Оухото объявил привал, и они разбили лагерь на холме, где недавно видели оленей. Стрелять в оленей никто и не думал: в каное еще оставалось свежее мясо, а ни эскимосы, ни индейцы не убивают зверя без надобности.

После ужина мальчики сидели у небольшого уютного костра, который веселил душу, грелись и попивали чай. Анджелина тем временем старательно шила: когда мальчики шли по мелководью, острые камни продырявлили их сапоги.

— А что это за Великое стадо, Питьюк? — спросила она.

— Это вот что, Анджелина. Тукту, олень, никогда не стоит на один место. Весной идет далеко на север, как птицы. Начинается зима — идет далеко на юг, как птицы. И летом олень тоже идет. Когда июль, отовсюду весь олени собирается большой стадо и вдруг пойдет на юг. Один большой толпа олени. Потом доходят до лес,

и там большой толпа распадается, и все опять идет назад, на север. Когда они в июль идут на юг, тогда мы видим Великий стадо. Олень тогда везде, полно, туча, как мошка все равно. Где идет, все вытопчет. Самый лучший место для Великий стадо мы называем олений дорога — это в северный конец Ньюэлтин-туа.

— Помню, мой отец тоже говорил про такое стадо,— сказал Эуэсин.— Наше племя никогда его не видело, а вот чипеуэи часто про него рассказывали. Я думал, таким стадам уже пришел конец — ведь оленей теперь куда меньше.

— Может, скоро конец,— ответил Питьюк.— Сейчас не конец. Завтра, может, увидим... Олень кругом, как мошка...

Его прервал громкий хлопок: это Джейми ладонью хлопнул себя сзади по шее.

— Кстати, о мошке: совсем меня заела. Откуда только берется эта проклятая мошкара? В лощинах еще снег, а они уже тут как тут!

Да, сомнений быть не могло. В ночной тиши уже слышалось ноющее гудение: откуда ни возьмись на стоянку налетели тучи злобной, проголодавшейся мошки. То были первые посланцы заполярного гнуса. Крохотные, ненасытные, неотвязные мошки появляются еще до того, как сошел снег, и остаются до конца лета. В безветренные дни все теплокровные животные терпят от них адские муки. К счастью, на великих равнинах тундры безветренные дни — редкость, не то летом жизнь там была бы просто невыносима.

Но, как назло, сегодняшний вечер выдался тихий, и, когда гудение мошкары обратилось в оглушительный рев, путникам пришлось искать спасение под меховыми одеялами, в которые все закутались с головой. Задохаться или быть съеденными заживо — много выбора не оставалось, и они предпочли задохнуться.

На заре подул западный ветерок и принес избавление от мошкары. Путники позавтракали и поплыли вниз по течению все той же речушки. Незадолго до полудня достигли берегов северо-восточного залива Ньюэлтин-туа.

С тех пор как несколькими неделями раньше они оставили позади северо-западный залив этого обширного озера, они сделали огромный круг. Зиму сменила вес-

на, и озеро стало теперь совсем другое. Кое-где в южном конце еще виднелись пятна льда, но большая часть озера уже освободилась от зимних лат, и когда каноэ вошли в него, тут гулял ветер, взбивал белую зыбь. К счастью, острова, а их тут было множество, служили хорошей защитой лодкам, не то пришлось бы раскидывать лагерь и ждать, когда спадет ветер.

Несколько часов Оухото в своем легком суденышке проворно и ловко вел флотилию меж островами, с подветренной стороны. Под вечер приплыли в залив, оттуда вытекала бурная речка. Она прогрызла в сером камне глубокое русло, и рев порогов путники слышали задолго до того, как достигли губы.

Они причалили к берегу перед коротким крутым водопадом, и, глядя, как он кипит и пенится, мальчики и Анджелина совсем присмирели. Оухото посмотрел на их задумчивые лица и ухмыльнулся. Отвесил им низкий поклон, забавно подпрыгнул, вскочил в каяк и помчался прямо в пенный водоворот.

Анджелина приглушенно вскрикнула, но тут же прикусила язык; мальчики затаили дыхание. Каяк взметнулся на шестифутовую волну, помедлил мгновение на гребне, точно птица, готовая взлететь, и скрылся за белой водяной завесой. Еще несколько мгновений — и они вновь его увидели: он летел стрелой, и Оухото так яростно работал веслом, что вокруг головы его образовался смутный ореол света, отраженного от широкой лопасти. Еще несколько мгновений... Каяк вырвался из нижнего водоворота, замер, вызывая закатывающуюся в тихой заводии, и Оухото помахал ребятам, приглашая следовать за ним.

Джейми не верил своим глазам.

— Вот уж не думал, что такая жалкая скорлупка — и останется целая! — сказал он.

— Хо! Жалкая скорлупка? — возмущенно воскликнул Питьюк. — Да она как рыба. Эскимоса каяк всюду пройдет. Пускай индейский каноэ с ним потягался, сейчас будем глядеть.

Не слишком охотно все четверо уселись на свои места. Джейми занял пост рулевого на корме одного каноэ, Эуэсин — другого. Оухото поддразнивал их, знаками предлагая поторапливаться, а они все равно приближались к порогу с превеликой осторожностью, табанили изо всех сил, но вот течение подхватило их, и пришлось им отдаться во власть реки.

Едва первый миг неуверенности миновал, ребятами овладел неистовый восторг: ведь они плывут через бурлящие пороги. Они ловко направляли лодки, увертываясь от самых больших волн. И вот целые и невредимые, хотя и промокшие под фонтанами брызг, они вылетели на спокойную воду.

Оухото встретил их громким добродушным хохотом, круто повернул свою лодчонку и поплесся вперед, в свободные ото льда воды простиравшегося перед ними нового озера.

— Эскимосы зовут его Тюлений озеро,— ответил Питюк на вопрос Джейми.— Говорят, тюлень доплывает сюда из океан. Может, правда говорят, может, нет.

— Здорово, если правда! — воскликнул Джейми.— Если тюлень поднимается по Большой реке, значит, мы наверняка сумеем спуститься.

— Переплыл один порог — сразу хвастать,— предостерег его Питюк.— Гребь крепче, болтай меньше, а то Оухото не догоним.

Ветер дул теперь путникам в спину, и лодки быстро пересекли шестимильное Тюленьё озеро. Задолго до сумерек они причалили к глубоко вдающемуся в озеро песчаному мысу; он был оторочен ивняком, и это сулило топливо для костра.

Узкий этот перешеек протянулся с юга на север миль на пять и отделял Тюленьё озеро от другого, побольше, лежащего восточнее. Низкий, ровный, он был отличной естественной дорогой для оленей, идущих к северу или к югу вдоль растянувшихся на сто миль берегов Ньюэлтин-туа. Это было первое место, где олени стада могли пересечь преграждавшее им путь огромное озеро. Эскимосы называли этот перешеек оленьей дорогой, и путникам было видно, что совсем недавно по нему прошли многие тысячи оленей.

Разбивая лагерь, они ощутили острый запах хлеба. А когда отошли чуть подальше от берега на плоскую мшистую равнину, оказалось, что несчетные стада карибу обратили ее в густое бурое месиво.

Ребята стояли, и смострели, и скоро увидели, как с отдаленного холма в северном конце перешейка на них пошла медленная и темная, точно патока, волна. Скоро стало ясно, что это — тысячное стадо самцов: по пятьде-

сят — шестьдесят в ряд, они двигались так неотвратно, что Джейми струхнул.

— Скорей уйдем с дороги! — закричал он Эуэсину и Анджелине, что стояли чуть поодаль.

— Зачем боялся, Джейми? — крикнул Питьюк. — Олень не ест тебя. Стой смирно, увидишь, что будет.

Джейми отчаянно хотелось отойти к берегу, но разве мог он отступить: ведь Питьюк не двигался с места. Однако Эуэсин тревожился за сестру и решил не рисковать зря. Олени длинными прыжками пожирали пространство, стадо быстро приближалось, и Эуэсин отвел сестру к самому краю перешейка.

Но вот от головы стада до трех маленьких фигурок, оказавшихся у него на дороге, осталось всего ярдов двести, и первые самцы учуяли запах человека. Некоторые вздернули головы, громко зафыркали, остановились было. Но сзади напирала сотня оленей, и передовым пришлось двинуться дальше.

Оленья волна неумолнно наступала на Джейми. Он круто обернулся, расширенными глазами посмотрел, что делают Питьюк и Оухото. И поразился: Оухото сидел и набивал табаком свою короткую каменную трубочку, а Питьюк небрежно оперся на ружье и посвистывал.

Джейми хотелось бежать что есть духу, но он не дал себе воли, только вскинул ружье. И вот стадо нахлынуло на него.

Казалось, его неминуемо затопчут, но в последний миг поток оленей разомкнулся — они обтекали человека с двух сторон, держась футах в десяти.

Урчало у оленей в животах, похрустывали суставы, остро и резко пахло зверем. Страх Джейми постепенно рассеялся, на смену пришло странное, небывалое волнение, какой-то благоговейный, никогда прежде не испытанный трепет. Живой бурливый поток, стремящийся мимо, несуетливый, бесстрашный, взволновал мальчика до глубины души. Его переполняло чувство близости, чуть ли не любви к этому великолепному невозмутимо спокойному зверю. Стадо наконец прошло, а Джейми стоял словно зачарованный и долго, долго глядел ему вслед.

Подошел Питьюк, лицо у него было торжественно спокойное.

— Теперь чувствуешь, Джейми, да? Дух оленя. Теперь ты знаешь, что эскимос чувствует к тукту. Тукту дает эскимосу жизнь. Тукту, он нам брат.

Мошкара — проклятие тундры

За большим стадом проследовало несколько стад поменьше, и в одном из них Оухото пристрелил на редкость упитанного оленя. Анджелина пошла готовить ужин, а мальчики и Оухото остались разделывать тушу.

В этот вечер все пятеро долго не ложились, сидели у костра и разговаривали. Назавтра предстояло выйти к Большой реке, дальше ребята пойдут одни, без Оухото.

Они плохо представляли себе, что ожидает их впереди. Знали только, что рано или поздно река приведет их к Гудзонову заливу, что на пути будет несколько озер, что река чуть не сплошь в порогах — течение очень быстрое — и что у побережья они, быть может, встретят морское племя — тамошних эскимосов. И конечно, не хотелось расставаться с Оухото. Джейми так и подмывало спросить Оухото, не пойдет ли он с ними до самого побережья, да гордость удержала. К тому же он понимал, что Оухото не сможет подняться потом вверх по Большой реке. По ней только один путь — вниз по течению.

Наутро вставать никому не хотелось. Завтракали хмуро, молча. Наконец Оухото бросил вызов царящему у костра унынию. Он вскочил, весело крикнул, взъерошил волосы Анджелины, добродушно толкнул Питьюка носом в песок и, закинув за спину свой дорожный мешок, побежал к каяку. Путники приободрились, быстро сложили палатку, загрузили лодки. И под голубыми небесами, подгоняемые попутным ветерком, поплыли к истокам Большой реки.

Они только еще вошли в залив, из которого брала начало река, всего несколько миль отделяло их от последней стоянки, и вдруг Анджелина подняла весло.

— Слушайте, — сказала она. — Что это?

Мальчики напрягли слух: откуда-то доносился низкий, приглушенный рокот, точно вдалеке грохотал летний гром.

— Пороги или водопад, — осторожно сказал Эуэсин.

— Большой пороги! — прибавил Питьюк. — Еще много миль до конца залива. Очень большой пороги, а то не услышать против ветер.

Оухото, который далеко их всех опередил, петерпеливо махнул ребятам, и они налегли на весла. Но все оро-

бели, притихли. Чем ближе к концу залива, тем громче становился рокот.

Они причалили к мысу в устье реки, вытащили лодки на берег и вслед за Оухото поднялись на невысокий холм — всем хотелось увидеть, что ждет их впереди.

Картина, представшая их глазам, могла поколебать уверенность самых отважных гребцов. Они стояли словно на приподнятом краю гигантской чаши. К востоку она наклонялась до едва видного в смутной дали горизонта, и по этому бескрайнему склону катила свои воды самая могучая река тундры.

У нее не было ясно очерченных берегов, как у обыкновенной реки. Она переливалась через край чаши и с ревом неслась по каменистому склону — могучий, пенный водоворот, растянувшийся на многие мили.

Грозен был вид реки, но земля, по которой она неслась, и вовсе наводила ужас. Мертвую эту землю всю сплошь усыпали расколотые морозом камни, так что она казалась гигантской кучей шлака. Никому не дано было пройти по ней, даже оленю-карибу. Путь на восток был один — по ревающей реке.

Оухото долго, мрачно смотрел на Большую реку. Когда он обернулся к мальчикам, его обычно веселое лицо прорезали морщины, выдавая тревогу. Он тихо заговорил с Питьюком.

— Оухото говорит, он видел Большой река только зимний время, покрытый льдом, — перевел Питьюк. — Говорит, он не знал, она такой плохой река. Говорит, может, лучше идти назад, становище иннуитов, и плавать на юг тем дорога, каким мы пришли, или ждать зима, тогда ехать на юг на собаках.

Питьюк и Эуэсин посмотрели на Джейми.

— Нет, это не годится, — медленно сказал Джейми. — Помните Илайтутну? А как вели себя эскимосы, когда мы уезжали? Если мы вернемся, этот старый черт скажет: иначе и быть не могло, ведь он нас проклял, — и тогда все перейдут на его сторону. И, наверно, не дадут нам увезти сокровище викинга. И все равно, если мы поедem на юг тем же путем, нас, пожалуй, поймают полиция, мы даже и до Те-Паса не дойдем. А уж в Те-Пасе нас обязательно схватят. Либо мы плывем по Большой реке, либо признаем, что ничего у нас не вышло, и теряем сокровище викинга. Вот только одно: нельзя брать с собой Анджелину — слишком большой риск. На этой

реке с нами что угодно может случиться. Пускай возвращается с Оухото, а зимой приедет с ним на юг, на Тапаутское озеро.

Джейми хотел Анджелине только добра, но она так рассвирепела, словно он дал ей пощечину. Она круто обернулась, глаза ее горели таким гневом, что Джейми даже попятился.

— Нет, ты от меня не избавишься! — крикнула она. — Ты уже сколько раз пытался, Джейми... Ты ненавидишь меня, наверно, потому, что я девушка. Но в пути я не хуже тебя. Может, даже лучше. Ведь ты только... только белый!

Последние ее слова были как плевок в лицо.

Эуэсин сердито схватил ее за руку, рванул назад.

— Замолчи, сестра! — резко сказал он. — Джейми не ненавидит тебя — он за тебя боится. И можешь не возвращаться в становище эскимосов. Ты уже почти взрослая, решай сама, как быть. Только поступай как женщина, а не как девчонка!

Соре не дал разгореться Питьюк:

— Нам разве трудно позаботиться об Анджелине? Да и как ее отпустим? А кто с Эуэсином будет грести, а? На этой реке один в каноэ долго живой не будешь.

— Послушай, Анджелина, — примирительно сказал Джейми. — Я это совсем не со зла. Просто боялся: вдруг с тобой что-нибудь случится. Но ты молодец, не хуже мужчины, правда-правда, не хуже любого из нас, и Питьюк верно говорит, ты нам нужна. Не обижаешься на меня?

Анджелина успокоилась так же быстро, как вспыхнула, застенчиво тронула Джейми за плечо:

— Прости, Джейми. И вот увидишь, со мной не будет никаких хлопот. Ну, поговорили — и хватит. Мужчины всегда слишком много говорят. Пошли, а то опять заспорим.

— Верно, — сказал Джейми. — Поглядим подольше на эти буруны да так напугаемся, что и весла не поднимем.

С Оухото простились быстро и сдержанно. Раз уж все решили продолжать путь, он не стал говорить с ними об этом. Он потерся носом об нос Анджелины, дружески похлопал по спине мальчиков и, запев какую-то эскимосскую песню, скорым шагом пошел к своему каяку, оттолкнулся и понесся по заливу. Он ни разу не обернул-

ся: распрощавшись, эскимосы не оборачиваются. У них это считается дурной приметой.

Ребята еще помедлили на холме, приглядывались к реке, к порогам, строили планы, как плыть. Теперь, когда решено было продолжать путь, вялости их как не бывало.

— Лучше всего пойти по средней протоке, — предложил Эуэсин. — После вон того островка свернем в южную протоку. А там видно будет. Для начала я пойду первым, если хотите. А потом будем меняться, по очереди выбирать путь.

— Что ж, неплохо, — сказал Джейми. — Итак, уважаемые путешественники, поглядим, как мы справимся с Большой рекой!

Каное влетели в скользкую воронку — начало первой стремнины, и гребцы подобрались, напряглись, во рту у всех пересохло, глаза впились в быстрину. Но вот она вышла на стрежень, их неудержимо повлекло к первому порогу, и всеми завладел настоящий азарт. В первом каное Анджелина мастерски работала веслом, мгновенно повинаясь командам Эуэсина. Сам же он, всегда такой сдержанный, скоро уже кричал и вопил, точно индеец из кинобоевика, а юркая маленькая лодчонка металась меж водоворотами, точно испуганная форель. Джейми с Питьюком не отставали: рыжие вихры Питьюка развевались по ветру, Джейми быстрыми, как у белки, глазами всматривался в буруны, стараясь не налететь на камни.

Пустившись в это плавание, остановиться было уже невозможно. Лодки неудержимо несли вперед, казалось, долгие часы, а на самом деле всего минут двадцать. Но вот река круто повернула, обе лодки вылетели в небольшое озеро, и гребцы могли наконец перевести дух.

— Ух ты! — закричал Джейми. — Это почище американских гор! Ай да речка! Мы даже не задели ни одного камешка. А как вы, Эуэсин?

Эуэсин широко улыбнулся, отер лоб.

— У меня баковый гребец что надо. Еще и меня за пояс заткнет.

— Вот как! — засмеялся Джейми. — Ну, двинулись, друзья, живо. При такой скорости мы завтра будем в Черчилле.

Еще несколько часов они все так же мчались вниз по течению. Стремительные пенистые потоки иногда сменя-

лись маленькими озерками, но даже и в них скорость течения была две-три мили в час. К середине дня ребята начали уставать, и когда Эуэсин уловил, что рев впереди становится басовитей, грозней, он круто свернул к берегу, и вторая лодка пошла за ним — все обрадовались случаю передохнуть.

Оказалось, что причалили они как раз вовремя.

Когда ребята вскарабкались на берег, чтобы размяться, они увидели впереди чудовищный водопад; по сравнению с ним все прежние пороги были легкой рябью на мирном ручейке.

До сих пор Большая река только еще играла с ними. Теперь она показала зубы. Впереди, сколько хватал глаз, воды было не видно — одна лишь кипящая пена, из которой там и сям торчали темные лоснящиеся валуны. Казалось, река выплеснулась из своего русла, и, точно взбесясь, мчится на восток по круто уходящему вниз склону.

От недавнего радостного возбуждения не осталось и следа.

— Это уже не порог, — пробормотал Джейми. — Не знаю, как это назвать, но только... только ни на какой лодке там не пройти.

Никто не возразил. Все молча, с испугом глядели на реку.

— Я думаю, может, Оухото верно говорил, — сказал наконец Питьюк. — Может, назад идти надо, другой дорога искать.

— Назад нам нельзя, — возразил Эуэсин. — Мы плыли больше пяти часов. А с какой скоростью — забыл? Чтобы вернуться назад, надо тридцать, а то и сорок миль тащить каноэ против течения. На это уйдет много дней, и на такой реке это еще куда опасней, чем плыть вниз по течению.

— Эуэсин верно говорит, назад пути нет, — сказал Джейми. — Надо двигаться дальше... Но как?

— Только одно делать можно, — сказал Питьюк. — Много идти пешком. Места здесь плоский. Не такой, как позади остался. Холмы нет, большой камни нет, ходить легко. Нам нести не много надо. Каноэ, они легкий. Справимся, а?

— По-моему, либо идти пешком, либо оставаться здесь — другого выхода нет, — сказал Джейми. — Только

давайте здесь переночуем. На сегодня с меня хватит Большой реки!

Следующий день был из тех, которые запомнились ребятам на всю жизнь. Утро настало серое, пасмурное, в воздухе ни ветерка. Еще задолго до рассвета налетело комарье. И с ним еще один бич тундры — гнус.

Мошкара эта родится в мелких водоворотах на быстрых реках, а на Большой реке таким водоворотам нет числа. Гнус так и роился над стоянкой, облаком окутывал головы ребят. Мошки проникали в каждую дырочку в одежде, а дорвавшись до голого тела, впивались в него — на коже оставалась капелька крови и вздувался волдырь, который нестерпимо зудел.

Едва выбравшись из спальных мешков, путники уже не могли даже развести костер и позавтракать.

— Живей! Живей! — кричал Джейми. — Хватайте поклажу! Надо скорей уносить ноги!

Ни слова не говоря, Эуэсин поднял одно каноэ, Питьюк подхватил другое. Перевернули их вверх дном, вскинули на плечи и рысцой пустились по пропитанному водою мхам. Джейми и Анджелина поспевали за ними по пятам, обвешанные поклажей: тащили свертки, спальные мешки и весла. Захватить все не удалось, за несколькими тюками надо будет вернуться.

Они сбежали, но преследователи не отставали. Туча мошкары разрасталась. Эуэсин и Питьюк должны были обеими руками удерживать каноэ и потому не могли отмахиваться от насекомых, а те садились на лицо, лезли в глаза, забивались в ноздри, в рот. Через полмили поневоле пришлось сбросить каноэ на землю, чтобы отогнать мучителей.

Досталось и Джейми с Анджелиной. Нагнав товарищей, они тоже сбросили поклажу и неистово замахали руками.

— Не могу я! — закричал наконец Джейми. — Надо что-то придумать!

— Раскройте тюки. Достаньте запасные рубашки, — распорядился Эуэсин. — Оберните ими голову и лицо. Затяните потуже манжеты. Станет полегче. Надо идти дальше. Может, увидим у реки ивняк, тогда разложим дымовой костер.

— Оставляем каноэ здесь, — прибавил Питьюк приглушенно: он уже обернул голову длинной фланелевой

рубахой.— Быстро бежим. Надо находить топливо, пускать большой дым!

Засунув тюки под каноэ, ребята последовали его совету, и скоро уже мчались по равнине, точно за ними гнались бесы.

Измученные, чуть не плача от усталости, они забрегли в какую-то долинку, по которой бежал к Большой реке ручеек, и в этом укромном местечке увидели негустой ивняк. С жадностью дикого зверя тянули и рвали ребята зеленые ветки и скоро накидали их целую кучу. Дрожащими руками Эуэсин поднес спичку к сухому мху, который он подсушил под ветки.

Ветки были зеленые, сырые, разгорались медленно и не давали тепла, но не тепла жаждали путники.

Желтый дым клубился над тлеющей кучей и низко повисал в недвижимом воздухе. Один за другим ребята кидались в дым и, тут же вынырнув, кашляли, отплевывались, вытирали слезящиеся глаза. На них миглом набрасывался новый рой мошкар и снова загонял их в дым.

Так они промучились несколько часов кряду. То задыхались от дыма, то доходили до неистовства от несчетных укусов. Когда наконец пришло спасение — сильный дождь, а потом и восточный ветер, — все четверо уже выбились из сил.

Таким счастьем было избавиться от гнуса, что они не замечали ни промокшей насквозь одежды, ни холодного восточного ветра и, пока Эуэсин их не поднял, в изнеможении лежали на пропитанных водой мхах.

— Надо возвращаться к каноэ. Если ветер разгуляется, они перевернутся, и все наши пожитки промокнут.

— Пускай льет! Пускай льет! — закричал Джейми. — Это ж надо — радоваться дождю! Вот уж не думал! Ладно, Эуэсин, ты прав, как всегда. Пошли.

В тумане, по мокрой тундре побрели они к брошенному каноэ. Пока дождь не кончился, нечего было и думать идти дальше; они забрались под лодки и, мокрые, дрожащие от холода, провели там остаток этого мучительного дня. К вечеру дождь поутих, лишь слегка моросило, и ребята вылезли наружу. Все мышцы у них одеревенели, лица распухли, и они совсем пали духом, но делать было нечего — пришлось тащить каноэ и всю поклажу в укромную долинку. С трудом опять разожгли костер, но огонь был так слаб, что даже чаю не уда-

лось вскипятить; выпили просто по кружке теплой воды. Валясь от усталости, поставили палатку и забрались в нее.

Промокшие, сбившись кучкой, точно едва не утонувшие щенята, они в конце концов задремали, но прежде Питюк несколько минут что-то бормотал по-эскимосски.

— Ты чего там, Пит? — спросил Джейми.

— Не смейся надо мной, Джейми. Я говорю старый шаманский песня, прошу дух ветра: дуй, дуй, всегда дуй.

— Смеяться над тобой? Послушай, Пит. Скажи мне слова, и я сам тоже запою. Пускай будет любой ураган, только бы не эта мошка!

То ли дух ветра влиял заклинанию Питюка, то ли путникам просто улыбнулось счастье, но ветер не ослабевал всю ночь и теперь задул с севера. Утро наступило ясное, прохладное, гнуса как не бывало.

Ребята плотно позавтракали, подняли свою ношу и зашагали вслед за Питюком — он, казалось, умел находить надежную опору для ноги даже в самых заболоченных местах.

Идти пришлось не так долго, как они боялись. Милях в пяти от начала бешеного водопада они вышли к довольно большому озеру. Анджелина и Эуэсин остались здесь разбивать лагерь, а Джейми с Питюком пошли назад за оставленной поклажей. Вернулись они уже почти в темноте, но их ждал жаркий костер и вдоволь мяса, зажаренного на длинных палках над угольями.

Усталые, но успокоенные, они завернулись в меховые одеяла. На завтра им предстояло плыть несколько миль по спокойной воде. А что будет за этим озером, они не позволяли себе думать. И брат с сестрой и Питюк усвоили с самого детства: надо жить сегодня и не слишком тревожиться о том, что принесет тебе завтра. Джейми начал понимать, что такое отношение к жизни необходимо тем, кто странствует и кочует. Засыпая, он уже спокойно думал об их путешествии:

«Сумасшедший край. Один день несемся, как экспресс, делаем чуть не сорок миль. А на завтра ползем, как больной лемминг¹. Ну и пускай, когда-нибудь ведь доберемся... Наверное доберемся».

¹ Лемминг — млекопитающее из семейства мышеобразных.

На другой день, то был их третий день на Большой реке, путники продвинулись далеко вперед. Легкий ветерок держал мошкарку в осаде и подгонял лодки. Впрочем, подгонять их вовсе и не требовалось: Большая река по-прежнему мчала свои воды вниз по склону с головокружительной быстротой. Гребцам приходилось налегать на весла лишь настолько, чтобы направлять каноэ куда требуется, а течение само несло их порою со скоростью восемь, а то и девять миль в час.

Нередко путь преграждали пороги, но мальчики и Анджелина уже начинали к ним привыкать. Они благополучно одолели десяток крупных порогов и несчетное множество мелких.

Теперь стало полегче, и они могли чаще смотреть по сторонам, но смотреть-то, в сущности, было не на что. Большая река по-прежнему несла их через голую, однообразную тундру. Под вечер плоскую равнину сменили невысокие холмы. Ребята глядели в оба: не покажется ли наконец ельник? Эскимосы говорили, что лес должен начаться перед единственным на этой реке большим озером.

Завечерело. Они плыли по небольшому озерку, и вдруг Питьюк, сидевший на носу первого каноэ, крикнул и указал веслом. И все увидели у подножия высокого песчаного бугра, с южной стороны, несколько деревьев. Радостно взволнованные, они повернули к берегу и причалили подле этого «леса».

Жалкий это был лес: всего-то несколько темных карликовых елей, больше похожих на кусты, чем на деревья. То были самые выносливые лазутчики лесов, что росли южнее. Они как-то ухитрились выжить здесь, на краю открытых всем ветрам равнин. Джейми срубил одну ель и по кольцам на древесине определил, что дереву этому, поднявшемуся всего на шесть футов над землей, больше ста лет.

Впервые за много недель путники разожгли в этот вечер большой и жаркий костер. Они развесили вокруг на деревьях одеяла и одежду, чтобы все просохло, а сами блаженствовали, сидя подле пляшущего пламени. На землю спустились густые сумерки, которые летом в тундре заменяют ночную тьму. Питьюк и Анджелина уже

забрались в свои спальные мешки, а Джейми и Эуэсин еще допивали чай. И вдруг Джейми вздрогнул так, что пролил чай, и, оцепенев, прошептал Эуэсину:

— Гляди! Вон там, у берега!

Эуэсин обернулся, и волосы у него стали дыбом. В каком-нибудь десятке шагов от них сидели два огромных белых волка; глаза их в отвесах костра отсвечивали зеленым.

Ребята замерли в испуге. Потом Джейми осторожно протянул руку. Не сводя глаз с волков, медленно поднял к себе ружье, неслышно достал патрон и уже хотел прицелиться.

— погоди! — прошептал Эуэсин. — Не стреляй. Они не собираются на нас нападать. Понимаешь? Им просто любопытно.

Джейми с сомнением опустил ружье. Но понемногу он пришел в себя и понял, что Эуэсин прав.

Волки не сделали ни одного угрожающего движения и только с откровенным любопытством смотрели на мальчиков.

Наконец зверь поменьше поднялся; встряхнулся, совсем как собака; медленно, словно бы неуверенно помахал раз-другой пушистым хвостом и осторожно двинулся ближе к костру. Это была волчица. Она очень походила на громадную, дружелюбно настроенную лайку, и страх Джейми совсем рассеялся.

— Наверно, они никогда не видели людей, — прошептал Эуэсин. — Они еще не знают, что нас надо бояться. Смотри, я сейчас кину им кости от ужина.

Эуэсин медленно встал, чуть отошел от костра, подобрал несколько ребер. При первом его движении волчица замерла на полушаге, с поднятой лапой, а волк встал и попятился.

Эуэсин принялся урчать, точно пес, который хочет свести дружбу со своим собратом. И оба волка мигом навострили уши.

Эуэсин осторожно кинул им кости и вернулся к костру.

— Они не понимают, что мы такое, — пробормотал Джейми.

И чуть не фыркнул — такой у волков был озадаченный вид: они глядели друг на друга, будто спрашивали: «Ну, как нам быть?» Наконец волчица боязливо сделала несколько шагов, схватила кость, повернулась и пусти-

лась наутек, словно удирала от самого черта. Волк следовал за ней по пятам.

Эуэсин громко рассмеялся:

— Им будет что рассказать своим волчатам. Их логово где-нибудь поблизости — может, прямо среди валунов. Волки любят такие места. Может, утром успеем посмотреть.

Утром Джейми рассказал Питьюку и Анджелине про ночных гостей, и Питьюк разволновался:

— Эмбу, волк, мой дружеский дух. У каждый эскимос есть какой-нибудь зверь — дружеский дух. Волки, наверно, приходили ко мне в гости, а я спал. Теперь они думают, я плохой друг. Пойду искать их дом, скажу, виноватый я.

Он вскочил и быстро полез по крутому склону холма.

Питьюк пришел через полчаса, когда остальные уже свернули лагерь и совсем собрались в путь. Он улыбался до ушей, в руках у него копошился серый мохнатый комок.

Это был волчонок. Питьюк опустил его наземь, и пушистый звереныш кинулся на своих коротких лапах к Эуэсину, стал обнюхивать его ноги. Людей он ничуть не боялся.

— Поздоровайтесь с маленький эмоу,— сказал Питьюк друзьям.— Он будет здесь недолго. Ему домой надо. Вон видите? Старый волк ждет.

Питьюк показал на гребень холма: там стояли и беспокойно подергивали хвостами оба взрослых волка.

— Черт возьми, Пит! Это же очень опасно! — воскликнул Джейми.— Собака и та не спустит, если тронешь ее щенка.

— Не бойся, Джейми. Я с волками друзья. Они знают, мы не обижаем. Эскимосский мальчишка часто играет у логова с волчата.

— Какой милый, жалко отдавать,— сказала Анджелина; она опустилась на колени и ласково трепала волчонка за уши.

— Нет, лучше он живет свой край,— мягко сказал Питьюк.— Надо относить. Вы ждете, я быстро.

Он взял волчонка, который тотчас принялся жевать его ухо, повернулся и полез вверх по склону. Джейми смотрел с тревогой. К его изумлению, волки не попятись, но стояли и ждали, а когда Питьюк прошел мимо в каких-нибудь трех шагах от них, затрусили следом.

— Нипочем бы не поверил, если б не увидел своими глазами,— ошеломленно и даже почтительно сказал Джейми.— Если Пит умеет так приручать волков, значит, он любого дикого зверя приручит.

Эуэсин расплылся в улыбке:

— Верно, только, по-моему, лучше всего он приручает диких индейских девушек.

В то утро они все пустились в путь в отличном настроении. Джейми даже осмелился слегка пошутить насчет проклятий шамана, хотя меж ним и Питьюком существовало молчаливое соглашение об этом не заговаривать. Каное миновали небольшой порог, обогнули мыс, и Джейми дружелюбно сказал:

— Вроде счастье начинает нам улыбаться, Пит. Мы ушли так далеко, что, похоже, колдовство Илайтутны уже не действует, если не брать в расчет гнуса.

Но Питьюк все еще не склонен был относиться к этому так легкомысленно.

— Мы еще не приехал Черчилл,— отрезал он.— Лучше молчи, гляди оба глаза.

А на Большой реке и в самом деле надо было смотреть в оба: плавание все больше напоминало слалом. В этот день пороги встречались все чаще, и от одного до другого удавалось передохнуть всего несколько минут. Но ребята уже приноровились и двигались так быстро, что делать привал не хотелось, и они неслись вниз по течению до самых сумерек. Лодка Джейми и Питьюка шла первой, когда река вдруг круто повернула, сузилась и они очутились на грохочущей стремнине. Порог предстоял трудный, и прежде следовало бы задержаться и разведать его, но они были уверены в себе, и Джейми предпочел взять его штурмом.

Зато уж им с Питьюком и досталось: как раз посреди реки, за порогом, возник невысокий мыс; вода, откатываясь от него, встала дыбом. Их каное благополучно проскочило сквозь эту водяную стену, хотя оба основательно промокли. За мысом была заводь, и тут они задержали свою лодку, дожидаясь чуть отставших Эуэсина с Анджелиной.

Но когда Эуэсин оказался перед стеной кипящих вод, он вдруг изменил курс, попытался свернуть влево, где стена казалась не такой грозной. Не успела Анджелина

понять, чего он хочет, как лодку развернуло бортом. Еще миг, и лодка вышла из повиновения — ее кинуло бортом на волну.

В ужасе, не в силах ничем помочь, Джейми и Питьюк смотрели, как лодка друзей исчезла в кипящей пене. Через миг она вынырнула за мысом, но уже вверх дном, да и оно едва выступало из воды. С безмерным облегчением ребята увидели, что и Эуэсин и Анджелина держатся за свою потерпевшую крушение посудину.

Джейми и Питьюк в два счета оказались подле затопленной лодки, ухватили ее за нос и потащили к берегу, подальше от водоворота, Эуэсин с Анджелиной с трудом выбрались на сушу, оба тяжело дышали и похожи были на вынырнувших из воды мышей. Все четверо подтянули затопленную лодку и выволокли на берег.

Анджелина и Эуэсин совсем околели. Питьюк кинулся разжигать костер — на предыдущей стоянке они запаслись сушняком. Меж тем Джейми поспешно распаковал свои и Питьюка одеяла и спальные мешки, чтобы

брат и сестра могли скинуть промокшую одежду и вернуться во все сухое и теплое.

Потом Джейми с Питьюком принялись извлекать все пожитки из полного воды каноэ. Одежда и одежду развесили на веслах, воткнутых стоймя в землю у костра. Драгоценный тюк с сокровищем викинга осмотрели и с радостью обнаружили, что он и в самом деле не пропускает воду и ничуть не пострадал. В каноэ с одного борта зияла пробоина дюймов в десять длиной, но ее ничего не стоило заделать, налепив растопленной смолой заплату из бересты. Короче говоря, ребята вроде бы легко отделались, а ведь были они на волосок от гибели.

Сообразив, какой опасности избежали, они несколько ошалели от радости. Эуэсин даже пытался посмеяться над своей глупостью — надо ж ему было менять курс! — но Питьюк не дал ему договорить.

— Нигде не вижу ружье, — негромко сказал он.

Все ошеломленно смолкли.

— Оно было на дне каноэ! — в отчаянии крикнул Эуэсин. — Я его отвязал, думал, на берегу олень стоит... и забыл привязать.

До них не сразу дошло, чем им грозит потеря ружья. Вслух об этом сказала Анджелина:

— Без ружья не раздобыть мяса. А без мяса нам нельзя — слишком мало припасов.

Питьюк мрачно кивнул:

— Не будем стрелять олень — скоро голодный будем. Запас всего на два, на три день.

— Слушайте, — хватаясь за последнюю надежду, сказал Джейми, — эта заводь наверняка не очень глубокая. И вода как стеклышко. Пошли, Пит. Свету еще хватает. Может, углядим ружье и как-нибудь выудим.

Мальчики мигом прыгнули в уцелевшее каноэ и поплыли на середину заводи, чуть пониже мыса. Джейми перегнулся, вглядываясь в воду, попробовал нащупать веслом дно.

— Ничего не выходит, — сказал он наконец. — Дна не видно, и веслом до него не достать. Пит! Привяжи топорик к тросу и кинь за борт.

Питьюк опустил топорик за борт, а когда он достиг дна, потянул веревку обратно, вымеряя рукой ее длину.

Он был мрачнее тучи.

— Глубина больше десять футов, Джейми. Там мы не найдем ружье.

Хмурые, они причалили к берегу, рассказали друзьям о своем невеселом открытии. Похоже было, надеяться не на что. Эуэсин и Питьюк были не слишком хорошие пловцы; где уж им совладать с таким быстрым течением, а тем более нырять на глубину десять футов... А Джейми хоть и плавал отлично, но нырять не мог: в детстве он перенес тяжелое воспаление среднего уха и давление на барабанные перепонки причиняло ему нестерпимую боль. Казалось, выхода никакого нет, но тут заговорила Анджелина.

— Я нырну за ружьем,— сказала она.— Это и моя вина, что мы его потеряли. Сообразила бы я быстрее, что Эуэсин поворачивает, лодка бы не опрокинулась. Плаваю я хорошо и ныряю глубоко.

В сердце Джейми вспыхнула надежда, но тут же погасла.

— Нет, Анджелина, это не годится. Вода слишком холодная. Тебе не выдержать.

Глаза девушки засверкали.

— Тебе, может, и не выдержать. А я из племени кри!

— Моя сестра плавает и ныряет, как выдра,— вмешался Эуэсин.— Но ты верно говоришь, Джейми: вода слишком холодная и слишком быстрая.

Теперь Анджелина обрушилась на брата:

— Может, нам лучше всем помереть с голоду, да? Говорят тебе, я умею нырять и нырну! — Она повернулась к Питьюку, который стоял молча, не зная, что сказать.— Питьюк, ты ведь веришь, что я справлюсь? Скажи им, что я справлюсь!

Восхищенный ее мужеством и в то же время уверенный, что правы Эуэсин и Джейми, бедняга Питьюк только что-то неразборчиво пробормотал. Анджелина смерила его холодным взглядом, потом так быстро, что мальчики не успели ей помешать, отшвырнула одеяло и кинулась к берегу. Эуэсин сердито крикнул, бросился за ней, но было уже поздно. Тоненькая фигурка Анджелины на миг застыла на береговом откосе, искусный прыжок — и она скрылась под водой.

— Спятила! — завопил Джейми.— Хватай каноэ, Пит!

Эуэсин, не в силах помочь, стоял на берегу, а Джейми с Питьюком вскочили в каноэ и, яростно работая веслами, понеслись к середине заводи. С Анджелиной они поравнялись, когда, сильно и уверенно взмахивая рука-

ми, она подплывала к мысу. Питьюк перегнулся через борт, хотел ее схватить, но она нырнула, точно тюлень.

Через несколько секунд она вынырнула уже у самого подножия водопада. Мальчики устремились к ней, но опоздали — она глотнула побольше воздуха и снова скрылась под водой.

Эуэсин был вне себя. Он по бедру вошел в реку и хотел уже пуститься вплавь, и только гневный окрик Джейми остановил его:

— Не дури, Эуэсин. Ты тоже потонешь. Я сейчас за ней нырну... Пит, удерживай каноэ...

Джейми сбросил сапоги, куртку, и тут Питьюк крикнул:

— Вынырнула! Помогай, Джейми!

Чуть не опрокинув лодку, Джейми прыгнул на нос. Питьюк держал Анджелину одной рукой, но у него не хватало сил втащить ее в лодку. Джейми перегнулся, подхватил ее под мышки. Вдвоем они подтянули ее повыше, перетаскили через борт. Анджелина свалилась на дно лодки, и тут что-то тяжело стукнуло о дерево. Правая рука Анджелины крепко сжимала ружье.

Анджелина почти потеряла сознание, им пасилу удалось разжать ее холодную как лед руку и вынуть ружье. Через несколько минут они уже перенесли ее к огню, закутали в меховые одеяла, и Эуэсин старался влить горячий чай в плотно сжатые синие губы. Все тело Анджелины волнами сотрясала неудержная дрожь. И все же она ухитрилась слабо улыбнуться. И едва слышным шепотом, так что мальчикам пришлось к ней наклониться, чтобы расслышать, сказала:

— Девушка кри все может... Теперь видите?

Джейми молча кивнул. Но Питьюк наклонился к ней поближе, неловко взял ее за руку; в глазах его светилось чувство еще более глубокое, чем восхищение.

— Я очень хорошо вижу,— хриплым от волнения голосом пробормотал он.— Я так думаю, мы никогда не забыть, на что способен девушка кри.

ГЛАВА 21

Морское племя

Июльские дни мелькали один за другим, и путники все дальше продвигались к востоку. Большая река как будто немного поуспокоилась; пороги, правда, встречались ничуть не реже, но почти все их можно было

одолеть, хотя и не без труда. А уж там, где река оказывалась непроходимой, ребята берегом перетаскивали лодки и весь груз. Погода по-прежнему стояла спосная, ураган налетел лишь однажды, и тогда из-за проливного дождя и штормового ветра они два дня просидели в палатке. Наконец они добрались до озера Эдехон. Это огромное озеро протянулось на тридцать миль к юго-востоку. Ребята медленно плыли вдоль сильно изрезанного берега, отыскивая выход, и нашли его на северо-западе, в почти незаметном со стороны заливе. На поиски эти ушло еще два дня.

Так пустынен был край, по которому пролегал путь, что в конце концов это стало их угнетать. После оленьей дороги они не встречали никаких следов человека. Не видно было ни старых стоянок, ни хотя бы следов топора в изредка попадавшемся ельнике. Можно было подумать, будто человечество спокон веку избегало Большой реки, и ребятам понемногу становилось не по себе: словно они покинули обитаемый мир и вступили в какую-то гиблую пустыню.

Но если на Большой реке не было людей, была на берегах ее другая жизнь. Несколько раз ребята видели волков, и почти каждую ночь на стоянки заявлялись полярные лисицы — бесстрашно подходили чуть не к самому костру. Раз Анджелина даже соблазнила лисицу взять у нее из рук кусок мяса.

На самой реке тоже шла своя жизнь. Здесь много было гусей, уток, встречалась и вовсе незнакомая живность. Однажды, вскоре после того как осталось позади озеро Эдехон, путники миновали крутой порог и оказались в крохотном озерке, которое посредине перерезала песчаная полоса. Джейми заметил на ней три огромных лоснящихся черных камня, и только было хотел показать Питьюку эти странные камни, как вдруг один из них перевалился к самой кромке берега и с оглушительным плеском бултыхнулся в воду.

Путники в изумлении тарашили глаза на то место, где скрылся живой «камень». Джейми первым понял, кого же это они видели. С криком направил он каное к длинному мысу.

Два оставшихся тюленя подпустили к себе лодку футов на сто и тоже двинулись к воде. Питьюк схватил ружье, но поздно — тюленей и след простыл.

Пит்யук был явно огорошен, и это очень позабавило Джейми.

— Тюлени — не олени, чудака человек! Они плавают не по воде, а под водой. Теперь смотри в оба. Где-нибудь они еще высунутся, глянут на нас.

Через несколько мгновений совсем близко выплынула лоснящаяся усатая большеглазая голова. Появилась она так внезапно, что Пит்யук чуть не вывалился из каноэ. Не успел он опомниться и вскинуть ружье, как тюлень уже снова исчез.

Второй тюлень неосторожно всплыл около самого каноэ и снова поспешно нырнул, подняв такой фонтан брызг, что ими обдало Пит்யука и на миг ослепило. И тут Анджелина не удержалась и захохотала.

— Брось, Пит! — крикнул Джейми, видя, как запрыгало ружье в руках приятеля. — Еще пристрелишь кого-нибудь из нас. И что толку их убивать... Потонут, и нам все равно не вытащить. Садись, давай просто посмотрим.

Не слишком охотно Пит்யук сел и отложил ружье. Лодки лениво отдались на волю течения, и скоро все три тюленя высунули головы из воды. Они подплывали все ближе, ближе, но изредка то один, то другой вдруг пугался. Шумно фыркнув, он с плеском уходил под воду, а потом любопытство опять брало свое, и он опять выглядывал.

Наконец представление это надоело ребятам, они взяли за весла, поплыли дальше, и тюлени последовали за ними. Они сопровождали лодки, пока те пересекали озеро, и отстали только перед новым, особенно грозным порогом.

— Я читал про пресноводных тюленей, — сказал Джейми, когда они готовились обойти порог берегом. — Они вообще-то живут в устьях рек, но некоторые привыкают к пресной воде и поднимаются вверх по рекам, заплывают в озера и так там и остаются. Ученые мало что о них знают, из белых почти никто не видел их на Севере. Так что нам повезло.

— Хорошо, я не стрельнул, — сказал Пит்யук. — У них морда как у смешной старик. Они хороший знак. Раз тюлень здесь, значит, соленый вода недалеко.

Наутро — ровно через две недели после того, как путники миновали дорогу оленей, — они вошли в длинный западный залив какого-то озера. Они плыли вдоль каме-

нистого берега, и вдруг Питьюк стал неистово размахивать веслом. Все на него уставились, и тогда он показал на невысокий холм неподалеку от берега: там стояли три инукока, три эскимосских каменных человека, и, казалось, безмолвно приветствовали путников.

— Теперь близко! — крикнул Питьюк. — Наверно, их сделал морской племя. Оухото говорил, поздний лето они идут вверх по река и ждут тукту. Зимой живут на равнина, а пришел весна — опять идут к море. Теперь надо становище искать.

Но знакомство с морским племенем произошло не в становище. Немного позднее в тот же день они снова входили в Большую реку и на холме, неподалеку от берега, увидели перевернутое вверх дном, непривычно большое белое каное.

Ребята причалили и взобрались на холм. Поблизости не видно было никаких признаков становища, а каное оказалось очень старым. Паруса почти все сгнили, деревянную обшивку выбелили ветры и солнце.

Питьюк озадаченно уставился на каное, а Эуэсин и Джейми стали тщательно его осматривать.

— Наверно, под ним что-нибудь спрятано, — сказал Джейми. — Давай перевернем.

Вдвоем они наклонились и взялись за планшир. Пришлось поднатужиться: ведь это было не маленькое речное каное, а морское, длиной в двадцать два фута. Сильно рванув, они его приподняли, и тут Питьюк закричал:

— Нет, нет! Не ворочать! Оставляй!

Но было уже поздно. Большое каное закачалось и с треском упало набок.

— Нельзя трогать! — кричал Питьюк. — Дурак я. Раньше не догадался. Это могила морской эскимос!

И он был прав. Под каное лежала бесформенная груда сгнивших шкур карибу. Лисицы и зверье помельче основательно все здесь перерыли, и кое-где виднелись белые человеческие кости. Рядом с останками оказался деревянный ящичек без крышки, а в нем — каменные трубки и иная походная мелочь. Тут же лежали насквозь проржавевшее ружье, гарпун на длинной рукояти и два сломанных весла.

— Надо быстро закрывать! — резко, взволнованно сказал Питьюк. — Наши края эскимос хоронит мертвых

на земля, кладет с ним инструмент и оружие для другой мир. Мой племя кладет наверх камни, а морской племя кладет каноз.

Он поспешно шагнул к каноз. Джейми и Эуэсин, потрясенные тем, что увидели, молча к нему присоединились. Все вместе они наклонили тяжелое каноз и осторожно опустили его на прежнее место, закрыв покойника и его снаряжение.

Подавленные, притихшие, ребята торопливо поплыли вниз по реке. Но они понимали, что большое каноз — все же добрый знак. Наверно, пониже этого места река не такая уж порожистая и неодолимая, иначе никто не привел бы большую лодку так далеко против течения.

Нрав Большой реки и в самом деле переменился. Она уже не мчалась вниз по склону, будто скорый поезд. Теперь она много спокойнее катила свои воды по плоской равнине меж озер, болот и бесчисленных топей. Хотя путники и не знали этого, но они были уже на прибрежной равнине, которая окаймляет Гудзонов залив.

В этот вечер они остановились на ночлег в том месте, где люди останавливались уже многие века. Ясно видны были следы десятков чумов. В нескольких сложенных из камня очагах еще сохранилась свежая зола. Тут же неподалеку аккуратно составлены были под грудями камней покрытые шкурами ящики и тюки. Здесь запрятано зимнее снаряжение нескольких эскимосских семей, пояснил Питбюк.

— Теперь скоро будем на место,— радостно объявил он.

У Джейми лицо стало серьезное, озабоченное.

— На каком месте? — спросил он.— Мы ведь понятия не имеем, в каком месте Большая река впадает в Гудзонов залив. Никто из твоих зимой никогда не доходил до самого ее устья, Пит. Между озером Эдехон и морем они уходили с реки и ехали напрямик, по равнине. Дальше мы совсем не знаем дороги.

— Ну, кое-что мы знаем, Джейми,— возразил Эуэсин.— Знаем, что устье севернее Черчилла. Значит, повернем на юг и поплывем вдоль берега — только и всего.

Джейми презрительно фыркнул:

— Легко сказать! «Только и всего» называется! Ты не знаешь моря, Эуэсин. Видел то большое эскимосское каноэ? Для открытого моря оно совсем не такое большое. А уж что будет с нашими скорлупками, даже думать не хочу.

Анджелина налила всем по кружке жидкого чая — заварки у них уже почти не осталось.

— Чего ты беспокоишься? — весело спросила она. — Мы прошли много-много миль, и все живы и здоровы. Ничего с нами теперь не случится. Трое настоящих мужчин и я — вот увидишь, отлично управимся.

Наутро они проплыли больше десяти миль, а потом их внесло в маленькое треугольное озеро. В северном его конце они увидели еще одно морское каноэ, вытасченное на берег, а рядом с ним эскимосский чум — топэй. Дымок над небольшим костром означал, что на этот раз они увидят живых людей.

Когда они поплыли к стоянке, их охватило беспокойство. Чувство это было сродни тому, что испытывает актер перед выходом на сцену. Слишком давно не видели они незнакомых людей, и оттого при мысли о предстоящей встрече с чужим народом даже растерялись немного.

Они подплывали так тихо и осторожно, что их заметили, когда до берега оставалось всего несколько ярдов. Старый эскимос с жиденькой черной бороденкой вышел из чума, глянул на них, вздрогнул и поспешно нырнул обратно в чум. Через минуту он снова появился, а с ним вышли старуха и двое подростков. Все четверо стояли и опасливо смотрели на пришельцев, а те так же молча смотрели на них.

Недоверчивое ожидание длилось бы еще долго, но Анджелина погрузила весло в воду, готовясь подвести каноэ к берегу, и певуче выкрикнула приветствие на языке племени кри.

Тут и мальчики вышли из оцепенения.

— Так толк нет, Анджелина. Они не понимал. Я скажу.

Питьюк окликнул хозяев на своем языке. Молчаливая настороженность четверых людей на берегу как будто рассеялась. Старик крикнул что-то в ответ, и у него с Питьюком завязалась оживленная беседа.

Наконец Питьюк сказал друзьям:

— Все порядок. Они хороший люди. Мы ходим на берег.

Пока они вытаскивали лодки из воды, он объяснил:

— Мы напугал эти люди. Никто никогда не плавал в каное вниз по Большой реке, они никогда такое не слышал. Они не знают, кто мы такой. Но теперь все ладно. Они хорошо меня понимал, только говорят немножко не как мой племя. Они рады гостям. Мы пойдем их чум.

Люди из морского племени оказались такими же радужными и дружелюбными, как и все другие эскимосы в других местах. Старик, его жена и два их внука были только частью семьи, состоящей из двенадцати человек. Все остальные за три недели перед тем отправились на побережье охотиться на тюленей и продавать лисьи шкурки белому человеку, который, по словам старика, жил в дельте Большой реки. Стариков и обоих мальчишек оставили здесь, чтобы они ловили сетями и вялили полярного гольца — красную рыбу вроде лосося.

Старуха суежилась у костра, варила в котле гольца для угощения, а путники сидели в чуме и разговаривали со стариком и робеющими мальчишками. Услышав, что в дельте реки живет белый торговец, ребята обрадовались:

— Спроси, как зовут этого белого, Пит. Спроси, он представитель Гудзоновой компании или кто-нибудь еще?

— Он говорит, этот человек не Гудзонов компания. Говорит, зимой сам ставит капканы на лисица. Весной немножко торгует с морской племя. Летом плывет в большой лодке в Каменный крепость — это они Черчилл так называют.

— Вольный торговец! Слушай, Пит! Когда он уплывает в Черчилл? Может, еще не уплыл?

Питюк снова заговорил со стариком.

— Говорит, не знаю. Может, уплыл, может, нет. Говорит, нам скорей плавать надо, может, успеем. Говорит, перед дельта Большой река разделяется. Много, много рукав. Только один идет к дому белый человек.

— Спроси: может, он покажет нам дорогу? — вмешался Эуэсин.

Питюк спросил.

— Сам идти не может, — перевел он. — А один внук, может, пойдет. У старика нет табак. Сильно хочет табак.

Внук может идти, потом приносить старику табак. Говорит, плыть надо завтра утром. Теперь будем много есть, рассказать, откуда пришел.

Ребята очень боялись, что не успеют повидать белого до его отъезда в Черчилл, но понимали: ничего не поделаешь — придется обуздать нетерпение. И весь этот долгий день они отдыхали. Они досыта наелись свежим гольцом и копчеными оленьими языками. Любопытные, как щенята, сновали они по становищу в сопровождении мальчиков-эскимосов, которых звали Пайак и Миккилук. Со всех сторон рассмотрели каменную запруду, с помощью которой заворачивали гольца в заводь, когда рыба шла вверх по течению метать икру. С восхищением глядели, когда Пайак и Миккилук показывали, как ловить гольца длинным гарпуном о трех зубьях, точно трезубец Нептуна.

В тот вечер они много часов просидели в чуме, пока старик разговаривал с Питьюком. Эуэсину, Анджелине и Джейми было скучновато, но Питьюк и старик отлично провели время. Впервые за несколько десятилетий встретились представители двух племен, и им было что порассказать друг другу. Джейми, Эуэсин и Анджелина устали и легли спать, а беседа между Питьюком и приморскими жителями была еще в разгаре.

ГЛАВА 22

Джошуа Фадж

Наутро, чуть свет, ребята простились с гостеприимными хозяевами и снова поплыли по реке. Джейми пересел в каноэ Эуэсина, и Анджелина сидела теперь посередине. Каноэ Питьюка шло первым, на носу лоцманом сидел Миккилук.

Следуя его наставлениям, они без труда преодолели пороги, которые встретились за несколько часов плавания. Ближе к полудню Миккилук направил каноэ к берегу, чтобы перекусить. Мальчики и Анджелина взобрались на берег, на крутую гряду валунов, и глазам их открылась необозримая ширь серых вод.

— Море! — с гордостью сказал Миккилук.

Это и вправду было море, ибо Гудзонов залив — тот же океан; он раскинулся с севера на юг на восемьсот миль, а в поперечнике в нем больше четырехсот миль.

Вид этих бескрайних волнующихся вод поразил Питьюка, Эуэсина и Анджелину — никто из них никогда еще не видел моря.

— Ой, ой! Очень большой для меня! — воскликнул Питьюк.

— Да, в шторм там лихо придется, — согласился Эуэсин. — Теперь я понимаю Джейми. На каноэ туда со- ваться нечего.

— Может, повезет, тогда каноэ не понадобятся. Если торговец еще не уплыл, может, он нас возьмет с собой? Если только он не очень вредный.

Ребята очень скоро узнали, что за человек этот торговец.

Большая река начала делиться на рукава: они разда- вались вширь, и их становилось все больше. Путники во- шли в широкое, доступное приливам устье, которое раз- лилось на десятки квадратных миль, образуя почти не- проходимый лабиринт рукавов и низких голых остров- ков. Без Миккилука им пришлось бы много дней искать дом торговца. Но Миккилук безошибочно вел их из про- токи в протоку до самого последнего поворота.

Здесь, на мыске, они увидели эскимосское станови- ще, с которого в этот час снимались хозяева. Миккилук закричал, замахал руками, и оба каноэ причалили к берегу.

Прощание вышло короткое. Джейми и его друзей одо- левало нетерпение, и, едва Миккилук выскочил из ка- ноэ, они оттолкнулись и налегли на весла.

Они лишь наскоро махнули ему на прощание — не до того было: впереди на плоском голом берегу Гудзонова залива стоял большой деревянный дом и еще того луч- ше — в лагуне стоял на якоре парусник.

На палубе не было ни души, но Джейми отчаянно бо- ялся опоздать, а потому, рискуя свалиться за борт, встал в лодке и закричал во все горло, возвещая об их при- бытии.

В ответ залаяли и завyli на разные голоса привязан- ные у дома собаки. Потом распахнулась дверь, и появил- ся громадный лысый человек; лицо его покрывала мыль- ная пена.

Он словно прирос к порогу и во все глаза глядел на подплывающие каноэ. Затем кинулся в дом и тотчас вер- нулся с биноклем. Приставил его к глазам и отнял, лишь

когда ребята причалили к берегу. Он не произнес ни слова, ничем не показал, что заметил гостей.

— Он вроде не очень-то приветливый,— с тревогой сказал Эуэсин, когда они втаскивали лодки выше полосы прилива.

Великан опустил бинокль и, не двигаясь, поджидал четверых путников, которые с опаской к нему подходили. Они заметили, какие у него мускулистые руки, как грозно блестят голубые глаза. Наконец он заговорил, и голос его, похожий на рев лося, приковал ребят к месту.

— Откуда вы взялись? И кто вы такие, черт дерет?

Питьюк и Эуэсин совсем онемели, Джейми и тот не сразу отважился ответить.

— Мы с реки Кейзон, сэр,— запинаясь, проговорил он.— То есть с Танаутского озера.

— Что, к чертям, за дребедень! — заорал великан (иначе он, видно, говорить не умел).— Вруны вы несусветные! Сроду еще никто не приплывал с Танаута по Большой реке.

— А мы правда оттуда, сэр, честное слово,— сказал Джейми.— Меня зовут Джейми Макнейр.

— Макнейр? Случаем не родня Энгусу Макнейру, а?

— Я его племянник, сэр. А вот они — сын и дочь мистера Миуэсина, вождя племени кри с Танаутского озера. А это Питьюк Андерсон: его отец промышлял пушного зверя в тундре.

— Еще и Андерсон, ишь ты?! Черт меня дерет, да это ж как дома в праздник! Да что ж вы стоите? Заходите! Заходите! — И он посторонился, давая им пройти в дом.

Нигде поблизости от устья Большой реки не было ни деревца, поэтому дом построен был из струганых досок, доставленных на шхуне из Черчилла. Построен на совесть: четыре комнаты, много окон, три плиты,— и всюду множество выписанной по почте полированной мебели. Из сверкающего радиоприемника, что стоял на столе в кухне, гремела музыка, и небольшие лампочки на потолке говорили о том, что у хозяина есть свой собственный электрогенератор.

Великан вдруг вспомнил, что лицо у него в мыльной пене. Пробормотав извинение, он схватил полотенце и

стер пену. Потом торопливо засновал по дому: набросал в кухонную плиту угля, с грохотом выставил на стол тарелки.

— Откуда вы там ни пришли, а наголодались, видно, порядком. Вам надо подзаправиться! Чего вам дать? Яичница с беконом и тюленьи бифштексы — как, подойдет?

Ребята лишь молча кивнули — слишком их ошеломила такая перемена. Всего несколько часов назад они были кочевниками в пустынном и диком краю. Теперь же их окружала роскошь, какой Питъюк и Эуэсин с Анжелиной даже вообразить не могли и какой Джейми не видел уже несколько лет. Вот они и лишились дара речи.

— Вы что, языки проглотили? — крикнул великан. — Меня зовут Джошуа Фадж. С Ньюфаундленда я. Торчу в этом распроклятом краю уже тридцать лет. А почему — сам не знаю. Фрэнк Андерсона очень даже хорошо знал, сто лет назад. Говорил ему, дураку, чтоб не ходил в тундру. Да он не послушался. Стало быть, ты его сын, а? Волосы у тебя его — это уж точно. И Энгуса Макнейра знал. Стало быть, он, такой-разэтакий, еще жив? Мы с ним три года промышляли пушного зверя на Маккензи. Ты его племянник? Мелковат, как я погляжу. Ну, вот вам жратва. Заправляйтесь, молодцы. На меня не глядите. Многовато болтаю. Так ведь целый год не с кем было слова сказать, только с эскимосами. Набралось чего порассказать...

Заговорив, Джошуа, видно, уже никак не мог остановиться. А четверка под раскаты его голоса налегла на угощение и понемножку осваивалась. К тому времени как ребята насытились, они привыкли к громовому рыку хозяина, да и сам он стал им нравиться. Когда с завтраком или с обедом, или как еще можно назвать это пиршество, было покончено, Джошуа налил всем по большой кружке кофе и повел их в другую комнату. Это была просторная гостиная, в ней стояли кресла, а на полках по стенам громоздились книги и журналы.

— Садитесь, молодцы. Извините, красавица. Не обижайтесь, что так вас называю. Я всегда так разговариваю. В наших краях не часто встретишь женщину, разве только эскимоску. Не обижайся, Питъюк, или как там тебя прозывают. Я не хотел сказать ничего худого про

эскимосов. Они мне лучшие друзья. Даже единственные друзья. Ну, а теперь растолкуйте, что это за чертовщина, будто вы приплыли по Большой реке? Откуда вы на самом деле приплыли и как?

Джошуа примолк, и Джейми стал рассказывать про путешествие по тундре. Великан слушал с возрастающим интересом и все ближе наклонялся к Джейми, так что едва не упал со стула. «Да ну?» — порой оглушительно кричал он, однако дал Джейми договорить до конца.

— Стало быть, вон какие дела? Так вот, молодцы, вы пришли куда надо. Макнейр в беде? А за вами охотятся, фараоны? Ха! Это мы еще посмотрим. И викингов клад? Любопытно на него поглядеть. Ну, вот что, молодцы... Я отплываю в Черчилл послезавтра. Годится? Дойдем за два дня, лишь бы погода не подвела. В Черчилле я сразу на телеграф. Мигом разузнаем про Энгуса — это одно. А ежели понадобится, поеду с вами в Те-Пас. Мне самое время проветриться. И черт меня дери, уж когда я с вами, никто не посмеет вас тронуть!

Тут он замолчал, ибо увидел, что теряет слушателей. Ошеломленные радушием Джошуа Фаджа, счастливые тем, что одиночеству их пришел конец, они разомлели в тепле, и теперь их неодолимо клонило в сон. Джошуа все понял:

— Сдается мне, надо спускать паруса. Пора на боковую. Пошли. У меня две спальни. На одной кровати даже простыни есть. Это будет для девицы. А вы трое ляжете вместе. Ну, пошли! А я позабочусь о вашей поклаже.

Конец напряжению, которого потребовало плавание по Большой реке, конец сомнениям, как добираться до Черчилла! Теперь можно отдыхать — есть, спать, знакомиться поближе с удивительным хозяином.

Джошуа был отменный повар. Стол ломился от яств. Чего тут только не было: груды свежего хлеба, пончиков, огромные куски жаркого, картофель, яблочные пироги, компоты, домашнее печенье! Хозяин не умолкал ни на минуту и мог без конца рассказывать всякие истории из собственной жизни.

Он рассказал им, как впервые приехал на Север служащим Гудзоновой компании, но тяжкий этот труд, за

который платили гроши, скоро ему надоел, и он стал вольным охотником. За тридцать лет он исколесил все Заполярье от Баффиновой земли до Аляски и нажил немалое состояние. Десять лет назад он решил осесть в дельте Большой реки и построил отличный дом. Слава об этом удобном красивом доме идет по всему северному краю. Теперь Фадж не слишком утруждает себя работой: довольствуется несколькими участками в низовьях Большой реки — ставит там капканы на белых лисиц. Вышло так, что взялся он вдобавок торговать с эскимосами, живущими на Большой реке: ведь им даже в больших «морских» каноэ до Черчилла добираться трудно. Вот он и стал в обмен на меха снабжать их всеми необходимыми товарами, но лишнего с них не берет, почти не получает дохода с этой торговли. В летние месяцы он вместе с несколькими друзьями эскимосами отправляется на своей шхуне «Арктика» в охотничьи и исследовательские плавания вдоль берегов Гудзонова залива. В прошлом году они заплыли далеко на север, до острова Саутгемптон: охотились на моржа — зимой моржовым мясом кормят собак.

Рассказы Фаджа пленили всех его гостей, но больше всего увлекли Питъюка. В нем вспыхнула настоящая страсть к морю. Он никак не мог наслушаться, все приставал к Джошуа, чтобы тот еще и еще рассказывал о море.

На другой же день после приезда ребят Джошуа повел их осматривать судно. Это была пятидесятифутовая ньюфаундлендская шхуна. В дополнение к парусам на ней стоял мощный дизельный мотор. Строили ее специально для плавания среди льдов, и потому обшивка была двойная, прочная как железо. Кубрик был помещительный — с обеденным столом и четырьмя койками, хороший камбуз да еще каюта на носу, и в ней тоже четыре койки.

Мальчики облазили все уголки и закоулки.

— Вот это, я понимаю, плавание! — воскликнул Джейми, когда все они уже сидели в каюте и пили кофе. — Больше никаких каноэ, никакого дождя, ветром не гонит, палатки не протекают...

— И никакой пороги!.. — поддержал его Питъюк.

— И никакой мошкары!.. — сказала Анджелина.

Джошуа слушал их, и голубые глаза его блеснули.

— Вот что...— прогудел он.— Беру вас всех в плавание. Пойдете со мной летом? Отправимся в залив Буттия. Там, говорят, магнитный полюс. Прихватим его с собой на память.

— Большое спасибо, мистер Фадж,— ответил Джейми.— Мы бы с радостью, даже так скажу — в лепешку бы расшиблись, чтобы с вами сплавать. Да только нам надо на юг: надо продать вещи викинга, которые мы нашли, и о моем дяде позаботиться, и постараться как-то помочь тем эскимосам.

ГЛАВА 23

Конец путешествию

Сразу же после завтрака все принялись грузить на шхуну меха Джошуа, снаряжение ребят и каноэ. Джошуа проверял снасти и мотор. Около полудня «Арктика» была готова к отплытию.

День выдался отличный, с берега дул легкий ветерок — бриз, как его называл Фадж. С помощью мальчиков, которым сразу понравилось быть матросами, Джошуа быстро поставил паруса, поднял якорь, и шхуна вышла в море.

Она уходила напрямик от берега до тех пор, пока низкая прибрежная равнина совсем не скрылась из виду. Джошуа объяснил, что от побережья надо держаться подальше, так как южнее там часто встречается опасное мелководье. Но когда земля исчезла и со всех сторон их окружила серая пустыня океана, Питьюку чуть не изменило мужество.

— А если тонем, что делать будем?— с тревогой спросил он друзей.

— Свистнем кита и поплывем на нем к берегу,—весело ответил Джейми.— Не бойся, не потонем. Ну, а на крайний случай здесь ведь наши каноэ и на борту есть спасательная шлюпка-плоскодонка.

Замечание насчет китов оказалось пророческим. Как только Джошуа взял курс на юг, Эуэсин, стоявший на носу, предостерегающе крикнул. Впереди прямо по курсу в воздух взвились небольшие смерчи, и сразу же из воды дугой выгнулось несколько крупных белых блестящих тел.

— Белуха, белые киты,— объяснил Фадж.— Тут их полно.

Пит்யук, Эуэсин и Анджелина с таким любопытством смотрели на китов, что забыли про недавние страхи, а через несколько часов уже совсем освоились с жизнью в открытом море. Они засыпали Фаджа вопросами, и он объяснял, как держать курс, как управляться с парусами и множество прочих мореходных правил.

Ветер по-прежнему дул с берега, поэтому волнения и качки не было и ребятам не пришлось маяться морской болезнью. Настоящей темноты в эту пору не бывает, и Джошуа вел шхуну на юг всю ночь напролет. К вечеру следующего дня Эуэсин, которого Джошуа послал на ваны впередсмотрящим, углядел вдалеке неясные очертания огромного бетонного элеватора. Это был Черчилл. Здесь кончалась железная дорога, и отсюда летом по короткому полярному пути корабли увозили в Европу канадскую пшеницу.

«Арктика» приблизилась к городу, взяла курс на устье реки Черчилл, и Джошуа включил мотор и помог мальчикам убрать парус. Шхуна прошла мимо руин древнего форта Принца Уэллского — из-за этого форта эскимосы называли Черчилл Каменной крепостью — и направилась вдоль пристани.

Пит்யук, Анджелина и Эуэсин во все глаза смотрели на гигантский, в несколько сот футов высотой, элеватор. Не меньше их поразили и величина двух океанских грузовых судов, пришвартованных к длинному причалу, и грохот товарного поезда, нагруженного пшеницей, который только что подошел к портовой платформе: он пришел из Виннипега, проделав путь на север длиною в семьсот миль.

Долго озираться по сторонам ребятам не пришлось. Как только шхуна пришвартовалась, Джошуа велел им идти вниз.

— Оставляйтесь все на борту и никому не показывайтесь на глаза, — сказал он. — Здесь прорва полицейских. Я сбегая на берег, крутанусь там. В Черчилле я всех знаю и меня все знают. Разведаю, не ищет ли вас полиция, и сразу назад. Разожгите плиту, поешьте. Только на палубу не вылезать!

Готовить ужин пришлось Джейми. Брат с сестрой и Питьяук прилипли к иллюминаторам — ведь они еще никогда в жизни не видели настоящего города. А Джейми рад был заняться делом: уж очень его одолевала тревога из-за полиции.

Прошел не один час, и вот наконец по палубе затопали тяжелые сапоги. Ребята напряженно уставились на трап, но, когда увидели Фаджа, на душе у всех полегчало. Однако следом за ним показался какой-то незнакомец, и они снова насторожились. Человек был гладко выбрит и хорошо, по-городскому одет.

— Это профессор с юга, — представил его Джошуа. — Я наскочил на старика Уинди Джобунза, он мне и сказал про этого парня, что, мол, он копается в развалинах форта Принца Уэллского. Я так прикинул — он должен знать про эти ваши древности — ну и нашел его в гостинице. И вот привел.

Незнакомец улыбнулся.

— Меня зовут Армстронг, — сказал он. Голос у него был приятный. — Дело в том, что я археолог Государственного музея в Оттаве. Мы сейчас ведем раскопки старого форта. Я занимаюсь периодом ранней колонизации, но кое-что знаю и о культуре древних скандинавов. Мистер Фадж сказал мне, что у вас есть предметы, которые, по вашему мнению, принадлежат древним скандинавам.

— Может быть, и есть, — осторожно ответил Джейми. Он боялся сказать лишнее: как знать, надежный ли это человек...

— Поверьте, вам незачем меня опасаться. Все, что вы нашли, по праву принадлежит вам. Никто этого у вас не отнимет. А я, вероятно, буду вам полезен, если выскажу свое мнение о ваших находках.

Джейми посмотрел на Питъюка и Эуэсина, они согласенно кивнули; тогда он встал, пошарил под одной из коек и вытащил два тщательно упакованных свертка. Положил их на обеденный стол, разрезал ремни, развернул оленьи кожи.

Археолог склонился над столом, тщательно осмотрел меч и шлем. И присвистнул сквозь зубы.

— Похоже, что это подлинные вещи, мальчики, — сказал он. — Когда мистер Фадж сообщил мне, что вы думаете о своей находке, я не поверил. Но, полагаю, сомнений нет — очевидно, это и в самом деле скандинавский меч и шлем двенадцатого или тринадцатого века. А что в этом каменном ящичке?

— Мы сами толком не знаем, сэр, — ответил Джейми, забыв обо всякой осторожности. — Мы не стали в нем ко-

паться: боялись что-нибудь повредить. Решили, пускай лучше понимающий человек посмотрит.

Армстронг одобрительно кивнул:

— Очень разумно. Но я вижу скандинавский браслет... Кажется, он к тому же еще и золотой.

— Это вещи Кунар. Давний время это был все у Кунар,— сказал Питьюк.

Брови Армстронга взлетели вверх.

— Откуда вы знаете его имя? Расскажите-ка мне все подробно по вашей находку.

Он сел на койку и внимательно слушал, а Джейми с помощью то одного, то другого из ребят рассказывал все подряд, начиная с прошлого лета, когда они случайно наткнулись на каменную гробницу. Под конец археолог совсем разволновался. Вскочил, зашагал по каюте из угла в угол.

— Не хочу вас слишком обнадеживать, пока мы не проверили все факты. Взять, например, эту свинцовую дощечку. Ее должны посмотреть опытные рунологи. Но я рискну забежать вперед: может статься, молодые люди, что ваша находка — одно из важнейших исторических открытий нашего века.

А теперь вместе подумаем, как действовать дальше. Все это слишком большая ценность, эти вещи нельзя держать где попало. Я бы вам посоветовал передать их полиции на хранение. Я сегодня же вечером свяжусь по радио со своими коллегами в Оттаве... Что случилось? Я сказал что-то не то?— Он озадаченно посмотрел на Джейми, который явно встревожился и отчаянно старался поймать взгляд Джошуа.

— Сдается мне, я знаю, чего он напугался, профессор. Только зря ты беспокоишься, Джейми. Я перемолвился словечком с одним здешним капралом. Он мне старый дружок. Говорит, он про тебя и слыхом не слыхал. Никто здесь не объявлял на тебя розыск. А главное, он говорит: раз тебе скоро шестнадцать, никто, наверное, и не думал упрятать тебя в приют. Просто они хотели проверить, не помрешь ли ты там, в лесу. Выходит, зря ты от них улепетывал по всему Заполярью. Можно сказать, удирал от собственной тени.— Он добродушно усмехнулся, увидев, что Джейми и обрадован и смущен.— И это еще не все новости. Я отбил телеграмму в Те-Пас, в больницу. И сразу получил ответ: Энкус Макнейр уже скоро месяц как пошел на поправку, его не нынче-завтра

выпишут. И ему я отбил телеграмму: пускай старый буйвол встречает нас в следующий вторник на Узловой станции Гудзонова залива, отсюда на юг поезд раз в неделю.

К величайшему недоумению археолога, мальчишки и Анджелины восторженно завопили, повскакали на ноги и потребовали подробностей.

— Тихо! — проревел Фадж. — Успокойтесь! Профессор подумает, вы сбесились. Не знаете, как себя вести, а? Ну-ка, барышня, сварите для гостя кофе. А тебе я вот что скажу, Джейми: профессору вы можете довериться. Уинди Джоунз говорит, он человек стоящий, а уж Уинди не ошибется. Так что делайте, как он скажет.

— Спасибо, мистер Фадж. Можете мне довериться, мальчишки, и вы, мисс, тоже. Сдадим находки в полицию и возьмем расписку. Если в Оттаве к моей радиограмме отнесутся так, как я надеюсь, я сам поеду с вами на юг и постараюсь, чтобы в Виннипеге нас встретили специалисты из музеев Оттавы и Торонто. Вы ведь не откажетесь доехать до Виннипега? Ручаюсь, что все расходы по этой поездке вам возместит Национальный музей.

Неделю спустя поезд, уходящий из Черчилла в долгий путь на юг, увозил четверых взволнованных молодых пассажиров, причем Джошуа Фадж за свой счет одел их всех в новое, с иголки, «готовое платье». Мальчишки в новой одежде держались связанно и неловко. Зато Анджелина пришла в восторг от своего наряда — почувствовала себя в нем хорошенькой, да так оно было и на самом деле. И многие пассажиры бросали на нее восхищенные взгляды, а Питьюк потихоньку ворчал и с трудом подавлял ревность.

Эуэсин, Анджелина и Питьюк впервые ехали поездом, и это им очень понравилось. Теснясь на задней площадке, они смотрели, как убегают назад рельсы, а поезд с грохотом сворачивает от серых вод Гудзонова залива к чахлому еловому лесу. И хотя Джейми уже и прежде ездил поездом, он был взбудоражен не меньше других, потому что перед самым отъездом пришла телеграмма от Энгуса Макнейра: он сообщал, что присоединится к ним на Узловой Гудзонова залива. Решено было всем вместе ехать в Виннипег и, пока знатоки будут заниматься сокровища-

ми викинга, отдохнуть и попраздновать в этом степном городе.

Джошуа Фадж присоединился к ним и через минуту ткнул пальцем вверх: смотрите, мол! Там, в бледном вечернем небе, зыбким треугольником чернела стая канадских гусей — они тоже направлялись на юг.

— Жители Большой реки говорят, будто гуси уносят с собой лето, — сказал Фадж своим молодым спутникам, — а весной приносят его назад. Может, в будущем году вы, молодцы, нагрянете вместе с ними на Большую реку? И тогда мы пустимся в то плавание на северо-запад, про которое прежде толковали... Но это после. А сейчас пойдемте-ка глянем, чем тут кормят в этом «болотном экспрессе»...

Нина БОДЭН

Кэрри в дни войны

ГЛАВА 1

Кэрри часто снилась двенадцатилетняя девочка с расцарапанными ногами в красных носках и стоптанных коричневых сандалиях, которая по узкой пыльной дорожке шагает вдоль железнодорожной линии туда, откуда начинается крутой спуск вниз в лес. Темно-зеленые тисовые деревья в этом лесу старые-престарые, все они искривлены, словно пораженные ревматизмом пальцы. И во сне эти пальцы тянутся к ней, она убегает, а они хватают ее за волосы, цепляются за юбку. В конце сна она всегда бежит, бежит прочь от дома, карабкается вверх по насыпи...

Но когда она в самом деле вернулась в эти края, уже с собственными детьми, железной дороги не было и в помине. Шпалы убрали, а плоская каменистая поверхность насыпи так заросла кустами черники, шиповника и лесного ореха, что казалось, будто пробираешься сквозь непроходимые заросли дремучего леса. Сказочного леса вокруг замка Спящей красавицы. Отрывая от джинсов прилипшие к ним колючки, дети Кэрри говорили:

— Здесь никто не был, наверное, лет сто...

— Не сто, а тысячу...

— Сто или тысячу, какая разница. Миллион, миллиард, миллиард...

— Всего лишь тридцать,— сказала Кэрри так, будто тридцать — это вчера.— Мы с дядей Ником жили здесь во время войны. Тогда детей эвакуировали из больших городов подальше от бомб. Нам не говорили, куда нас везут. Просто велели прийти в школу и принести с собой завтрак и смену белья, а потом в сопровождении учителя

лей мы отправились на вокзал, откуда уходили целые поезда с детьми...

— Без мам? — удивились младшие. — И без пап?

— Совершенно одни, — сказала Кэрри. — Когда мы сюда приехали, мне было одиннадцать лет, а дяде Нику шел десятый год.

Дядя Ник был старым. Уже давным-давно. И таким толстым, что, нагибаясь, пыхтел, как паровоз. Мысль о том, что ему могло быть десять лет, вызывала смех, но они сдержались. У мамы был странный вид: глаза ее были полужакрыты и глядели куда-то вдаль, а лицо стало бледным и задумчивым. Лучше помолчать.

— Мы с Ником обычно шли из города по насыпи вдоль железной дороги, — сказала Кэрри. — Поезда здесь ходили редко, всего два-три в день, тащили их старые паровозы, поэтому бояться было нечего. Из-за поворота поезд выползал медленно-медленно, потому что на рельсы часто забирались овцы. Тогда поезд останавливался, из кабины выскакивал машинист, чтобы прогнать овец, а пассажиры пользовались этим, вылезали из вагонов поразмяться и набрать черники, прежде чем снова отправиться в путь. Нам с Ником, правда, так и не довелось этого увидеть, но люди утверждали, что такое случалось. Здесь росла самая лучшая на свете черника, чистая, не то что вдоль шоссе, и собирать ее было легко. Как только черника попевала, мы с Ником, когда шли сюда, всегда ее ели. Но не останавливались, потому что очень уж спешили повидать Джонни Готобед и Хепзебу Грин.

— Кого?

— Джонни и Хепзебу, — повторила Кэрри.

Вспомнив их, она улыбнулась, и улыбка ее была одновременно и радостной и грустной. Дети переглянулись в ожидании. Кэрри умела интересно рассказывать, но иногда останавливалась на самой середине, и ее надо было подтолкнуть.

— Какие странные имя и фамилия, — заметил старший мальчик, стараясь напомнить ей, на чем она остановилась. — Я таких ни разу не слышал.

— Джонни Готобед и Хепзеба Грин были самые обычные люди, — сказала Кэрри. — Нет, не совсем обычные. И Альберт тоже не был обычным. Альберт Сэндвич, наш друг, который жил вместе с нами.

— Жил где?

Вокруг не было ни единого строения. Заросший лесом склон горы висел над ними по одну сторону бывшей железнодорожной линии, а по другую он круто падал вниз, в глубокий овраг. И ни единого звука цивилизации: не тарахтели машины, не гудели самолеты, не гремели тракторы. Только голуби гулькали среди листвы да в низине блеяли овцы.

— В Долине друидов,— ответила Кэрри. Она лукаво улыбнулась и засмеялась вместе с детьми.— По-настоящему их дом назывался «Домом в долине, где растут тисовые деревья», но даже на языке жителей Уэльса это слишком длинное название. И все называли это место Долиной друидов, потому что рядом находился лес, где когда-то жили друиды¹.

— Существование друидов никем не доказано,— со значением заявил старший мальчик.— Все это легенды, такие же, как про ядовитые цветочки и человеческие жертвоприношения.

— Легенда обычно складывается на основе факта,— возразила Кэрри.— Когда-то существовала какая-то религия, не знаю, хорошая или плохая, согласно которой здешний лес считался священным. Когдаходишь в него, возникает какое-то странное ощущение, сами увидите. Кроме того, там есть источник, вода которого, говорили, обладает целебными свойствами. И еще есть руины храма, сложенного, вероятно, еще в бронзовом веке. Так, по крайней мере, утверждал Альберт...

— Па...— старший мальчик захлебнулся и закашлялся, как будто в горло ему попала рыбья кость. Он залился краской и пробормотал: — Еще далеко?

На самом же деле он собирался сказать: «Папе было бы интересно взглянуть на этот храм». Их отец был археологом. Несколько месяцев назад, весной, он умер. Сейчас был август, они впервые отправились в путешествие без него. Они ехали через Уэльс к морю, и Кэрри внезапно свернула с шоссе в узкую долину, где, объяснила она, они с дядей Ником жили во время войны, и спросила, не хотят ли они остановиться тут на ночь и посмотреть. Им не очень хотелось. Шахтерский городок казался неприветливым и мрачным, а в единственной его гостинице пахло перебродившим пивом и картошкой с салом. Но Кэрри вдруг так изменилась, заулыбалась, заволно-

---

¹ Друиды — члены кельтского религиозного ордена.

валась и выпрямилась, что никто из них не осмелился сказать «нет».

Теперь, глядя на нее, старший мальчик решил, что напрасно он этого не сделал. Ее спокойствие и радость исчезли, улыбалась она криво, а лицо ее стало каким-то мятым. Как старый носовой платок, подумал он. Возможно, ее утомили крутой подъем и жара, но, по-видимому, не только это. Она, казалось, никак не могла на что-то решиться.

— Нет, по-моему, не очень далеко.— Голос ее был ровным, как всегда.— Конечно, все выглядит совсем по-другому, как бывает, когда возвращаешься куда-нибудь после большого перерыва, но, мне думается, я не все позабыла... Вон там, где дорожка делает поворот и виден туннель... Да, вот оно! Первое тисовое дерево!

Между тем местом, где они остановились, и черной горловиной туннеля в горе был проем. Насыпь уходила в глубокий овраг. Вместо ясеня и лесного ореха, в которых танцевали, испещряя их пятнами света, лучи солнца, появилась чащоба из старых, в наростах тисовых деревьев.

Они стояли на насыпи и смотрели вниз в темно-зеленое безмолвие, в котором не слышалось даже пения птиц. Малыши прижались к Кэрри.

— Испугались? — улыбнулась она.— Чего же тут бояться? Нет никого, одни старые деревья, хотя дядя Ник тоже, бывало, боялся, когда мы туда спускались. Он был еще совсем ребенок! Он боялся даже черепа, который ему показала Хепзеба. А что в нем было страшного? Рассказать вам про череп? Это был череп маленького африканца, которого привезли в Англию во времена работорговли. Считалось, что, если вынести этот череп из дома, стены рухнут...

Старшему мальчику не понравился ее тон; таким тоном взрослые говорят, когда стараются занять детей.

— Слышали мы эти истории,— сказал он.— Про черепа и прочее! Чепуха, ей-богу!

Кэрри посмотрела на него.

— Альберт Сэндвич тоже говорил, что это чепуха. Он утверждал, что череп сохранился, по-видимому, от поселения, существовавшего в бронзовом веке. Можно узнать в Британском музее, говорил он и предлагал отвезти череп, когда кончится война, в музей. Он интересовался такими вещами.— Она помолчала.— Папе тоже

было бы интересно, правда? Альберт был во многом похож на папу.

Она улыбалась, но голос ее был напряженным, будто она старалась справиться с собой. Может, так оно и было, потому что она вдруг глубоко и порывисто вздохнула и, оставив детей, спустилась к тому месту, где из насыпи торчал плоский камень. Она встала на него, и ветерок заиграл ее волосами.

— А вот и дом,— сказала она.— Идите сюда, посмотрите.

Они подошли к ней и взглянули туда, куда она показывала, в прогалину среди тисов. Далеко внизу лежала Долина друидов, на краю которой, как в изгибе локтя, укрылся кукольный домик с высокими трубами.

— А вот и тропинка,— заметила дочь Кэрри.— Немного скользко и грязно, но, если хочешь, можем спуститься вниз.

— Зачем? — пожала плечами Кэрри.— Нет смысла. Там никто не живет. Да там и некому теперь жить.

Они снова посмотрели вниз.

— Одни руины,— подтвердил старший мальчик.

— Да,— согласилась Кэрри. Голос ее снова потускнел. Словно она заранее все это знала, но не теряла надежды.

— Все равно можем спуститься.

— А потом лезть назад?

— Вот уж ленивый-то! Ленивый толстяк!

— Сам ленивый! Пошли спускаться, тут не очень далеко.

— Нет,— резко сказала Кэрри. Собственная резкость удивила ее. Закрыв рукой рот, она издала какой-то странный, дрожащий смешок и взглянула на детей.

Они во все глаза смотрели на нее и видели, как ее лицо заливает краска. Она вынула из кармана темные очки и надела их. Теперь ее глаз не было видно.

— Извините,— сказала она,— но не могу. Правда, не могу. Честное слово.— И снова засмеялась тем же странным смехом. Похожим на плач.— Извините,— повторила она.— Тащила вас в такую жару. Какая глупость. Но я хотела показать вам... И самой еще раз посмотреть. Нам с Ником здесь было так хорошо. Я думала... Я надеялась, что именно это мне и вспомнится.

Дети молчали. Они не понимали, о чем она говорит, но чувствовали, что их мать чего-то боится. И им тоже стало страшно.

Она поняла это. Глубоко вздохнув, она неуверенно улыbnулась.

— Простите меня, мои хорошие. Все в порядке. Не волнуйтесь за меня.

«Далеко не все в порядке»,— подумал старший мальчик. Взяв ее за руку, он сказал:

— Пошли обратно. Вернемся как раз к чаю.

Повинуясь его взгляду, остальные тоже двинулись в обратный путь. Кэрри шла за ними, спотыкаясь, словно ничего не видя из-за темных стекол своих очков, но он крепко держал ее за руку. Рука ее была холодной.

— Мы дойдем быстро,— сказал он.— Спускаться ведь легче, чем подниматься. Попьем чаю, и ты сразу почувствуешь себя лучше. В кафе, наверное, есть чай? Правда, там не очень-то приятно, как, впрочем, и в самом городе.

«Какой упадок!»— думал он, когда они только въехали в город и их машина шла по главной улице. Забитые досками витрины лавчонок и одни пожилые люди: либо дремлют на пороге домов, либо куда-то бредут под жарким солнцем. Город словно ждет своей смерти.

— Шахту закрыли,— сказала Кэрри.— Во время войны она работала, но оказалось, что пласты угля залегают слишком глубоко. Разрабатывать их было невыгодно. Поэтому, как только острая нужда в угле исчезла, шахту закрыли, а потом и железную дорогу. И как это я сразу не догадалась?

Она сказала это так, будто говорила не только об умирающем городе. Она вздохнула, и он почувствовал, что рука ее дрожит.

— Места, где человек жил, меняются, пожалуй, больше, чем он сам. Человек с годами не очень меняется. Я думала, что стала совсем другой, но оказалось, нет. Вообще-то говоря, то, что произошло, случилось совсем не по моей вине, быть этого не могло, не вижу никакой логики. Именно это я и твердила себе все эти годы, но разве слушаешь голос разума? Когда мне было двенадцать с половиной лет, я совершила страшное преступление, натворила нечто ужасное, как мне, по крайней мере, тогда казалось, и ничто не могло изменить это чувство...

Чего не могло изменить? Ему хотелось понять, о чем она говорит, какое преступление она совершила? Это

было гораздо интереснее, чем друиды или черепа, но спросить он не осмеливался. Она говорила, больше обращаясь к самой себе, чем к нему, она, наверное, не видела, что он слушает. Расскажет, когда придет время. А может, и не расскажет.

Во всяком случае, у нее был слишком утомленный вид, чтобы приниматься за рассказ. Она безумно устала и была бледная-пребледная. «Вот если бы папа был с нами! — подумал он. — Если я пройду весь путь до города с закрытыми глазами, тогда свершится чудо, и папа будет здесь. Нет, глупости! Узнай он сам, что кто-нибудь другой вот так загадывает, он бы досыта насмеялся». Но малыши шагали далеко впереди, а маме ни за что не догадаться, о чем он мечтает. Может, ей и вправду кажется, что она не изменилась, но додуматься до того, что он загадал, в ее годы не под силу. Он шел, держа ее за руку — она вела его — и чуть отвернув голову, чтобы не было видно, что у него глаза закрыты, и, кроме того, ему помогал ласкавший его щеку солнечный луч. Самое трудное впереди, когда кончится прямая дорога. Придется пройти через калитку и шагать по полю. Но чуда не произойдет, если загадаешь что-нибудь легкое. А если он сумеет все это преодолеть и она ничего не заметит, то, когда они войдут в кафе, отец будет уже там. Он будет их ждать и улыбаться...

— Господи, о чем ты думаешь? Гримасничаешь, как обезьяна, да еще с закрытыми глазами!

Старший мальчик открыл глаза, увидел обращенную к нему улыбку матери, и уши у него загорелись.

— Я играл сам с собой.

— В твоём-то возрасте? Мы могли свалиться с обрыва.

Она дразнила его, словно маленького, но он не обижался, потому что она снова выглядела радостной. Когда она сняла очки, солнце заглянуло ей в глаза, и они засветились зелеными огоньками.

— Смотри! — сказала она. — Отсюда весь город как на ладони.

Заросшие лесом склоны остались позади, и перед ними открылась низина. Сочные, потравленные овцами луга, поделенные на прямоугольники каменными изгородями, подступали прямо к огородам позади домов. Узкие прямые улицы; одна длинная и тонкая, как позво-

ночник, тянулась посередине, а от нее, круто поднимаясь в гору, отходили похожие на ребра проулки. Было тихо, шиферные крыши домов блестели в мягком свете заката. Тем не менее, решил старший мальчик, город уродлив: дома некрасивые, а зелень окрестных холмов портила пирамиды из шлака и теперь уж никому не нужное шахтное оборудование.

— Видишь ту кучу? — спросила Кэрри. — Вон там. Мы очень любили съезжать с нее на железном листе, хотя и боялись, что он нас поймает. Он говорил, что наша одежда изнашивается раньше срока и много горячей воды уходит на стирку!

— Кто он? — спросил старший мальчик, но она, по-видимому, не расслышала его.

Она не отрывала глаз от города и улыбалась чему-то, понятному лишь ей одной.

— А вон гостиница, где мы остановились, — сказала она спустя минуту. — Называется «Собака с уткой». А то здание под зеленой крышей — это часовня, где мы занимались, потому что в школе на всех не хватало места. Это была маленькая школа, в ней не могли разместиться все ученики, что приехали из Лондона. А вот здесь, где мы сейчас стоим, на этом самом месте, поезд гудел, выходя из-за поворота. Всея долине был слышен его гудок. «Извержение вулкана, а не паровозный гудок», — говорил Ник: он воспринимал его болезненно, потому что, когда услышал впервые, у него началась рвота. Хотя, по правде говоря, стошнило его не от гудка. А потому, что он устал и заплакался, уезжая от мамы и из дома... — На мгновение она задумалась, вспомнив, как это было горько, но тут же рассмеялась. — Главная же причина состояла в том, что он слишком много съел. Ребенком он был ужасным обжорой.

— Он и сейчас обжора, — заметил старший мальчик. — Подумаешь, какая новость! Рассказывай дальше.

— А я что делаю? — рассердилась Кэрри, став, по его мнению, больше похожей на зловредную девчонку его же возраста, чем на маму. — Но мой рассказ начнется с того, что дядю Ника вырвало...

ГЛАВА 2

Его вырвало прямо на колени мисс Фазакерли. Плохо ему стало, как только они, сделав пересадку, сели в местный поезд, состоявший из небольших

вагонов, которые почему-то немилосердно трясло. Но внезапный гудок паровоза прикончил его.

Такой шум — будто небо разверзлось.

— И мертвый-то напугается,— заметила мисс Фазакерли, промокая носовым платком свою юбку и лоб Ника. Он откинулся на спинку сиденья, позволяя ей ухаживать за ним, а сам, как всегда, и пальцем не пошевелил.

— Бедняжечка!

— Сам виноват,— рассердилась Кэрри.— С тех пор как мы выехали из Лондона, он, не переставая, жует. Жадный поросенок! Помойка!

Он съел не только свой собственный завтрак — сэндвичи с холодными сосисками и бананы,— но и почти весь ее. Кэрри сама отдала ему свою порцию, чтобы хоть немного его утешить; она понимала, что ему еще труднее, чем ей, расстаться с домом и с мамой. Или делал вид, что труднее. Ей вдруг пришло в голову, что он просто притворялся, хотел, чтобы его пожалели. Пожалели и дали шоколадку! Он съел весь шоколад!

— Я так и знала, что его вырвет,— убежденно заключила она.

— Нужно было предупредить меня,— сказала мисс Фазакерли.

В ее словах не было и тени упрека — она была самой доброй из школьных учителей, но Кэрри вдруг захотелось плакать. Будь она на месте Ника, она обязательно бы заплакала или, по крайней мере, притворилась бы обиженной. Но раз уж она была Кэрри, а не Ник, то просто отвернулась к окну и не сводила глаз с большой горы на противоположной стороне долины. Вершина горы была фиолетово-коричневой, а склоны зеленые в серебряную полоску (вода) с белыми крапинками (овцы).

Овцы и горы. «Чудесно! — восторгалась мама, прощаясь с ними на вокзале. — Будете жить на свежем воздухе, а не в пыльном городе. Вам понравится, вот увидите». Словно Гитлер начал войну специально для них, чтобы их, Кэрри и Ника, с противогазами через плечо и болтающимися на груди карточками «Кэролайн Уэнди Уиллоу» и «Николас Питер Уиллоу» — как на посылках, только адрес забыли указать — увезли на поезде неведомо куда. «Ах, как интересно!» — воскликнула мама, и не только потому, что ей хотелось их развеселить. Про-

сто она была оптимисткой по натуре. Очутись она в аду, пришло Кэрри в голову, она бы воскликнула: «Зато здесь нам будет тепло!»

Вспомнив про маму, умевшую во всем видеть только хорошее (или притворявшуюся, потому что, когда поезд тронулся, улыбка сразу сползла с ее лица), Кэрри чуть не заплакала. В горле у нее появился комок, словно там застряла таблетка лекарства. Она глотнула и скривилась.

Поезд замедлил ход.

— Вот и приехали,— сказала мисс Фазакерли.— Берите свои вещи, постарайтесь ничего не забыть. Кэрри, присмотри за Ником.

Кэрри насупилась. Она любила Ника, очень любила, но терпеть не могла, когда ей поручали что-нибудь такое, что и так полагалось выполнить. И Ник ей уже порядком надоел. С видом умирающего лебедя он потянулся за чемоданом.

— Пусти меня, дурачок,— сказала она, вскакивая на скамью.

Сверху полетела пыль, он наморщил нос.

— Из-за тебя и чихаю,— пожаловался он.— Не прыгай так, Кэрри.

Странное дело, вещей у них стало больше, чем при отъезде, и раньше чемоданы казались легкими, а теперь были словно камнями набитые. А когда они вышли на маленькой станции и по усыпанной шлаком крутой дороге двинулись вниз, стали еще тяжелее. Кэрри тащила не только свой, но и чемодан Ника, а из-под руки у нее то и дело вырывался рюкзак, у которого оторвалась лямка. Да еще противогаз бил по коленям.

— Кто-нибудь помогите, пожалуйста, Кэролайн! — воскликнула мисс Фазакерли, бегая взад и вперед вдоль растянувшихся цепочкой детей, словно пастушья собака. Кэрри вдруг почувствовала, как у нее забрали рюкзак, а потом и один из чемоданов.

Это был какой-то мальчик, высокий, но на вид не намного старше ее, в шапочке, которую носили ученики младших классов.

— Большое спасибо,— глядя в сторону и покраснев, поблагодарила она взрослым, маминым голосом.

Он застенчиво улыбнулся в ответ. На глазах очки в металлической оправе, подбородок — в прыщах.

— По-видимому, это и есть наше так называемое место назначения. Не очень-то привлекательное, а? — заметил он.

Усыпанная шлаком дорога кончилась, и они зашагали по горбатой улице, где стояли какие-то темные, небольшие дома без палисадников. Над горой еще висело солнце, но городок уже лежал в тени. В холодившем щеки воздухе пахло угольной пылью.

— Грязно, потому что здесь шахта, — сказала Кэрри.

— Я не это имел в виду. Город маленький, значит, нет хорошей публичной библиотеки.

Забавно, что в такой момент можно об этом беспокоиться.

— Первое место, там, где мы делали пересадку, было куда больше, — сказала Кэрри. Прищурившись, она прочла, как его зовут: Альберт Сэндвич. — Если бы твоя фамилия начиналась с буквы из первой половины алфавита, ты сумел бы остаться там. Тебе чуть-чуть не повезло: нас разделили как раз на букве «р». Тебя как звали дома: Алем или Бертом?

— Мне нравится, когда меня называют полным именем, — сухо ответил он. — И не нравится, когда, слыша мою фамилию, вспоминают про бутерброд.

Он говорил твердо, и Кэрри почувствовала, что не следовало задавать подобных вопросов.

— А мне твоя фамилия напомнила только город Сэндвич в Кенте, где живет моя бабушка, — сказала она. — Правда, папа говорит, что ей нужно оттуда уехать: вдруг немцы выбросят десант на побережье? — Она представила себе, как немцы высаживаются на берег, а бабушка бежит, таща за собой тачку с вещами, как на какой-то фотографии в газете, и, глупо заготовив, добавила: — Если они высадятся, бабушка задаст им как следует. Она никого не боится, она даже Гитлера самого не испугается. Залезет на крышу и обольет его кипящим маслом.

— Думаю, что это мало чем поможет, — хмуро ответил Альберт, посмотрев на нее. — От стариков во время войны нет толку. Как, впрочем, и от детей. Лучше не болтаться под ногами.

От его серьезного тона Кэрри стало не по себе. Ей хотелось объяснить ему, что, сказав про кипящее масло, она всего лишь пошутила, но они уже дошли до здания с высоким крыльцом, где им велели построиться гуськом,

чтобы у входа их можно было проверить поименно. Ник стоял у двери, держа мисс Фазакерли за руку.

— Успокойся, мой милый,— говорила мисс Фазакерли.— А вот и она. Что я тебе сказала? — И, обратившись к Кэрри, добавила: — Пожалуйста, не теряй его.— Она отметила их троих в списке, сказав вслух: — Двое Уиллоу, один Сэндвич.

Ник держался за рукав пальто Кэрри, когда счи очутились в длинной, сумрачной комнате с остроконечными окнами, где было шумно и многолюдно.

— Хотите чаю с пирогом? — обратилась к Кэрри какая-то энергичная полная особа с певучим по-валлийски голосом.

Кэрри замотала головой: ей казалось, что пирог не полезет ей в глотку.

— Тогда встаньте в сторонку,— сказала женщина.— Вон там у стенки, рядом с другими, кто-нибудь вас выберет.

Кэрри огляделась в недоумении и увидела Альберта Сэджива.

— Что происходит? — шепотом спросила она.

— Нечто вроде ярмарки скота,— ответил он.

На лице его было написано отвращение, но держался он с полной невозмутимостью. Он отдал Кэрри ее чемодан, отошел в самый конец комнаты, сел на свой чемодан и вытащил из кармана книгу.

«Хорошо бы и мне так,— подумала Кэрри.— Сесть и читать, будто мне на все наплевать». Но ее уже начало мутить от страха: вдруг ее никто не выберет? Так бывало всегда, когда в школе составляли команду для игры. А вдруг ее не возьмут? Она потащила Ника к стоящим у стены детям и, опустив глаза, не осмеливаясь вздохнуть, застыла в ожидании. Когда кто-то выкрикнул: «А теперь славную маленькую девочку для миссис Дейвис!», она почувствовала, что задыхается. Она подняла глаза, но не могла сосредоточиться: вместо лиц перед ней плавали какие-то пятна.

Ник еще крепче вцепился ей в руку. Она посмотрела на его белое лицо со следами рвоты вокруг губ, и ей захотелось встряхнуть его. Кто возьмет к себе в дом такого болезненного на вид и бледного мальчика? Он обязательно заболит, решат они, и будет только помехой.

— Сейчас же выпрямись и улыбнись! — прошипела она, но когда он, такой маленький и беззащитный, лишь

удивленно заморгал, сердце ее смягчилось.— Не бойся,— сказала она.— Я не злюсь и никуда от тебя не денусь.

Минуты превратились в часы. Детей становилось все меньше и меньше, их потихоньку разбирали. Остались лишь никому не нужные, решила Кэрри: они с Ником, несколько хулиганского вида мальчишек и противная ко-соглазая девочка с двумя младшими сестренками. Да еще Альберт Сэндвич, который по-прежнему спокойно восседал на своем чемодане, читая книгу и ни на кого не глядя. Ему было наплевать! Кэрри вскинула голову и что-то замурыкала себе под нос, делая вид, что ей тоже все безразлично.

Перед ней остановились, и кто-то спросил:

— Вы, конечно, сумеете взять двоих, мисс Эванс?

— Двух девочек, да. Но не мальчика с девочкой... Знаете, у нас только одна комната, а мой брат на этот счет очень строг.

«Строг насчет чего?» — подумала Кэрри. Но мисс Эванс была симпатичной, чуть-чуть похожей на выгля-дывавшую из-за дерева рыжую белочку, которую Кэрри как-то видела в парке. Рыжевато-каштановые волосы, ясные, круглые, как пуговицы, глаза и робкий, испуган-ный взгляд.

— Дома Ник спал в моей комнате, потому что ему часто снятся кошмары. Я всегда за ним присматриваю, и он никому не причиняет хлопот.

Мисс Эванс никак не могла решиться.

— Не знаю, что скажет брат. Может, рискнуть, а? — Она улыбнулась Кэрри.— У тебя такие красивые глаза, девочка! Как зеленые стеклышки!

Кэрри улыбнулась в ответ! Ее не часто замечали, ког-да рядом был Ник. У него были синие глаза, как у мамы.

— Самый красивый у нас Ник,— сказала она.

Мисс Эванс шагала быстро. Она была невысокой, чуть повыше Кэрри, но сильной, как вокзальный носиль-щик, потому что, когда несла их чемоданы, казалось, будто они ничего не весят. Они шли по улице, пока не остановились перед продуктовой лавкой, над которой было написано имя ее владельца: «Сэмюэл Айзик Эванс». Мисс Эванс вынула из сумки ключ и сказала:

— Обычно вы будете входить в дом через заднюю дверь, но сегодня, поскольку моего брата нет дома, мы пройдем через лавку.

В лавке было темно и приятно пахло чем-то лежалым. «Свечи, щепа для растопки и специи»,— потянув носом, решила Кэрри. Дверь в глубине помещения вела в маленькую комнату с таким огромным письменным столом, что больше ничего нельзя было поставить.

— Контора моего брата,— понизив голос, объяснила мисс Эванс и поспешно провела их в узкий темный холл, куда выходило несколько дверей и откуда начиналась лестница наверх. Здесь было еще темнее, чем в лавке, и сильнее пахло воском.

Натертый линолеум сверкал, как море из стекла, а брошенные тут и там коврики напоминали острова. Нигде ни пылинки. Мисс Эванс посмотрела на их ноги.

— Перед тем как подняться в спальню, наденьте тапочки.

— У нас нет тапочек,— ответила Кэрри.

Она хотела объяснить, сказать, что в чемодане не было места для тапочек, но не успела она открыть рот, как мисс Эванс, сделавшись пунцовой, затараторила:

— Ох, извините, я и не подумала! Да это и не имеет значения, если вы будете ходить только по дорожке.

По самой середине покрытой ковром лестницы шла белая дорожка. По ней они и зашагали наверх. Оглянувшись, Кэрри увидела следы, которые оставляли резиновые подошвы их башмаков, и почувствовала себя виноватой, хотя ее вины в этом не было.

— Она считает нас бедными,— зашептал Ник,— такими бедными, что у нас даже нет тапочек.— И он хихикнул.

Вполне возможно, решила Кэрри. Ник умеет отгадывать чужие мысли. Но смешно ей не было. Кругом царил такая чистота, что ее взяло отчаяние. В этом доме, решила она, и дотронуться-то до чего-нибудь страшно — обязательно останутся следы. Дышать и то боязно: выдохнешь и чего-нибудь испачкаешь!

— Что ты сказал, милый? — спросила мисс Эванс у Ника, но, не дождавшись ответа, продолжала: — А вот ванная.— И с гордостью добавила: — У нас горячая и холодная вода и самая настоящая канализация. А ваша комната рядом.

Это было крохотное помещение с двумя узкими кроватями, разделенными ручной работы ковриком на полу. Шкаф, плетеный садовый стул и в большой рамке на

стене изречение «Око божье все видит» составляли все его убранство.

Мисс Эванс заметила, что Кэрри смотрит на изречение.

— Мой брат очень набожный человек,— объяснила она.— Поэтому по воскресным дням вы должны себя вести примерно. Никаких игр, никакого чтения. Кроме Библии, разумеется.

Дети смотрели на нее во все глаза.

— Вам, наверное, это кажется странным, но лучше сразу во всем разобратся, правда? — застенчиво улыбнулась она.— Мистер Эванс человек добрый, но он очень строг в отношении поведения, чистоты и аккуратности. Грязь и неаккуратность, говорит он, оскорбительны для господ бога. Но вы будете вести себя примерно, правда? По-моему, вы хорошие дети.

Она почти просила их быть послушными, чтобы самой не попасть в беду. Кэрри стало ее жаль и в то же время как-то совестно. Они с Ником не отличались особой аккуратностью. Дома, в их теплой квартире, где царил вечный беспорядок, никто не требовал от них аккуратности. Милли, их прислуга, всегда подбирала за ними игрушки, стелила им постели и всчала в шкаф их вещи.

— Мы постараемся вести себя примерно, мисс Эванс,— сказала Кэрри.

— Зовите меня тетей Луизой,— предложила мисс Эванс.— Или тетей Лу, если так легче. А моего брата лучше называть «мистер Эванс». Он ведь член муниципального совета.— Она помолчала и с той же гордостью, с какой демонстрировала им ванную, добавила: — Мистер Эванс — очень важная персона. Сейчас он на заседании муниципального совета. Наверное, нам лучше поужинать до его прихода, правда?

Они сытно поужинали яйцами и молоком со свежим хлебом на кухне, которая выглядела такой же чистой, как и остальной дом, но более веселой, благодаря большой плите, раскаленной, словно горнило доменной печи. Мисс Эванс не ела вместе с ними, а стояла у стола, словно официантка в ресторане, убирая тарелки в раковину, как только они пустели, и подметая крошки с пола еще до того, как было допито молоко. Она ни разу не ска-

зала: «Пожалуйста, побыстрее» или «Побыстрее, пожалуйста!», но в этом и не было необходимости. Губы ее шевелились, будто она произносила эти слова про себя, глаза то и дело обращались к стоявшим на полке часам, а на щеках проступили от волнения красные пятна.

И дети тоже стали нервничать. Когда она предложила им пойти спать, они с радостью покинули кухню, куда с минуты на минуту должен был прибыть важный член муниципального совета мистер Эванс. Как только они поднялись наверх, мисс Эванс следом за ними скакала белую дорожку.

— Мистеру Эвансу не нравится эта дорожка,— объяснила она, поймав взгляд Кэрри.— Я кладу ее, когда его нет дома, чтобы ковер был чистым. Это новый ковер с красивым пушистым ворсом. Мистер Эванс боится, что он быстро затопчется.

— А как же тогда подниматься наверх? — спросил Ник.— Ходить по потолку или летать, как птица?

— Разумеется, разумеется...— чуть напряженно зашеялась мисс Эванс.— Конечно, вам иногда придется ходить по нему, но, надеюсь, не слишком часто. Мистер Эванс считает, что дважды в день достаточно. Видите ли, если мы четверо поднимемся и спустимся два раза в день, утром и вечером, то это составит шестнадцать раз, а по мнению мистера Эванса, этого вполне хватит. Поэтому, если вы постараетесь утром не забывать все нужные вам в течение дня вещи...

— Но уборная-то наверху,— возмутился Ник.

— Да, милый, я помню,— виновато отозвалась она.— Видите ли, в конце двора есть еще одна уборная. Мистер Эванс, разумеется, ею не пользуется, человек в его положении не может позволить себе, чтобы люди видели, как он туда идет, да еще когда всем нашим соседям известно, что у нас в доме есть уборная, но я пользуюсь ею, потому что хотя это просто выгребная яма, тем не менее она удобная и чистая.

У Ника был такой вид, будто он не верит собственным ушам.

— Как интересно, правда, Ник? — легонько подтолкнула его локтем Кэрри.— Прямо как на ферме, где мы жили прошлым летом.

— А пауки? — При этом воспоминании глаза Ника округлились от ужаса.— Там были пауки.

— Божьи твари,— заметила мисс Эванс,— как и ты, мой дорогой.

— Нет, не как я! Вовсе не как я! — закричал Ник, задыхаясь от возмущения.— Я не ползаю, медленно перебирая сотнями ног, не ем на обед мух и не вытягиваю из своего живота нить, чтобы ткать паутину. Пауки гадкие, противные, отвратительные...

— Пошли в ванную,— сказала Кэрри, силой вталкивая его туда.— Если ты сейчас же не замолчишь, я налью тебе за шиворот холодной воды.

Она закрыла дверь. Ник мгновенно замолчал. Холодной воды он боялся не меньше, чем пауков. Мисс Эванс робко прошептала из-за двери:

— Пожалуйста, мои милые, побыстрее, время идет...

Но они не могли управиться быстро, потому что на втором этаже не было электричества, и Кэрри пришлось держать в руках свечу. В тусклом свете свечи она никак не могла разыскать полотенце Ника, а ее полотенцем он ни за что не стал бы пользоваться. Зубную же пасту мама завинтила так туго, что крышка никак не отвинчивалась.

— Придется на этот раз лечь, не почистив зубы,— сказала Кэрри.

— Не лягу. У меня во рту противно и гадко. Грязно, гадко и отврати...

Внизу хлопнула дверь, и он замолчал на полуслове. Глаза его превратились в черные ямы.

— Ой! — прошептал он.— Кэрри...

Ее сердце тоже прыгало в груди, как теннисный мяч.

— Пойдем,— сказала она и вывела его из ванной. Мисс Эванс стояла возле двери.

— Ложитесь,— прошептала она, подталкивая их перед собой. А потом принялась метаться взад и вперед, как напуганная мышь, подбирая вещи, которые они уронили: одежду в спальне, зубную пасту в ванной.— О господи! — бормотала она,— о господи!..

— Лу! — раздался мужской голос.— Лу, куда ты запропастилась?

— Иду, Сэмюэл,— отозвалась мисс Эванс с площадки.— Одну минутку.

— Что ты там делаешь? Так я и знал: как только меня нет дома, ты бегаешь вверх и вниз, топчешь ковер на лестнице...

Кэрри благополучно улеглась и задула свечу. Мисс Эванс закрыла дверь.

— Суетишься и что-то прячешь,— продолжал громкий и грозный голос.— Вверх и вниз, взад и вперед, туда и сюда, суетишься и что-то прячешь...

В комнате было черным-черно, даже сквозь окна не проникал свет, потому что они были наглухо зашторены. Дети неподвижно лежали во тьме, прислушиваясь к реву мистера Эванса и тоненькому писку его сестры. «Будто мышь разговаривает со львом»,— подумала Кэрри. Потом раздались тяжелые шаги по коридору. Хлопнула еще одна дверь, и наконец все стихло.

Несколько минут они не решались произнести ни слова. Затем Ник сказал:

— Я хочу к маме.

Кэрри вылезла из постели и, ощупью добравшись до его кровати, легла к нему. Он прижался к ней, обхватив ее руками, как осьминог, и уперевшись холодными коленями ей в живот.

— Хочу домой,— захныкал он.— Мне здесь не нравится. Не хочу жить в безопасности. Хочу к маме, к Милли и к папе.

— У тебя есть я,— Кэрри обняла его. Так было менее страшно.— А утром все будет хорошо.

Он дрожал от страха и холода.

— Он, наверное, людоед, Кэрри,— прошептал он ей на ухо.— Настоящий людоед, страшный и гадкий.

ГЛАВА 3

Разумеется, никаким людоедом член муниципального совета Сэмюэл Айзик Эванс не был. А был он высоким, худым, малоприятным человеком с громким голосом, бесцветными глазами навывкате и торчащими из ноздрей пучками жестких волос.

И еще он был крикуном. Он кричал на свою сестру. И даже на своих покупательниц, заставляя брать ненужные им товары, отказывая в тех, что действительно требовались.

— Берите или убирайтесь,— говорил он.— Вам что, неизвестно, что идет война?

Он попытался бы застрашать и детей, если бы заметил, что они его боятся. Но Кэрри, хотя и немного робела перед ним, старалась этого не показать, а Ник во-

обще не испытывал никакого страха. Ник боялся людоедов, пауков, крабов, холодной воды, зубного врача и темноты, но людей он боялся очень редко. Вероятно, по той причине, что до встречи с мистером Эвансом ему просто некого было бояться, но и его он не боялся, даже после той первой страшной ночи, потому что у мистера Эванса была вставная челюсть, которая чмокала, когда он разговаривал.

— Разве можно бояться человека, у которого того и гляди, выпадут зубы? — спрашивал Ник у Кэрри.

И Ник жил в ожидании этого события с того самого момента, когда мистер Эванс вошел в кухню, где они утром впервые завтракали, и обнажил свои вставные зубы в гримасе, которую, по-видимому, считал улыбкой. Так скалит зубы тигр перед тем, как броситься на добычу, решили дети. Положив на стол ложки, которыми они ели кашу, они почтительно и робко встали. Ему это, по всей вероятности, пришлось по душе.

— Я вижу, вас учили манерам. Что ж, это уже хорошо. Как говорится, нет худа без добра!

Они не знали, что ему ответить на это, а потому промолчали. Он же стоял, ухмыляясь и потирая руки.

— Садитесь, садитесь, — наконец сказал он. — Чего вы ждете? Доедайте ваш завтрак. Грешно, когда пища стынет. Вам повезло, позвольте вам сказать, в нашем доме вы всегда будете сыты. А поэтому помните, никаких капризов! И не выпрашивать у моей сестры лакомые кусочки у меня за спиной! Особенно это касается мальчишки! Жуют не переставая. Возьми двух девочек, сказал я ей, у нас одна комната, но она меня обманула, убедив, что мальчик еще совсем маленький. Кровать не мочить! Этого я не потерплю!

Ник не отрывал глаз от губ мистера Эванса.

— Как невежливо об этом упоминать, — заметил он таким ледяным тоном, что Кэрри задрожала.

Но мистер Эванс вовсе не рассердился. Он вроде обомлел: червяк поднял голову и ответил ему — так подумалось Кэрри.

Он только чмокнул зубами и на удивление смирно сказал:

— Ладно, ладно, посмотрим. Ведите себя примерно, слушайтесь взрослых, и я не буду на вас в обиде. Помните, у нас в доме нельзя ни кричать, ни бегать по лестни-

це, ни выражаться. Скверными словами,— поспешно добавил он, поймав взгляд Ника.— Ругательств чтобы я не слышал. Не знаю, как вас воспитывали, но в нашем доме мы живем в страхе перед господом богом.

— Мы не ругаемся,— ответил Ник.— Даже наш отец никогда не сквернословит. А он морской офицер.

«Зачем об этом говорить?» — подумала Кэрри.

Но мистер Эванс определенно смотрел на Ника с уважением.

— Офицер? Вот как?

— Капитан,— сказал Ник.— Капитан Питер Уиллоу.

— Правда? — Зубы мистера Эванса чмокнули, наверное, став по стойке «смирно». — Значит, можно надеяться,— снова ухмыльнулся он,— он научил вас, как себя вести. Что избавит меня от лишнего труда.— И, повернувшись на каблуках, пошел в лавку.

Наступило молчание. Мисс Эванс, которая все время стояла возле мойки, не произнося ни слова, подошла к столу и начала убирать посуду.

— А вы разрешите нам выражаться? — спросил Ник.— Дело в том, что я не умею разговаривать только жестами, как глухонемые.

— Хватит умничать,— рассердилась Кэрри, но мисс Эванс рассмеялась.

Она прикрыла рукой рот и не сводила круглых белых глаз с двери, будто опасалась, что брат вернется и услышит, как она смеется.

— Брехливая собака лает, но не кусает,— тихо сказала она.— Он терпеть не может, когда ему возражают, поэтому старайтесь не противоречить и слушайтесь его. Я его всегда слушаюсь — ведь он гораздо старше меня. Когда наша мама умерла — папа погиб во время обвала на шахте задолго до этого,— он сам меня вырастил. Его жена тогда еще была жива, бедняжка, а сын, Фредерик, примерно моего возраста, сейчас в армии. Мистер Эванс воспитал нас вместе и не делал между нами никакого различия. Ни разу не дал мне понять, что меня взяли из милости. Если мы совершали какую-нибудь проказу, Фреду всыпали ремнем, а меня сажали наверх, на полку над камином, чтобы я подумала на досуге, как следует себя вести. Много раз сидела я там, до смерти боясь огня, а ноги у меня немели от неподвижности.

Она перевела взгляд на полку, и дети тоже посмотрели туда. Ужасно высоко была она над полом.

— Он был мне, пожалуй, больше отцом, чем братом,— добавила мисс Эванс.

— Наш папа никогда никого не сажает на камин,— откликнулся Ник.— И никого не пугает.

По правде говоря, Кэрри тоже не боялась мистера Эванса. Но она предпочитала не попадаться ему на глаза, как и тощая старая кошка, которая, едва заслышав его шаги в коридоре, срывалась со своего места у каминной и исчезала. А ведь он ни разу не ударил кошку, думала Кэрри; просто кошка так же настороженно относилась к нему, как и она. «Животные чувствуют, когда люди настроены к ним недружелюбно»,— объясняла она Нику.

Хотя, быть может, он и пытался на свой лад подружиться с ними. Он никогда не садился за стол вместе со всеми, а ел в гостиной, куда мисс Эванс приносила ему еду, но порой, когда они пили чай, заходил на кухню и говорил:

— Ну-с, Кэролайн, неплохой сегодня выдался денек для игры, правда?

— Для какой игры?— спрашивала она, зная, что от нее ждут этого вопроса.

— Для игры на рояле,— отвечал он, чуть не теряя от хохота вставную челюсть.

Он разрешал им помогать ему в лавке — Кэрри страшно нравилось взвешивать продукты на весах и давать сдачу,— пока в один прекрасный день не поймал Ника на краже вафель.

Прошло три недели со времени их приезда. Мисс Эванс уже превратилась в тетю Лу, и, казалось, они давным-давно с ней знакомы. Было около шести вечера, и Кэрри помогала мыть после чая посуду, как вдруг слышались яростные вопли мистера Эванса.

Она вбежала в лавку. Посредине стоял белый, как мука, Ник с крошками от вафель на губах.

— Вор!— кричал мистер Эванс.— Пойман с поличным, а? Сколько это уже продолжается? Пробирается сюда, когда лавка закрыта, а я сижу в гостиной, и ворует! Вот она, неблагодарность-то! Ты еще пожалеешь! Ты еще заплатишься за это! Тебя надо как следует проучить, парень, и я это сделаю с удовольствием. Ты хо-

чешь, чтобы тебя выпороли? — Он начал расстегивать свой ремень. И со злорадной улыбкой сказал: — Ну-ка, снимай штаны.

Кэрри ахнула. Ника никто никогда не бил, его ни разу в жизни даже не шлепнули. Он стоял и дрожал. Чем ему помочь? Вызвать полицию? Но Ник действительно совершил кражу. Позвать тетю Лу? От нее мало толку, она даже не пришла посмотреть, что происходит. Стоит, наверное, посреди кухни, прислушивается и заламывает руки.

— Мистер Эванс, мистер Эванс,— принялась молить Кэрри,— Ник не вор. Он просто маленький мальчик, который любит вафли. Его ужасно тянет к сладкому, он не может с собой совладать. Он, наверно, даже не понимал, что ворует.

— Вот мы его и научим понимать,— прорычал мистер Эванс.

И двинулся в сторону Ника, который отошел как можно дальше к двери и смотрел на мистера Эванса во все глаза.

— Если вы меня ударите,— сказал он,— я пойду в школу и расскажу все моей учительнице.

— И про что же ты расскажешь, молодой человек? — засмеялся мистер Эванс.— Про то, как ты хорошо поступаешь, воруя у добрых людей, что приютили тебя?

— Я скажу, что был голоден,— ответил Ник.

Мистер Эванс замер на месте. Кэрри — она стояла за его спиной — его лица не видела, но зато она видела лицо Ника. Он был так бледен, что казалось, вот-вот упадет, однако взгляд его темных глаз был тверд.

Будто прошло целых сто лет. Они все стояли неподвижно, словно застыли. Затем медленно-медленно мистер Эванс надел ремень и застегнул его...

В тот вечер он молился за Ника. На коленях возле кровати, и Ник тоже стоял на коленях рядом с ним.

— О господи, обрати свой взор на этого грешного ребенка, творящего зло, и направь его на стезю добродетели. А если он вновь подвергнется искушению, напomini ему о муках, что ждут его в аду, о пытках и истязаниях, дабы он содрогнулся от страха и раскаялся в совершенном им поступке...

Он молился не меньше получаса. Кэрри пришла к выводу, что она, например, предпочла бы, чтобы ее побили, но Ник торжествовал.

— Я знал, что он не осмелится ударить меня, если я скажу, что был голоден,— объяснил он, когда все кончилось.— Взрослые часто обижают детей, но они не любят, когда об этом узнают другие взрослые.

В его голосе звучало довольство собой, но Кэрри никак не могла успокоиться. Ей казалось, что в лице мистера Эванса Ник нажил себе врага, и это представлялось ей опасным.

— Не такой уж он плохой человек,— убеждала она Ника.— И ты не имел никакого права красть его вафли, ты уже не маленький. А говорить, что ты был голоден, стыдно, потому что это неправда, просто ты любишь вафли. Я знаю, он часто обижает тетю Лу, но она сама виновата, позволяет ему это делать. Она очень милая, наша тетя Лу, но она глупая.

— При чем тут она, раз он такой противный? — возмущился Ник.— Противный и злой. Знаешь, как он вче-

ра орал на тетю Лу, когда поскользнулся на коврике в холле? Кричал, что она нарочно натерла пол под ковриком, а она вовсе не натирала. Я стоял в кухне, ему меня не было видно, но я-то его видел. Я видел, что он нарочно подвинул коврик на натертое место, а потом сделал вид, что поскользнулся, и начал орать.

Он замолчал. Они лежали вместе в одной кровати. Он взял Кэрри за руку. Рука его казалась маленькой и без косточек.

— Я ненавижу его,— заключил он, и голос его задрожал.— Я взаправду и по-настоящему ненавижу его.

— Если тебе в самом деле здесь так плохо, тогда нам нужно кому-нибудь об этом сказать.

Но ей стало не по себе. Кому сказать? Мама с папой далеко, и в письме об этом не напишешь. Мисс Фазакерли? Мисс Фазакерли наставляла их: «Если в ваших новых домах вам что-нибудь не понравится, придите и скажите мне». Но чем она может им помочь, если даже они придут и скажут? В городе так много эвакуированных, говорили учителя, что квартир на всех не хватает. Дома здесь маленькие, и некоторым детям приходится спать втроем в одной постели. Разве можно пойти к мисс Фазакерли и сказать: «Извините, но нам не хочется больше жить у мистера Эванса, потому что он поймал Ника на воровстве»?

— Нет, мне здесь совсем не плохо,— несколько удивленно ответил Ник.— Просто я его ненавижу, вот и все. Но на другую квартиру переходить я не хочу. Я здесь уже привык.

И правда, казалось, будто они здесь прожили всю жизнь. Спали в этой спальне, ели на кухне, днем пользовались уборной на краю двора (Ник так боялся пауков, что у него начались запоры), держались подальше от мистера Эванса, просыпались под вопли гудка на шахте и бежали в школу по горбатой главной улице...

Ник ходил в местную начальную школу, а детей постарше их лондонские преподаватели учили в холодных и мрачных церковных помещениях, где со стен на них взирали портреты давно усопших бородатых старейшин. Занятия здесь проходили гораздо интереснее, чем в Лондоне, считала Кэрри и радовалась, что ей не пришлось остаться, как некоторым из ее подружек, в большом городе по другую сторону долины. Там, по рассказам, дети

учились в новом красивом здании со спортивными площадками, бассейном и превосходно оснащенными лабораториями, но Кэрри все это представлялось обычным и скучным. Она тосковала по своим подругам, но не завидовала им. А вот Альберт Сэндвич, наверное, завидовал: он был из тех, кто предпочитает учиться в настоящей школе. Раза два она попробовала отыскать его, даже сходила в крошечную публичную библиотеку, которая занимала всего одну комнату с окнами из разноцветного стекла в помещении городской управы, но его не нашла. Может, он перебрался в большой город, а то и вовсе вернулся в Лондон, как это делали некоторые дети, которые не могли смириться с отсутствием их мам?

Мамы Кэрри и Ника в Лондоне не было. Корабль, на котором служил их отец, ходил в конвое по Северному морю, и мама перебралась в Глазго, чтобы видаться с отцом, когда судно приходило в порт. Она прислала письмо, в котором рассказала, что живет возле доков, где снимает тесную комнатку, в которой пахнет рыбой. Она рада, писала она, что у детей есть жилье, надеется, что они хорошо себя ведут, сами убирают свои постели, помогают мыть посуду и не забывают чистить зубы. Она сообщала, что во время воздушных налетов водит карету «скорой помощи», что это очень интересно, но она очень устает и часто ложится спать только после завтрака и спит до самого вечера. Раза два-три она прислала им конфеты, потом они получили несколько пар красных носков, которые она связала в ожидании вызова на станции «скорой помощи», и ее фотографию, где она была снята в защитной каске на голове. Тетя Лу, когда они показали ей фотографию, дала им рамку, чтобы повесить фотографию в спальне, но они не очень часто смотрели на маму, хотя она была похожа на себя и улыбалась. Ей не было места в доме Эвансов, равно как и папе и их служанке Милли, которая теперь работала на военном заводе, и собаке Бонго (мама почему-то не писала, что случилось с ним). Мама принадлежала совсем к другому миру. Далекому и давнишнему. Он остался где-то во сне или в другой жизни...

Кончилось лето. Наступила осень, на склонах холмов появилась черника, от которой зубы становились фиолетовыми, а на одежде красовались чернильно-красные

пятна. За осенью пришла зима, стало страшно холодно. Земля во дворе покрылась тонким слоем льда, который хрустел под ногами, когда они бежали в уборную, но и в доме было не намного теплее. Вечером, когда они входили к себе в спальню, от натертого линолеума веяло таким холодом, как со льда на катке. Тепло было только на кухне. Они грели у огня обветренные руки и ноги, но от жара начинали жутко чесаться ознобыши.

— У вас ознобыши! — воскликнула мама, которая в начале декабря приехала их навестить.

Она всю ночь добиралась до них из Шотландии, а сумела провести с ними всего несколько субботних часов. Они ждали ее с нетерпением, но, когда она приехала, не знали, о чем говорить. Мама постриглась. Короткие волосы сделали ее другой, и они почему-то застеснялись. А может, им было непривычно видеть ее в доме, где ей не было места.

— У всех ребят в школе ознобыши, — ответили они, убрав руки за спину.

Они сели за обед в гостиной, мрачной комнате со скользкими коричневыми кожаными стульями, с фисгармонией у одной стены и с набитым чучелами птиц стеклянным ящиком, висющим на другой. Мистер Эванс закрыл лавку не на полчаса, как обычно, а на час и принес бутылку шерри. Сам он не пил, но налил маме стакан и был настроен сравнительно весело. Он даже погладил Ника по голове, называя его «юный Никодемус», чем так поразил Ника, что тот весь обед просидел с открытым ртом и едва притронулся к своей порции жареного мяса. И очень жаль, подумала Кэрри, им не часто перепадает жареное мясо. Обычно они ели пропущенные через мясорубку вместе с хлебом и приправленные соусом обрезки от большой отбивной, после того как с ней расправлялся мистер Эванс.

— Молодые люди не должны есть мясо, — утверждал он. — От него они становятся чересчур беспокойными.

Но сегодня он отрезал каждому из них по два толстых сочных ломтя. И сказал маме:

— Не беспокойтесь, они едят не хуже, чем солдаты в армии. Но больше того, что нам полагается по рациону, мы не берем, хотя у нас своя лавка. В этом доме не живут по пословице: «Дешево досталось, легко потерялось». У меня было трудное детство, миссис Уиллоу,

и я это всегда помню! Нынешние дети не знают своих обязанностей. Нет, я не жалею на ваших детей, поймите меня правильно. Я с ними строг, они меня слушаются и помалкивают, если к ним не обращаются, но знают, что я человек добрый. Правда, Ник?

Ник ничего не ответил.

— Правда, мистер Эванс,— сказала Керри.

После мяса они ели рисовый пудинг с вареньем. Тетя Лу приготовила чай и поставила на стол вафельные трубочки. Но Ник, когда ему их предложили, только покачал головой.

— Ты же любишь вафли, милый,— сказала мама.

Ник посмотрел на нее и промолчал.

Тетя Лу тоже все время молчала. Она сидела за столом, робко поглядывая на брата и нервно теребя свой передник красными от работы пальцами. И только когда наступило время пойти проводить маму на станцию, она глубоко вздохнула и сказала:

— Я делаю для них все, что могу, миссис Уиллоу, поверьте мне.

Мама, казалось, удивилась, потом поцеловала тетю Лу в щеку и ответила:

— Спасибо. Большое вам спасибо.

И тетя Лу улыбнулась и покраснела, будто получила подарок.

Выйдя из дома, они некоторое время молчали. Керри, сама не зная почему, испытывала какой-то страх.

Наконец мама сказала:

— В вашей спальне довольно прохладно.

В ее словах слышался вопрос.

Ник ничего не ответил. Тяжело ступая, не глядя по сторонам, он хмуро шел вперед.

— Ничего,— сказала Керри.— Мы не слабаки.

— Что? — переспросила мама.

— Мы не неженки.

— А! Понятно.

И мама как-то странно рассмеялась. Почти сконфуженно, подумала Керри, но решила, что этого быть не может. Их мама не из робких.

— Пожалуй, здесь много непривычного,— заметила мама.— И эти часовни, и говорят не так, как в Лондоне. Но зато вы кое-что повидали, правда? Может, здесь и не так уютно, как дома, но интересно. И они, наверное, по-своему очень добрые. Стараются для вас.

Ник по-прежнему молчал. Его молчание пугало Кэрри, и она вдруг поняла почему. Она боялась, что в любую минуту он взорвется и скажет, что ненавидит мистера Эванса, что ему не позволяют пользоваться ванной комнатой днем, даже если на улице холодно, что он ненавидит холод, и свои ознобыши, и сортир во дворе, а пауков, и что ему не дают вафли, и что они ели жареное мясо на обед только по случаю ее приезда. Кэрри скорей бы умерла, но не призналась бы в этом, а Ник, и глазом не моргнув, выложит все свои жалобы. А если он это сделает, мама расстроится, хотя, если по-честному, Кэрри было не очень жаль маму. Гораздо больше, несравненно больше ей было жаль огорчить тетю Лу. «Только посмотреть на нее за обедом,— думала она,— только посмотреть...»

Но Ник лишь сказал:

— Мистер Эванс, когда торгует сахарином, обманывает покупателей.

Мама засмеялась. В ее смехе слышалось облегчение, будто она, как и Кэрри, боялась услышать что-нибудь гораздо хуже.

— О чем ты говоришь, мой ягненочек? — спросила мама.

— Поскольку сахара не хватает, мистер Эванс торгует сахарином,— принялась объяснять Кэрри.— В каждом пакетике должно быть сто таблеток. Иногда нам поручают считать эти таблетки. Я люблю это делать, потому что потом приятно облизать пальцы. Так вот однажды Ник пересчитал таблетки в том пакетике, который наполнял сам мистер Эванс, и там их оказалось не сто, а девяносто семь. Но может, мистер Эванс сделал это не нарочно, а просто ошибся.

Мама снова рассмеялась. Она смеялась и смеялась, как маленькая девочка, которая никак не может остановиться.

— Ну, если это самое плохое...— сказала она.

Остальную часть пути у нее был радостный вид, она говорила, как славно было им повидаться, пусть даже так недолго, обещала, как только сможет, снова приехать, но объяснила, что ехать ей далеко, что поезда переполнены солдатами и что ей пришлось отпроситься со станции «скорой помощи» на целых два дня. Теперь она не скоро сможет снова это сделать, ей и так придется за эти дни отдежурить на рождество. И хотя ей в Глазго

грустно и одиноко, теперь ее будут согревать мысли о том, как весело им будет на рождество в этой глухой валлийской долине, где над вершинами гор светят звезды, а все поют, как это принято в Уэльсе, прекрасно и естественно, словно птицы.

— Я надеюсь, вы сохраните память об этом на всю жизнь,— заключила она, и Кэрри обрадовалась тому, что мама впервые за весь день стала похожа сама на себя.

Только в последнюю минуту на станции она снова погрустнела. Высунувшись из окна — дежурный по станции вот-вот должен был засвистеть,— она сказала потерянными голосом:

— Родные мои, вам здесь хорошо, правда?

И Кэрри не просто напугалась, она оледенела от ужаса, вдруг Ник скажет: «Нет, мне здесь плохо» — и мама сойдет с поезда, вернется с ними к Эвансам, соберет их вещи и увезет их с собой! И это в благодарность за то, что тетя Лу так старается для них!

Но Ник только мрачно взглянул на маму, а потом ласково улыбнулся и сказал:

— Мне здесь очень нравится. Я никогда не вернусь домой. Я очень люблю тетю Лу. Такого хорошего человека я еще не встречал в своей жизни.

ГЛАВА 4

День рождения Ника был за неделю до рождества. В этот день тетя Лу подарила ему пару кожаных перчаток на меху, а мистер Эванс — Библию в мягком красном переплете и с картинками.

— Спасибо, мистер Эванс,— очень вежливо, но без улыбки поблагодарил его Ник и, положив Библию на стол, сказал: — Какая красота! У меня за всю мою жизнь не было таких перчаток. Я буду вечно их хранить, даже когда они станут мне малы. Это перчатки моего десятилетия!

Кэрри стало жаль мистера Эванса.

— Библия тоже красивая, счастливый ты, Ник,— заметила она. А позже, когда они с Ником остались одни, добавила: — Ведь он сделал тебе подарок. Наверно, когда он был маленьким, ему больше всего на свете хотелось получить в подарок Библию, может, даже больше велосипеда. Поэтому он, наверно, решил, что тебе тоже этого хочется.

— Да не нужна мне его Библия,— заявил Ник.— Лучше бы он подарил мне нож. У него в лавке возле двери висят потрясающие ножи. И стоят они недорого. Я смотрел на них каждый день в надежде, что мне подарят нож, и он видел, как я ими любуюсь. И нарочно подарил мне эту противную Библию.

— Может, он подарит тебе нож на рождество,— пыталась утешить его Кэрри, испытывая в глубине души большие сомнения. Если мистер Эванс и вправду понял, что Нику хочется нож, то вряд ли он сделает ему такой подарок. Он считал баловством потакать людским прихотям. «Только нужда подгоняет человека»,— любил говорить он.

Кэрри тяжело вздохнула. Она не любила мистера Эванса — да и как его любить? — но из-за ненависти к нему Ника ей почему-то было жаль его.

— Он обещал нам гуся на рождество,— сказала она.— Хорошо, правда? Я ни разу не ела гуся.

— Я предпочел бы индейку,— насупился Ник.

Гуся нужно было взять у старшей сестры мистера Эванса, которая жила на окраине города и держала птицу. До сих пор Ник с Кэрри ни разу о ней не слышали.

— Она не совсем здорова,— объяснила тетя Лу.— Большую часть времени лежит в постели. Бедняжка, я часто думаю о ней, но не решаюсь пойти ее навестить. Мистер Эванс этого не потерпит. Дилис сама решила свою судьбу, говорит он, она первая отвернулась от нас, когда вышла замуж за мистера Готобеда, владельца шахты. Вот и все.

Дети не совсем поняли, в чем вина миссис Готобед, но спросить не решились. Тетя Лу обычно начинала нервничать, когда ей задавали слишком много вопросов.

— Готобед — странная фамилия для этих краев, правда? — только и спросили они.

— Английская,— ответила тетя Лу.— Из-за этого мистер Эванс и разозлился с самого начала. Англичанин, да еще владелец шахты! «Она стала его женой сразу же после гибели нашего отца в забое — не успела отцовская могила травой порости, как она уже пустилась в пляс»,— сказал мистер Эванс.— Готобеды были плохими хозяевами, наш отец никогда бы не погиб, если бы на

шахте заботились о безопасности шахтеров». Конечно, молодой мистер Готобед был тут ни при чем, в ту пору шахтой управлял еще его отец, но мистер Эванс считал, что все члены их семьи одним миром мазаны, думают только о доходах. Поэтому он страшно разозлился на Дилис. И даже сейчас, после смерти ее мужа, не хочет забыть прошлое и помириться с ней.

Хотя не возражал принять в подарок на рождество гуся.

— У них замечательные гуси,— словно в оправдание, сказала тетя Лу.— За ними смотрит Хепзеба Грин. А уж она-то умеет обращаться с домашней птицей. И на тесто у нее легкая рука! Вот бы вам попробовать ее пирожков! Хепзеба и за Дилис ухаживает, и за домом смотрит. Долина друидов когда-то была чудесной усадьбой, хотя, с тех пор как мистер Готобед умер, а Дилис заболела, она пришла в запустение. Там нужна твердая рука, говорит мистер Эванс, но сам помочь сестре не хочет, а Дилис, естественно, не просит.— Она тихонько вздохнула.— Они оба большие гордецы.

— Долина друидов...— задумчиво повторил Ник.

— Усадьба находится в долине за тисовым лесом,— объяснила тетя Лу.— Помните, мы один раз собирали чернику у железной дороги и как раз перед въездом в туннель видели тропинку вниз в лес?

— Там совсем темно! — Глаза у Ника расширились.

— Темно от тисов. Хотя, по правде говоря, это место действительно необычное. Люди считают, что и сейчас с наступлением тьмы туда нельзя ходить. Одному, во всяком случае. Я-то не боюсь, а при мистере Эвансе упаси бог вести такого рода разговоры. Все это глупость и чепуха, говорит он. Тем, кто верует в бога, нечего бояться на всем белом свете.

У Кэрри разгорелось воображение. Она обожала старые сказки про привидения.

— Я бы не побоялась пойти в лес,— расхвасталась она.— Ник, может, и напугался бы, он ведь еще маленький, а я не боюсь. Можно мне пойти с вами за гусем, тетя Лу?

Но вышло так, что им с Ником пришлось идти одним. И это, пожалуй, было самым знаменательным путешествием, которое они совершили вдвоем.

Они собирались пойти в Долину друидов за два дня до рождества, но тетя Лу простудилась. Все утро она

кашляла, глаза у нее покраснели и слезились. После обеда мистер Эванс вошел в кухню и увидел, как она кашляет, стоя над раковиной.

— Тебе нельзя выходить на улицу,— сказал он.— Пошли детей.

Тетя Лу все кашляла и кашляла.

— Я пойду завтра. Уже поздно. Хепзеба поймет, что я сегодня не приду. А завтра мне будет лучше.

— Завтра сочельник, и ты мне понадобишься в лавке,— возразил мистер Эванс.— Пусть дети пойдут сами. Хоть раз в жизни заработают на хлеб насущный.

— Гусь будет тяжелый, Сэмюэл.

— Ничего, понесут вдвоем.

Наступило молчание. Тетя Лу старалась не смотреть на детей.

— Они не успеют вернуться засветло,— наконец сказала она.

— Сейчас полнолуние,— возразил мистер Эванс.

Он посмотрел на детей, на искаженное страхом лицо Ника, снова на тетю Лу. Она начала медленно краснеть. Тогда тихим, но полным угрозы голосом он спросил:

— Надеюсь, ты не забивала им голову глупыми рассказными?

Тетя Лу тоже посмотрела на детей. Ее взгляд умолял не выдавать ее. Кэрри даже разозлилась: взрослый человек не должен быть таким слабохарактерным и глупым. Но в то же время ей было жаль тетю Лу. И она сказала с самым невинным видом:

— Какими рассказами, мистер Эванс? Мы с удовольствием пойдем сами, мы не боимся темноты.

— Бояться нечего,— убеждала она Ника, пока они шли вдоль полотна железной дороги.— Чего тут бояться? Старых деревьев, что ли?

Но Ник только вздохнул в ответ.

— Тетя Лу назвала это место необычным только потому, что она сама человек суеверный. Ты же знаешь, как она верит в разные приметы, считает, что нужно стучать по дереву, чтобы не сглазить чего-нибудь, что нельзя проходить под приставной лестницей, а когда рассыплешь соль, нужно взять щепотку и бросить через плечо. Я совершенно не удивляюсь, что мистер Эванс иногда на нее злится. Она так напугана, что боится собственной тени.

Но когда они добрались до леса, Кэрри перестала быть храброй. Начало смеркаться, в холодном небе над головой появились звезды. И сделалось вдруг так тихо, что в ушах зазвенело.

— Спуск начинается вон у того камня,— прошептала Кэрри.

Ник поднял глаза. Лицо его превратилось в тусклое белое пятно.

— Иди сама. Я подожду здесь,— тоже шепотом откликнулся он.

— Еще чего! — И, подавив самолюбие, начала уговаривать его: — Разве тебе не хочется попробовать вкусного пирожка с начинкой? Может, нас угостят такими пирожками. Тетя Лу сказала, что вниз идти недалеко. Минут пять, не больше.

Ник затряс головой, зажмурился и заткнул руками уши.

— Ладно, поступай как знаешь,— холодно сказала Кэрри.— Но вот-вот стемнеет, и тогда действительно станет страшно. И одному тебе будет еще страшнее, чем со мной. За тобой придут друиды и привидения! И дикие звери, о которых ты даже не знаешь. Я бы не удивилась, если бы услышала, что в здешнем лесу водятся волки. Но мне на них наплевать. Я не побегу, даже если услышу, как они воют и щелкают зубами.

И она, не оглядываясь, зашагала вперед. Вьющаяся среди тисовых деревьев тропинка по обеим сторонам была выложена белыми камнями, а в особенно крутых местах в земле были вырыты ступеньки, подпертые досками. Не успела она отойти, как услышала за спиной вопль Ника:

— Подожди меня, Кэрри, подожди...— Она остановилась, и он с размаху уткнулся ей прямо в спину.— Не бросай меня, Кэрри!

— По-моему, это ты бросил меня,— пошутила она, чтобы успокоить его.

Он попытался было засмеяться, но вместо смеха только всхлипнул.

Она шла впереди, а он держался за ее пальто и тихонько скулил себе под нос. Тисовые деревья росли густо, некоторые из них были покрыты плющом, который шуршал и шелестел. «Словно чешуя»,— подумала Кэрри. Деревья были похожи на живые существа с плавни-

ками. Она велела себе не придумывать разные глупости, но вдруг остановилась и замерла.

— Тише, Ник,— сказала она.

— Почему?

— Не знаю,— ответила Кэрри.— Что-то...

Она не могла объяснить. Ее охватило какое-то странное чувство. Будто рядом было что-то, оно ждало. Где-то среди деревьев или под землей. Не привидение, нет, нечто более сложное. Без названия. Что-то старое, огромное и безымянное, решила Кэрри и задрожала.

— Кэрри...— начал было Ник.

— Слушай!

— Что?

— Тсс...

Сначала ни звука. Но потом она услышала еле уловимый стон или вздох. Словно земля поворачивалась во сне. Или дышало огромное, безымянное нечто.

— Слышал? — спросила Кэрри.— Слышал?

Ник жалобно заплакал. Снова молчание, прерываемое лишь его всхлипами. У Кэрри пересохло во рту.

— Все. Кончилось. Да ничего и не было. Ничего, ей-богу.

Ник глотнул, изо всех стараясь сдержать слезы. И вдруг вцепился в Кэрри.

— Вот! Опять!

Кэрри прислушалась. Этот звук был не похож на прежний. Этот был совсем другой: странное, горловое кулдыканье, которое доносилось откуда-то сверху. Они застыли, как каменные. Звук приближался.

— Бежим! — крикнула Кэрри и, спотыкаясь, бросилась бежать.

Сумка, куда они должны были положить гуся, запуталась у нее в ногах, и она чуть не упала, но, схватившись за ветки, удержалась. Бежала она, за ней мчался Ник, а позади их преследовало кулдыкающее существо. Оно, казалось, звало их, но Кэрри вспомнились прочитанные ею сказки: оглянешься — и твой преследователь заморозит тебя!

— Только не смотри назад, Ник, умоляю тебя! — выкрикнула она.

Тропинка расширилась, стала ровнее на выходе из леса, и она схватила Ника за руку, чтобы он бежал быстрее. Но у него были слишком короткие ножки, и он упал.

— Не могу, Кэрри, не могу...— застонал он, когда она помогла ему подняться.

— Нет, можешь,— ответила она, стуча зубами.— Осталось недалеко.

И в эту минуту они увидели темный силуэт дома с высокими трубами на фоне вечернего неба и свет в окнах. Одно окно было освещено наверху, а другое внизу, сбоку. Они вбежали — ноги уже не слушались их — в открытую калитку и помчались по двору к светившемуся окну. Дверь была заперта. Они отчаянно забарабанили по ней кулаками.

Кулдыканье приближалось, пересекая двор.

— Откройте! — молвила Кэрри.— Откройте! — Она была уверена, что, все, поздно, что существо поймало их.

Но дверь, словно в сказке, отворилась, и они очутились в светлом, теплом и уютном доме.

ГЛАВА 5

Тепло, светло и уютно.

Такой кухня Хепзебы была всегда, а не только в тот вечер. Входишь туда, и кажется, будтоходишь в дом, где, если ты замерз, тебя обогреет яркий огонь в очаге, если ты голоден, тебя встретит запах сала, если ты одинок, тебя обнимут заботливые руки, а если напуган, тебя успокоят и утешат.

Разумеется, в тот первый раз они не сразу успокоились. Верно, они уже были под крышей дома, но дверь все еще оставалась открытой, и женщина, по-видимому, не торопилась затворить ее и отгородиться от наводящей ужас тьмы. Она стояла, смотрела на них и улыбалась. Она была высокой, а волосы у нее отливали медью. На ней был белый передник, рукава платья высоко зашучены, и были видны белые, толстые, покрытые веснушками руки с испачканными мукой пальцами.

Кэрри рассмотрела женщину, потом оглядела кухню. Просторное помещение с каменным полом, темноватое по углам, но ярко освещенное возле плиты; полки для посуды, уставленные белыми с голубым тарелками; выскобленный добела деревянный стол, над которым висела керосиновая лампа; а за столом над открытой книгой, куда падал свет от лампы, сидел Альберт Сэндвич.

Он открыл было рот, намереваясь заговорить, но Кэрри повернулась к женщине.

— Закройте дверь! — крикнула она.

Женщина удивилась. «До чего медлительны эти люди», — подумала Кэрри. И с отчаянием в голосе попыталась объяснить:

— Мисс Эванс послала нас за гусем. Но за нами кто-то гнался. Мы бежали изо всех сил, но оно гналось за нами. И кулдыкало.

Женщина всмотрелась в темноту, куда показывала Кэрри.

— Закройте дверь, — повторила Кэрри, — не то оно войдет.

Женщина широко улыбнулась. У нее были красивые белые зубы со щербинкой посредине.

— Благослови тебя бог, деточка, да ведь это мистер Джонни. Я и не заметила, как он вышел из дома.

— Он пошел загнать кур, — сказал Альберт Сэндвич. — И наверное, решил погулять.

— Но это был не человек, — старалась втолковать им Кэрри.

Страх прошел. Альберт говорил так спокойно, что у нее тоже отлегло от сердца.

— Он не говорил, — объяснила она. — Он кулдыкал.

— Мистер Джонни так говорит, — сказал Альберт Сэндвич. — Ты должна согласиться, Хепзеба, что его можно испугаться. — И сердито взглянул на Кэрри. — Хотя вы, наверное, тоже его напугали. Что бы ты чувствовала, если бы от тебя убегали люди, которых ты вовсе не собиралась обидеть?

Хепзеба негромко сказала куда-то во тьму:

— Все в порядке, мистер Джонни, входите.

Она говорила не с валлийским акцентом, а с каким-то другим, более твердым.

В дверях появился и встал рядом с Хепзебой, словно ища у нее защиты, маленький человек в твидовом костюме с галстуком-бабочкой в крапинку и робким сморщенным лицом. Он попытался улыбнуться, но улыбка у него не получилась — перекосился рот.

— Дети, это мистер Джонни Готобед, — сказала Хепзеба. — Мистер Джонни, поздоровайтесь с нашими гостями, пожалуйста.

Он взглянул на нее и горлом издал какой-то звук. Словно кулдыкнул, только теперь действительно каза-

лось, будто он говорит. На каком-то странном, непонятном языке. Он вытер правую руку о брюки и, посмотрев на нее, протянул с опаской.

Кэрри не двинулась с места. Хотя он явно не был привидением, все равно ей было страшно дотронуться до его маленькой дрожащей руки.

— Здравствуйте, мистер Джонни! — сказал Ник и подошел к нему, словно ничего проще и легче на свете не было.— Я Ник, Николас Питер Уиллоу, мне десять лет. На прошлой неделе у меня был день рождения. А Кэрри в мае будущего года будет двенадцать.

— Кулдык-кулдык,— отозвался мистер Джонни.

Когда он говорил, изо рта у него летела слюна, и Кэрри охватил страх при мысли, что и ей придется протянуть ему руку и он на нее плюнет.

Но ее спасла Хепзеба.

— Ваш гусь готов,— сказала она.— Но сначала я вас покормлю, ладно? Альберт, пойдй с Кэрри и принеси гуся, пока я накрою на стол.

Альберт взял с полки свечу, зажег ее и в сопровождении Кэрри вышел из кухни. Они прошли по коридору и очутились в просторной кладовой. Там на холодном мраморном прилавке их ждал аккуратнo очищенный и выпотрошенный гусь. В корзинках лежали пятнистые яйца, на подносах — большие куски масла кремового цвета со слезой, а на полке стояла крынка молока со слоем сливок сверху. У Кэрри засосало под ложечкой.

— А я думала, мистер Готобед умер. Муж сестры мистера Эванса.

— Это не он,— понял ее Альберт.— Мистер Джонни — их дальний родственник. Он раньше жил в Норфолке, но, когда его родители умерли, приехал вместе с Хепземой сюда. Она нянчила его с самого дня рождения.— И, поставив свечу на полку, чтобы помочь уложить гуся, он взглянул на Кэрри.— Страшно, наверное, увидеть его в первый раз?

Кэрри приготовила сумку и спросила:

— Он ненормальный?

— Не больше, чем многие другие. Более простодушный. «Невинная душа»,— называет его Хепзеба.— Альберт засунул гуся в сумку, затянул шнурок.— Она колдунья,— доверительно сказал он.

— Колдунья?

— Это вовсе не то, что ты думаешь,— усмехнулся

он.— У нее нет ни черных кошек, ни помела. Колдуньями в деревнях зовут мудрых женщин. Когда я заболел, она напоила меня какими-то травами, и я быстро поправился. Врач был потрясен, он считал, что я умру. «Вот уж не думал, что парнишке суждено дожить до весны»,— сказал он Хепзебе.

— Вот, значит, где ты был. Лежал больной! — воскликнула Кэрри и покраснела: Альберт еще решит, что она его искала.— А что с тобой было? — торопливо спросила она.

— Воспаление легких, ревматизм да еще куча всяких болезней,— ответил Альберт.— Мне повезло, что я попал сюда, к Хепзебе, не то на моей могиле уже цветы бы росли. Но я очутился здесь не просто волею случая. Я сказал тому человеку, который распределял нас по квартирам, что очень люблю читать, и он вспомнил, что в этом доме много книг. И правда, здесь оказалась целая библиотека! — В его голосе слышалось удивление, будто он до сих пор не мог поверить в такое чудо.— Показать тебе?

Оставив гуся в кладовой, они снова прошли по коридору и через двустворчатые двери, которые с одной стороны были занавешены сукном, попали в просторный, но освещенный лишь небольшой керосиновой лампой холл, где в углу тикали напольные часы.

— Смотри,— сказал Альберт, отворяя еще одну дверь и поднимая вверх свечу, чтобы в комнате стало светлее. Книги, длинные полки книг до самого потолка, большинство из них в переплетах из светлой кожи с золотым тиснением на корешках.— Здорово, правда? — спросил Альберт таким благоговейным тоном, будто в церкви.— И, кроме меня, никто ими не пользуется!

— А где миссис Готобед? — спросила Кэрри.

— В постели,— ответил Альберт, и стекла его очков вспыхнули.— Она умирает.

От мысли, что в доме кто-то умирает, Кэрри стало не по себе. Она посмотрела на потолок и вздрогнула.

— Она уже давно больна,— объяснил Альберт.— Я ей иногда, когда она не очень утомлена, читаю вслух. Ты любишь читать?

— Не очень,— ответила Кэрри. Это было не совсем правдой, но при виде всех этих книг у нее защемило сердце. Их не перечитать за всю жизнь!

— А чем же ты тогда занята? — удивился Альберт.— Кроме школы, конечно?

— Иногда помогаю в лавке мистеру Эвансу. Нику он не разрешает, а мне можно. Играю с ребятами, катаюсь вниз с горы из шлака.

У Альберта был такой вид, будто он считал все это детскими забавами.

— Если тебя не занимают книги, может, ты хочешь посмотреть наш череп? — по-прежнему вежливо и доброжелательно спросил он.— У него интересная история. Не совсем достоверная, по-моему, но тем не менее интересная.

Он прошел в глубину комнаты и поставил свечу на стол.

— Как страшно! — отшатнулась Кэрри.

— Да это всего лишь череп,— успокоил ее Альберт.— Посмотри сама.

На столе стоял ящичек, в котором на бархатной подушке лежал маленький череп. Он был цвета слоновой кости, гладкий, как жемчуг, и, казалось, усмехался.

— Дотронься,— предложил Альберт.

И Кэрри чуть дотронулась до макушки черепа. Череп оказался теплее, чем она ожидала.

— А в чем его история? — спросила она.

— Спроси у Хепзебы,— ответил Альберт.— Она расскажет лучше меня. Говорят, что это череп маленького африканца, которого завезли сюда во времена работорговли. Но я этому не верю. Это череп не мальчика. Посмотри сама.

Он вынул череп из ящичка и показал его Кэрри. Нижняя челюсть и несколько верхних зубов отсутствовали, но глазные впадины были целы.

— В верхней челюсти у него шестнадцать зубов,— принялся объяснять Альберт,— значит, есть зубы мудрости. А они появляются самое раннее лет в восемнадцать. Я вычитал об этом в анатомическом атласе. Кроме того, видишь эти волнистые линии на самом верху? Это места соединения костей. Значит, этот череп принадлежал взрослому человеку, но он слишком мал и легок для мужчины, это, наверное, череп женщины. На вершине нашей горы есть остатки поселения, существовавшего в бронзовом веке. По-моему, этот череп там и нашли и, как водится, придумали про него целую историю.— Он положил череп на место и посмотрел на Кэр-

ри.— То, что я рассказал, конечно, тоже одни догадки. Наверняка я ничего не знаю. Но, например, сколько этим костям лет, выяснить можно, если отвезти этот череп в Британский музей. Британский музей способен дать ответ на любой вопрос, это самое потрясающее место в мире. Ты там была?

— Один раз,— ответила Кэрри. Она вспомнила, как однажды ходила туда с папой и как ей было там скучно. Все эти реликвии в стеклянных ящиках.— Было очень интересно,— добавила она, чтобы сделать Альберту приятное.

В глазах у него прыгал чертик, словно он угадал ее мысли. Он положил череп в ящичек, накрыл крышкой.

— Показать это моему брату?

— Не надо,— ответила Кэрри.— Он боится таких вещей.

Ей тоже было немного страшно, хотя Альберту она ни за что бы в этом не призналась. Пугал ее не сам череп, а мысль о том, что когда-то он принадлежал живому человеку, женщине с глазами и волосами, которой уже давно не существовало на свете. От нее остался только белый гладкий череп, который покойся в ящичке в библиотеке, где полки со старинными книгами уходят куда-то вверх во тьму.

— Может, вернемся в кухню? — предложила она.— Чай уже, наверное, готов.

Их ждал накрытый стол. Скатерть на нем была так накрахмалена, что углы ее казались острыми, как нож. В середине стола стояло блюдо золотисто-коричневых и обсыпанных сахарной пудрой пирожков, высокий кувшин с молоком, розовая ветчина и ломти хлеба, щедро намазанные тем самым прекрасным кремового цвета со слезой маслом, которое Кэрри видела в чулане. Ник, укутанный в одеяло, и мистер Джонни с белой салфеткой на шее уже сидели за столом. Когда Кэрри вошла, мистер Джонни что-то взволнованно прокулдыкал.

— Мистер Джонни, можно мне сесть рядом с вами? — спросила она, чем заслужила одобрительный взгляд Альберта.

— Хепзеба, я показал Кэрри наш череп,— сказал он.— Расскажи ей его историю, пожалуйста. Хотя я считаю, что в действительности все это сущая чепуха, но ей она понравится.

Хепзеба поставила на стол коричневый чайник и шутиливо потрепала Альберта за ухо.

— Я покажу вам «чепуху», мистер Альберт! Ишь какой всезнайка выискался! Ничегошеньки вы не понимаете, иначе, как человек умный, не смеялись бы над тем, что вам неведомо.

— Кулдык-кулдык,— заметил Джонни Готобед.

— Правильно, мистер Джонни,— склонилась над ним Хепзеба, помогая ему нарезать ветчину.— У вас в мизинце больше разума, чем в голове у мудрого мистера Альберта.

— Извини, Хепзеба,— взмолился Альберт.— Пожалуйста, расскажи.

— Зачем рассказывать чепуху, как полагает его честь мистер Альберт?

Улыбаясь Кэрри и приглаживая свои медно-рыжие волосы, Хепзеба села. У нее было довольно широкое лицо с белой, как сливки, усыпанной веснушками кожей. Кэрри она очень понравилась: такая сердечная, благодушная и добрая.

— Пожалуйста, мисс Грин,— попросила Кэрри.

— Меня зовут Хепзеба.

— Пожалуйста, Хепзеба.

— Что ж, расскажу, пожалуй, раз уж ты меня так просишь. Положи себе еды на тарелку, возьми побольше, ты растешь, должна есть много. К сожалению, это не домашняя ветчина. Раньше мы коптили ветчину сами. У Готобедов была отличная ферма. Они разбогатели на сахарных плантациях, где трудились рабы, а потом перебрались сюда и построили здесь большой дом. Я слышала про них задолго до того, как приехала в эти места. Когда я жила в Норфолке у родителей мистера Джонни, они часто рассказывали мне о своих богатых родственниках из Уэльса, и о черепае, и о проклятии, которое лежит на доме. Это не совсем обычная история.

Она задумчиво отхлебнула чай, глядя прямо перед собой и чуть нахмурившись. Потом поставила чашку на стол и начала говорить тихим, чуть сонным голосом, который навевал тишину и грусть.

— Маленького африканца привезли сюда, когда ему было около десяти лет. Тогда у богатых людей было модно иметь на запятках кареты черного паж, разодетого в атлас и шелка. Вот они и оторвали бедняжку от его семьи и увезли за океан в чужую страну. И он, конечно,

плакал, как плачут маленькие дети, когда их забирают у мамы. Готобеды были не злые люди, молодые дамы кормили его сладостями, дарили ему игрушки, он сделался всеобщим любимцем, но он все равно горевал, и тогда ему пообещали, что когда-нибудь он вернется домой. Может, так бы и получилось, но только он умер от лихорадки еще в первую зиму, поэтому ему, наверное, казалось, что они не сдержали своего обещания. Вот он и заколдовал их дом. Умирая, он велел похоронить его, но предупредил, что, когда от него останутся одни кости, Готобеды должны выкопать его череп и держать его в своем доме, не то их ждет страшная беда. Обвалятся стены дома. И они ему поверили — в ту пору люди верили в колдовство — и сделали, как он велел. И с тех пор череп покоится в библиотеке. Он покидал дом только один раз, когда бабушка покойного мистера Готобеда была молодой девицей. Ей становилось худо даже при мысли о том, что в библиотеке лежит и усмехается череп, говорила она. Из-за этого по ночам ее мучают кошмары. Поэтому однажды утром она взяла его и спрятала на сеновале в конюшне. Целый день она ходила в ожидании, но ничего не произошло, и она легла спать очень довольная собой. Но в самый разгар ночи раздался вопль — будто сова заухала, а потом сильный грохот. И когда члены семьи в ночных рубашках сбежали вниз, они увидели, что на кухне вдребезги разбита вся посуда, в столовой — все стекло, а в доме все зеркала разлетелись на куски! Девица призналась в том, что она сделала, череп водворили на место, и с той поры все было в порядке.

— В верхней челюсти черепа шестнадцать зубов,— сказал Альберт.— Ну-ка, Ник, пересчитай свои зубы. Ты одного возраста с этим мальчиком, значит, у тебя тоже должно быть шестнадцать зубов.

Но Ник только недоумевающе моргал глазами.

— Какая чудесная история! — воскликнула Кэрри.— И не вздумай портить ее, умный Альберт Сэндвич! — Хотя в глубине души приятно было сознавать, что все это, возможно, и не совсем правда. И слезливым голосом она заключила: — Ах, какая грустная история! Бедный маленький африканец! Он умер так далеко от дома!

Ник глубоко вздохнул. Потом встал со своего места, подошел к Хепзебе и положил ей голову на плечо. Она повернулась, усадила его к себе на колени и, обняв, стала тихонько покачивать, а он изо всех сил прижался к

ней и засунул в рот большой палец. В комнате царил тишина, даже мистер Джонни сидел неподвижно, будто его убаюкал рассказ, хотя в действительности он заснул от тихого голоса Хепзебы, и только в плите шипел огонь.

Кэрри посмотрела на Ника, уютно устроившегося на коленях у Хепзебы, и почувствовала укол ревности. Она завидовала Нику, потому что ей тоже хотелось посидеть на коленях у Хепзебы — ведь она была еще маленькой девочкой, и самой Хепзебе — потому что та сумела умиротворить Ника так, как ей никогда бы не суметь.

— Нам, пожалуй, пора, — сказала она. — Тетя Лу понимает, что мы могли остаться к чаю, но уже становится поздно, и она будет беспокоиться.

Однако, когда она представила себе обратный путь через темный лес, у нее защемило в груди. Опять слышать этот шум, похожий на стон!

Эти мысли, наверное, отразились у нее на лице, потому что Альберт предложил:

— Если хотите, я провожу вас до железной дороги.

— Нет, ты еще кашляешь, — возразила Хепзеба.

— Да ничего со мной не случится, — усмехнулся Альберт. — Я уже здоров и могу выйти на воздух.

— Но не вечером, — возразила Хепзеба. — И кроме того, я хочу, чтобы ты поднялся со мной к миссис Готобед и почитал ей, пока я буду готовить ее ко сну. Это ее успокаивает. Мистер Джонни проводит их по лесу. — Она улыбнулась Кэрри, и глаза ее вдруг загорелись так, что Кэрри почувствовала, как их взгляд проник ей в самую душу. Ощущение это было непривычным, тем не менее оно ее не напугало. — В его компании вы можете ничего не бояться, — добавила Хепзеба. — С такими невинными душами, как он, ничего страшного не случается.

— А мистер Эванс утверждает, что только с теми, кто верит в бога, ничего страшного не случается, — сказала Кэрри.

— Что ж, это, пожалуй, та же мысль, только иначе выраженная, — объяснила Хепзеба. Она в последний раз прижала к себе Ника и спустила его с колен. — Приходи к нам, малыш. Приходите оба, когда захотите. Вы готовы, мистер Джонни?

Он, по-видимому, понял ее, потому что встал и протянул руку. И Ник, подойдя к нему, доверчиво взял его за руку.

В лесу мистер Джонни, держа Ника за руку, шел впереди, указывая дорогу, и нес гуся. А Кэрри следовала за ними, потому что для троих на тропинке не было места, но она не боялась. Мистер Джонни, не переставая, что-то кулдыкал, тон его рассказа был мирный, и тьма, казалось, отступала. Кулдыкал он, кулдыкал, а потом, словно отвечая ему, заговорил Ник:

— Да, была... О да, мне бы очень хотелось это сделать...

«Показывает свою воспитанность»,— решила Кэрри. Но когда они добрались до железной дороги и мистер Джонни, положив гуся на землю, что-то прокулдыкал, она тоже поняла, что он хочет сказать.

— До свидания, мистер Джонни,— попрощалась она и улыбнулась ему.

Сначала он попытался улыбнуться в ответ, но потом закрыл лицо дрожащими руками и смущенно отступил.

— Не смотри на него в упор,— сказал Ник.— Он стесняется, когда на него так смотрят. До свидания, мистер Джонни.

Теперь они несли гуся вдвоем, идя по тропинке, которая отливала серебром в свете луны. Но когда поставили сумку на землю, чтобы передохнуть, и оглянулись, мистера Джонни уже не было.

— Он хотел сказать «до свидания», да? — спросила Кэрри.— Ты, по-моему, тоже не понимал, что он говорил, правда? Я, во всяком случае, ничего не поняла.

— Только потому, что ты не слушала,— самоуверенно заявил Ник.

— Вот как? Тогда о чем же он говорил? Скажи, раз ты такой умный!

— Скажу, если ты понесешь гуся. Он такой тяжелый, что у меня уже рука отнимается.

— Неженка! — Но она взяла сумку и с трудом зашагала по шпалам, а Ник радостно запрыгал рядом.

— Он говорил о разных вещах. Сказал, что мы обязательно должны прийти к ним, и он покажет нам корову. Сказал, что покажет не только корову, но и где в горах гнездятся чайки. Потом сказал, что мы ему понравились, и чтобы мы обязательно пришли к ним снова, и что я ему понравился больше тебя... Он сказал, что ты разозлилась, когда я сел к Хепзебе на колени!

— Врун! — крикнула ему Кэрри.— Ты все это выдумал. Противный мальчишка!

— Разозлилась? — лукаво посмотрел он.

— Только потому, что ты уже слишком большой, чтобы лезть к кому-нибудь на колени. Это глупо выглядит.

— Ничего не глупо, — возразил Ник. — Зато мне приятно.

Кэрри взглянула на него и увидела, что он уже выпятил нужную губу.

— Пожалуйста, не плачь, — попросила она. — Не могу видеть твоих слез. Жаль, что мы тоже не живем здесь. Альберту Сэндвичу повезло. Впрочем, если бы мы здесь жили, тогда нам не пришлось бы ждать, когда мы снова пойдем в гости. Мы будем приходить сюда. Ну, не ежедневно, а хотя бы раз в неделю, и нам будет хорошо. Хепзеба сказала, что мы можем приходить, когда захотим.

Она поставила сумку с гусем на землю и посмотрела на Ника.

— Я ничего не хочу ждать, — захныкал он, — я хочу быть там все время. Я не хочу возвращаться к Эвансу, не хочу. Я и раньше-то не хотел жить у него, а теперь не хочу еще больше. Я хочу домой...

Кэрри понимала, о чем он говорит. После той уютной, светлой, теплой кухни дом Эванса стал еще более холодным и неприветливым, чем прежде. Но Ник накручивает себя, сообразила она, и вот-вот начнется истерика, а потому жалеть его ни в коем случае нельзя.

— Николас Питер Уиллоу, помни, что только нужда подгоняет человека. Ну-ка, сейчас же успокойся и помоги мне нести гуся!

ГЛАВА 6

— Видели мою сестру? — спросил мистер Эванс. — Дом как, в порядке? Чаем, я надеюсь, вас угостили?

Как только они вошли в кухню, он закидал их вопросами. На лице у него было написано нетерпение и неприязнь, а потому Кэрри ответила осторожно:

— Она была в спальне. А дом и чай неплохие.

— Кэрри, что ты говоришь? — удивился Ник. — Дом чудесный. И Хепзеба угостила нас замечательным чаем. — И глаза его засияли при воспоминании.

Мистер Эванс шумно вздохнул и нахмурился.

— Лучше, чем в нашем доме, значит? Что ж, когда

сам не платишь за угощение... Эта мисс Грин! Уж ее-то скупой не назовешь, но это — щедрость за чужой счет. Ей самой не приходится трудиться до седьмого пота, выколачивая каждую копейку!

— Хепзеба превосходно ведет хозяйство, Сэмюэл.— Тетя Лу посмотрела на брата, и на шее у нее выступили розовые пятна. Облизнув губы, она добавила примирительным тоном: — И она жалеет Диллис.

— А почему бы и нет? — фыркнул мистер Эванс.— Место у нее отличное. Хозяйка слишком больна, чтобы следить за расходами, а потому можно недурно набить себе карман, коли пожелаешь.

Кэрри почувствовала, что лицо у нее отвердело от гнева, но она промолчала. Есть вещи, которые понимаешь без слов, и она поняла, что мистер Эванс завидует Хепзебе. Завидует потому, что у Ника сияют глаза. Никогда нельзя давать мистеру Эвансу понять, что тебе кто-нибудь или что-нибудь нравится. Ему совершенно все равно, хорошо им с Ником или нет, но если он поймет, что в Долине друидов им лучше, чем дома, то запретит там бывать.

— Мне Хепзеба Грин показалась очень славной,— осторожно сказала она.— Но дом ужасно старый и темный и чересчур большой. И мы немного боялись мистера Джонни.

Она поймала себя на том, что притворяется глупой маленькой девочкой и нарочно сюсюкает, но мистер Эванс этого, по-видимому, не заметил, как не заметил и недоумения Ника.

— Значит, вы видели этого идиота? — только и спросил он.

— Мистер Джонни вовсе не идиот,— возмущенно заверещал Ник.— Он... По-моему, вы просто...

Он замолчал, и Кэрри увидела, что губы его дрожат, пока он ищет слова, чтобы сказать мистеру Эвансу, какой он гадкий и подлый! Но, по всей вероятности, так и не сумел их отыскать, потому что зарыдал, громко всхлипывая, а из его широко открытых глаз хлынули слезы.

— Он устал, просто устал,— поспешно сказала Кэрри.— Мы очень долго шли, ему это не под силу. Пойдем ложиться, Ник...

Она обняла его за плечи и подтолкнула вон из комнаты, наверх, прежде чем он успел опомниться. Но когда

он пришел в себя, уже в спальне, где нечего было бояться, ибо дверь была плотно прикрыта, а свеча горела, он обрушился на нее:

— Я считаю, Кэрри Уиллоу, что ты самое подлое существо на свете. Подлая, толстая корова! Сказать, что Хепзеба очень славная, да еще таким слащавым голоском!

— Я вовсе не собиралась...— начала было Кэрри, но ее остановил его ледяной взгляд.

— Я знаю, что ты собиралась. Предательница, вот кто ты! Подлая, низкая предательница, ты еще хуже, чем он! Он говорит плохое обо всех людях, ты же, чтобы подлизаться к нему, говоришь плохое даже про тех, кто тебе нравится. Ненавижу его и тебя вместе с ним и не хочу ничего слушать! — И, закрыв уши руками, он бросился на кровать.

— Неправда! — возразила Кэрри. — Ты несправедлив ко мне.

Но, учитывая то настроенье, в каком он пребывал, было бесполезно что-либо объяснять. Он остался лежать, а она, вспомнив, что не сказала спокойной ночи, пошла вниз, ступая, как им велел мистер Эванс, по краю лестницы, чтобы не портить ковер. Она была уже почти внизу, как вдруг услышала его голос:

— Девочка, между прочим, неплохо соображает. Мисс Грин не удалось заморочить ей голову своим обхождением да елейными речами. Говорю тебе, Лу, было бы очень полезно почаще посылать ее туда смотреть, что да как. Мне и без этого известно, чем там занимается мисс Грин, но хотелось бы иметь доказательства.

Тетя Лу ответила что-то, но так тихо, что Кэрри не расслышала, и мистер Эванс рассмеялся. Говорил он громче обычного, в его голосе более явственно проступал валлийский акцент.

— Шпионить? Это что еще за слово, сестра? Разве я такой человек, что пошлет ребенка шпионить? Смотреть, что да как, — вот что я сказал, и никому от этого вреда не будет. Я забочусь только о Диллис, да и тебе не мешало бы о ней хоть изредка подумать. Чего бы она ни натворила, она остается нам родной сестрой.

— Я впервые слышу это от тебя, Сэмюэл, — заметила тетя Лу тоже громче и менее робко, чем всегда. — За много-много лет.

— Нет, я ее не прощаю, не думай,— сказал мистер Эванс.— Но одно — когда она была гордой и сильной и совсем другое — когда она лишена этих качеств. Мне больно думать о том, как она лежит там беспомощная во власти этой женщины.

Во власти Хепзебы? Он что, хочет сказать, что Хепзеба колдунья? И Альберт это сказал. Кэрри стояла в холодном холле, дрожала и думала про Хепзебу, вспоминая, как она завораживающим голосом рассказывала им историю старого черепа. И вдруг почувствовала, что она на самом деле виновата во всем том, в чем обвинил ее Ник. Предательница, грязная, подлая предательница, стоит, подслушивает и позволяет мистеру Эвансу думать, что ей и вправду не понравилась Хепзеба. Что ей не заморочили голову, как он выразился! Она сию же минуту расставит все по своим местам. Войдет и скажет им прямо в лицо! Глубоко вздохнув, она вбежала в кухню, и они обернулись к ней: тетя Лу — с виноватым видом, а мистер Эванс — наливаясь кровью от гнева.

— В чем дело, девочка? Ты ведь пошла спать, так? Вверх и вниз, вверх и вниз по ковру!

— Я ступала по полу,— возразила Кэрри, но его лицо уже стало совсем багровым, а на лбу проступили вены, когда он приподнялся со стула.

— Вверх и вниз, вверх и вниз — я этого не потерплю, понятно? Ну-ка марш в постель! — И, пока Кэрри бежала по лестнице, сзади гремело: — Вверх и вниз, туда и сюда, взад и вперед — только бы суетиться и плутовать...

...Наступило и прошло рождество. В сочельник мистер Эванс пребывал в сравнительно веселом расположении духа, за обедом шутил и раздавал подарки. Нику нож, а Кэрри Библию. Нож этот оказался довольно тупым перочинным ножом, но это было лучше, чем ничего, а Кэрри изо всех сил старалась выглядеть довольной, потому что Ник лукаво на нее посматривал. Следующий же день получился неудачным: накануне мистер Эванс переел, настроение у него было дурное, а тетя Лу, боясь ухудшения его состояния, ходила на цыпочках, тем самым еще больше его раздражая.

— Что ты все время скребешься, как мышь? — заорал он на нее.

Кэрри с Ником с удовольствием ушли бы из дома, если бы на улице не был такой холод и снег. Снег шел трое суток подряд, с покрытого облаками неба падали,

вихрем крутятся, огромные, похожие на кусочки ваты снежинки, которые так слепили глаза, что мистер Эванс даже позволил детям не ходить в дощатое сооружение в конце двора, а пользоваться для своих нужд и в дневное время уборной в доме.

На четвертый день, когда они проснулись, светило солнце, а укрытая белым покрывом земля сверкала в его лучах.

— Прекрасный день для прогулки,— подчеркнул мистер Эванс.— Вот что я вам скажу: сбегайте-ка в Долину друидов, отнесите мисс Грин коробку вафель. Небольшой подарок, так сказать, в благодарность за гуся.

Кэрри пристально посмотрела на него, но, по-видимому, он просто был в непривычно хорошем расположении духа. Нет никаких причин для угрызений совести, что так ее мучили...

— Что это он вдруг решил сделать Хепзебе подарок? — спросила она у Ника, когда они брели по глубокому снегу вдоль железнодорожного полотна. Но Ник не видел в этом поступке ничего дурного.

— Вафли, наверное, уже заплесневели,— с готовностью ответил он,— и мистер Эванс решил от них избавиться. А кстати, и от нас тоже. Кроме того, она, быть может, нас покормит, чем сэкономит ему деньги. Как ты думаешь, покормит, а, Кэрри?

— Просить не смей,— предупредила его Кэрри, но он только высунул в ответ язык и побежал вниз по тропинке. Днем в лесу было не страшно.

Раскрасневшаяся Хепзеба повернулась к ним от плиты, на которой что-то кипело и булькало, и, улыбаясь, словно в появлении Кэрри и Ника именно в эту минуту не было ничего удивительного, первым делом сказала:

— А я как раз накрываю на стол. Ничего особенного у нас нет, только жареная свинина и яблочный пирог, но вы, наверное, порядком проголодались в такой холодный день. Альберт, поставь еще два прибора.

От необыкновенно вкусного запаха жареной свинины у Кэрри потекли слюнки, но она попыталась отказаться:

— Нет, нет, что вы! Вы ведь не рассчитывали на нас, правда?

— Откуда ты знаешь, что не рассчитывали? — возразил Альберт.— Я же сказал тебе, что она колдунья. Кроме того, она любит кормить других и считает, что люди только для этого и существуют. Порой мне кажется, что

она видит перед собой не лица, а только пустые желудки, которые нужно наполнить.

— Не обращайтесь на него внимания,— посоветовала Хепзеба.— Какой мистер Умник-Разумник! Снимайте ваши пальтишки, не то на обратном пути замерзнете.

Подарку она обрадовалась.

— Передайте мистеру Эвансу спасибо. Мистер Джонни любит лимонные вафли больше других. Посмотрите, мистер Джонни, что вам принесли ребятишки.

Он прятался в углу кухни, прикрыв лицо руками и поглядывая на них сквозь растопыренные пальцы.

— Это все вам, мистер Джонни,— ласково сказал Ник.

И тот медленно двинулся вперед, улыбаясь своей односторонней улыбкой и тихо кулдыкая от удовольствия.

— Я ведь обещал, что мы снова придем,— добавил Ник.

Обед был чудесный. Кэрри съела по две порции каждого блюда, а Ник — даже по три. Наконец они отвалились от стола, разгоряченные, как вынутые из печи пироги, с тугими, как барабаны, животами.

— Пойду-ка я проведу миссис Готобед,— сказала Хепзеба.— А вы, мистер Джонни, поухаживайте за нашими гостями.

— Кулдык-кулдык.— Он слез со стула и с надеждой посмотрел на Ника.

— Вы хотите сказать, что приглашаете нас помочь вам донть корову? — спросил Ник.

Мистер Джонни засмеялся и захлопал в ладоши.

Они вышли во двор. Было холодно.

— Температура, по-видимому, упала ниже нуля.— заметил Альберт, когда они бежали через двор к сараю и конюшне.

В сарае уже усаживались на почлег, взъерошив перья, чтобы им было теплее, куры; старая лошадь и тучная, с ласковыми глазами корова херефордской породы содержались в конюшне.

— Раньше у Готобедов было первоклассное стадо,— сказал Альберт.— Их быки славились на весь мир. Но в тридцатые годы Готобеды обеднели, разорились, играя в азартные игры, давая балы и путешествуя за границей, как рассказывала Хепзеба, и в конце концов им пришлось продать большую часть земельных угодий и шахту. Теперь у них осталось всего два луга и одна ко-

рова. И нет денег даже на ремонт старого генератора, поэтому мы и сидим при керосиновых лампах. А городской сетью пользоваться не можем — живем слишком далеко.

— Кулдык-кулдык,— возбужденно закулдыкал мистер Джонни.

— Мистер Джонни хочет показать свою корову,— объяснил Ник.— Это ваша корова, мистер Джонни?

— Кулдык-кулдык.

Мистер Джонни уселся на скамеечку, прижавшись щекой к толстому, лоснящемуся коровьему боку, и принялся за дойку. Корова чуть помахивала хвостом и переступала с ноги на ногу. Мистер Джонни что-то прокулдыкал, и она, повернув к нему свою красивую голову, тихонько замычала.

— В следующем месяце у нее будет теленок,— объявил Альберт.— Вы когда-нибудь видели, как рождается теленок?

Покончив с дойкой, они начали собирать яйца, еще теплые, в гнездах, которые были и в сарае, и на конюшне, и, аккуратно укрытые, под изгородью. Мистер Джонни знал каждое гнездо и с гордостью показывал, где искать.

— Он даже знает, в какое время дня несется каждая курица. Это просто поразительно. Куры для него что люди. Хепзеба говорит, что, если показать ему перо, он скажет, у какой курицы оно выпало.

Мистер Джонни взял яйца и ведро с пенящимся молоком и пошел в дом. Темно-красное солнце проглядывало сквозь вершины деревьев, а их голоса эхом разносились по долине, когда они остались кататься по льду на пруду, который прежде служил для купания и водопоя лошадей. Кэрри сначала боялась, что Альберт станет смеяться над тем, что они так по-детски развлекаются, но ему, по-видимому, разбегаться и скользить по льду доставляло не меньше удовольствия, чем Нику. Он хохотал, спотыкаясь и падая, и никак не хотел уходить, даже когда она сказала, что им пора домой.

Мальчики остались во дворе, а она пошла попрощаться с Хепзебой. Хепзебы не было ни в кухне, ни в кладовой, где мистер Джонни обтирал яйца и укладывал их в корзинки. В доме было уже темно, и в холле горела керосиновая лампа. Кэрри заглянула в потонувшую во тьме библиотеку, но и там никаких следов Хепзебы не

было. Она подождала минуту, а потом стала подниматься по тщательно натертой дубовой лестнице, но на полпути остановилась. Где-то наверху кто-то плакал. Плакал не от боли, а тихо и ровно, словно слезы эти были вызваны страшным и безнадежным отчаянием. Такой тоски Кэрри еще никогда не доводилось слышать. Она замерла в страхе, а когда на площадке появилась Хепзеба, ее охватил стыд: она не имела права подслушивать.

— А, это ты, Кэрри,— сказала Хепзеба.

Голос у нее был тихим и мягким. Завораживающий голос, вспомнила Кэрри и подняла глаза.

У Хепзебы в руках была свеча, и в ее свете глаза Хепзебы сияли, а медные волосы, разметавшись по плечам, отливали шелком. «Прекрасная колдунья»,— подумала Кэрри, и сердце у нее так застучало, что Хепзеба неминуемо должна была услышать этот стук. А если услышит, то заглянет к Кэрри в душу своими колдовскими глазами и поймет, что Кэрри известно, кто плачет, и что она помнит слова мистера Эванса, который сказал: «Моя родная сестра, бедняжка, лежит там беспомощная, во власти этой женщины!»

Хепзеба спускалась по лестнице.

— Кэрри, милая, не бойся. Это всего лишь...

Но Кэрри не хотела слушать. Она сказала громко, стараясь заглушить стук собственного сердца:

— Я не боюсь, Хепзеба. Я поднялась только попрощаться и поблагодарить вас за чудесный день.

День этот и вправду был чудесным, и Ник всю дорогу домой распевал придуманные им самим глупые, немелодичные песни: «Мы были в Долине друидов, и видели мистера Джонни, и слышали, как он кулдыкает, а потом мы доили корову и ели на обед жареную свинину...»

Он пел, а Кэрри молчала. Тягостное чувство, которое было исчезло, снова завладело ею, свинцовой тяжестью тесня грудь. Ничего дурного она не совершила, но ей казалось, что совершила. Не обязательно нужно что-то натворить, гнет возникает даже тогда, когда знаешь о чем-то дурном. Она поняла, зачем мистер Эванс послал Хепзебе вафли, знала, что он хочет, чтобы она, Кэрри, стала шпионкой, чтобы смотрела во все глаза, и, по всей вероятности, помимо ее собственного желания так и получается. Она казалась себе подлой и низкой,

и, кроме того, ее пугало, что, когда они придут, он спросит у нее про мисс Грин. Вдруг он скажет: «Я и так знаю, что там происходит, а ты выведала что-нибудь новос?» Ничего она, конечно, не выведала, а если бы и выведала, то скорей бы умерла, чем сказала ему, но вдруг он догадается, что ей кое-что известно? Вдруг подвергнет ее пыткам и заставит сказать?

Но когда они пришли домой, он почти с ними не разговаривал. Он был опять в плохом настроении, молчалив, и, когда Ник сказал, что Хепзеба благодарит за вафли, он только буркнул в ответ что-то неразборчивое. Кэрри решила, что он ждет, пока Ник ляжет спать. Вдруг, когда Ник уснет, он войдет в спальню, наклонится над ней и спросит: «Ну, девочка, как там моя сестра?»

Она лежала без сна до тех пор, пока он не поднялся наверх, но он прошел мимо их спальни, не останавливаясь, и она услышала, как закрылась за ним дверь и заскрипели пружины, когда он сел на кровать, чтобы снять башмаки. Может, он решил подождать до следующего раза, решила она, чего спешить...

Нет, по-видимому, ничего он не ждал. Не задавал никаких вопросов, не интересовался, чем они занимались в гостях и что видели. Ни в этот раз, ни в следующий и ни в какой другой...

Пока Кэрри наконец не стало ясно, что все это выдуманно ею самой, плоды, так сказать, ее собственной фантазии, которые, по мере того как шли недели, все больше и больше представлялись ей сном. Страшным кошмаром, уже почти забытым...

ГЛАВА 7

Январь был очень снежным. У тети Лу простуда затянулась, как она выражалась, и ей пришлось перебраться к приятельнице, которая жила в чуть большем городке по соседству. Провела она там четыре дня, и в ее отсутствие Кэрри хозяйничала сама. Мистер Эванс выразил недовольство только один раз, когда сгорела картошка, а вернувшейся домой тете Лу он заявил:

— Тебе в жизни не научиться так готовить, как готовит эта девочка.

Кэрри потрясла его грубость, но тетя Лу, по-видимому, не обиделась. Она чувствовала себя гораздо лучше, почти не кашляла и, хозяйничая у себя в кухне, тихо напевала.

Пришел февраль, и в Долине друидов родился теленок. Появился он на свет воскресным днем, и Кэрри с Альбертом и Ником видели, как это произошло. Корова долго мычала, мистер Джоини, кулдыкая, что-то тихо ей говорил, а когда стали видны маленькие копытца, принялся потихоньку их тянуть. И вдруг их восхищенным взорам предстал на удивление крупный теленок, который через несколько минут поднялся на тонкие, вихляющиеся ножки. Глаза, такие же кроткие и рыжевато-коричневые, как у матери, были опущены у него густыми ресницами.

— В жизни не видел ничего более интересного,— заявил потом Ник.— Какая красота!

— Только не говори мистеру Эвансу, что ты видел, как родился теленок,— посоветовала Кэрри.

— Почему?

— Потому.

— Но я же видел, правда? И ознобыши у меня почти пропали,— похвастался Ник,— благодаря той волшебной мази, которую мне дала Хепзеба.

— Никакая она не волшебная, просто приготовлена из разных трав,— возразила Кэрри, хотя вовсе не была в этом убеждена.— И не говори тете Лу про мазь. Она думает, что тебе помогли те теплые перчатки, которые она подарила.

— Я знаю,— ответил Ник и улыбнулся мягкой и радостной улыбкой.— Я так ей и сказал, глупая ты балда. Ты что, считаешь меня дураком?

Февраль сменился мартом, и в школу вернулся Альберт. Хотя он был старше Кэрри всего на полтора года, тем не менее уже учился в старшем классе, а иногда мистер Морган, местный священник, занимался с ним индивидуально, ибо он оказался самым способным среди выпускников. Но он вовсе не важничал по этому поводу и отнюдь не пренебрегал обществом Кэрри и Ника даже в присутствии других. Его, по-видимому, не смущал тот факт, что Ник был намного младше его. Появляясь на спортивной площадке начальной школы, он кричал: «Привет, Ник!», словно Ник был его одноклассником.

— Не понимаю, какое значение имеет возраст людей,— ответил он, когда Кэрри сказала ему, что девочки из ее класса находят это странным.— Люди либо дру-

жат, либо нет. Ник мне друг, и Хепзеба тоже, и миссис Готобед, хотя она совсем старая.

Наступил апрель, и Кэрри познакомилась с миссис Готобед. В первый день пасхальных каникул мистер Джонни повел Ника в горы смотреть, как на острове в маленьком озере гнездятся чайки. Они часто ходили на экскурсии, о чем-то без умолку болтая. Иногда Ник понимал, что говорит мистер Джонни, иногда, чтобы подразнить Кэрри, только делал вид, но им всегда было очень хорошо друг с другом, гораздо лучше, чем в ее компании, понимала Кэрри и, хотя не обижалась на них, тем не менее порой чувствовала себя очень одиноко. Альберт сидел в библиотеке, читал, потому что должен был прийти мистер Морган дать ему дополнительный урок по греческому языку, а Хепзеба была занята на кухне, и ей было не до Кэрри. Кэрри притулилась у плиты, притворяясь, будто ей нравится сидеть и размышлять, но Хепзеба все поняла. Подняв глаза от подноса, на который она поставила серебряный чайник, чашку с блюдцем из самого тонкого фарфора и положила несколько ломтиков хлеба с маслом, она сказала:

— Что с тобой, мисс? С чего это ты губы надула? Нечем заняться? Тогда пойдн посиди с миссис Готобед. Я поставлю на поднос еще одну чашку, и ты сможешь попить чай вместе с ней.— Заметив испуг на лице Кэрри, она улыбнулась: — Не бойся, она не кусается.

Миссис Готобед была внизу, в комнате, где Кэрри прежде не бывала: светлая, красивая гостиная с позолоченными стульями и в зеркалах. Одно кресло было придвинуто к камину, в котором шумно потрескивали дрова, и на нем сидела миссис Готобед. Сначала Кэрри не решалась даже посмотреть на нее, но когда наконец подняла взгляд, то увидела не страшную, злую старуху, а просто пожилую даму с высокой прической из серебряных волос и бледным от болезни лицом. Она протянула к Кэрри тонкую руку с пальцами, унизанными слишком свободными кольцами, и сказала:

— Садись, девочка. Вот сюда, на табуретку. Дай-ка я посмотрю в твои глаза. Альберт утверждает, что они похожи на изумруды.

Кэрри вспыхнула и, выпрямив спину, села на табуретку.

— О людях судят не по внешности, а по делам,— заметила Хепзеба. Она поставила поднос на низкий столик и вышла, оставив их вдвоем.

Миссис Готобед улыбнулась, и лицо ее сморщилось, как папиросная бумага.

— Хеспзеба считает, что внешность не имеет большого значения, но она ошибается. Тебе нравится мое платье?

На ней было бальное платье, красное, вышитое по корсажу серебряными цветами, с длинной и широкой юбкой.

— Очень красивое,— ответила Кэрри, хотя ей показалось странным надевать такое платье днем.

Миссис Готобед разглаживала складки на юбке, и шелк тихо шуршал.

— Мой муж подарил мне это платье сразу после свадьбы,— сказала она.— Мне купили его в Париже, и я часами стояла перед зеркалом, пока его прилаживали на мою фигуру. У меня была такая тонкая талия, какой, по словам портних, им не приходилось видеть. Мистер Готобед мог обхватить ее, соединив большие и указательные пальцы обеих рук. Ему нравилось покупать мне платья, он купил мне двадцать девять бальных платьев — я прожила с ним двадцать девять лет,— по платью в год, и все они до сих пор висят у меня в шкафу. Каждый раз, когда мне удастся встать с постели, я надеваю новое платье. Я хочу успеть до смерти еще раз надеть их все.

И пока она рассказывала, ее тонкие руки, не переставая, разглаживали шелк. «Она безумная,— решила Кэрри,— совсем безумная...»

— Разливай чай, дитя,— продолжала миссис Готобед,— а я расскажу тебе про мои платья. У меня есть зеленое шифоновое с жемчугом вокруг шеи, голубое парчовое и серое шелковое, отделанное розовыми страусовыми перьями. Оно больше всех нравилось моему мужу, поэтому я приберегаю его напоследок. Он говорил, что в нем я похожа на королеву. Налей мне в чай чуть-чуть молока и, пожалуйста, сложи вместе два кусочка хлеба.

Глаза у нее были бесцветные и навыкате. «Как у мистера Эванса»,— подумала Кэрри, но, кроме этого, в ней не было ничего, чем она могла бы походить на сестру лавочника. В таком туалете, в этой красивой комнате.

— Хотите джема? — спросила Кэрри.— Хеспзеба сварила его из черники.

— Нет, дитя, спасибо.— Миссис Готобед посмотрела на Кэрри бесцветными глазами мистера Эванса и добавила: — Значит, ты живешь у моего брата? Да поможет тебе бог!

Кэрри выпрямилась.

— Мне нравится мистер Эванс,— услышала она собственный голос.

— В таком случае ты единственная в своем роде. Мой брат — неприветливый, злой и бесчестный человек. А как ты ладишь с моей младшей сестрой Луизой?

— Тетя Лу очнь милая,— ответила Кэрри.

Она посмотрела на унизанные кольцами пальцы миссис Готобед с длинными, похожими на когти ногтями — пальцы держали чашечку из тонкого фарфора — и вспомнила маленькие, красные от воды руки тети Лу, которые мыли посуду, терли полы и чистили картофель.

— Милая, но глупая,— сказала миссис Готобед.— Всего боится, иначе давным-давно ушла бы от него. До конца своих дней она будет позволять ему помыкать ею. А тобой он тоже помыкает?

Кэрри решительно покачала головой.

— И ты его не боишься? В таком случае, пожалуйста, передай ему кое-что от меня.— Она отпила чай и так долго и задумчиво смотрела в огонь, что Кэрри решила,

что она забыла про нее. Кэрри успела съесть весь хлеб с маслом и дочиста выскребла блюдечко с джемом из черники, прежде чем миссис Готобед перевела на нее взгляд и заговорила медленно и отчетливо.

— Когда я умру,— сказала она,— ты передашь ему от меня, что я его не забыла. Я не забыла, что он мой родной брат, хотя порой бываешь гораздо больше обязана чужим людям. Что я сделала то, что сделала, только потому, что считала это справедливым, а вовсе не для того, чтобы причинить ему зло.— Поставив чашку на стол, она тихонько рассмеялась, а глаза ее заблестали, как блещут под водой бесцветные камешки.— Только обязательно подожди, пока меня положат в гроб. Не то он явится сюда, будет топтать ногами и кричать, а у меня на это нет сил.— Помолчав, она спросила: — Ты поняла, что я тебе сказала?

Кэрри кивнула, но это была ложь. Она ничего не поняла, но признаться в этом ей было стыдно. Ее смущали и сама миссис Готобед, и ее манера спокойно рассуждать о смерти, словно об отдыхе: «Когда я поеду отдыхать...»

Кэрри не могла оторвать глаз от собственных рук, а уши у нее пылали. Но миссис Готобед больше ничего не сказала, и, когда Кэрри наконец осмелилась взглянуть на нее, оказалось, что она лежит в кресле, а голова у нее скатилась набок. Она лежала так неподвижно, что Кэрри засомневалась, не умерла ли она, но, когда вскочила, чтобы бежать и позвать Хепзебу, заметила, что грудь у миссис Готобед мерно колыхается, а значит, она просто спит. Тем не менее Кэрри выбежала из комнаты и помчалась через холл в кухню.

— Хепзеба! — крикнула она, и Хепзеба подошла к ней, с минуту держала ее в своих объятиях, потом подняла ее подбородок и заглянула ей в лицо.— Ничего не случилось,— заикаясь, сказала Кэрри.— Она заснула.

Хепзеба кивнула, ласково погладив ее по щеке, и сказала:

— Тогда я, пожалуй, схожу к ней, а ты побудь здесь с Альбертом.

— Испугалась? — спросил сидящий у огня Альберт, когда Хепзеба ушла.

— Нет,— ответила Кэрри. Но поскольку она на самом деле испугалась, то сейчас рассердилась на Альберта.— Я решила, что она умерла, и все это из-за тебя.

Еще тогда, когда мы пришли к вам в первый раз, ты мне сказал, что она умирает. А с тех пор прошло несколько месяцев.

— Она умирает,— подтвердил Альберт.— Ты хочешь сказать, что я не должен был говорить тебе об этом?

Кэрри сама не знала, что она имела в виду.

— Она не должна об этом говорить,— ответила она.

— Почему? — удивился Альберт.— Лично для нее это имеет некоторое значение.

— Это страшно,— сказала Кэрри.— И она страшная. Похожа на привидение. Надевает все эти бальные платья, зная, что умирает!

— Когда она их надевает, они вселяют в нее мужество,— объяснил Альберт.— Ее жизнь когда-то состояла из балов и красивых туалетов, поэтому сейчас, когда на ней бальное платье, ей вспоминается, какой она была счастливой. Между прочим, это я подал ей такую идею. Когда я сюда приехал, я заметил, что она несчастна. Она все время плакала. Как-то вечером она велела Хепзебе показать мне свои платья и посоветовала, что уже никогда не сможет их надеть. Почему не сможет, спросил я, и она ответила: зачем, мол, их надевать, раз никто не видит. Тогда я сказал, что мне очень бы хотелось посмотреть. С тех пор всякий раз, когда она чувствует себя сравнительно хорошо, она надевает новое платье, я иду к ней и смотрю, а она рассказывает мне про те времена, когда носила его. По правде говоря, это довольно интересно.

Он говорил об этом как о чем-то вполне обычном. Кэрри же, представив себе пожилую большую женщину, одетую в вечернее платье и украшенную драгоценностями, а рядом с ней худенького — кожа да кости — мальчика в очках, никак не могла с ним согласиться.

— Смешной ты, Альберт. Не такой, как все, хочу я сказать. Необычный.

— А я не хочу быть как все,— заявил Альберт.— А ты?

— Не знаю,— пожала плечами Кэрри.

Альберт вдруг показался ей таким взрослым, что рядом с ним она почувствовала себя глупой и маленькой. Ей захотелось рассказать ему про то, что миссис Готобед велела передать мистеру Эвансу, и спросить его, о чем, по его мнению, миссис Готобед говорила, но она не могла придумать, как все это изложить, чтобы не показаться

ужасно бестолковой. Но тут в кухню ворвался Ник в сопровождении мистера Джонни, и расспрашивать уже было некогда.

— О Кэрри, если бы ты только видела! — в возбуждении кричал Ник. — Озеро, а на нем коричневый остров с белыми чайками! Сначала мне ничего не было видно, но мистер Джонни велел мне сесть и ждать, я сидел не двигаясь, и тогда остров словно зашевелился. И коричневым он был вовсе не из-за земли, а потому что на нем, так плотно прижавшись друг к другу, что под ними не видно было травы, сидели тысячи тысяч птенцов. О Кэрри, такого зрелища я еще не видел за всю мою жизнь! Какая красота!

— Точно такая же, как в тот раз, когда родился теленок. Или же когда ты на свое десятилетие получил в подарок перчатки. У тебя все красота, — довольно кисло заметила Кэрри.

— Ну и что? — Ник был озадачен и обижен. Но вдруг он улыбнулся: — А теперь твоя очередь, да? В будущем месяце твой день рождения!

День рождения Кэрри был в начале мая. Мистер Эванс и тетя Лу подарили ей носовые платочки, а мама прислала зеленое платье, которое оказалось тесным в груди и коротким. Тетя Лу предложила подшить платье другим материалом, чтобы удлинить его, но лиф расширить было сложно, поэтому Кэрри немного поплакала, оставшись одна, но не из-за того, что платье нельзя было надеть, а из-за того, что мама не догадалась, как она за это время выросла. По этому поводу она все утро ходила расстроенная, но после занятий, когда они отправились в Долину друидов, настроение у нее улучшилось. Хепзеба испекла пирог с белой глазурью и украсила его двенадцатью свечками, а мистер Джонни сплел из полевых цветов сй на голову целую корону.

— Теперь ты майская королева, — сказала Хепзеба.

Кэрри была в короне, пока они сидели на солнышке и ели пирог, но ко времени ухода домой цветы немного завяли.

Альберт проводил их до насыпи:

— Нужно было намочить цветы в священном источнике, — заметил он. — Тогда они никогда бы не завяли.

Он говорил, по-видимому, всерьез.

— Ты в это веришь? — спросила Кэрри.

Альберт пожал плечами.

— Хепзеба верит и не верит. Когда она готовит настой из трав, она всегда берет воду из источника, говорит, что с горы бежит чистая вода. Но, по-моему, она считает, что дело не только в этом. Кто знает? Только как-то вечером она помазала водой из источника мою бородавку, и утром, когда я проснулся, бородавки не было и в помине.

— То же самое бывает и от сока фасоли, — сказала Кэрри. — Или если помазать слюной натошак. У Ника была бородавка, он каждое утро плевал на нее, и к концу недели она пропала.

— То — колдовство, — заявил Альберт. — А наш источник священный. Это совсем другое дело.

— Хочешь сказать, что он считается священным с незапамятных времен? — засмеялась Кэрри, стараясь показать, что не верит в эти басни. — То же самое говорит и тетя Лу, но она у нас немного с приветом.

— По правде говоря, не знаю, — пожал плечами Альберт. — И никто не знает. Только когда-то здешние места считались священными. И не только лес, но и вся гора. Там ведь нашли руины старинного храма — сохранилось лишь несколько камней да старые кости, — откуда, по-моему, и появился этот череп, помнишь, я тебе рассказывал? В других частях света тоже нашли такие же храмы, кладка стен у них оказалась одинаковая, отсюда сделали вывод, что когда-то существовала единая религия.

Кэрри вспомнила, как они впервые шли по этому лесу, и вся похолодела, хотя день стоял теплый и у них над головой, над верхушками темных тисовых деревьев по-прежнему ярко светило солнце.

— Помнишь, когда мы в первый раз пришли к вам? — зашептала она, вовсе не собираясь шептать, но так уж у нее получилось. — Мы ужасно напугались. Так вот, нас напугал не только мистер Джонни. Еще до того, как мы услышали его, мы слышали что-то вроде глубокого вздоха. Или стога. Не смейся!

— Я не смеюсь, — сказал Альберт. — Смеяться над чужими страхами не менее глупо, чем бояться. Здесь не страшней, чем в церкви. По-моему, просто места, где в старину стояли храмы, вызывают у людей какое-то странное чувство... — Помолчав, он добавил шепотом, как и Кэрри: — Если, конечно, не существует какой-нибудь таинственной силы...

— Ты меня дразнишь! — возмутилась Кэрри, и он засмеялся.

Они уже дошли до конца тропинки и очутились возле насыпи, залитой солнцем.

Из туннеля показался поезд. Он простучал мимо, обдувая ветром их одежду и волосы. Ник, который шел впереди, был уже у поворота, где полотно железной дороги огибало гору, и Кэрри увидела, как он зажал уши руками, когда паровоз загудел.

— Бедный Ник,— заметила она.— Он неавидит гудки.

— Кэрри...— позвал ее Альберт, и, когда она обернулась, его лицо было близко-близко. Он поцеловал ее, ткнувшись очками в ее нос, и сказал:— Поздравляю тебя с днем рождения!

Кэрри не сумела придумать, что сказать в ответ.

— Большое спасибо,— наконец очень вежливо выдала она.

— Девочки не говорят спасибо, когда их целуют.— Хотя у Альберта по-прежнему был спокойный, менторский тон, лицо у него загорелось. Он поспешно отвернулся, помахал, не глядя, рукой на прощание и побежал вниз по дорожке. И как только скрылся из виду, громко запел.

Кэрри тоже пела, прыгая по шпалам, пела и смеялась про себя. Когда она поравнялась с Ником, он спросил:

— Чего ты смеешься?

— Что, мне нельзя смеяться? Такого закона нет. Слышал ли ты когда-нибудь про закон, который запрещает смеяться, мистер Умник-Разумник?

Но такой закон, по-видимому существовал. Не настоящий закон, разумеется, а правило, которое Кэрри выработала для себя и которого до сегодняшнего дня, когда она забыла о нем, старалась неуклонно придерживаться. Забыла, что нельзя показывать мистеру Эвансу свою радость...

Подпрыгивая и напевая, она бежала вверх по улице, пока не очутилась в лавочке у мистера Эванса. Смех так и пузырился у нее внутри, и, когда мистер Эванс поднял глаза и сказал: «А, это ты!», она не смогла сдержаться и засмеялась.

— А кто вы думали? — спросила она.— Кошка?

И эта глупая шутка вызвала у нее такой прилив смеха, что на глазах появились слезы.

Он стоял, не сводя с нее глаз, и, когда заговорил, голос его был зловеще спокойным:

— Что в тебя вселилось, девочка?

Но даже это не остановило ее. Она поглупела от радости.

— Ничего, мистер Эванс, просто все хорошо,— ответила она и побежала из лавки в кухню.

Он пошел за ней. Она стояла у раковины, наливая воду в стакан, и он остановился рядом. Она налила воды и выпила.

— Вы, я вижу, не спешите? — зашипел он.— Забыли, что на свете есть еще люди, кроме вас? Когда мне, наконец, подадут чай?

От холодной воды, ручейком бежавшей у нее в груди, Кэрри задохнулась. Когда она наконец перевела дух, она сказала:

— Я предупредила тетю Лу, что мы сразу после школы пойдем к Хепзебе. Мы не опоздали.

Она видела, что тетя Лу уже накрыла стол к чаю: чистая скатерть, тарелка с бутербродами и маленький пирог со свечками.

Мистер Эванс чмокнул вставными зубами, его бесцветные глаза блеснули холодом.

— Нет, нет, разумеется, не опоздали. Извините, ради бога. Пожалуйста, приходите и уходите, когда вам будет угодно. Зал свободы устроили из моего дома! Праздничный чай давно ждет, но ты предпочитаешь развлекаться где-то на стороне! Пожалуйста, не оправдывайся. У тебя все написано на лице.

— Я обещала вернуться к половине седьмого, и мы вернулись,— упорствовала Кэрри.

— Прикажете подавать? Слуг, значит, из нас сделали? А благодарности никакой? Тетя ухаживает за вами, в кровь стирая руки, а «спасибо» слышит мисс Грин? И за что, могу я поинтересоваться? За чужой счет легко быть щедрой! Мисс Грин имеет возможность приглашать в дом кого ей заблагорассудится, ибо счета оплачивает не она.

— Кроме нас с Ником, там никто не бывает,— сказала Кэрри.

— А вас туда, между прочим, приглашали? Это ведь дом моей сестры. Она вас приглашала? Нет. Но вас это мало волнует, поскольку вы ее ни разу не видели. Зато держать бедняжку подальше от людских взоров очень устраивает мисс Грин.

— Никто ее не держит, она просто больна! — выкрикнул Ник. До сих пор он слушал молча, стоя у дверей, но теперь прошел в середину комнаты и уставился на мистера Эванса горящими от гнева глазами. — И Кэрри, между прочим, ее видела, — добавил он.

Мистер Эванс перевел взгляд на Кэрри, и она задрожала.

— Только один раз, — еле слышно проронила она.

— А почему ты не сказала мне об этом?

— Я не думала...

— Не думала! О чем не думала? Что мне может быть интересно? Моя родная сестра — и мне неинтересно услышать о ней?

— Да не о чем особенно рассказывать-то.

— Она ничего не говорила? Сидела и молчала? Ничего не просила передать мне, ее брату?

Кэрри почувствовала, что задыхается. Лицо мистера Эванса, бледное и влажное, как сыр, нависло над нею.

— Говори, девочка, и не пытайся лгать!

Кэрри затрясла головой. Говорить она не могла. Ей казалось, что сбывается дурной сон, было так страшно, хотя она не понимала почему. Бесцветные глаза мистера Эванса впились в нее, спасения не было...

Ее спасла тетя Лу.

— У вас новая блузка, тебя Лу? — звонким голосом спросил Ник, и мистер Эванс, забыв про Кэрри, повернулся к сестре.

Она стояла в дверях и растерянно улыбалась. На ней была розовая с оборочками блузка, совсем не похожая на ту, что она носила всегда, волосы гладко причесаны, а губы окрашены! У нее был совсем другой вид. Она стала почти хорошенькой.

— Легкомысленная женщина — оскорбление взора божьего, — страшным голосом возвестил мистер Эванс.

Тетя Лу перестала улыбаться.

— Тебе нравится моя блузка, Ник? — храбро спросила она. — Ее мне подарила приятельница, у которой я гостила. И помаду дала тоже она.

— Помаду! — завопил мистер Эванс.

— Большинство женщин пользуются помадой, Сэмюэл, — тихо вздохнув, сказала тетя Лу. — Я хочу быть как все, когда мы пойдем на танцы. В лагерь, — прошептала она. Голосок тети Лу был едва слышен. — На американскую базу.

— К американским солдатам? — взревел мистер Эванс. Он повернулся к детям. — Марш отсюда оба! Мне нужно поговорить с сестрой.

Они выбежали из кухни во двор, туда, где еще светило солнце. Прочь с глаз, но чтобы было слышно. Правда, их совсем не интересовало, что скажет мистер Эванс, потому что они слышали это уже раньше. Женщины, которые мазали губы, носили короткие платья и гуляли с американскими солдатами, по его мнению, обречены на вечные муки. И тетя Лу знала это.

— Она, должно быть, совсем рехнулась, раз вошла в кухню и дала ему увидеть себя в таком виде. Как будто не знает, что он собой представляет.

— Она сделала это только для того, чтобы он отстал от тебя, — объяснил Ник. — И не ругал тебя в твой день рождения.

— Правда? — переспросила Кэрри и добавила: — Как ты думаешь, долго он будет ее бранить?

— Пока она не заплачет. Тогда он велит ей умыться, и мы будем пить чай. Ты хочешь есть, Кэрри?

— Нет.

— И я не хочу. У меня кусок в горло не полезет. — Он сидел, сгорбившись и прислушиваясь к доносившемуся из кухни реву. — Хоть это и не в первый раз, а привыкнуть все равно трудно. Противный он, мерзкий и болтливый кабан. За что он к тебе привязался? Что требовал сказать?

— Не знаю.

— А при нем ты знала, — взглянул на нее Ник. — По твоему лицу было видно, что ты знаешь. И он это тоже понимал.

Кэрри застонала и так широко развела руки в стороны, что у нее заболели лопатки. Потом она опустилась рядом с ним и уткнулась головой в колени.

— По-моему, он хотел, чтобы я сказала что-нибудь плохое про Хепзебу. Что она, например, плохо обращается с его сестрой. Но не только это. — И, с ужасом припомнив, что поручила ей передать своему брату миссис Готтобед, добавила громко и решительно: — Не буду я шпионить для него, не буду! И ничего ему не скажу!

— Не кипятись, сестричка, — мягко посоветовал ей удивленный Ник. — Никто этого и не требует. Не может же он тебя заставить.

— Не знаю. — Уверенности у Кэрри не было.

— Мистер Эванс ненавидит американцев, — рассказывала Кэрри Хепзебе. — Тетя Лу собиралась вчера навестить свою приятельницу, но он ей не позволил, потому что в тот раз, когда она ездила к ней, они ходили на танцы с американскими солдатами. Не понимаю, почему он не разрешает. Американцы ведь приехали сюда помогать нам воевать с Гитлером.

Хепзеба и Кэрри были на кухне одни. Хепзеба гладила. А поскольку в Долине друидов электричества не было, то она пользовалась двумя чугунными утюгами, попеременно ставя их на огонь. Когда один утюг становился холодным, она брала другой и, посплюнув палец, пробовала, достаточно ли он горячий. Вот и сейчас попробовала, и утюг сердито зашипел.

— Да, мистер Эванс не любит американцев.

— И вообще он противный! — возмущалась Кэрри. — Бедная тетя Лу, как она плакала! Стояла у мойки, мыла посуду после чая, а по щекам у нее бежали слезы. — Вспомнив об этом, Кэрри чуть не задохнулась от гнева и беспомощности. — Миссис Готобед тоже назвала его злым и бесчестным.

— У него была тяжелая жизнь, вот он и стал неприятливым и злым, — объяснила Хепзеба. Она гладила рубашку мистера Джонни, и в кухне пахло влажностью и крахмалом. — Он видел, как погиб под землей его отец, и не мог его спасти. Тогда он поклялся, что никогда не спустится в шахту. И остался верен своей клятве. Он нашел себе место в продуктовой лавке, где должен был убирать помещение и разносить продукты, и старался экономить каждую копейку, пока не накопил достаточно для того, чтобы, взяв заем в банке, откупить эту лавку. Жена его была ему плохой помощницей, она часто болела, а у него на руках были еще его младшая сестра и собственный сын. Миссис Готобед с удовольствием забрала бы сестру, но он не разрешал. Он считал Готобедов легкомысленными, потому что они играли в азартные игры, путешествовали и наслаждались жизнью, а Луиза, говорил он, должна воспитываться в страхе перед богом.

— Бедная тетя Лу, — вздохнула Кэрри.

— Как знать. Я не уверена, лучше ли ей было бы здесь. Жить у богатых людей в хлебниках тоже несладко. — Хепзеба сказала это так, будто сама прошла через подобное испытание. Она сложила выглаженную рубаш-

ку и расправила воротник. А потом улыбнулась Кэрри.— Словом, мистеру Эвансу выпала нелегкая доля сражаться в одиночку за свой кусок хлеба, а потому он стал злиться на тех, кому больше повезло. Именно в этом он и упрекает миссис Готобед, она прожила легкую жизнь.

— Он не может простить миссис Готобед, говорит теть Лу, потому что она вышла замуж за сына владельца шахты. Они были плохие хозяева, считает он, и по их вине погиб его отец.

— Отчасти это так,— согласилась Хепзеба.— Но главная причина в том, что ему пришлось всю жизнь тяжело трудиться, в то время как она, не пошевелив и пальцем, приобрела положение в свете, когда вышла замуж за человека из богатой семьи. И паверное, в свое время она дала ему почувствовать разницу между ними. Когда мы с мистером Джонни впервые здесь появились — он был тогда совсем мальчиком, да и я не намного старше,— у Готобедов еще водились деньги и дом был поставлен на широкую ногу. Держали дворецкого, кухарку, горничных, был даже управляющий имением. Бакалейные товары закупались в большом лондонском магазине, но скоропортящиеся продукты она брала у брата, а потом посылала служанку с жалобой на их качество. Он же объяснялся с ней через человека, который доставлял продукты. Они ни разу не сказали друг другу ни слова! Они стоят друг друга, говорили люди. Гордые, как павлины, да к тому же упрямые, ни на шаг не хотят уступить. В этом-то и беда. Она ведь любит его, но все эти годы они были в ссоре, а сейчас мириться уже поздно. Он ни за что не простит ей того образа жизни, который она вела, а она не желает, чтобы он узнал, до чего она дошла. По ее понятиям, она бедна, как церковная мышь, да и физически совсем ослабла.

История эта расстроила Кэрри. Она пересказала ее Нику и добавила:

— Давай никогда в жизни не ссориться.

— А почему мы должны поссориться?

— Не знаю. Но давай не ссориться.

— Я не буду, если ты не пачнешь.

— Даешь слово?

— Пожалуйста.— Ник не очень охотно, но тем не менее лизнул указательный палец и провел им по горлу.

Кэрри сделала то же самое.

— Жалко мне мистера Эванса,— вздохнула она.

— Еще чего? — возмутился Ник.— Ты что, совсем спятила, что ли?

Спустя два дня, когда они были в доме одни, зазвонил звонок у входной двери. Кэрри пошла открывать. На пороге стоял американский солдат. Он был очень высокий и очень вежливый. Сняв фуражку, он, растягивая слова, учтиво сказал:

— Майор Харпер к вашим услугам, мэм. Майор Кэс Харпер. Могу я видеть мисс Луизу Эванс?

Мистер Эванс был на заседании муниципального совета, а тетя Лу отправилась в приходскую церковь сделать там уборку перед воскресным днем.

— Сейчас дома только мы с Ником,— ответила Кэрри.

Майор Харпер улыбнулся, и в уголках глаз у него набежали морщинки. «Он довольно старый»,— решила Кэрри, глядя на складки на его пухлых розовых щеках и на залысины по бокам головы.

— Можно мне подождать мисс Луизу? — спросил он.

В доме Эвансов ни разу не было гостей. У тети Лу были в городе приятельницы, которые иногда приглашали ее на чай, но она никогда не осмеливалась позвать их к себе. «Один раз пригласишь, потом не выгонишь,— утверждал мистер Эванс.— Будут ходить взад и вперед, туда и сюда, вверх и вниз, днем и ночью...»

У Кэрри схватило живот, когда она подумала о том, что скажет мистер Эванс, если по возвращении домой с заседания муниципального совета увидит у себя в гостиниой американского солдата.

— Нет, пельзя,— наконец решилась Кэрри.— Извините, пожалуйста, но дело в том, что мистер Эванс может вернуться домой первым.

Майор Харпер слегка удивился.

— Брат мисс Луизы? Что ж, буду очень рад с ним познакомиться.

— Я не уверена, будет ли он рад,— совсем растерялась Кэрри.— Он... Он не любит американских солдат. Не вас лично, вы... Вы хороший. Дело в том...

Она боялась, что майор Харпер рассердится, но он только улыбнулся, поблескивая голубыми глазами.

— Я и вправду неплохой,— заявил он.

Он и вправду хороший, подумала Кэрри. Страшно да-

же подумать, что будет, если мистер Эванс придет и начнет на него кричать. Мистер Харпер расстроится, расстроится и тетя Лу, а главное, мистер Эванс ни за что не позволит ей снова встретиться с майором.

— Ждать нет смысла, право, нет,— принялась она убеждать сго.— Ничего хорошего из этого не выйдет. Даже если вы дождетесь ее, мистер Эванс никуда не разрешит ей пойти с вами: ни на танцы, ни в кино. Он говорит, что танцевальные залы и кинотеатры — это пристанище дьявола и что легкомысленная женщина — это оскорбление взора божьего.

Майор Харпер перестал улыбаться. Его пухлое, розовощекое лицо стало серьезным, равно как и голос:

— Мисс Луиза — славная, благородная женщина, и мне не хотелось бы нарушать ее покой.

— Боюсь, что нарушите,— сказала Кэрри.— Он доведет ее до слез. Он всегда доводит ее до слез.

— Понятно,— наконец уразумел майор Кэс Харпер.— Весьма признателен за разъяснение ситуации. Может, вы передадите...— Он помолчал, словно сомневаясь, сумеет ли Кэрри передать тете Лу.— Скажите ей, что я заходил. И все. И еще, что очень сожалею, что ее не застал.

Кэрри смотрела ему вслед, пока он шел по горбатой главной улице городка. Армейская машина стояла возле «Собаки с уткой» и он, не оглядываясь вошел в кабачок. Кэрри затворила дверь лавки.

— Гадкая, противная девчонка! — налетел на нее Ник. Оказывается, он стоял позади нее, лицо его было пунцовым.— Ее знакомый пришел к ней с визитом, а ты его выгнала!

— Не могла же я позвать его в дом. Вдруг придет мистер Эванс?

— Мистер Эванс, мистер Эванс! Ты только и думаешь про мистера Эванса! А как быть бедной тете Лу?

— Начался бы скандал, она опять бы плакала,— сказала Кэрри.— Я не могу видеть ее слез.

— Не можешь? А ей какое до этого дело? Может, она предпочла бы встретиться со своим знакомым, даже если потом ей суждено плакать,— предположил Ник.— Я пойду и скажу ей.

Оттолкнув ее, он открыл дверь и помчался по улице в сторону бульвара Павших воинов, к приходской церкви. Секунду помедлив, Кэрри бросилась вслед за ним.

— Подожди меня, Ник,— крикнула она.

Он оглянулся, и на лице его появилась ухмылка.

В церкви было холодно, как в подвале. Тетя Лу, стоя на коленях, скребла пол в проходе между рядами. Когда они подбежали к ней, она села на корточки, тыльной стороной ладони откинув упавшую на лицо прядь волос.

— Приходил ваш знакомый,— крикнула Кэрри.— Майор Кэс Харпер.

— Вот как? — отозвалась тетя Лу. Она сидела, не сводя с них глаз.

— Он пошел в «Собаку с уткой». Скорей, а то он уедет.

Тетя Лу поднялась на ноги, снова поправила волосы. Руки ее дрожали, как красные осенние листья, а светлые глаза сияли.

— Оставьте ваши волосы в покое, они в порядке,— сказал Ник.— Снимите только фартук.

Она сняла фартук, сложила его и посмотрела на себя.

— Боже мой,— простонала она.— На мне старая юбка!

— Он такой хороший, что не обратит на это внимания,— сказала Кэрри.

Тетя Лу заломила свои красные руки.

— Я не могу... Не могу я войти в «Собаку с уткой». Мистер Эванс...

— Не узнает, если вы сами ему не скажете,— рассердилась Кэрри.— Никто не скажет, я уверена.

Хорошо бы, если бы так и получилось. В этом городке трудно что-нибудь утаить. Найдутся люди, которым доставит удовольствие доложить члену муниципального совета Эвансу, что его сестру видели в «Собаке с уткой», да еще в сопровождении американского солдата. Не для того чтобы причинить неприятность тете Лу — ее все любили,— а чтобы досадить ему...

— А пол? — вдруг вспомнила тетя Лу.— Я не домыла пол.

— Мы домоем! — решил Ник. И добавил, недурно подражая голосу мистера Эванса: — Ну-ка, девочка, если решила идти, иди. Давай-ка побыстрей!

Они доскребли половицы, убрали ведро и тряпки в комнатку при кафедре, где хранились цветочные горшки и одежда священника и медленно двинулись назад к дому. Возле «Собаки с уткой» уже не было никаких следов

армейской машины, но и тетя Лу домой не приходила. Только мистер Эванс сидел за своей бухгалтерией в конторе.

— Не видели тетю? — спросил он.

— Сейчас так хорошо на улице, — ответила Кэрри. — Она пошла погулять. Я обещала приготовить ужин.

Она накрыла стол в кухне, нарезала хлеб, положила в миску жаркое, сварила какао. На улице смеркалось.

— Как ты думаешь, она вернется? — прошептал Ник.

Кэрри отнесла какао мистеру Эвансу в контору. Он сидел, откинувшись на спинку стула, и тер глаза. Глаза покраснели и слезились, а уголки губ у него были опущены вниз.

— Все цифры и цифры, — пробормотал он. — Конца им нет. Для праведника нет отдыха!

— Зачем вы столько работаете? — спросила Кэрри, припомнив, как Хепзеба рассказывала ей, что он трудился всю жизнь, не получая ни от кого помощи.

— Тебе жаль меня? — с удивлением посмотрел на нее он. — Не часто мне доводится слышать слова участия. — И он улыбнулся — не той свирепой ухмылкой, как всегда, а совершенно обычной усталой улыбкой — и сказал: — Пока идет война, я все вынужден делать сам. Не могу найти даже, кто бы доставлял продукты на дом. Однако гордиться следует только тем, что достается тяжким трудом, поэтому я выстою, девочка, не бойся! Иди накорми юного Никодемуса и поужинай сама.

Но Кэрри ушла не сразу, потому что, во-первых, ей вдруг стало в самом деле жаль мистера Эванса, а во-вторых, она чувствовала себя виноватой. Она солгала ему, сказав, что тетя Лу пошла гулять, а тетя Лу об этом и понятия не имеет. Вдруг она придет и скажет ему, что была где-нибудь еще? Ужасно, когда тебя уличают во лжи, ужасно в любое время, но сейчас, когда он так по-дружески с ней поговорил, еще хуже.

— Хотите я помогу вам считать? Я довольно сильна в математике, в школе это мой любимый предмет.

Она снова солгала, щеки ее загорелись от стыда, но он ничего не замечал, потому что тренькнул дверной звонок.

Дверь отворилась и закрылась. Послышались быстрые, легкие шаги, и в контору вошла тетя Лу. Она улыбалась, а лицо ее сияло так, будто внутри у нее горели свечки. словно елка на рождество, подумала Кэрри.

Увидев, что мистер Эванс повернулся и посмотрел на сестру, она почувствовала, как у нее защемило сердце. Что кричали дежурные во время воздушной тревоги, когда замечали, что в окно пробивается луч света? «Потушите свет!», «Потушите свет, тетя Лу!» — безмолвно молила Кэрри, а вслух спросила:

— Хорошо погуляли?

Тетя Лу рассеянно взглянула на нее, словно Кэрри говорила на каком-то непонятном, иностранном языке. «Не делайте глупости, тетя Лу!» — молила Кэрри, зная наперед, что мольбы ее не будут услышаны. Мистер Эванс обязательно узнает, и будет страшный скандал. Он поймет, что Кэрри солгала ему, обидится и больше не будет ей верить...

Она стояла, опустив голову, и ждала, когда разразится гроза. Но он только сказал:

— Хорошо, хорошо. Гуляют, гуляют и днем и ночью. Идите ужинайте. А я должен работать и зарабатывать на хлеб насущный!

глава 9

Кэрри больше не встречала майора Кэса Харпера, но Ник его видел. Однажды днем, после занятий, он влез на кучу шлака и с ее вершины, глянув в сторону горы, заметил, что на траве возле ручейка сидят тетя Лу с ее майором, а на дороге неподалеку от них стоит армейская машина.

— Они меня не видели, — сказал он Кэрри.

— И ты забудь, что видел их, — посоветовала Кэрри. — А то вдруг мистер Эванс начнет задавать вопросы. Где она, чем занимается и тому подобное. Сделаем вид, что ничего не знаем.

Но не знать было невозможно. Тетя Лу выглядела такой радостной. Подметая и стирая пыль, она беспрерывно пела, пока наконец мистер Эванс не разозлился:

— Что ты все щебечешь, как птица, сестра?

И она впервые осмелилась ему возразить:

— Разве веселье не улаждает слух божий, Сэмюэл?

«Неужели он не догадывается о происходящем?» — думала Кэрри, но в те дни он был более доверчив, чем обычно, наверное, потому, что жил в состоянии радостного ожидания. Его сын Фредерик написал, что приезжает в отпуск, и мистер Эванс все время хлопотал в лавке,

приводя в порядок помещение и бухгалтерские документы.

— Пусть видит, что я отношусь к делу с полной ответственностью,— объяснял он Кэрри, когда она помогала ему убирать на полках.— Это придаст ему бодрости. Будет знать, что по окончании войны ему есть чем заняться.

Фредерик, здоровенный коренастый малый с чересчур широким задом, явился в конце июня. Он был очень похож на отца, только гораздо толще и красный лицом, в то время как мистер Эванс отличался бледностью. «Белоснежка и Красная роза» прозвала их Кэрри, но Ник придумал им прозвище получше. Фредерику накрывали вместе с отцом в гостиной, и оба они очень любили сочное, с кровью мясо. Как-то раз, когда дверь осталась открытой, Ник увидел, как они оба сидят, положив локти на стол, и жуют, хватая куски мяса прямо руками. «Из рта у них сочилась кровь,— рассказывал он потом Кэрри.— Они настоящие людоеды, вот кто они».

Фредерик получил увольнение на неделю. Большую часть времени он спал либо на кровати, либо развалившись в самом удобном кресле на кухне и, открыв рот, громко храпел. Он должен был уехать в воскресенье, а субботу Кэрри с Ником собирались провести в Долине друидов, помочь в уборке сена.

— Возьмите с собой Фреда,— сказал мистер Эванс, когда они уже уходили.— Хватит ему спать.

Фред застонал в знак протеста, но отец сурово посмотрел на него:

— Тебе полезно туда сходить. Ты там уже давно не был, а пора бы засвидетельствовать тетушке свое почтение!

Фред снова застонал, но принял сидячее положение и довольно добродушно принялся натягивать сапоги.

— Против рожна не попрешь,— подмигнул он Кэрри, когда мистер Эванс вышел.— Не возражаете против моей компании?

В глубине души они были не очень ему рады. Когда Фредерик не спал, он был настроен довольно доброжелательно, хотя часто беспричинно хохотал и задавал такие вопросы, на которые ответа не существовало. Например: «Что подделываешь, Кэрри? Все фокусы выкидываешь?» Такое поведение раздражало, но его еще можно было терпеть, и, пока они шли в Долину друидов, Кэрри решила про себя, что он совсем не плохой парень. Он вел

себя с ними как старший брат, весело шутил и спел им две-три никак не подходящие для детского слуха солдатские песни, заставившие их обоих глупо хихикать.

— Если бы мистер Эванс услышал, что ты поешь такие песни, он бы с тебя шкуру спустил,— сказал Ник, и Фредерик, загоготовав, вскинул его себе на плечо и побегал вдоль железной дороги, словно Ник ничего не весил.

«Похож на медведя,— решила Кэрри.— Благодушный, глупый, сильный медведь».

Да, он, несомненно, был сильнее всех в Долине друидов. Сено скосили несколько дней назад, на солнце оно высохло, и Фредерик без особого труда подавал его на повозку, в которой стоял Альберт. Кэрри, Ник и мистер Джонни тоже были не без дела, но их успехи были куда скромнее успехов Фредерика, и устали они гораздо быстрее. По его красному лицу струился пот, но руки работали, как поршни, и Альберт едва успевал справиться с одной охапкой сена, как уже поднималась другая. Альберт метался из стороны в сторону, стекла его очков блестели на солнце, лицо было бледным, но решительным.

— Кулдык-кулдык,— прокулдыкал мистер Джонни и опустил свои вилы.

— Он говорит, пусть Фред работает один,— перевел Ник.— И правда, Альберт не поспевает за Фредом.

— Бедный Альберт,— сказала Кэрри, решив, что Альберт, наверное, стесняется того, что не поспевает за Фредом, да еще в присутствии посторонних.

Она забыла, что Альберт никогда не хвастался своей силой и умением. Он услышал ее слова и крикнул:

— Мне нужна помощь, а не жалость.— Ну-ка, Кэрри, влезай сюда и займись делом. Мне подает сено не человек, а машина.

Как славно стоять по колено в сухом, сладко пахнущем сене и помогать Альберту принимать у Фреда охапки сена, порой такие тяжелые, что у них обоих подкашивались ноги! Они обрадовались короткой передышке — солнышко так приятно грело спину! — когда мистер Джонни, взяв лошадь под уздцы, передвинул телегу чуть подальше. Они все время двигались по направлению к дому, и к часу дня вся поляна очистилась от сена. Кэрри было жарко, она устала, но испытывала огромное удовольствие. Она легла ничком на сено и, не обращая вни-

мания на острые соломинки, что лезли в уши и в нос, заявила:

— Если бы я была фермером, я бы только и занималась тем, что убирала сено.

— А я нет,— сказал Альберт.— Я устал до смерти. Я, наверное, не создан для физического труда. Кто пришел с вами? Сын мистера Эванса? Сильный он малый, что и говорить.

— Зато ума, по-моему, не хватает,— отозвалась Кэрри.

Фредерик стоял, опираясь на вилы, и, по-видимому, слушал мистера Джонни, который, размахивая руками, что-то кулдыкал. Ник лежал на земле и следил за ними. Царила мирная идиллия: журчал голос мистера Джонни, как жаворонок, уходящий куда-то вверх, в небо, а поляна, дом с высокими трубами и безмолвная гора позади — все было залито солнцем. Кэрри было так сладко, что она даже застопала от удовольствия. Она зевнула, потянулась и сказала:

— Это самое лучшее место на всем белом свете. Во всей вселенной. Правда, Альберт?

Но Альберт не слышал. Он торопливо поднимался на ноги.

— Перестань! — крикнул он.— Прекрати немедленно!

Кэрри перевела взгляд туда, куда смотрел он. Фредерик, перекосив лицо на манер мистера Джонни и суетливо махая руками, танцевал вокруг него.

— Кулдык-кулдык, кулдык-кулдык,— выкрикивал он глумливым голосом, потом хрипло расхохотался и дернул мистера Джонни за бант.

Кэрри слышала, как Альберт ахнул и в ту же секунду прыгнул с повозки и бросился к ним. Но не успел он добежать до них, как мистер Джонни, пронзительно вскрикнув — Кэрри ни разу не слышала, чтобы он так кричал, — кинулся на Фредерика, молотя его кулаками. Фредерик сделал шаг назад, оступился и упал, как подрубленное дерево. А мистер Джонни схватил вилы...

Кэрри вскрикнула и закрыла лицо руками. И сквозь страх и мрак, расцвеченные красными пятнами, услышала, как Альберт крикнул:

— Ник, беги сюда, помоги мне держать его!

Тогда она посмотрела и увидела, что мистер Джонни вырывается из рук Альберта и Ника, а Фредерик уползает от них подальше.

Все кончилось очень быстро. К тому времени, когда Кэрри прыгнула с повозки, мистер Джонни перестал вырываться из рук Альберта и Ника и заплакал, а лицо его совсем искривилось и стало ярко-красным. Мальчики отпустили его, а Ник отыскал в его нагрудном кармане носовой платок, вытер ему лицо и ласково сказал:

— Все в порядке, мистер Джонни, все кончилось, пойдем понщем Хепзебу.

Он взял его за руку, и мистер Джонни пошел за ним покорный, как овечка.

Фредерик сидел на земле с белым как мел лицом.

— Посмотри,— сказал он, и Кэрри увидела, что рука у него в крови. Вилы, по-видимому, все-таки задели его.

— Так тебе и надо. Он был бы прав, если бы убил тебя.

Он сидел, не сводя с нее глаз, а нижняя челюсть у него отвисла.

— Такого злющего психа надо держать под замком,— сказал он и встал с земли.

Он подошел к повозке, достал пачку сигарет из своей куртки, что висела у заднего борта, и закурил, мрачно поглядывая вокруг.

— Гадкое, подлое животное! — намеренно громко сказала Кэрри, чтобы он ее услышал.

— Животное, но не подлое, а глупое,— возразил Альберт.— Он просто не знает, как обращаться с человеком вроде мистера Джонни. И не он единственный. Таких большинство. Они либо пугаются, либо смеются. Мистер Джонни терпеть не может, когда его передразнивают, он ужасно злится. Хепзеба говорит, что, когда они жили в Норфолке, ей приходилось не спускать с него глаз, потому что он то и дело лез в драку, хотя тогда он был еще совсем мальчишкой и никого как следует побить не мог. А здесь он успокоился, сюда почти никто не приходит. Но Хепзеба говорит, что если им когда-нибудь придется отсюда уехать и жить среди чужих людей, которые не будут понимать, как он обидчив, тогда, возможно, ему суждено отправиться туда... куда он сказал! — Он кивнул в сторону Фредерика и добавил шепотом: — В сумасшедший дом!

— Мистер Джонни не сумасшедший!

— Конечно, нет. Я, по крайней мере, так не считаю. Но ты же видела, что он сделал? — Лицо у него стало

беспомощным, он снял очки и протер стекла подолом своей рубашки.

— Смотри, кто идет,— сказала Кэрри, и он поскорее надел очки на нос.

К ним, опираясь на руку Хепзебы, шла миссис Готобед. На ней было длинное светло-серое платье, отделанное по подолу розовыми страусовыми перьями. Тонкой, унизированной кольцами рукой она приподнимала юбку впереди, но сзади платье тянулось по земле, и перья цеплялись за солому. Она еще больше похудела с тех пор, как Кэрри ее видела, а лицо ее стало совсем прозрачным: проглядывала каждая косточка, каждая жилочка. Но голос был по-прежнему звонким, как колокольчик:

— А ты, Фредерик, остался таким же задирой, как и прежде?

Он подошел к ней. Выражение лица у него стало на удивление робким.

— Да я только пошутил, тетя Дилис. Это была всего лишь глупая шутка.

— Глупая — это верно. Ты всегда отличался глупыми шутками, верно, Фредерик? — И она улыбнулась, хотя глаза ее остались холодными как лед, и спросила: — Нравится тебе в армии?

Одетая в длинное шелковое вечернее платье, она, казалось, вела светскую беседу в гостиной, подумалось Кэрри, а не посреди залитой солнцем поляны.

— Да, тетя Дилис.

— А что ты будешь делать, когда кончится война? Вернешься в лавку?

Тон ее был презрительным. Кэрри заметила, что у Фредерика покраснел затылок.

— Нет, не вернусь,— ответил он.— Это я твердо решил. Здесь, в нашей долине, скучно, тетя Дилис. Слишком скучно для меня. Я хочу что-нибудь поинтереснее.

Она оглядела его с ног до головы.

— Ты понимаешь, что этим очень огорчишь своего отца? — спросила она.

Фредерик промолчал, и она чуть вздохнула. Потом посмотрела на Кэрри.

— Ну-с, мисс Изумрудные глазки, нравится тебе моя поляна с сеном?

Кэрри кивнула головой. Она не сводила глаз с платья миссис Готобед. Светло-серый шелк с розовыми страусо-

выми перьями. То самое, в котором, по словам ее мужа, она была похожа на королеву. «Я приберегаю его напоследок», — вот что она сказала Кэрри тогда.

Кэрри почувствовала, будто куда-то проваливается или летит, летит против ветра и поэтому задыхается. Она с усилием подняла глаза — веки, казалось, стали каменными.

Миссис Готобед улыбалась ей, а глаза ее смотрели с участием, словно она знала, о чем Кэрри думает, и это ей казалось даже забавным.

— Дурные предчувствия не всегда сбываются, особенно когда их ждешь. Поэтому бояться — пустая трата времени. Помни это! — Негромко рассмеявшись, она снова оперлась на руку Хепзебы, но потом добавила: — И помни кое-что еще. Ты не забыла? То, что я просила тебя передать?

— Нет, — ответила Кэрри, — не забыла.

ГЛАВА 10

Миссис Готобед умерла в самый разгар июля. К вечеру в лавку пришел Альберт с письмом мистеру Эвансу от Хепзебы.

— Случилось это еще утром, но некого было послать, пока я не пришел из школы.

Мистер Эванс стоял за прилавком и читал письмо, а Кэрри с Альбертом следили за ним. Он аккуратно сложил листок бумаги, положил его обратно в конверт и с минуту смотрел куда-то вдаль. Затем подошел к двери лавки и запер ее.

— В знак уважения к усопшей, — объяснил он сердито, обращаясь к Кэрри, словно она не одобряла его действий. И пошел на кухню сказать тете Лу.

А Кэрри с Альбертом отправились на гору. Поднимались они молча. Не говоря ни слова, уселись на охапку свежескошенной травы спиной к сухой каменной стене, и вечернее солнце било им в глаза. Кэрри думала о том, что все ее знакомые, все, кого она знала, по-прежнему едят, дышат и ходят, а вот миссис Готобед уснула вечным сном. Капли пота выступили у нее на лбу.

— Я в первый раз в жизни сталкиваюсь со смертью, — сказала она.

— Но, к сожалению, не в последний, так что привыкай, — довольно жестко ответил Альберт.

— Зачем ты так говоришь? — упрекнула его Кэрри. — Да еще таким тоном?

— Потому что ты начала плакаться. Первое горе в моей жизни, бедная я!

— Я не это имела в виду.

— Вот как?

— Да.

Обломком ветки Альберт зацепил кусочек земли и приподнял его. Из-под него врассыпную бросились красные муравьи, унося с собой свои торпедообразные личинки. Через несколько секунд они все исчезли в крошечных черных ямках.

— Поразительно сообща они действуют, — заметил Альберт. — Как ты думаешь, что, по их мнению, произошло?

— То же самое, что подумал бы ты, если бы с твоего дома сняли крышу, — холодным, обиженным тоном ответила Кэрри. — Или если бы на него упала бомба.

— Тем не менее люди не умеют так быстро реагировать. Не способны на это. Они начали бы рассуждать, думать и удивляться, а тем временем чей-нибудь огромный сапог опустился бы и раздавил дом... И конец... — Он помолчал и смущенно взглянул на Кэрри. — Извини, что я был так груб.

— Ничего.

— Нет, не ничего. Я расстроился и выместил все это на тебе. Так не делают.

— Ничего, — повторила Кэрри.

— Одним словом, извини.

Они посмотрели друг на друга и улыбнулись.

— Она... Она тяжело умирала? — спросила Кэрри.

— Хепзеба сказала, что это произошло мгновенно. Словно выключили свет.

— Правда? А что теперь будет с Хепзебой? Неужели ей придется уехать из Долины друидов? Раз она была только в услужении, хочу я сказать, значит, не сможет там остаться. Куда она денется? И что будет с мистером Джонни? Ой, Альберт!

— Вытри слезы, королева трагедии, — сказал он. — Все будет в порядке. По крайней мере, я в это верю, потому что мне сказала сама миссис Готобед. Она сказала, что будет преступлением, если они останутся без крова, когда она умрет; мистер Джонни человек беспомощный, а Хепзеба все эти годы так хорошо за ней ухаживала.

Она оставила завещание, сказала она, согласно которому они оба смогут жить в этом доме столько, сколько хотят. Она не могла оставить им деньги, потому что сама жила на ренту, которая прекращается с ее смертью, но у мистера Джонни есть кое-какая сумма, унаследованная им от родителей, а Хепзеба зарабатывает, разводя птицу, поэтому у них есть на что жить. Миссис Готобед все это как следует продумала. У нее нет близких родственников со стороны мужа, сказала она, о которых надо было бы позаботиться, а с ее собственной стороны — только Эвансы. По-моему, она оставила свои драгоценности — там ничего особенного нет, в основном подделки, — вашей тете Лу, а дом — мистеру Эвансу, но от него ему будет мало толку. Он не сможет продать его или сдать, пока там живет Хепзеба. — Альберт сделал кислое лицо. — Вот он, наверно, взбесится-то, когда узнает об этом, правда? Должно быть, рассчитывает на порядочное наследство. Что ни говори, а он ее брат!

— Родной брат! Но бывает, что чужие ближе родных, — торжественно провозгласила Кэрри.

Альберт устался на нее, и она возбужденно засмеялась.

— Она велела мне передать это мистеру Эвансу, когда она умрет. Что она сделала то, что сделала, то есть составила завещание не для того, чтобы сделать ему зло, а потому что считала справедливым позаботиться о мистере Джонни и Хепзебе Грин. Тогда я не поняла, о чем она говорила, и решила, что она сумасшедшая.

Теперь, когда она поняла, поступок миссис Готобед показался ей прекрасным, хотя и грустным. Как ни сильно они поссорились, а все же миссис Готобед в глубине души сохранила привязанность к мистеру Эвансу, и то, что Кэрри предстояло передать, будет тому доказательством.

— Он так обрадуется! — сказала Кэрри.

— Сомневаюсь, — скривился Альберт.

— Нет, обрадуется! — крикнула Кэрри. — Как ты не понимаешь? Он все время беспокоился за нее, даже заботился о Хепзебе, что она ухаживает за ней, а не он сам. Поэтому он будет рад, когда узнает, что она не забыла о нем и постаралась дать ему об этом знать.

С ума можно было сойти от этого Альберта! Подняв брови, он смотрел на нее во все глаза, словно не верил собственным ушам.

— Тебе, конечно, этого не понять,— продолжала Кэрри,— потому что у тебя нет ни братьев, ни сестер и ты не можешь разделить наших чувств. А я могу, у меня есть Ник. Если бы мы не разговаривали много лет и он бы умер, то я, скажи мне кто-нибудь, что он по-прежнему меня любил, горевала бы гораздо меньше. Вот и бедный мистер Эванс будет горевать меньше! — Она представила себе, как он сейчас оплакивает покойную сестру, мечтая услышать от нее хоть слово, и как она, Кэрри, утешит его, передав ему послание миссис Готобед. Ей пришло в голову красивое выражение «осушит его слезы», и у нее самой появились на глазах слезы.— Он, наверное, зарыдает от радости, когда я ему это скажу,— заключила она.

— Что ж, может, ты и права,— неуверенно согласился Альберт.— Только на твоём месте я бы не особенно спешил.

Но Кэрри не умела ждать. С доброй вестью не тянут. При первой же возможности, когда мистер Эванс в одиночестве сидел в гостиной за едой, а остальные пили чай на кухне, она выложила ему все, что ее просили передать.

— Мистер Эванс, я должна сказать вам нечто важное,— начала она и заговорила быстро-быстро, чтобы он не остановил ее, сказав: «Убирайся, я занят едой».

Она передала ему слово в слово то, что сказала миссис Готобед, и затем объяснила, что, по ее мнению, она имела в виду. Выкатив глаза, мистер Эванс молча слушал ее, а поскольку он продолжал молчать, то, завершив свою тираду, она решила, что он просто ее не понял.

— Она не забыла вас и хотела, чтобы вы об этом знали. Я не сразу сообразила, что она имела в виду, когда сказала, что чужие порой ближе родных, но теперь знаю. Она говорила о Хепзебе и мистере Джонни. Объяснила, что обязана дать им возможность и потом жить в ее доме, потому что им больше некуда деться, ведь мистер Джонни с таким трудом привыкает к людям. И она, конечно, была уверена, что вы не будете возражать. Она, наверное, знала, что, раз, по-вашему, гордиться нужно лишь тем, что достается тяжким трудом, вы не захотите, чтобы она оставила дом вам одному. Она не хотела,

чтобы вы подумали, что она вас забыла, или что она злопамятная, или...

— Так я и знал,— заявил он, вытаращив глаза — вот-вот они вылезут из орбит.— Так я и знал.

— Конечно, знали,— согласилась Кэрри.— И я бы знала, если бы речь шла о нас с Ником. Даже если бы мы не видели друг друга сто лет, я бы не сомневалась, что он меня любит, ведь я его сестра. Но мне все равно было бы приятно лишний раз узнать, что он помнил обо мне, хотя в то же время я не могла бы не испытывать грусть.

— Грусть? — удивленно переспросил мистер Эванс.— Грусть? — повторил он, словно это было никогда не слышанное им новое слово.

— По-хорошему, конечно,— добавила Кэрри.

Он ничего не сказал. Тишина росла. Кэрри пыталась придумать, как бы ее парушить.

— Я хочу сказать,— наконец медленно начала она,— что оглядываться на прошлое всегда немного грустно, даже если помнятся счастливые минуты, ибо прошлого не вернешь. Как, например, если бы Ник умер, я бы вспоминала, что мы делали в этом году. Как мы жили здесь с вами и тетей Лу, ходили в Долину друидов, складывали там сено и слушали Хепзебины истории. Только, конечно, я плохо представляю себе, как Ник умрет...

Но когда она представила себе, что Ник умер, а она сама осталась одна, без него, глаза ее наполнились слезами. Мистер Эванс встал, лицо его колыхалось перед нею.

— Хепзеба, Хепзеба! Только и слышу о Хепзебе! Значит, она и до тебя тоже добралась? Околдовала тебя своей ложью и притворством, как и мою бедную сестру?

И, оттолкнув ее, убежал из комнаты.

— Луиза! Луиза! — заревел он, врываясь в кухню.

Когда он выскочил из-за стола, он опрокинул кувшин с водой. Кэрри попыталась промокнуть образовавшуюся лужу концом скатерти и подложить под нее салфетку, чтобы вода не испортила полировку, но руки у нее дрожали, и она начала плакать. Все получилось не так, как надо, но почему, она не знала. Мистер Эванс непонятно по какой причине рассердился. Она так старалась объяснить ему...

— Что ты наделала? — вдруг спросил Ник.

— Это не я,— всхлипнула она.— Это он. Он опрокинул кувшин.

— Я не об этом тебя спрашиваю, ты, полоумная идиотка! Послушай, что он говорит. Это ты его надоумила?

— ...говорил тебе, что будет, а? — кричал он на тетю Лу в кухне.— Говорил тебе, что она своего не упустит, но ты меня не слушала! «Мисс Грин это, мисс Грин то!.. Она так добра к бедняжке Диллис!» Добра! Она знала, что делает, эта пригретая на груди змея! А теперь, наверное, радуется, что одержала победу, лишив меня моих законных прав и обрета недурной кров до конца дней своих! Нет, не будет этого, я не позволю. Даже если мне придется таскать ее по всем судам в Англии...

Ник приоткрыл дверь в гостиную.

— Что ты ему сказала, Кэрри? — полуиспуганно, полувозбужденно прошептал он.

— Ничего плохого, по-моему.— Она промокнула глаза концом скатерти, но скатерть была мокрая.— Я просто передала ему все то, о чем просила меня миссис Готобед. Я думала, он обрадуется. Может, он бы и обрадовался, если бы я все объяснила как следует. Но я старалась. Я даже сказала ему, какие чувства испытывала бы я сама, если бы на их месте были мы с тобой, если бы мы поссорились и ты бы умер...

— Ненормальная! — гаркнул на нее Ник.— Ненормальная! Тебя бы надо посадить под замок!

— Я только пыталась поставить себя на его место,— объяснила Кэрри.— Мне было так его жалко!

— Ты совсем спятила! — убежденно констатировал Ник.

ГЛАВА 11

Мистер Эванс рвал и метал, но гнев его обычно угасал быстро. Ник и Кэрри давно научились довольно точно определять, когда он успокаивается. Они пошли погулять на полчаса, а когда вернулись, он уже сидел в кухне и читал газету. Вид у него был задумчивый, отчего Кэрри снова запервничала, но он сказал только:

— Я тебе весьма признателен, Кэрри. Чего только не узнаешь из уст несмышлениша!

Замечание это было малопонятным, но, поскольку оно было высказано добродушным тоном, Кэрри облегченно вздохнула: по крайней мере, на нее он не сердится!

Но он сердился на Хепзебу, и, думая об этом и в тот вечер, когда она лежала в постели без сна, и во время занятий в школе, Кэрри решила, что должна ее предупредить. Альберт сказал, что мистер Эванс взбесится, когда узнает о завещании, оставленном миссис Готобед. И Альберт оказался прав. Мистер Эванс действительно разозлился, но не на миссис Готобед, а на Хепзебу, потому что она, мол, «лишила его его законных прав». Он кричал, что затаскает ее по судам, что звучало очень грозно. И если он в самом деле причинит Хепзебе неприятности, то виновата будет она, Кэрри, хотя она вовсе не хотела накликать беду, а лишь выполнила данное ей поручение. Но когда она думала об этом, перед ее глазами вставала странная картина: будто бы она, ни о чем не подозревая, снимает крышку с какого-то ящика, а оттуда вылезает что-то черное и бесформенное...

Весь день ее преследовало это видение, и только занятия кончились, как она уже бежала вдоль железнодорожной линии, и ей казалось, что и здесь за ней гонится черное крылатое существо. Она бежала быстрее и быстрее, боясь оглянуться, но в сердце ее теплилась надежда: как только она добежит до кухни Хепзебы, она будет вне опасности.

Но мистер Эванс уже побывал там до нес...

Она сразу это поняла. Хотя с виду ничего вроде не изменилось — на одном конце стола сидел за книгами Альберт, а на другом Хепзеба делала яблочный пирог, тыкая вилкой в тесто, чтобы по краю получилась оборочка, — тем не менее ощущение было такое, словно погас свет. Потемнело в кухне, потухли их лица...

— У нас сегодня был посетитель, Кэрри, — сказал Альберт. Он сидел с каменным лицом, и она поняла, что он считает ее виноватой...

— Что удивительного в том, что он захотел прийти и попрощаться с сестрой? — спросила Хепзеба.

— Он приходил рыться в ее вещах, — возразил Альберт.

— Он ее ближайший родственник, Альберт, — вздохнула Хепзеба. — Он имеет право здесь распоряжаться.

— И приказать тебе убираться отсюда? — спросил Альберт ледяным тоном. — На это он тоже имеет право?

— Он предупредил меня за месяц — какие могут быть претензии? — спокойно рассудила Хепзеба. — За

это время я, может быть, что-нибудь найду. Думаю, это будет не очень трудно, на фермах не хватает рабочих рук, потому что мужчины ушли на войну. Я готова работать за еду и кров, а силы у меня пока есть. И мистер Джонни тоже может работать. Он умеет управляться с коровами и с овцами, особенно во время ягнения.

— Но, Альберт, ты же сказал, что они могут жить здесь! — вскричала Кэрри.

— По-видимому, я ошибся.

— Но ты мне сказал...

— А ты передала ему, да?

— Перестань, Альберт, — остановила его Хепзеба. Она чуть улыбнулась Кэрри. — Завещания не существует, и ничего не поделаешь! Мистер Эванс звонил в банк и ее лондонским адвокатам, и нигде никаких следов. Бедняжка, по всей вероятности, выдавала желаемое за действительное, упокой, господи, ее душу! У нее были добрые намерения, она считала, что завещание составлено, так часто бывает с людьми, которых мучают боли. Винить ее нельзя.

— Я ее и не виню, — упорствовал Альберт.

Хепзеба поглядела на них, потом поставила яблочный пирог в духовку, захлопнув дверцу с такой силой, что несколько угольков выпало на решетку. Она подобрала их, поправила огонь и сказала:

— Даю вам время помириться, пока пирог в духовке. Иначе я с вами поговорю как следует. Нынче у меня терпение кончилось.

Альберт встал, показав головой на дверь.

— Пойдем. Делай, что она велит.

Они вышли из кухни и, миновав холл, поднялись наверх по натертой до блеска лестнице. На площадке одна дверь была полуоткрыта, и Кэрри увидела застеленную шелковым покрывалом кровать и задернутые шелковыми занавесями окна. Спальня миссис Готобед!

Она замерла, сердце ее стучало.

— Она там?

На лице Альберта было написано презрение.

— Ничего бы с тобой не случилось, если бы и была, но ее там нет. Она внизу, в гробу. Я вовсе не собирался тебе ее показывать.

Он распахнул дверь настежь. В большой сумрачной комнате пахло розами. На столе стоял большой букет, который отражался, как и она сама, в десятках зеркал.

Они покрывали все стены. И когда Альберт открыл дверцы гардероба, чтобы показать ей туалеты миссис Готтобед, вся комната превратилась в раду из красок.

— Ее платья,— прошептал Альберт.— Все ее платья.

— Двадцать девять,— сказала Кэрри.— По платью в год, пока был жив ее муж.

Альберт удивленно замигал, потом пришел в себя и заговорил, еле сдерживаясь от гнева:

— Твой мистер Эванс! Знаешь, что он сделал? Он поднялся сюда, пересмотрел их все, пересчитал и переписал. А потом сказал Хепзебе, что она будет отвечать, если хоть одно пропадет. Как будто она способна украть! Хепзеба не сказала, что он еще ей наговорил, но я уверен, именно из-за того, что она молчит, ничего приятного он ей не сказал. А ты как думаешь?

Кэрри согласно кивнула головой. «Змея, пригретая на груди». Неужели он сказал это Хепзебе прямо в лицо?

— И лазил здесь по всем ящикам,— добавил Альберт.— Рылся в шкатулке с драгоценностями.

Шкатулка была тут же на туалетном столе, среди флаконов с серебряными крышками. Блестящий ящичек черного дерева, крышка его была откинута, дно выложено голубым бархатом. Камни сверкали и блестили.

Альберт нахмурился. Потом выпрямился и замер, тяжело дыша, словно закаляя себя на подвиг. Кэрри смотрела на него во все глаза, но он ничего особенного не совершил, только вытащил из шкатулки ее бархатное дно. Под ним оказалось углубление, в котором лежала нитка жемчуга.

— Так,— медленно сказал Альберт.— Только случайно, по-моему...

— Что случайно? — спросила Кэрри, но не успел Альберт ответить, как в дверях появился мистер Джонни.

— Кулдык-кулдык, кулдык-кулдык...— Он суетливо вбежал в комнату и бросился к ним, просительно заглядывая в их лица.— Кулдык-кулдык...— Он говорил совсем не так, как обычно, когда хотел лишь поддержать разговор. Он старался им что-то сказать.

Альберт пытливо смотрел на него. Потом сказал настойчиво:

— Еще раз, мистер Джонни. Постарайтесь сказать как следует.

Мистер Джонни перестал улыбаться, поджал губы, и лицо его исказилось от напряжения. Он разразился потоком неразборчивых слов.

Альберт вздохнул.

Мистер Джонни напряженно следил за его лицом, снова что-то кулдыкнул, потом возбужденно засмеялся, опустил руку в шкатулку с драгоценностями, вынул ее и дотронулся до нагрудного кармана. И, склонив голову набок, выжидательно посмотрел на Альберта, как собака в надежде на лакомый кусочек.

— Интересно,— пробормотал Альберт.

— Так делает мистер Эванс! — догадалась Кэрри.— У него плохо пригнана вставная челюсть. Ник говорит, что ему жалко денег заказать новую.

— Именно! — подхватил Альберт.— Мистер Эванс, когда поднимался сюда, что-то взял из шкатулки. Это вы хотите сказать, мистер Джонни?

Но мистер Джонни только рассмеялся. Ему уже надоела эта игра. Он обошел комнату, разглядывая себя в зеркалах, гримасничая и ухмыляясь.

— Он видел, я уверен, как мистер Эванс вынул из шкатулки конверт. Я помню, в ней был конверт, когда миссис Готобед смотрела, идет ли жемчуг к платью. Коричневый конверт. Я точно видел его, он и сейчас у меня перед глазами. Тогда я не обратил особого внимания, мне было ни к чему. И только когда Хепзеба сказала, что завешания нигде нет, мне пришло в голову, что завешание могло быть именно в этом конверте.

— Но ведь завешания нет,— робко возразила Кэрри.— Мистер Эванс наводил справки у адвоката.

— В Лондоне,— добавил Альберт, потом снял очки, протер стекла носовым платком и надел очки снова на нос с таким видом, будто чистые стекла помогают ему правильно мыслить. И тихо продолжал, словно разговаривая сам с собой: — Предположим, она обратилась в местную контору с просьбой составить для нее завешание и решила хранить его у себя в доме. Чтобы время от времени просматривать: вдруг захочется что-нибудь изменить — старые люди любят это делать. Хепзеба говорит, что знала одну старуху, которая составила, как она сама выражалась, свой «посмертный список». Там она перечислила всех своих родственников и рядом с каждым поставила сумму, которую собиралась оставить, но если

кто-нибудь из них надоедал ей еще при жизни, она их просто вычеркивала из списка.

— Что за нелепая мысль! — возмутилась Кэрри. — Но какое это имеет отношение к тому, о чем мы говорим? Даже если миссис Готобед и составила завещание, мистер Эванс ни за что бы его не взял. Зачем оно ему?

— Дай мне силы, господи! — возвел глаза к небу Альберт. — До чего же ты наивная, Кэрри! Если человек умирает, не оставив завещания, то есть не распорядившись своим имуществом, тогда оно переходит к его ближайшим родственникам, в этом случае — к мистеру Эвансу и тете Лу. Им достается дом, драгоценности и платья. А Хепзеба лишается всего, в том числе и права жить в этом доме. Поэтому, чтобы избавиться от Хепзебы, мистеру Эвансу требовалось только одно: утащить завещание и уничтожить его.

— Но это же нечестно! — вскричала Кэрри.

— Наконец-то догадалась!

— Не могу поверить, что он это сделал. Просто не могу поверить.

Альберт только снисходительно усмехнулся, и она рассердилась.

— Если ты уверен, что он это сделал, то можно ведь что-то предпринять, мистер Умник! Например, кому-нибудь сказать...

— Да? — сказал Альберт. — Кто меня послушает? Кто поверит нам, четырнадцатилетнему мальчишке, которому кажется, что он видел в шкатулке конверт, и слабоумному, который не может даже изложить на словах, очевидцем чего ему довелось стать?

Кэрри была так потрясена тем, что Альберт назвал мистера Джонни слабоумным, что утратила дар речи и только смотрела на него во все глаза. Альберт опустил глаза и покраснел.

— Какая глупость! — пробормотал он. — Загляни я в шкатулку еще вчера вечером... Нет, если бы даже я и сообразил это сделать, все равно у меня не было никакого права рыться в ее вещах, да еще сразу после смерти! Хепзеба мне бы не разрешила. Она сказала бы, что у меня нет уважения к покойной. — Он глубоко вздохнул и посмотрел на Кэрри. — Хотя все равно рано или поздно я бы посмотрел. Сегодня вечером или завтра. И можно было не спешить, если бы ты не проболталась, после чего этот жуткий тип с ревом явился сюда...

— Как тебе не стыдно! — ахнула Кэрри.

— Правильно, стыдно. Но только здесь не приходится говорить о том, что стыдно и что не стыдно. Если я не совсем справедлив по отношению к тебе, извини, но, по правде говоря, это не имеет значения. Важно другое: Хепзебе придется уехать из Долины друидов. Конечно, она храбрится, говорит, что это пустяки, что она найдет другое место.— Он помолчал, а потом добавил почти шепотом: — Я вернулся сегодня из школы раньше времени, и, когда пришел, она плакала.

— Хепзеба?

— Она сказала, что это из-за лука. Но я видел по ее лицу, что она плакала по-настоящему. От лука глаза только слезятся.

— А что, если ей обратиться к мистеру Эвансу? — предположила Кэрри.— Попросить, чтобы он разрешил ей остаться в доме, ну, пусть не навсегда, но хотя бы до конца войны? — Этот срок показался ей вечностью.

— Она очень гордая,— ответил Альберт.— Кроме того, это, наверное, без толку. Вряд ли он согласится.

— Она может его заколдовать,— сказала Кэрри.

Альберт улыбнулся, но так грустно, что она еще больше расстроилась. Даже если они снова станут друзьями, все равно в глубине его души она останется виноватой. А может, и Хепзеба винит ее...

Альберт остался с мистером Джонни, а она пошла на кухню. Хепзеба штопала носки. Она подняла глаза и улыбнулась.

Кэрри подошла к ней.

— Хепзеба...— начала она.

Она не знала, что сказать, но слова оказались ненужными. Хепзеба посмотрела ей в глаза, и Кэрри почувствовала, что тот твердый, болезненный комок, что подступил к самому горлу, исчезает. Ей сразу стало легко, она заплакала, и Хепзеба, отложив носок в сторону, посадила ее на колени, как раньше сажала Ника.

— Тихо, тихо, мой ягненочек,— сказала она, покачивая ее, а когда Кэрри успокоилась, добавила: — Пирог, наверное, уже почти готов. Я сейчас выну его из духовки, мы все сядем вокруг стола, и я расскажу вам какую-нибудь историю.

И когда пришли Альберт и мистер Джонни, Хепзеба разрешила пирог и рассказала им про большую ярмарку, которая на день святого Михаила ежегодно бывает в той

деревне, где она жила еще девочкой, про расписные повозки цыган, про пожирателя огня, про кабинки, где за шесть пенсов могут выдрать зуб, а чтобы пациент не кричал, ему вставляют в рот медную руку, про двухголового теленка и бородатую женщину и, наконец, про прекрасную карамельщицу.

— Это была красивая, рослая женщина с черными, как ночь, волосами,— говорила Хепзеба.— Такой карамели никто не умел делать. Мы исходили слюной, только глядя, как она ее готовит. Она брала большой кусок патоки, вешала его на гвоздь, а потом, поплевав на руки, вытягивала в длинную нить, гладкую, как стекло...

Мистер Джонни сидел притихший, как всегда, когда она о чем-нибудь рассказывала, следил за ее губами и что-то беззвучно шептал, словно пытаясь ей подражать. Альберт обхватил колени руками и смотрел куда-то вдаль. Нос у него был немного похож на птичий клюв, и в профиль, особенно когда он хмурился или задумывался, он становился похож на молодого ястреба. Кэрри знала, что хотя от голоса Хепзебы он немного успокоился, как и она сама, тем не менее он рассказа не слушает. Прислонившись к коленям Хепзебы, Кэрри следила за Альбертом и старалась угадать, что он замышляет.

ГЛАВА 12

Мистер Эванс и тетя Лу ходили на похороны миссис Готобед. Когда они вернулись, у тети Лу были заплаканные глаза, а мистер Эванс, как ни странно, выглядел почти веселым.

— Что ж, с этим, по крайней мере, покончено,— объявил он и поднялся наверх снять свой парадный костюм.

Пока их не было, Кэрри стояла за прилавком. Она впервые осталась в лавке одна и довольно неплохо справилась с работой, за исключением того, что недодала миссис Причард, жене управляющего шахтой, шесть пенсов. Мистер Эванс тотчас послал ее вернуть монету. Какой бы плохой он ни был, на бегу думала Кэрри, по крайней мере, он честный. Предположение Альберта о том, что он украл завешание миссис Готобед, относилось к числу тех, которые Хепзеба называла «выдумками нашего Умника-Разумника».

Тем не менее мысль об этом не покидала Кэрри. Начались детские каникулы, она проводила много времени

в лавке, помогая мистеру Эвансу, наблюдая за ним и размышляя. Он бывал очень грубым, часто впадал в истовство, но, чтобы сделать то, в чем обвинял его Альберт, он должен был быть человеком нечестным, а такого Кэрри в нем не замечала. Порой он бывал даже щедрым, предоставляя старикам кредит, если к концу недели у них не хватало денег, а один раз послал целый ящик продуктов бесплатно бедной женщине, муж которой умер от воспаления легких.

— Господь велит нам заботиться о вдовах и сиротах,— сказал он.

Хепзеба и мистер Джонни, разумеется, не принадлежали к числу вдов и сирот, думала Кэрри, но мистера Эванса, наверное, можно было бы убедить, что господь велит помогать и таким. Будь она на его месте, она обязательно бы им помогла, но теперь она знала, что от подобных мыслей очень мало толку. Она ведь считала, что он будет рад, когда она передаст ему слова миссис Готобед,— она, во всяком случае, была бы рада,— и ошиблась. Он только рассердился и решил, что лишний раз убедился, как был прав, утверждая, что его сестра находится целиком под влиянием Хепзебы. Что Хепзеба околдовала миссис Готобед...

Неужели мистер Эванс на самом деле считал Хепзебу колдуньей? Люди, которые ходят в церковь, не верят в колдовство, а мистер Эванс был очень набожным человеком. «Интересно, а я верю?» — подумала Кэрри и так и не смогла ответить на этот вопрос. Уж очень ловко Хепзеба со всем управлялась: она превосходно пекла пироги, рассказывала занимательные истории и разводила птицу. Будь она колдуньей, она бы тоже делала это ловко, ей помогало бы умение колдовать. Но в таком случае она сумела бы внушить миссис Готобед мысль составить завещание — и они с мистером Джонни могли бы жить в Долине друидов до конца своих дней...

Однако Альберт не сомневался, что миссис Готобед составила завещание.

От всех этих мыслей голова у Кэрри шла кругом, в ней царил полный сумбур. И она уставала, потому что ночами лежала без сна, все думая и размышляя, а утром сходила вниз такая бледная, что тетя Лу решила пойти в аптеку купить ей какие-нибудь витамины.

— Зря только тратить деньги! — заметил мистер Эванс. — Беда в том, что она сидит дома. Пусть гуляет,

дышит свежим воздухом, и все пройдет! И желудок будет лучше работать...

Какой он грубый и злой, думала Кэрри. Ведь она сидит дома только для того, чтобы помогать ему за прилавком! Такая несправедливость снова дала ей пищу для размышлений. Мистер Эванс был несправедливым человеком. И вообще в жизни мало справедливости. Бедные Хепзеба и мистер Джонни! Бедные они с Ником, вынуждены жить бок о бок с таким грубым, несправедливым человеком, пока не кончится война. А то и еще дольше, всегда...

И вот оказалось, что им не суждено жить с ним даже до конца года. Пришло письмо от мамы, в котором она писала, что больше не работает на «скорой помощи»; заболела ее собственная мама, поэтому она сняла дом под Глазго, чтобы ухаживать за ней и в то же время жить возле порта, куда заходит корабль их отца. Дом небольшой, но в нем есть мансарда, где Ник и Кэрри смогут спать, а неподалеку неплохая школа. Она прислала тете Лу деньги на билеты для них, и через две недели им предстояло отправиться в путь. «Осталось недолго, мои родные,— писала мама.— Я так рада».

Кэрри не могла сказать, рада она сама или нет. Все случилось так внезапно, что у нее даже голова закружилась, как бывает, когда смотришь вниз с обрыва или катаешься на «чертовом колесе».

— Не хочу я в этот противный Глазго,— ворчал Ник.— Не хочу ходить в другую школу. Не хочу уезжать от тети Лу.

К этому времени он и тетя Лу стали закадычными друзьями. Несколько раз, когда Кэрри входила в кухню, она заставляла их вместе: они над чем-то хихикали.

— Это секрет,— заявил Ник, когда она спросила у него, в чем дело.— Ты дружишь с мистером Эвансом. Помогаете ему. А я дружу с тетей Лу.

— Ну и сиди со своим глупым секретом! — в сердцах сказала Кэрри.— Плевать мне на него.

Но почувствовала себя обиженной. И вдруг поняла, что ей даже поговорить не с кем. Ник заявил, что не хочет уезжать от тети Лу, но, как только привык к мысли о предстоящем отъезде, не знал, куда деваться от радости. То и дело распевал песни собственного сочинения о том, как будет жить в Шотландии рядом с мамой, в то

время как Кэрри так и не решила, радоваться ей или огорчаться грядущим переменам.

Она пошла в Долину друидов, но там чувствовала себя какой-то чужой. Хепзеба улыбалась, была, как всегда, радушна, но лицо ее оставалось безжизненным. «Словно скованный льдом пруд»,— пришло Кэрри в голову. Даже мистер Джонни притих: он сидел в углу и не сводил с Хепзебы глаз. И Альберт был необычайно молчалив. Не то чтобы он злился на Кэрри, он просто был занят своими мыслями...

Когда она рассказала им про мамино письмо, он лишь коротко кивнул, словно ее отъезд не имел для него большого значения. После Хепзебы ему тоже придется уехать из Долины друидов, правда, недалеко: он переберется в дом местного священника мистера Моргана.

— Тебе этого хочется? — робко спросила Кэрри, но он лишь пожал плечами.

Поглядев на удрученное лицо Кэрри, Хепзеба сказала:

— Значит, нам всем предстоит сняться с места одновременно! Знаете что? Давайте устроим прощальный вечер! А сейчас, мистер Страдалец и мисс Печаль, извольте переменить выражение лица и отправляйтесь собирать яички, потому что мистер Джонни в данный момент немного не в себе.

— Он не болен, он просто перепугался,— сказал Альберт, когда они вышли во двор.— Ни на минуту не отходит от Хепзебы. Понимать-то он, наверное, не понимает, но чувствует, что наступают перемены.

Он поднял камень и швырнул его в пруд, где когда-то поили лошадей. Они смотрели, как по воде пошли круги...

— Тут глубоко? — спросила Кэрри.

— Дна нет. Да нет, это, конечно, чепуха, дно обязательно должно быть.— Он вздохнул и расправил плечи.— Пошли, а то Хепзеба ждет.

Они собирали яйца. Ничего интересного в этом занятии не было.

— Вся эта птица принадлежит Хепзебе, да? А корова — мистеру Джонни? Что с ними будет?

— Продадут, наверное. Корову, лошадь и гусей, во всяком случае. С одной фермы предложили взять кур, но Хепзебе что-то не хочется иметь с ними дело. Фермер согласен нанять ее, только без мистера Джонни. Он пря-

мо этого не сказал, но дал понять, что мистер Джонни ему нежелателен, потому что может напугать его жену и детей.

— Тогда им незачем идти на эту ферму!

— Смотря какие еще будут предложения. Беднякам выбирать не приходится. И все равно им придется уйти из этого дома.

— Если только...— Кэрри искоса поглядела на него.— Я хотела попросить мистера Эванса позволить им остаться. Но я только хотела, а сделать не сделала, так что толку от этого мало.

— Да, когда доходит до дела...— отозвался Альберт.— Со мной произошло то же самое.

— Ты хочешь сказать, что тоже собирался поговорить с мистером Эвансом?

— Нет. Я решил...— Он взглянул на Кэрри и быстро закончил: — Если я скажу, ты будешь смеяться.

— Не буду,— пообещала Кэрри и вспомнила, что сама как-то сказала ему: «Не смейся». Когда они шли по лесу в ее день рождения. С тех пор, казалось, прошли годы.

Лицо Альберта порозовело и стало серьезным.

— Я пришел к выводу, что никто не имеет права выгонять людей из дома, в котором они прожили много лет, в этом нет никакой логики. Я решил, что на этот счет должен существовать закон и что лучше обратиться к адвокату. Я могу сказать ему, что миссис Готобед оставила завещание, но мы не можем его разыскать. В таком случае адвокату придется начать поиски — не в доме, разумеется, потому что там я уже все обыскал, а в других адвокатских конторах, куда она могла в свое время обратиться. Если она оставила завещание, то оно было зарегистрировано у нотариуса. Вот я и отправился к мистеру Рису. У него контора на площади Павших воинов.

Он замолчал. Кэрри не сводила с него глаз в ожидании.

— Я дошел только до приемной,— вздохнул он.— Просидел там минут десять, а потом сбежал. Я понял, что это бесполезно. Что бы, например, сделала ты, если бы была адвокатом и к тебе явился мальчик и начал бессвязно бормотать про какое-то пропавшее завещание, словно в сказке для детей? Я прямо услышал, как мистер Рис скажет: «Беги, мальчик, отсюда, твое место за

учебниками!» И даже если бы этого не случилось, даже если бы он выслушал меня и пообещал принять меры, все равно толку было бы мало, потому что Хепзеба ни за что не согласилась бы принять в этом участие. Ты можешь представить себе, что Хепзеба обратится в суд?

— «Я не останусь там, где во мне не нуждаются, поэтому забудь об этом!» — передразнила Кэрри решительную манеру Хепзебы, и Альберт усмехнулся. — Все равно, если бы я уже добралась до присмной, я бы с ним поговорила, — заключила Кэрри.

— Возможно, — согласился Альберт. — Но то ты, а то я. Ты, по-моему, если что-нибудь решишь, то обязательно это сделаешь. А я не такой. Я начинаю думать, а есть ли смысл это делать, и тому подобное. Будь со мной ты, может, я бы и не испугался и довел бы дело до конца. Но ты никогда не верила в существование завещания, правда? Поэтому я и не позвал тебя...

— Это подло! — возмутилась Кэрри. — Как тебе не стыдно, Альберт Сэндвич!

На лице его был написан стыд.

— Да, — кивнул он. — А сейчас я ищу оправдания. И выбрал для разговора тебя, потому что ты не так труслива, как я. Только из-за трусости я и убежал из приемной адвоката! Боялся, что он будет надо мной смеяться.

У него был такой несчастный вид.

— Ты вовсе не трус, дурачок! — великодушно заметила Кэрри.

— Нет, трус!

— Нет, не трус. Ты просто... просто слишком умный, чтобы пускаться в авантюру сломя голову.

Альберт застонал и закрыл глаза.

— Как я ненавижу себя! — Потом открыл глаза и со злостью пнул кусок сухой земли так, что он, перелетев через весь двор, гулко ударился о стенку конюшни. — Нет, неправда, что я ненавижу себя, — сказал он. — Какой в этом смысл? Но я знаю себе цену и знаю, что она не очень высока. Я не глупый, но и не очень смелый. — Он взглянул на нее и вдруг усмехнулся: — Но с этим, наверное, надо примириться.

Кэрри думала над тем, что бы сказать ему в утешение.

— Будь ты смелым, толку все равно было бы мало. Мистер Рис вряд ли прислушался бы к твоим словам. Взрослые слушают только взрослых.

— Взрослым быть хорошо,— рассудил Альберт.— А вот ребенком — очень трудно. Ты имеешь право только стоять и смотреть, а действовать нельзя. Как нельзя и помешать тому, что тебе не по душе. Будь я взрослым, я бы не дал выселить Хепзебу. Я бы купил Долину друидов, и мы все жили бы вместе. И вы с Ником тоже. Хотя вы, наверное, предпочитаете уехать в Шотландию и быть рядом с мамой.

— Не особенно,— отозвалась Кэрри.— То есть, конечно, я хочу поехать, но с другой стороны, лучше бы остаться здесь. Хорошо бы можно было раздвоиться. Я чувствую, что душа у меня давно раздвоилась.

ГЛАВА 13

Дни летели как на крыльях. Поначалу казалось, что две недели — это очень долго, а потом выяснилось, что еще много-много предстоит сделать. В последний раз.

Ник придумал кучу песен про этот «последний раз». В последний раз надо съехать с кучи шлака, стукнувшись головой о железный лист и ободрав колено. В последний раз сходить в часовню. В последний раз устроить запруду в ручье, что бежал по краю сада.

Он так радовался, что Кэрри боялась, не обиделась бы тетя Лу, но та, по-видимому, не обижалась. Она подпевала Нику, ходила с таким же блаженным, как он, лицом и сияющими глазами и смеялась по каждому пустику.

Только мистер Эванс, казалось, разделял охватившее Кэрри странное чувство тоски.

— Мне будет очень не хватать моей помощницы,— не раз говорил он.— Ты вправду помогала мне, Кэрри.

И всякий раз, когда Кэрри слышала эти лестные для нее слова, ей становилось все более и более тоскливо.

И наконец последний день...

Накануне вечером упаковали чемоданы, и теперь они стояли в ожидании своих хозяев. Тетя Лу перестирала всю их одежду, заштопала все дырки. А под котел положила побольше угля, чтобы они могли в последний раз как следует помыться.

— Завтра днем мы устроим пикник,— сказал мистер Эванс.

Кэрри с Ником не поверили собственным ушам. Ник даже захихикал от удовольствия. И заткнул себе рот рукой, когда тетя Лу взглядом велела ему быть осторожней.

Кэрри решила, что мистер Эванс затеял этот пикник отчасти для того, чтобы помешать их прощальному вечеру в Долине друидов. Когда она рассказала мистеру Эвансу про вечер, он почему-то совсем притих, а затем, как раз когда они собирались купаться, предложил устроить пикник.

— В последний раз,— тоже сказал он.

Тетя Лу положила в корзинку копченые колбаски, сэндвичи с сыром и твердые зеленые помидоры. Непривычно было видеть, как мистер Эванс в самый разгар дня закрыл свою лавку и отправился в горы, словно самый простой смертный. Он быстро вспотел, потому что не привык лазить по горам.

— Я часто бывал здесь мальчишкой,— говорил он, промокая платком лоб.— С той поры подъем стал, по моему, куда круче!

Пока тетя Лу раскладывала еду, он, усевшись на плоском камне, рассказывал про прежние времена.

— Когда я был молодым, а ваша тетя еще совсем малышкой, я часто приносил ее сюда, усаживал на траву, велел не двигаться с места, пока сам ловил форель вон в том ручье. Ты помнишь это, сестра?

Тетя Лу кивнула головой и почему-то покраснела. Она вообще была непривычно молчалива и в каком-то странном состоянии духа, которое вместе с тем никак нельзя было назвать дурным. Пока они ели, она сидела и задумчивым взглядом смотрела куда-то вдаль, а на ее лице играла загадочная улыбка. Рокотал голос мистера Эванса, повествующего о том, что он делал, когда был мальчиком,— главным образом подрабатывал в свободное от занятий время, чтобы помочь своей бедной маме. И хотя тетя Лу, казалось, слушала его, она, по-видимому, ничего не слышала. Словно у нее в голове шла куда более интересная беседа, решила Кэрри.

Как только с едой было покончено, мистер Эванс заторопился обратно в лавку.

— Скорей, Ник, помоги тете Лу сложить все в корзинку, давай-ка побыстрей! Некоторым из нас приходится зарабатывать себе на жизнь, и я бы сроду ничего не добился, если бы двигался с такой скоростью, как вы!

И когда они вернулись домой, он со вздохом облегчения надел свою рабочую куртку, сказав:

— Что ж, с этим, по крайней мере, покончено.

— Спасибо, мистер Эванс,— почтительно поблагодарил его Ник.

— Чудесный был пикник,— добавила Кэрри.

— Рад, что вам понравилось,— отозвался мистер Эванс, так выделив слово «вам», будто ему их общая прогулка вовсе не пришлась по душе, но вид у него был довольный. И какой-то странно смущенный. Он вынул из кармана две коробочки.— Пожалуй, сейчас самое время для подарков, а? У меня сегодня вечером заседание муниципального совета, и, когда я вернусь, вы, наверное, будете крепко спать.

Никун достался нож, чудесный нож в футляре из зеленой кожи, а Кэрри — колечко. Из настоящего золота, с темно-красным камешком.

— Вот это да! — пришел в восторг Ник. — Мне всю жизнь хотелось иметь нож в футляре. Перочинный нож, который вы мне подарили на рождество, тоже был очень хороший; но он плохо резал. Я хотел вот такой, как этот. Ну и красота!

— Береги его,— посоветовал мистер Эванс и посмотрел на Кэрри.

— Кольцо замечательное,— сказала она. Ей хотелось поблагодарить его, но в горле у нее появился комок.

Мистер Эванс, однако, понял, что она испытывает.

— Рад, что оно тебе нравится. На память от меня и тети Лу!

Тетю Лу поблагодарить было куда легче.

— Большое спасибо,— сказала Кэрри.

Тетя Лу вспыхнула и заулыбалась. В глазах у нее стояли слезы, и, когда она прошла на кухню, она обняла их обоих и поцеловала.

— Я была счастлива с вами,— сказала она. — С вами в этом доме появилась жизнь, впервые я ее почувствовала!

Ник обхватил ее за шею.

— До свидания, тетя Лу. Я очень вас люблю. — Он так прижался к ней, что она охнула, и так долго не отпускал ее, что Кэрри встревожилась.

— Отпусти тетю Лу,— велела она. — Еще успеешь с ней попрощаться. Ты же не в последний раз ее видишь.

— В последний раз идем вдоль железной дороги,—
пел Ник.— В последний раз идем по насыпи, потому что
завтра мы сядем в поезд, пуф-пуф, сядем в поезд и ту-ту...

— Пожалуйста, помолчи,— попросила Кэрри.

Ник скорчил гримасу и пошел рядом с ней.

— А Глазго бомбят? — спросил он.— Наш поезд бу-
дут бомбить?

— Конечно, нет,— ответила Кэрри и подумала о том,
что целый год они прожили в безопасности, далеко от
бомбежек и войны, которая шла где-то над их голова-
ми, как разговор взрослых, когда она была еще слишком
мала, чтобы вслушиваться.

— Не бойся, Ник,— сказала она.— Мама не послала
бы за нами, если бы там не было безопасно. И кроме то-
го, я всегда буду рядом.

— А я не боюсь! Мне бы хотелось попасть под бом-
бежку, вот было бы здорово! — И он опять принялся
петь:— Бомба падает — бух, пулемет строчит — так-
так-так...— Раскинув руки, он превратился в самолет,
который летит низко, стреляя из пулеметов.

— Замолчи, кровожадный мальчишка! — рассерди-
лась Кэрри.— Ты все портишь. Пусть этот «последний
раз» пройдет в тишине и мире!

Прощальный ужин был накрыт в кухне у Хепзебы:
холодная курица с салатом, пирог с сыром и луком и це-
лое блюдо густо намазанных маслом медовых лепешек.
В плите полыхал огонь — можно было заживо изжа-
риться, если подойти близко. Черный ход был открыт,
чтобы из кухни уходил чад, и то и дело у стола появля-
лись куры, клевали крошки и сонно кудахтали.

Ник ел так, будто голодал целую неделю, а Кэрри
почти ни к чему не притронулась. Как все замечательно:
и пикник, и то, что мистер Эванс стал добрым, и колеч-
ко, и нож, и, наконец, этот последний чудесный ужин,
когда за столом сидят все, кого она любит. Она была так
переполнена радостью и грустью, что была не в силах
съесть даже одну медовую лепешку.

Хепзеба тоже ела мало. Раза два их взгляды встрети-
лись, и Хепзеба улыбнулась, словно давая понять, что
испытывает такие же чувства. Отрезав Нику четвертую
порцию пирога, она заметила:

— Ну и парень! Он, наверное, явившись и на тот свет, первое, что спросит: «А где мой завтрак?»

— Мама говорит, что не знает, куда все это девается, такой он худой,— сказала Кэрри и, как только произнесла эти слова, вспомнила, что прежде никогда не рассказывала им про маму.

— А какая у вас мама? — полюбопытствовал Альберт.

— Она довольно высокая,— начала Кэрри и тут же замолчала. И не потому, что не помнила, а потому что давно не видела маму. И ей вдруг показалось странным, что завтра в эту пору они будут ехать в Шотландию, где их ждет мама. «А вдруг я не узнаю ее или она не узнает меня?» — подумала она и почувствовала, как залилось краской ее лицо.

— У нес такие же синие глаза, как у меня,— сказал Ник.— Ярко-синие. За это наш папа и женился на ней, ведь он служит в военно-морском флоте. Но она не такая красивая, как Хепзеба. И так вкусно готовить она не умеет. Я такого пирога с сыром и луком в жизни не ел, а я люблю его больше всего на свете.

— Но больше, мистер Обжора, ты его не получишь,— сказала Хепзеба.— Ни единой крошки, иначе завтра в поезде тебя стошнит.

— Его вырвало, когда мы ехали сюда,— сказала Кэрри.

— Неправда!

— Нет, правда! И ты сам был виноват, потому что лопал все подряд, как поросенок, и съел весь мой шоколад.

— Сама ты хрюшка!

— Тссс. Тчтч...— сказал мистер Джонни.

Весь день он не проронил ни слова. В самый разгар чаепития он поднялся из-за стола и пересел на стул возле двери. У него был унылый и встревоженный вид.

— Правильно, мистер Джонни,— подтвердила Хепзеба.— Тише вы, оба.

— Я замолчу, если вы расскажете нам какую-нибудь историю.— Ник подошел к Хепзебе и прислонился к ее коленям.— Я устал от еды,— пожаловался он,— и хочу посидеть у вас на коленях, пока вы будете рассказывать.

Сделав вид, что он очень тяжелый, Хепзеба даже застонала, когда подняла его.

— Какую же сказку хочет услышать наш большой малыш? Ты ведь уже все их слышал.

Ник вздохнул и устроился поудобнее.

— Про бедного африканского мальчика.

— Что это ты вспомнил такую глупую историю?

— У мистера Джонни в руках череп,— объяснил Альберт.

Мистер Джонни положил череп к себе на колени и левой рукой ласково гладил его. Кэрри часто видела, как он сидел вот так же и гладил примостившуюся у него на коленях курицу.

— Сейчас же положите череп на место, мистер Джонни! — сказала Хепзеба.

Кэрри и Ник у еще ни разу не приходилось слышать, чтобы она так резко с ним разговаривала. Они во все глаза смотрели на Хепзебу.

— Череп тут ни при чем,— устало объяснила она.— Просто в последнее время он выводит меня из себя, хватая все, что попадется под руку, а потом бросает где попало. Сегодня утром, например, он вынес во двор все серебряные ложки.

— Потому что ты их только почистила,— сказал Альберт.— Ему и понравилось, что они так блестят. Ты ведь знаешь, он как сорока. И потом он просто раскладывал их на земле, и все, раньше ты его за это никогда не ругала.

— Сейчас многое изменилось,— заметила Хепзеба.— И мне бы не хотелось, чтобы мистер Эванс обнаружил, что чего-то не хватает.

— Вряд ли его заинтересует старый череп,— сказал Альберт, но тем не менее подошел к мистеру Джонни и протянул руку.— Дайте мне, пожалуйста.

Мистер Джонни, бросив на него сердитый взгляд, прикрыл череп руками.

— Ты неправильно просишь, Альберт,— вмешался Ник.— Так он только злится.— Он сполз с колен Хепзебы.— Посмотрите, мистер Джонни, что у меня есть! Какой нож! Острый как бритва, настоящий охотничий нож, и, если вы не будете вытаскивать его из футляра, можете поддержать. Только сначала дайте мне череп.

Мистер Джонни посмотрел на Ника, рассмеялся и отдал череп. Ник за спиной передал его Кэрри и продолжал говорить, ласково обращаясь к мистеру Джонни:

— Потрогайте футляр. Правда, он красивый и гладкий? Вот какой у меня нож! Мистер Эванс подарил его мне, а Кэрри — кольцо. Хотите, Кэрри вам покажет?

Но мистер Джонни был слишком занят ножом: он водил пальцем по вытисненному на коже рисунку.

— Кэрри, покажи мне, — попросила Хепзеба.

Кэрри не собиралась показывать кольцо — вдруг Хепзеба решит, что тоже обязана подарить им что-нибудь на прощание? — но сейчас уже было поздно. Она положила череп на стол, вынула кольцо из кармана и надела его на палец.

Хепзеба взяла ее руку и склонилась над ней. Камешек красной звездочкой сверкал в свете огня, и Кэрри вдруг вспомнилось, как они с миссис Готобед пили чай у нее в комнате, и огонь в камине играл на кольцах, когда она разглаживала шелк платья.

И из-за того, что она вспомнила об этом, слова Альберта «Это ее кольцо, правда?» не очень ее удивили. Она только чуть вздрогнула, как бывает, когда сбывается наконец то, чего ждешь в глубине души.

Пальцы Хепзебы чуть сжали его руку.

— Да, очень похоже, — неохотно подтвердила она и взглянула на Кэрри почти виноватым взглядом.

— Ес кольцо! — не сдавался Альберт. — Ес гранатовое кольцо. То, которое она больше всего любила.

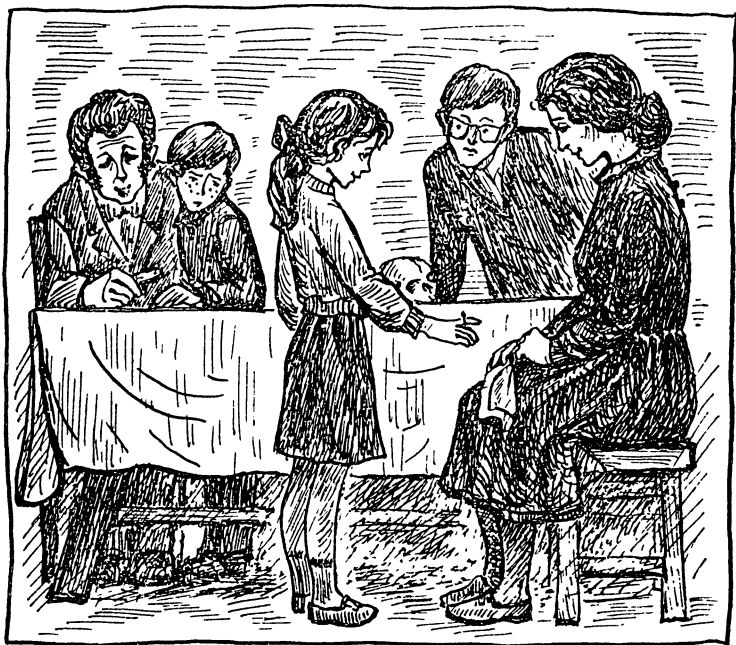
Кэрри замерла. В ушах у нее стучало.

— Ладно, Альберт, — сказала Хепзеба. — Даже если это ее кольцо, все равно теперь оно принадлежит мистеру Эвансу.

— Он его украл, — заявил Альберт.

— Разве можно красть то, что тебе принадлежит? Кольца его сестры теперь принадлежат ему, и он может хранить их или дарить, как хочет. — Хепзеба улыбнулась Кэрри. — Я рада, что оно попало к тебе. И миссис Готобед была бы рада. Поэтому не обращай внимания на всякую чепуху, которую несет Альберт.

— Это не чепуха, — упорствовал Альберт. — Хорошо, если тебе не нравится слово «украл», пусть будет «взял». Взял, не сказав никому ни слова. А он не имел права этого делать, пока вопрос о завещании не будет окончательно улажен. Таков закон, Хепзеба! Я вычитал про это в библиотеке. — Он посмотрел на Кэрри, и глаза его блеснули злорадством. — И если он взял кольцо, значит, мог взять и еще что-нибудь, так?

— Хватит, мистер Краснобай,— остановила его Хепзеба.

— А что такое краснобай? — поднял глаза Ник.

— Тот, кто ради красного словца не пожалеет ни матери, ни отца. Ладно, будете вы слушать мой рассказ или нет? Мне все равно, но время идет, а ваша тетя, наверное, просила, чтобы вы вернулись пораньше, раз вам завтра вставать ни свет ни заря.

— Только я сначала отнесу череп на место,— медленно сказала Кэрри.— В библиотеку.

Ей хотелось хоть на минуту остаться одной, подальше от мягкосердечности Хепзебы и злорадного взгляда Альберта. Конечно, он с самого начала был прав! Миссис Готобед оставила завешание, а мистер Эванс его украл. Украл, потому что был подлым и жадным. Он хотел, чтобы Долина друидов принадлежала ему, а судьба Хепзебы и мистера Джонни его не волновала. Вот это было самое подлое, хуже, чем кража кольца или завешания. Ничья участь его не волновала. Он выгонит Хепзебу, а сам будет жить здесь, не имея на то никаких прав...

Кэрри чувствовала, что задыхается. Окно в библиотеке было открыто, и она подошла к нему, жадно глотая воздух. Вечерний ветерок освежил ее лицо и покрыл рябью пруд во дворе. «Пруд бездонный»,— сказал Альберт, когда бросил в него камень.

Мысли Кэрри, как кусочки головоломки, кружились у нее в голове. Отдельные кусочки, но, когда правильно их складываешь, получается целая картинка. Альберт бросает камень, и тот уходит под воду. Бомбы падают на города, дома рушатся, как замки, сделанные из песка. Страшно даже подумать об этом. «Разрушаются стены, если череп покинет этот дом»,— сказал африканский мальчик, заколдовав Долину друидов. Череп вынесли из дома один раз, и сейчас же разбились зеркала и посуда. Затем его принесли обратно, и с тех пор дом стоит целый и невредимый, чтобы теперь в нем поселился мистер Эванс с его подлостью и жадностью. Но пруд бездонный...

Кэрри подняла руку и изо всех сил швырнула череп. Описав высокую дугу, он шлепнулся прямо в пруд. Побежали круги, и все...

Она стояла, глядя на пруд, на темный лес, на склон горы. И вся дрожала.

— Что ты здесь делаешь? — спросил Альберт от двери.— Хепзеба ждет.

Его послали, чтобы ее утешить?

— Ничего,— ответила Кэрри.— Иду.

Она повернулась к нему лицом и увидела, как сверкнули в сумраке его очки.

— Знаешь,— неловко начал он,— Хепзеба нашла себе место. Одному фермеру нужна домоправительница, и он согласен взять ее вместе с мистером Джонни. Ферма эта стоит на возвышенности, деревьев там, к сожалению, мало, но зато место уединенное, а это для него самое главное. Ему там будет хорошо.

— Да,— согласилась Кэрри без особого энтузиазма.

— Поэтому, можно сказать, все хорошо, что хорошо кончается,— заключил Альберт.

— Ты в это веришь? — спросила Кэрри.

— Не знаю.— Ему явно было не по себе, и она вдруг испугалась. Неужто он видел, что она натворила? Но он лишь сказал: — Будем друзьями, Кэрри.

На это ответить было нетрудно:

— А разве мы не друзья, Альберт?

Конечно, друзья, и они обещали писать друг другу.

— Ты должна написать первая,— сказал Альберт.— На адрес мистера Моргана.

Кэрри засмеялась, но он был настроен серьезно.

— Я не буду тебе писать, пока не получу письма. И если ты не напишешь, я пойму.

— Что поймешь? — спросила Кэрри, но он лишь сделал гримасу и ничего не ответил.

Им, казалось, овладела какая-то странная застенчивость. Когда они пошли домой, он не предложил проводить их, но Кэрри не обиделась. От волнения ей было трудно разговаривать.

— Мистер Джонни проводит вас до насыпи,— предложила Хепзеба, но Кэрри помотала головой.

— Не нужно. Я больше не боюсь.

Она не боялась даже в самой гуще леса, среди темных тисов, даже когда раздался тот тихий, мягкий вздох, который она слышала, когда шла по этой дороге впервые. Словно кто-то возится и дышит...

Ник шел на несколько шагов впереди. Кэрри замерла и прислушалась, но ей не было страшно. Теперь этот звук успокаивал, словно лес стал ее другом.

Они бежали вдоль железной дороги.

— Мы опаздываем,— задыхнулась Кэрри.— Хорошо бы, тетя Лу не сердилась на нас.

— Не будет,— отозвался Ник. Лукаво прищутив глаза, он искоса взглянул на Кэрри и захихикал.

— Не понимаю, что здесь смешного,— заметила Кэрри, и тогда он так расхохотался, что не мог дальше бежать. Он согнулся и, схватившись за живот, все хохотал и хохотал.

— Перестань, пожалуйста! — крикнула Кэрри.— Я и сама знаю, что она не будет сердиться. Я это знаю, дурачок! Я хотела сказать, что она может беспокоиться. А это гадко с нашей стороны. В последний вечер!

И она решительно зашагала вперед. Он тотчас догнал ее и взял за руку.

— Честное слово, Кэрри, тетя Лу не будет беспокоиться,— чересчур покорно сказал он.

И действительно, она не беспокоилась. Не могла беспокоиться, потому что ее не было дома. Везде горел свет: в лавке, в коридоре, в кухне...

— Не экономит электроэнергию! — испуганно сказала Кэрри.— С ума она, что ли, сошла? Хорошо, что мы пришли раньше мистера Эванса.

На кухонном столе их ждал ужин: тарелка с хлебом, накрытое салфеткой жаркое и кувшин с молоком, а к нему была прислонена записка.

— Это ему,— сказал Ник, не сводя глаз с Кэрри. Он обхватил себя руками, словно стараясь не выпустить из себя свою тайну, но от волнения слова сами вырвались наружу.

— Она уехала,— крикнул Ник.— С майором Кэсом Харпером. Скоро они пожениются.

— И ты знал? — закричала Кэрри.— Николас Уиллоу! Почему ты мне не рассказал? Я тебя сейчас ударю!

Она сжала кулаки, но Ник только засмеялся и на всякий случай перешел на другую сторону стола.

— Ты могла бы рассказать мистеру Эвансу.

— О, Ник! Неужели она так считала? И поэтому сказала только тебе?

Он взглянул на ее лицо и перестал прыгать.

— Нет, не совсем. Мне она тоже не сказала, я сам догадался. Я видел их вместе несколько раз и спросил, не собирается ли она выйти за него замуж. Но она ничего не сказала. Тогда я начал к ней приставать, и она призналась. Но велела мне держать язык за зубами — не потому, что ты не должна была знать, а потому... Ты сама знаешь, какая ты! Тебе все время его жаль. «Бедный мистер Эванс»...

— Больше мне его не жаль,— ответила Кэрри.

ГЛАВА 14

Надо поскорее лечь, чтобы не попасться мистеру Эвансу на глаза, когда он придет домой. Что он будет делать? Что скажет? Мысль об этом была такой страшной, что они, погасив все лампы и не взяв с собой даже свечи, чтобы когда он вернется, и у них в комнате не было света, поднялись прямо наверх. Они разделись в темноте, забрались в постель, крепко закрыли глаза и притворились, будто храпят. Если он увидит, что они спят, то будить их не решится.

Кэрри считала, что ей ни за что не уснуть, но сон сморил ее мгновенно — может, потому, что она изо всех сил смыкала веки. И спала она крепко. Так крепко и безо всяких сновидений, что, когда проснулась, не сразу

поняла, где находится. А за стенкой будто скреблись мыши.

Нет, не мыши! Как следует проснувшись, она поняла, что мистер Эванс дома и разводит огонь. Шум и поднимался вверх по трубе.

Она лежала неподвижно, трепеща поначалу от мысли о том, что он сидит внизу и сердито тычет палкой в угли, потому что его сестра сбежала от него. Но, припомнив все подлости, которые он совершил, начала сердиться сама. Она всегда жалела его, а он так гадко ее обманул, подарив ей чужое кольцо, кольцо, которое украл, как украл кров над головой мистера Джонни и радость Хепзебы, когда унес с собой завещание. Им она, конечно, ничем не могла помочь, но кольцо можно было вернуть и тем самым показать, что она о нем думает. Альберт сказал, что она смелая. Вот на этот раз она и проявит смелость. Она сейчас же спустится вниз и бросит кольцо прямо ему в лицо!

Вскочив с постели, она выбежала из комнаты и, громко топя — как жаль, что она босиком, а не в башмаках, подкованных гвоздями, — бросилась вниз по лестнице. Она бы показала сму, как беречь ковер.

Гнев вихрем пронес ее по коридору, заставил распахнуть дверь и тут же куда-то исчез.

В комнате сидел, не сводя глаз с потухшего огня, мистер Эванс. В руках у него была кочерга. Он поднял глаза, увидел ее — она молчала, тяжело дыша, — и удивленно спросил:

— Что-то рано, а?

— Поздно, вы хотите сказать? — переспросила она и посмотрела на часы, стоявшие на каминной доске. Было половина шестого утра.

— Я как раз собирался вас будить, — сказал мистер Эванс. — Поезд уходит ровно в семь.

Он встал, хрустнув суставами, и подошел к кухонному окну, чтобы снять светомаскировку. Заструился свет, а вместе с ним и пение птиц.

— Вы не ложились всю ночь?

Он кивнул головой. Снял с крючка над огнем чайник, налил его водой из крана, повесил на место и опустился на колени, чтобы положить на решетку скомканную газету и щепки для растопки. Когда огонь разгорелся, он засыпал уголь, кусок за куском, как это всегда де-

лала тетя Лу, и, пока Кэрри следила за тем, как он выполняет работу тети Лу, весь гнев ее остыл.

— Скоро все будет готово,— сказал он.— Выпьете по чашке чая, что-нибудь поедите. Может, кусочек ветчины, поджаренный хлеб и помидоры, а? Или что-нибудь горячее, чтобы посытнее было в дороге?

— Нику нельзя. От жирного его может стошнить. Он плохо переносит поезд,— тоненьким голосом сказала Кэрри.

— Тогда кашу.— Он беспомощно огляделся.

— Я сама сварю,— сказала Кэрри.

Она сняла с полки кастрюлю, достала из буфета пакет с овсянкой и, не глядя на него, занялась делом. Но чувствовала, что он смотрит на нее. Спиной ощущала его взгляд. А когда обернулась, он накрывал на стол.

— Тетя Лу...— начала она и затаила дыхание.

— Сбежала. Со своим избранником. Ты знала?

Она закусил губу так, что ей стало больно.

— Ник знал. А я нет.

Он хмыкнул, уронил ложку и наклонился, чтобы ее поднять.

— Она сама решила свою судьбу. Потом пожнет то, что посеяла!

— Вы сердитесь? — спросила у него Кэрри.

Он задумчиво чмокнул челюстью.

— Она ела очень много, ваша тетя Лу. Все жевала, жевала, как кролик. Теперь, когда она уехала, одним ртом станет меньше, а значит, больше будет доход. Когда Фред вернется и займется делом, выгода станет заметней.

Кэрри вспомнился Фред на уборке сена. Как он стоял, нахмурившись, и говорил миссис Готобед, что не вернется в лавку после войны, что займется другим делом...

— Значит, мальчишке она призналась? — спросил мистер Эванс.— Почему же тогда не сказала мне? Не рассказала все откровенно, а сбежала, как вор в ночи? Оставила записку! Это, конечно, меня рассердило!

— Может, она боялась что вы будете ее ругать,— предположила Кэрри, но он только презрительно фыркнул.

— Боялась? Почему она должна бояться? Нет, она это сделала нарочно, чтобы меня унижить! Как и ее прекрасная сестра Диллис. Они обе стоят одна другой: просят чужого человека что-то передать, оставляют

записки. Ты только посмотри на это! — Он достал из-за часов на камине коричневый конверт и вытряхнул его содержимое на стол. — Старая фотография! Вот и все, что я получил от Дилис после ее смерти, а даже это она мне не прислала, нет, мне пришлось самому шарить среди ее вещей, составляя опись, как велел ее важный лондонский адвокат!

Фотография была коричневой, уголки ее загнулись. На ней была изображена девочка в чепчике и в длинных с оборками панталонах, которые, выглядывая из-под платья, доходили ей до самых щиколоток. Она сидела в кресле, поставив ноги на скамеечку, а рядом с ней стоял мальчик в матроске. У обоих детей был высокий крутой лоб и бесцветные, навывкате глаза.

— Это... Это вы и миссис Готобед?

Он кивнул и откусил заусенец на большом пальце.

— Мне здесь около десяти лет. А Дилис чуть старше.

Кэрри с трудом сумела представить себе мистера Эванса таким юным. Он был младше ее. Младше Ника.

— Сорок пять лет назад, — сказал он. — Так давно, что и не вспомнишь. У меня есть еще одна фотография. Я ношу ее в часах.

Он вынул из кармана жилета свои старомодные часы-луковицу и щелкнул крышкой. С фотографии улыбалась, подпирая рукой голову, молодая девушка с волосами, забранными в пучок.

— Видишь на ней кольцо? — спросил мистер Эванс. — Это то, что теперь у тебя. Я купил ей его на первые заработанные мною деньги, и, когда она мне его вернула, я отдал его тебе. Так что твое кольцо не простое, у него целая история.

— А когда она вам его вернула? — спросила Кэрри, с трудом проглотив комок.

— Ты что, оглохла, девочка? Оно было вместе с фотографией. Ни письма, ничего, только мое имя на конверте, засунутом в шкатулку с ее драгоценностями.

— И больше ничего? — Спросить было нелегко, но необходимо, чтобы больше не сомневаться.

— Что еще могло там быть? — Он подозрительно посмотрел на нее. — Почему ты улыбаешься?

— Я просто радуюсь, — ответила Кэрри, и это была правда. Она была рада убедиться, что он не плохой человек и вовсе не вор. Но ему она сказать этого не посмеет. А потому ответила: — Я рада, что она оставила вам

фотографию и кольцо. Этим она хотела сказать, что помнит все и думает о вас.

— А по-моему, это больше похоже на плевок в лицо,— сказал он.— Но если тебе хочется так думать, пожалуйста, я не возражаю. А теперь, ну-ка, побыстрее беги наверх и буди своего бездельника-брата, иначе вы опоздаете на поезд.

Он проводил их на станцию и усадил в вагон.

— Теперь все в порядке,— сказал он.— Ждать мне нет смысла.

Он не поцеловал их на прощание, но погладил Кэрри по щеке и взъерошил волосы Ника.

— Юный Никодемус,— сказал он и ушел.

— Что ж, с этим, по крайней мере, покончено,— повторил его фразу Ник и сел на место.

— Веди себя как следует,— наставительно сказала Кэрри.— Он, в конце концов, оказался совсем неплохим.

— Неплохим? — Ник закатил глаза.

— Не очень плохим.— Ей хотелось рассказать ему, что мистер Эванс не украл завещания, но с Ником никогда разговоров на эту тему и не было. А рассказать Альберту она не может. Она надеялась, что он будет на станции, но он не появлялся.

— Интересно, придет ли Альберт к насыпи помахать нам? На его месте я бы пришла.

— Так рано утром? — удивился Ник.

Кэрри вздохнула.

— Мы можем помахать дому,— предложил Ник.— После поворота есть место, где его видно.

— Я не буду смотреть,— сказала Кэрри.— Я, наверное, не смогу.

Она откинулась на спинку скамейки и закрыла глаза. День только начался, а она уже чувствовала себя усталой.

— Когда мы откроем пакет с обедом, Кэрри? — спросил Ник.— У меня совсем пусто в желудке.

Она притворилась, будто не слышит. Сделала вид, что спит. Она решила не открывать глаз до самой пересадки. А когда поезд тронулся, она подумала, что хорошо бы и уши заткнуть, потому что Ник стоял у окна и пел:

— До свидания, город, до свидания! До свидания, Павшие воины, до свидания, площадь! До свидания, церковь в воскресные дни! До свидания, куча шлама!..

«У меня разрывается сердце», — подумала Кэрри.

— До свидания, гора, прощайте, деревья! — бодрым голосом бубнил Ник, пока поезд набирал скорость.

Кэрри почувствовала, что больше не в силах терпеть.

— Прощай, Долина друидов!

Она вскочила и, схватив его за плечи, рывком усадила на скамейку.

Он начал вырываться.

— Пусти меня, пусти, гадкая девчонка!

Она засмеялась, отпустила его, повернулась к окну и...

И вскрикнула. Но в ту же секунду раздался гудок паровоза, поэтому никто не услышал ее крика. И только Ник увидел, как она открыла рот и широко распахнула полные ужаса глаза.

Он вскочил, и она прильнула к нему. Паровоз свистнул еще раз, и поезд вошел в туннель.

Ник почувствовал, что Кэрри дрожит. Вагон трянуло, и они, вцепившись друг в друга, очутились на скамейке. Во тьме туннеля она сказала:

— Долина друидов горит, Ник, она в огне; я видела пламя, дым, там пожар, они все погибнут... — Она заплакала. И в промежутках между рыданиями, которые сотрясали ее всю, говорила что-то вроде: — Это из-за меня... Из-за меня.

Он понимал, что этого не может быть, что ее слова не имеют смысла, но переспрашивать не стал, потому что у нее началась настоящая истерика.

Она плакала и плакала, а Ник сидел и смотрел. Он не знал, как остановить ее, а когда она сама перестала плакать, они уже доехали до той станции, где им предстояло сделать пересадку, и он боялся спросить что-нибудь — вдруг она снова начнет плакать? Поэтому ничего не сказал. Ни тогда, ни потом. Кэрри же с того дня ни разу не заговорила про Долину друидов ни с ним, ни с мамой, а из-за того, что она так страшно плакала, он тоже молчал.

ГЛАВА 15

Даже тридцать лет спустя, когда она уже не могла не понимать, что дом сгорел не по ее вине, не из-за того, что она бросила череп в пруд, вспомнив об этом, она опять заплакала так же горько, как и в тот раз. Не при детях, разумеется, а позже, когда они легли

спать. Только старший мальчик еще не заснул и слышал, как она тихо плачет за стеной. Слезы лились градом...

Утром он не позволил будить ее. «Она устала», — сказал он. До завтрака они погуляют, а она пусть спит, сколько хочет.

Он знал, куда идти. Бодрым шагом он вел сестру и братьев по насыпи вдоль бывшей железной дороги, и хотя они жаловались, что ветки больно царапают ноги, тем не менее покорно шли за ним. Однако возле прогалины, уводившей в лес, остановились в нерешительности.

— Не хотите — можете не идти, — сказал он.

Тогда они, конечно, захотели. Кроме того, они были не из тех, кто легко пугается. А ступив на тропинку-лесенку, что вела вниз, они, как веселые щенки, бодро запрыгали со ступеньки на ступеньку.

— И чего они с дядей Ником боялись? — удивлялась девочка. — Подумаешь, несколько старых деревьев.

Но, добравшись до самого низа, немного приуныли. В ярком свете солнца старый дом с его почерневшими стенами и наглухо заколоченными окнами казался неживым. Вот двор и пруд, а позади — мертвый дом.

— Пошли, — позвал их старший мальчик. — Не возвращаться же обратно. Раз пришли, давайте все как следует посмотрим.

Но и ему было боязно, а самый младший, съезжившись, спросил:

— Правда, что они все сгорели? До самого тла?

— Мама считает, что да.

— А почему она не спросит у кого-нибудь?

— Бойтся убедиться, наверное.

— Трусишка-котишка! Трусишка-котишка!

— Ты бы тоже, наверное, не решился, если бы был виноват, — заметил старший мальчик. — Или считал себя виноватым. Пустика, за углом должна быть конюшня.

Завернув за угол дома, они увидели довольно привлекательное строение, небольшое и выкрашенное в белый цвет. А у входа с распахнутой настежь дверь в кадке цвели настурции.

— Пахнет беконом, — сморщила нос девочка.

— Тсс... — Старший мальчик схватил в охапку и утащил за угол двух младших. — Если там живут, то мы не имеем никакого права здесь быть.

— Никто нас не предупреждал,— возразила девочка. Она выглянула из-за угла и отчаянно замахала руками за спиной.— Подождите...

Они замерли. Когда она повернулась, щеки у нее были готовы вот-вот лопнуть. Наконец она выдохнула и опять замахала руками, но теперь уже будто веером.

— Сколько лет было Хепзебе? — спросила она.

— Не знаю. Мама не говорила.

— Она вообще никогда не говорит о возрасте.

— Разве?

— По-моему, нет. Я что-то не помню.

— А почему ты шепчешь? — спросил старший мальчик.

Он тоже выглянул и увидел, что к ним направляется пожилая женщина. Нет, не к ним, она ведь не знает, что они спрятались за углом, а к калитке, которая выходит на поляну. Среди зелени белеют пушистые комочки, а женщина несет ведро. «Хепзеба! Хепзеба идет кормить кур! Даже если я ошибаюсь,— решил он,— она меня не укусит!»

Он вышел из-за дома и подошел к ней. У нее были серые глаза и седые волосы. Он спросил вежливо, но быстро, чтобы поскорее с этим покончить:

— Вас зовут мисс Хепзеба Грин? Если да, то моя мама передает вам привет.

Она не сводила с него глаз. Смотрела, смотрела, а ее серые глаза, казалось, росли и сияли все больше и больше.

— Кэрри? — наконец сказала она.— Ты сын Кэрри?

Он кивнул, и ее глаза заблестели, как алмазы. Она улынулась, и ее лицо покрылось сетью морщинок.

— А остальные? — спросила она.

— Тоже.

— Господи боже!

Она оглядела их всех, одного за другим, потом снова посмотрела на старшего мальчика.

— Ты похож на маму, а они нет.

— Это из-за глаз,— объяснил он.— У меня тоже зеленые глаза.

— Не только.

Она глядела на него, улыбаясь, и он решил, что она красивая, хоть и старая, а на подбородке у нее курчавятся два-три жестких волоска. Малыши, заметь они это, непременно бы захихикали, а если бы захихикали, она

сразу бы догадалась, в чем дело, он не сомневался. Она все понимает, надо их предупредить...

— О чем я думаю? — спохватилась она. — Вы ведь, наверное, еще не завтракали, а я не двигаюсь с места, будто яйца сварятся сами собой. Вы любите белые или темные? А может, в крапинку?

— Спасибо, мы не хотим... — начал было старший мальчик, но она уже шла к дому на тонких негнувшихся ногах, как на ходулях, — очень высокая, очень худая и очень старая.

Они вошли в крашенную белой краской дверь, прошли по коридору на кухню. Когда-то этот дом был, по всей вероятности, частью амбара — высокий потолок укреплен балками, — но в нем было светло и уютно, в очаге горел огонь, а в окно струился солнечный свет.

— Мистер Джонни, посмотрите, кто к нам приехал! Дети Кэрри! — сказала Хепзеба.

В освещенном солнцем кресле возле очага сидел крошечный лысый старичок, похожий на гнома. Он сонно мигал.

— Поздоровайтесь с детьми Кэрри, — сказала Хепзеба.

Втянув голову в плечи, он застенчиво улыбнулся.

— Дасьте, дасьте! Как изиваете?

— Он говорит! — воскликнула девочка. — Говорит по-настоящему! — И ее лицо запылало гневом при мысли о том, что мама их обманула.

— Когда Кэрри жила здесь, он не умел говорить, — объяснила Хепзеба. — А после войны, когда Альберт уже вырос, он привез к нам из Лондона своего друга — логопеда. Мистер Джонни никогда не научится говорить так, как мы все, но теперь, по крайней мере, он умеет выразить свои мысли и поэтому больше не чувствует себя отверженным. Ваша мама рассказывала вам про Альберта? Они кивнули.

— Альберт Сэндвич! Ну и имя! — Хепзеба стояла, устремив взгляд куда-то вдаль, и вспомнила: — Они были пара, он и ваша мама! «Мистер Ум и мисс Сердце» — называла я их. Полная противоположность друг другу, упрямые как ослы, раз уж что-то решили. Она обещала написать первая, говорил он, и переубедить его было невозможно. На вид-то он казался самоуверенным, но в душе был очень застенчив. Сказал, что раз она уехала, он ее беспокоить не будет.

— А она думала, что он погиб, и поэтому не написала,— объяснил старший мальчик.— Она решила, что вы все погибли во время пожара.

«Какая глупость,— подумал он,— неужели она вправду так решила?»

— Откуда она узнала про пожар?

— Она видела из окна вагона.

Хепзеба посмотрела на него. «Глаза колдуни,— подумал старший мальчик.— Тоже глупость!»

— Она бросила череп в пруд и решила, что из-за этого произошел пожар. Теперь это звучит смешно.

— Бедная маленькая Кэрри! — сказала Хепзеба. И посмотрела на него.— Она верила в мои сказки. Ты не стал бы верить, правда?

— Нет.

Но ее блестящие глаза, по-видимому, видели больше, чем обычные глаза, они проникали в самую душу, и он почему-то засомневался.

— Не знаю,— поправился он.

— Страховые агенты объяснили нам, что это сделал мистер Джонни, балуясь со спичками. Я же знаю только, что разбудил нас он. И тем, вероятно, спас нам жизнь. Все наши вещи сгорели, кроме нескольких старинных книг, которые Альберт сумел вынести из библиотеки. Он обжег руки, брови у него совсем обгорели, он был похож на пугало!

— Весь дом сгорел?

— Внутри он выгорел дотла. Полы и лестница. Мы перебрались в амбар. Сначала временно. А потом адвокаты сказали, что мы можем оставаться, чтобы сторожить то, что сохранилось.

— А что случилось с мистером Эвансом? — спросила девочка.— Ведь это все принадлежало ему, правда?

— Он умер, бедняга. Вскоре после пожара. Из-за сердца, сказали врачи, но больше от горя и одиночества. Скучал по сестре. Она вышла замуж за американского солдата.

— Тетя Лу?

— Да, так ее называли Кэрри с Ником. Теперь ее зовут миссис Кэс Харпер. После войны она уехала с мужем в Америку, в Северную Каролину. Мы ничего о ней не слышали до прошлого лета, когда сюда приехал посмотреть дом и усадьбу ее сын, высокий молодой человек,

который говорит, так растягивая слова, что не сразу разберешь, где начало и где конец фразы.

— Вательна реинка,— оживился мистер Джонни.

— Верно. Он привез мистеру Джонни жевательную резинку, и она прилипла к его вставным челюстям. Альберт приехал повидаться с молодым доктором Харпером, и договорился о покупке усадьбы. Он говорит, что хочет заново выстроить дом и поселиться здесь навсегда, но мне кажется, что он просто заботится о нас с мистером Джонни. «Теперь вам ничего не страшно,— сказал он, когда документы были подписаны,— теперь никто никогда не сможет выгнать вас отсюда». И мы, конечно, благодарны ему, хотя ни о какой благодарности он и слышать не хочет. «Мы все одна семья», говорит он, поскольку его собственные родители умерли, когда он был еще маленьким, и кроме нас, у него никого нет, он даже не женат. Он нам как сын, наш Альберт! Приезжает сюда не реже раза в месяц. Между прочим, мы ждем его в эту пятницу...

Она рассказывала и тем временем накрывала на стол: ставила чашки и блюда, нарезала хлеб, намазывала масло. На плите варились яички. Она сняла их с огня и сказала:

— Садитесь. Вы, наверное, проголодались.

Яйца были вкусные-превкусные: белок твердый, а янтарный желток жидкий. И масло, густо намазанное на хлеб,— такого масла они ни разу не пробовали: сладкое, а попробуешь пальцем, оно зернистое и солоноватое.

— Значит, Альберт был сиротой? — полюбопытствовала девочка.— А она мне ничего не сказала.

— Кто она? Кошка?

— Нет, наша мама,— ответила она, улыбаясь Хепзебе.

— Малышка Кэрри,— словно вспоминая, ласково произнесла Хепзеба, и дети рассмеялись.

— Наша мама не малышка, она, пожалуй, даже слишком высокая для женщины,— сказал старший мальчик.— Папа обычно говорил, что она вытянулась, как струнка.

Он встретился с Хепзебой взглядом и уткнулся в свою кружку. Он сказал: «говорил»! Неужели Хепзеба тоже начнет выпрашивать и выпытывать? Большинство людей обязательно проявляло любопытство, а он этого терпеть не мог. Он ненавидел объяснять, что его отец умер. Но Хепзеба не принадлежала к большинству, вдруг со-

образил он. Она ни разу не задала ни одного обычного вопроса: «Где ваша мама? Что вы здесь делаете одни? Она знает, где вы?»

— Хорошо бы повидать малышку Кэрри. Может, она и выросла, но что касается остального, то вряд ли сильно изменилась. Как и ваш дядя Ник. А он как поживает?

— Он стал толстый,— ответили малыши и, посмотрев друг на друга, захихикали.

— Что ж, он всегда любил поесть. Мистер Джонни, вы помните Ника? Как этот парнишка любил поесть!

У мистера Джонни был озадаченный вид.

— Слишком много времени прошло, чтобы он помнил,— сказала Хепзеба.— Но если бы увидел Ника, то сейчас бы узнал его. Он не забывает тех, кого любил. И Кэрри он узнает, когда она придет. Она и сейчас предпочитает, чтобы яйца варились пять минут?

Дети молчали. Наконец старший мальчик сказал:

— Она не придет, Хепзеба. То есть она придет, если мы сходим за ней и приведем ее, но сейчас она не придет. Она... Она боится...

Всегда боится, подумал он. Боится больше, чем другие мамы. Нет, она ничего не запрещает, она не настолько глупа, чтобы запрещать, но если случайно взглянуть на нее, то видишь, как она умирает от страха. Особенно когда им хорошо. Словно боится, что счастье будет недолговечным.

Может быть, решил он, потому что много лет назад ей уже довелось убедиться в недолговечности счастья, да и случилось все это, считала она, по ее вине...

Хепзеба смотрела на него и улыбалась, словно знала, о чем он думает, и все понимала. Нет, откуда ей, старой, хоть и мудрой женщине, заставившей Кэрри поверить в свои сказки («Между прочим, Хепзеба ввела маму в заблуждение своими небылицами»,— подумал старший мальчик, вдруг преисполнившись справедливого возмущения),— откуда ей понять?

Хепзеба повернулась к плите и положила в кипящую воду коричневое яйцо.

— Времени как раз,— сказала она.— Идите ей навстречу. Скажите, что все хорошо, что ее яйцо варится и что Хепзеба ждет. Бегите побыстрее, а то она уже спускается с горы!

В ее голосе явно слышался приказ, поэтому дети послушно встали, вышли из кухни, прошли мимо старого, разрушенного дома, мимо пруда...

Пока они шли по двору, старший мальчик перестал возмущаться, ему было жаль Хепзебу: зря она так уверена, ее ждет жестокое разочарование. Она не сомневается, что их мама идет, но откуда ей знать? Она же не колдунья, а просто старая женщина, которая умеет отгадывать чужие мысли. И в этот раз она ошиблась.

— Идти незачем,— сказал он.— Постоим здесь минутку, на радость Хепзебе, а потом вернемся и доедем наш завтрак. Боюсь, одному из нас придется съесть лишнее яйцо!

Но остальные были младше его и еще не утратили веры и надежды. Они посмотрели на него, потом друг на друга и засмеялись.

И побежали навстречу маме, которая уже шла через лес.

Либера КАРЛЪЕ
Тайна «Альтамаре»

Тайна «Альтамаре»

— Папа, мы хотели бы купить лодку,— сказал Ян. Он даже побледнел от волнения; на братьев он старался не смотреть.

Марк с Бобом сидели в углу у камина, прилежно уткнув носы в тетради. Но Ян знал, что им не до уроков. Оба они внимательно следят за каждым его словом.

В комнате стало необычайно тихо. Даже мать затаила дыхание. Марк обхватил руками колени, а Боб нервно притопывал ногой по полу.

Ян уже решил, что он неправильно начал разговор.

Вдруг отец зевнул и отложил газету. Он всегда зевал, если глубоко и основательно что-то обдумывал.

— Лодку, говоришь, купить хотели бы?

— Да, лодку,— твердо ответил Ян, хотя сердце у него замирало.

Вот сейчас отец усмехнется и скажет: «Что ж, покупайте, раз вы такие богатые». Но отец только спросил:

— А деньги у вас есть?

— Собственно говоря...— начал Ян уже не так решительно.

— ...собственно говоря, денег у вас нет,— подсказал отец.

Тут не выдержал Марк и быстро затараторил, что деньги-то у них есть, маловато, правда, но покупать они будут не все сразу, а по частям; только вот начинать надо непременно сейчас, иначе к лету не успеть...

— Да тут целый заговор,— улыбнулся отец.— Ты знала об этом, мама?

— Я слышала, как мальчики обсуждали свои планы на лето,— уклончиво ответила мать.

Бедная мама! Она никак не могла решить, как ей себя вести. Не то чтобы она была против затеи сыновей,

но она ужасно боялась так называемых «происшествий на реке». «Ты только не возражай»,— умоляли ее мальчики. Она обещала не возражать, но и поддержать их у нее не хватало духу.

— Так что же вы такое задумали? — поинтересовался отец.

По его голосу Ян понял, что победа близка.

— Мы хотим купить на корабельном кладбище спасательную шлюпку. Оснастим ее мы сами, а все, что для этого понадобится, найдем там же, в порту.

— Это будет парусник?

— Ну да, только с мотором,— вмешался Боб. Но, видя, что на лбу у отца образовались две вертикальные морщины, не предвещавшие ничего хорошего, он поспешил добавить: — Это на крайний случай, чтобы в безветренную погоду можно было войти в гавань. Совсем маленький моторчик.

— Мото-орчик! — задумчиво протянул отец. — В один прекрасный день вы еще трамвай вздумаете приобрести.

Мальчики дружно рассмеялись. По опыту они знали, что отец любит, когда его остроты вызывают общий восторг. К тому же они и в самом деле обрадовались: дело явно шло на лад.

— Управлять лодкой — это целое искусство,— глубокомысленно изрек отец. — Кстати, вы все умеете плавать?

— Ну ты же знаешь,— опять выскочил Боб.

— Не о тебе речь...

Всем стало ясно, кого он имеет в виду.

— Я уже выучил все движения,— сказал Марк.

— На столе у него здорово выходит,— подхватил Боб. — Ручаюсь, что через неделю он поплывет, как...

— ...как топор?

— Ну папа, это уже мелочь! — взмолился Ян.

Однако отец считал, что это не мелочь, а жизненно необходимая вещь.

— Если я правильно вас понял,— сказал он,— Марк плавать плохо. То есть утонуть ему ничего не стоит. Так вот: о лодке не может быть речи, пока каждый из вас не научится свободно держаться на воде. Надо, чтобы в случае чего вы сами, без посторонней помощи, могли выбраться на сушу.

— Значит, когда Марк научится плавать, ты разрешишь нам купить лодку, да? — настаивал Ян.

— Вот когда научится, тогда и поговорим,— ответил

отец.— Посмотрим еще, как пойдут дела в школе. Знаете поговорку: кончил дело, гуляй смело. Вот так.

— Но в любом случае, когда садитесь в лодку, вы должны надевать спасательные жилеты,— сказала мать.

Мама просто молодец! Братья были очень растроганы ее поддержкой. Они понимали, чего ей это стоило.

— Завтра поедem на корабельное кладбище,— сказал

Ян.— Побродим там, разузнаем, сколько может стоить шлюпка.

— Глядите в оба,— напутствовал их отец.

У причала корабельного кладбища стоит огромный танкер. Он еще не очень старый, корпус прилично сохранился. Но башенные краны уже сняли с него все, что только можно. Осталась лишь стопятидесятиметровая коробка, поделенная перегородками на отсеки. Трубы, мачты, трапы, целые каюты — все свалено на берегу.

— Кажется, здесь никого нет,— сказал Марк с сожалением.— Уже поздно.

— Полезли на борт,— предложил Боб.

— Полезли! — обрадовался Марк.— Может, сторож в трюм свалился, а мы его спасем.

— А ну, отойдите-ка подальше,— приказал Ян.

По его тону братья поняли, что при случае ему ничего не стоит наподдать им, благо матери нет поблизости.

И тут они увидели ночного сторожа. Он неторопливо шел вдоль сваленных в ряд раковин, унитазов, кроватей, умывальников и шкафов, извлеченных из кают. Так торговцы на Антверпенском птичьем рынке прогуливаются возле своего товара. Вот-вот примется расхваливать это барахло:

— Всего за сорок, за тридцать, за двадцать франков вы можете приобрести отличный умывальник. В придачу вы получите настольную лампу, книжную полку и...

— Ой!

Это Ян двинул своего зарвавшегося братца кулаком в бок.

— Извините, он всегда немножко дуреет, если долго пробудет на солнце. Нет ли у вас случайно продажной лодки?

— Почему же нет? Есть,— сказал сторож.

Марк от радости заплясал на месте.

— Нам нужна металлическая спасательная шлюпка,— продолжал Ян.

— И желательно с мотором,— ввернул Боб.

— На танкерах шлюпки чаще всего металлические и обычно с мотором,— объяснил сторож.

— Где же они? Где они стоят? — Марк сгорал от нетерпения.

— Вон там.

За большой якорной цепью, кучей лебедек и грузовых стрел, накрытые от дождя брезентом, стояли шлюпки. Их было четыре.

— А сколько такая шлюпка стоит? — спросил Ян.

— Цены разные. Смотря почему сейчас металлолом,— ответил сторож.

— Разве шлюпки продают как металлолом?

— Да. Иначе нам их не сбыть.

Ян не верил своим ушам.

— Видишь ли,— продолжал сторож,— эти шлюпки под парусом неповоротливы и тихходны. Для Шельды гораздо удобнее яхты или прогулочные катера. А на отмели с такой шлюпкой просто мучение. Ведь килевая лодка на грунте сразу на бок заваливается.

— Зачем же сажать ее на грунт? — удивился Боб.— Мы, например, плавать на ней собираемся, а не на суше торчать.

Сторож засмеялся:

— Только плавать — скоро соскучишься. То ли дело плоскодонка: втащил ее на банку, вот тебе и пляж, купайся, загорай. А с килевой лодкой одна морока.

— А на плоскодонке можно под парусом плавать?

— Под парусом на плоскодонке плохо: будет ее ветром крутить. Чтобы хорошо шла, ей переделка большая потребуется. Придется ставить выдвижной киль.

— Так, может, нам лучше купить старую яхту? — задумчиво сказал Ян.

— Старую яхту? — Сторож прищурился.— Не знаю. Если деревянную, здорово влипнуть можно. Обойдут ее жестяными или медными полосками, а под ними, может, гниль одна. Пойди разберись. У железной, конечно, сразу видно, если проржавела, да только железная много денег стоит.

— Которых у нас не имеется,— подхватил Боб.— А посему вернемся к металлолому. Заверните нам вон ту, пожалуйста.

— Сколько же все-таки стоит такая шлюпка? — спросил снова Ян.

— Надо узнать у хозяина,— сказал сторож.— Вот вам его телефон и адрес.

— А можно, мы поднимемся на танкер? — спросил Марк.

— Валяйте. Только не уходите от сходней. Вообще-то лазить туда не разрешается, но больно уж вы народ хороший. Так и быть.

Ребята взлетели вверх по сходням. Теперь они могли рассмотреть танкер как следует.

— А зачем танкеру танки? — спросил Боб.— Ведь его все равно весь нефтью заливают.

— Без переборок судно не такое прочное,— объяснил сторож.— Кроме того, переборки помогут ему удержаться на плаву, если где течь появится: они не дают воде проникнуть в другой отсек. Ну, а уж раз переборки есть, танки оборудовать ничего не стоит. Танкер-то не всегда одной нефтью загружают. Он может везти сразу и нефть, и бензин, и керосин, и смазочное масло — все в разных танках.

— Значит, танкер не может затонуть?

— Затонуть-то он может, конечно, но бывали случаи, когда шторм ломал танкер пополам и обе половинки на плаву оставались.

— Воображаю,— сказал Боб,— капитан выходит на мостик и видит, что у него осталась только половина судна.— И он изобразил незадачливого капитана, который, приложив руку козырьком ко лбу, тщетно вглядывается в горизонт: «Куда же делось машинное отделение?»

— Да, да. Такое не раз бывало,— повторил сторож.— А теперь давайте вниз, пока в танк не свалились.

Они спустились на землю, и Ян спросил у сторожа, можно ли на такой вот спасательной шлюпке поставить каюту, чтобы во время летних каникул плавать на ней, как на яхте.

— Почему нельзя, все можно,— сказал сторож.— Не знаю вот только, справитесь ли. Потрудиться придется как следует. Прежде всего побывайте на лодочной станции, посмотрите, какие бывают яхты, как они построены; например, какой высоты у них каюта. Слишком высокую делать нельзя, она будет мешать при ветре. Да еще много есть такого, над чем придется поломать голову.

— Я уже ходил с ребятами под парусами,— сказал Ян.— И дома у меня есть специальная литература.

Боб фыркнул. Он терпеть не мог «ученых слов». Впрочем, он тут же ретировался. Со старшим братом шутки плохи. Это ему было известно.

— А знаете что...— начал сторож.

Ребята встrepенулись, чувствуя, что сейчас они услышат что-то по-настоящему интересное.

— Знаете что... Когда причал освободится, месяца эдак через два, из Южной Америки придет сюда один старый пассажирский пароход. У него износились машины. Буксиры уже ушли за ним.

Ян растерялся. Они-то тут при чем?

— Вы что, хотите сбaгрить нам целый пароход? — спросил Боб. — Вряд ли наш папа согласится.

— Что ты лезешь! — рассердился Ян. — Дай человеку договорить.

— Да пусть его, — сказал сторож. — Он, видно, у вас самый веселый.

— Такой же весельчак, как и старший братец! — крикнул Марк, предусмотрительно отойдя в сторонку.

— Ну так вот, — продолжал сторож. — На борту пароходов чего только не отыщешь. А вдруг там найдется и приличная шлюпка с каютой?

— А ведь верно. Вот было бы здорово! Из спасательной шлюпки им удалось бы соорудить разве что корыто с зонтиком. Старания-то у них хватило бы, а вот знаний да умения с потолка не возьмешь.

— Без каюты по Шельде много не наплаваешь, — продолжал сторож. — В лодку всегда вода набирается — и дождь и волны от морских судов захлестывают. Вот и получится, что неделю с мокрыми ногами будешь сидеть. Что хорошего? А на пассажирских судах шлюпки обычно добротные.

Сторож рассказал ребятам историю этого парохода, немало повидавшего на своем веку. Во время войны союзники использовали его как транспорт для перевозки частей в Атлантическом океане. И никогда он не плавал с конвоем, только в одиночку, но подлодкам ни разу не удалось его торпедировать, потому что он развивал скорость до восемнадцати узлов. А самолеты противника он и близко не подпускал. К концу войны, когда на верфях стали один за другим спускать на воду новые суда, его переоборудовали в плавучий госпиталь.

А еще до войны, когда он ходил на одной из пассажирских линий, его экипаж спас в шторм команду потер-

певшего аварию греческого судна. Капитан поставил пароход носом против ветра и приказал вылить за борт нефть, чтобы утихомирить волны. Только после этого удалось спустить на воду шлюпки и снять людей с тонущего судна. Об этом много писали в газетах. Но это еще не все...

Ребята придвинулись поближе. Вот сейчас они услышат воспоминания очевидца о морском бое, о том, как пассажирское судно потопило целую вражескую флотилию или, протаранив парочку подлодок, отправило их на дно.

Но сторож сказал только, что пароход получил серьезные повреждения, столкнувшись с другим судном.

В рейсах чего только не случается, всего не упомнишь.

— А как он называется? — спросил Ян.

— «Альтамаре», — ответил сторож.

Название ребятам понравилось. «Альтамаре»! На них словно повяло вдруг жарким дыханием тропиков. Да-а, пассажирский пароход с такой биографией — это вам не танкер. Теперь им и смотреть не хотелось на его неуклюжие спасательные шлюпки. Сторож заметил их настроение.

— У этого танкера своя история, — сказал он. — Он не так стар, как «Альтамаре», но послужил людям не меньше. Если посчитать, сколько раз он заполнил вот те нефтебаки...

Мальчики посмотрели на ряды выстроившихся, словно в боевом порядке, внушительных нефтебаков, а сторож поднял уголок брезента, прикрывавшего спасательные шлюпки, чтобы ребята могли получше разглядеть их. В каждой шлюпке лежали весла, мачта, парус — в общем, все, что положено. И все было как новое.

«Чего еще искать? — думал Ян. — Не в гонках же нам участвовать. И прочная и не затонет, даже если перевернется...»

— Если на «Альтамаре» не окажется ничего стоящего, мы, пожалуй, все-таки купим такую шлюпку, — сказал он. — Может, я найду плотника, и он поставит нам каюту.

— Подождите лучше «Альтамаре», — сказал сторож. — Куда вам торопиться-то? А там, глядишь, приличный вельбот будет.

Братья по очереди пожали ему руку и попросили разрешения заглянуть еще разок. Да, пожалуйста, сколь-

ко угодно. По вечерам тут, кроме него, ни души. Мальчики вскочили на велосипеды и покатали домой.

...Теперь, когда их планы определились и отец готов был дать деньги, забила тревогу мать.

В прошлом году, когда Ян отправился со своим приятелем Питом на шаланде, она не возражала: «Пит свое дело знает, да и Ян не маленький. Но Бобу только четырнадцать лет, а Марку двенадцать... Нет, нет, у нее не будет ни минуты покоя! Братьям пришлось тысячу раз поклясться, что они будут очень-очень осторожны, что они вовсе не собираются гробить собственную лодку.

А лодка уже целиком заполнила их жизнь. Дома они без конца повторяли рассказы сторожа, всякий раз с новыми подробностями. Они уже знали, где был построен «Альтамаре», кто был его первым капитаном, знали, что он шутя развивал скорость в восемнадцать узлов и что незадолго до войны в устье Темзы на него налетело судно. А однажды «Альтамаре» получил тяжелое повреждение, столкнувшись на севере с айсбергом. Отец кое-что слышал об этом. До войны об «Альтамаре» часто писали в газетах.

Каждый четверг братья на велосипедах отправлялись в порт. Раньше, бывая там, они подолгу смотрели, как грузят и разгружают суда. Теперь же они сломя голову мчались туда, где сварщики автогенном разрезали на части танкер.

Если шел дождь, они прятались в штурманской рубке, которую целиком сняли с танкера и поставили среди металлолома вместо сторожки. Отсюда прекрасно был виден весь порт. Сторож учил их вязать узлы — от простого до самого сложного. Через месяц они уже вязали отличные огоны и критически оглядывали веревочные снасти на речных судах. Сторожа они теперь запросто называли Бернардом.

— Ну вот,— сказал им как-то Бернар,— в следующее воскресенье прибывает «Альтамаре». Если не поленитесь встать пораньше и прокатиться на велосипедах в Дул, то сможете вдоволь на него насмотреться. А в понедельник утром приезжайте сюда, тогда вы будете первыми покупателями.

— Разве старые суда кого-нибудь интересуют?

— Еще как! Каждому хочется что-нибудь приобрести. Один жаждет украсить крыльцо навигационным фонарем, другой охотится за дорогой древесиной. Пароход

еще не прибыл, а все красное дерево с него уже продано. Трубы, медь, бронзу, кресла, шезлонги — все как есть раскупят.

— Мы приедем. Обязательно приедем первыми. А в воскресенье будем ждать «Альтамаре» в Дуле.

...Погода в воскресенье выдалась отличная. На дамбе было много гуляющих, по улицам деревушки маршировал духовой оркестр, и звуки медных труб разносились над зелеными полями и голубой водой. Настроение у всех было праздничное. Марк то и дело подбегал к краю дамбы и всматривался в даль, надеясь первым увидеть долгожданный «Альтамаре».

Тем временем начался прилив. Шельда вздулась, и яхты из Лилло устремились в свою гавань. В волнах, поднятых морскими судами, заплескали сигнальные буи, на дамбу стали залетать брызги. Рыбачьи лодки, словно заслышав зов моря, сновали взад и вперед.

Мимо пристани шел паром, до отказа забитый автомашинами. За паромом показалось большое каботажное судно, а за ним... Нет, не может быть... За каботажником буксиры тянули «Альтамаре»!

Боб протер кулаком глаза, а Марк от радости захлопал в ладоши.

На мачте парохода — два черных шара, сигнал, что у него не в порядке машины и он не может идти самостоятельно. Конечно же, это «Альтамаре»! Его тянут два мощных буксира. С борта еще один... Нет, целых два. Второго не видно, но из-за мостика поднимаются клубы дыма.

— Это он! Ура-а! — завопил Марк. Он кричал и размахивал руками, а Ян даже не одернул его.

Буксирные тросы сильно натянулись. Видно, пароход не слушается руля и его тянет на мель.

— Сейчас эта старая калоша все тут разнесет, — сказал какой-то господин. — Видите, не хочет поворачиваться.

— Он же без машин! — возмутился Ян.

Подумать только! Пароход, который везет для них лодку, обозвали старой калошей!

— Его поставят в сухие доки? — поинтересовалась пожилая дама.

— Возможно. Подлатать его не мешало бы, — отозвался господин.

— Нет. В сухие доки его не поставят. Он пойдет в переплавку,— объяснил Ян.— После стольких лет верной службы — и на слом! — вздохнул он.

— Вот так и везде,— подхватила дама.— Но если б я была кораблем, я бы предпочла пойти в переплавку, чем утонуть в шторм.

Господин с ней не согласился. Он считал, что лучше затонуть, чем позволить себя ободрать, а потом разрезать на части.

— Но людям нужен металл. Из него сделают новые суда,— возражала дама.

А «Альтамаре» приближался. Уже можно было пересчитать иллюминаторы на его высоких бортах. Толпа на пирсе увеличилась, каждый старался протиснуться вперед, чтобы получше разглядеть ветерана. Два мощных гудка вырвались из труб парохода, буксиры ответили двумя пронзительными свистками и потянули к берегу. Заскрипели тросы. В последний момент «Альтамаре» уступил и плавно пошел вдоль пристани по направлению к Лифкенсхукскому порту.

Ребятам хорошо был виден весь пароход. Как же он запущен! Весь покрыт ржавчиной. Только мачты гордо поблескивают серебряной краской, а стальные тросы — штаги и стень-штаги — отвязаны и беспомощно болтаются, свисая до самой палубы.

Ян, прищурившись, напряженно всматривался в шлюпочную палубу. Там парами, друг под другом, закреплены спасательные шлюпки. Но вельбота нигде не видно.

— Может, на левом борту,— шепнул Боб.

— Что на левом борту?

— Может, на левом борту есть вельбот, только отсюда его не видно.

— Точно,— с облегчением вздохнул Ян.

Удивительно, как совпали их мысли. Едва успел он это подумать, как Марк ткнул его в спину.

— Ты что?

— Мне бы такой бинокль. Вон как у тех.— Он показал на двух мужчин, стоявших на дамбе.— Все разглядывают наш «Альтамаре», чем бы там поживиться.

Мужчины были приметные, крепкого сложения, один — блондин, у второго — усы как у моржа. Блондин сунул бинокль в кожаный футляр, висевший у него на груди, и надел широкополую шляпу.

Двумя длинными и двумя короткими гудками «Альтамаре» попросил разрешения на вход в шлюз. Из старомодной прямой трубы вырвался столб пара.

Два незнакомца поспешно поднялись на набережную, где стояла их машина. Минуту спустя они уже мчались по дороге через польдер.

— Как на пожар несутся,— заметил Ян.

Он нервничал. Два месяца ждали они «Альтамаре», так надеялись, неужели все впустую?..

— Купили бы тогда шлюпку с танкера, теперь бы уже успели ее переоборудовать! — сказал он сердито.

— А ты чего ждал? — съехидничал Боб, держась на всякий случай на безопасном расстоянии.— Думал, волшебный корабль доставит тебе готовенькую яхточку? Так ведь в Южной Америке Дед Мороз не водится.

— Поехали к шлюзам,— предложил Марк.— Посмотрим на него вблизи.

Так они и сделали.

С парома хорошо видно, какая Шельда широкая. Плы-вешь, плывешь, а берег все далеко. Капитан через головы пассажиров поглядывает на причалы, где спокойно покачиваются таможенный и полицейский катера. В Лилло в этот воскресный день тоже полно гуляющих. Туристы толпятся возле Музея ракушек, фотографируются у пристани.

А на реке — яхты. Множество яхт: большие и маленькие, старые и новые, под парусами и без парусов, и все сверкают свежей краской и лаком. Прекрасные яхты! На таких можно рискнуть выйти в открытое море. Но, к сожалению, нашим друзьям они не по карману. Вот быстроходный катер мчит туристов к берегу. А там плоскодонное суденышко, подсакивая на волнах, тащит на буксире воднолыжника.

Марк прямо загорелся:

— Вот что мне нужно — водные лыжи!

Боб и тут не смолчал:

— Опрокинешься. У тебя башка слишком тяжелая.

Вдруг мотор у суденышка заглох, оно потеряло скорость, лыжник налетел на корму и кувырнулся. Над водой остались только лыжи, торчащие, словно два поплавка. Впрочем, лыжник тут же вынырнул, отфыркиваясь, и погрозил приятелям в катере кулаком.

— Полюбуйтесь на эту красотку! — воскликнул вдруг Ян.

Он показал на спасательную шлюпку с каютой и коротенькой, криво поставленной мачтой. Двое мальчишек вычерпывали из нее воду, а третий сидел на полу-баке и патирал воском толстую нитку. На коленях у него лежал парус.

— Штопает,— объяснил Ян.— Если на парусе окажется хоть маленькая дырочка, ветер порвет его в клочья.

— Значит, нам тоже придется учиться шить,— сказал Марк обреченно.— Когда же плавать-то будем?

Вода заметно убывала, и у восточного берега лодки с глубокой осадкой уже стояли на грунте. К пристани стремительно неся ялик. Того и гляди, кого-нибудь протаранит. Но ялик лихо спустил паруса и отдал якорь. Маневр был произведен четко и быстро. Мальчики переглянулись. Каждый невольно подумал, сумеют ли они так когда-нибудь.

— Надо тренироваться. Как можно больше тренироваться,— сказал Ян.

Едва братья успели протиснуться поближе, как у шлюза резко затормозила красная машина.

— Смотри-ка, те самые дядьки!— сказал Марк.— Тоже небось шлюпку купить хотят.

— Как это получилось? Мы на велосипедах прика-тили быстрее, чем они на машине!— удивился Боб.

Марк не мог упустить случай утереть брату нос и важно объяснил, что машине пришлось доехать до Антвэрпена, проехать по тоннелю под рекой, только после этого она могла повернуть к шлюзам.

Блондин вынул из футляра свой замечательный бинокль и стал разглядывать «Альтамаре», который буксиры как раз провели через шлюзовые ворота.

Вблизи ветеран выглядел еще более старым и потрепанным. Палуба побелела от соли, поручни и фальш-борт в нескольких местах сломаны, в обшивке недостает многих заклепок. И все же было в его облике что-то внушающее уважение. Ведь все эти шрамы он получил на службе человеку.

Словно в знак траура, над мостиком покачивались на ветру два черных шара. Высоко на фок-мачте реял бельгийский флаг в честь страны, в которую он прибыл. Но флага владельца на судне не было. «Альтамаре» уже не имел ни владельца, ни гражданства. Из могуче-

го властелина морей он превратился в жалкую развалину.

С борта на причал подали тросы. Пароход остановился. Спустили штормтрап. На борт поднялись полицейские, портовый лоцман, еще какие-то люди. Все они очень торопились.

— Я тоже пойду,— заявил Ян.

Мальчики в изумлении вытаращились на него. И это говорит их старший брат! Самовольно забраться на судно? Здесь, в шлюзе?

— Смотрите, вон там, возле трубы, видите?

Возле трубы на шлюпочной палубе стоял то ли капитанский катер, то ли вельбот — с берега трудно было разглядеть.

— Я должен поглядеть, что это такое,— заявил Ян.

Он спокойно подошел к штормтрапу и стал подниматься наверх.

— С ума сошел! — волновался Марк. — Хоть бы «Альтамаре» не тронулся. А тут еще полиция!

— Все из-за шлюпки,— проворчал Боб. — Совсем спятил. Попробуй удержи его.

Ян перешагнул через борт, подошел к крутому трапу шлюпочной палубы и полез вверх.

— Ой, смотри, на полицию напоролся! — пискнул Марк.

Полицейские показались на шлюпочной палубе как раз в тот момент, когда Ян поднялся на последнюю ступеньку. Он быстро нагнулся, сделав вид, что завязывает шнурок на ботинке, и выпрямился только после того, как полицейские скрылись из виду.

— Ловко! И никто у него даже ничего не спросил! — восхищался Марк.

— Главное — нахальной действовать. Тогда никто не прицепится.

— Чего ж тогда к тебе цепляются?

— Остряк-самоучка! Смотри лучше, что там Ян делает.

Ян подошел к шлюпке и стал ее осматривать. Неторопливо так, обстоятельно. Вот он вынул из кармана перочинный ножик и поковырял борт.

— Проверяет, не сгнила ли обшивка,— сказал Боб.

— Какая обшивка?

— Ну доски! Вот бестолочь! У тебя что, на солнце мозги расплавились?

— Скорей бы уж он убирался оттуда,— плаксиво протянул Марк.— Ой, ворота закрыли! Сейчас «Альтамаре» уплывет!

— Балда! Сначала надо воду в камере поднять до уровня воды в доках. Потом открыть выходные ворота. А потом за ним буксиры придут. Он же без машин, за-был? Так что еще полчаса верных уйдет.

Но Марк не успокаивался:

— Подумаешь, полчаса! Ну что он там копается?

А Ян приподнял угол брезента и нырнул в шлюпку. Повозившись там некоторое время, он вылез и, не спеша, стал спускаться по трапу вниз.

— Смотри, пароход поднимается! — хныкал Марк.— Как он теперь попадет на берег?

Шлюзовая камера заполнялась водой, и пароход действительно поднимался все выше. Штормтрап уже далеко не доставал до мостков причала.

— Осторожно, Ян!

Поздно. Он успел выпустить перекладину и полетел вниз. Смотритель шлюза схватил конец и бросился на помощь. Он решил, что Ян непременно упадет в воду между стенкой и судном. Но Ян ухитрился как-то изогнуться и приземлился на четыре точки на причале.

— Ну, приятель, твое счастье. Упав ты в воду, в лепешку бы раздавило. За каким чертом тебя на «Альтамаре» понесло?

Ян был бледен. Он сильно испугался. Болели отшибленные руки и ноги, но он нашел в себе силы отшутиться:

— Если б я сам знал...

Дальнейшие расспросы были нежелательны, поэтому Ян быстро прошмыгнул под цепью, вскочил на велосипед и был таков. Братья за ним. Вслед им донеслось:

— Ах ты паршивец! Ну, попадись мне еще раз...

— Уф! — выдохнул Марк с облегчением.— Чуть не влипли!

Несколько километров они мчались не останавливаясь, затем Ян нажал на тормоза. Марк и Боб тоже остановились, сошли с велосипедов. Марк рукавом вытер лоб.

— Дома никому ни слова,— предупредил Ян.

Это уж само собой. Если родители узнают, не видать им лодки, как своих ушей.

— Ну, как она? — спросил Боб.

— Кто?

— Шлюпка, конечно. Кто ж еще?

— Блеск! Я чуть с ума не сошел.

— Я так и подумал, когда ты с трапа летел.

— Кончай, Боб, — возмутился Марк. — Самому-то небось слабо.

— А зачем? У меня котелок еще варит! — огрызнулся тот. — Запросто мог бы за решетку угодить. Вот бы дома веселье было!

Они еще переругивались, но Ян их не слушал. Перед глазами у него все еще стоял стошестидесятиметровый гигант.

— Ян, ты что молчишь? Хороша шлюпка?

— Сила! — сказал Ян. — То, что нам надо.

— Раз так, двигаем быстрее к Бернару. А то еще перехватят.

— Главное — убедить папу, что медлить нельзя.

— А мотор у нее есть?

— Есть. Паруса тоже есть. Только вот мачты я не видел.

— Мачту Бернар найдет.

— Я есть хочу, — сказал Марк.

— Бедненький, кушать захотел. Такую лодку нашли, а он «есть хочу»!

— Мы же с утра дома не были, забыл?

— А кто умял целый пакет бутербродов, забыл?

— Прекратите, я тоже хочу есть, — сказал Ян. — Посхали домой. Опаздывать нам сейчас ни к чему.

Братья осмотрели Яна со всех сторон, не осталось ли следов от его приключения. Ян спустил рукава, чтобы не видно было ссадины у локтя. Потом они сели на велосипеды и покатили домой.

Когда они приехали, отец многозначительно посмотрел на часы.

— Как с уроками? — осведомился он.

— Еще вчера все выучили и упражнения сделали. Ах, да... — Боб сделал вид, будто только вспомнил. — Я должен дать тебе на подпись две классные работы.

За последние работы ему каким-то образом удалось получить хорошие оценки, но дома он их пока не показывал. Ян догадался, что Боб выжидал момента,

когда надо будет задобрить отца. И вот этот момент настал.

— Мы нашли то, что искали,— добавил Боб после небольшой паузы.— «Альтамаре» пришел, и на нем есть вельбот.

— Завтра надо все дело провернуть,— сказал Марк внушительно.— Иначе будет поздно.

— К чему такая спешка? — недоверчиво спросил отец.

— Мы не спешили целых два месяца,— сказал Боб.— А теперь надо поспешить.

— Я считаю, что следует подождать до конца экзаменов,— сказал отец.— Боюсь, что вы больше будете заниматься лодкой, чем...

— Ну, папа! — взмолился Марк.— Мы будем очень стараться. Очень!

Все рассмеялись, и мальчики поняли, что дело сделано. Завтра они получают лодку, если только хозяин Бернара не запросит слишком дорого.

В этот вечер братья были удивительно послушны. Обычно им приходилось раза три повторять, что пора идти спать, а тут они ушли сами, без уговоров. И все из-за лодки.

— И едят, как голодные волки,— заметила мать.— Видел, сколько я хлеба нарезала? А сейчас посмотри — пусто. Страшновато мне за них, а с другой стороны, воздух Шельды им явно на пользу.

— Реки боишься,— усмехнулся отец.— По-моему, гонять по улицам на велосипедах гораздо опаснее. Завтра съезжу с ними в порт. Хватит им уже сидеть у маменькиной юбки.

— Это, конечно, правильно,— вздохнула мать.

Краны еще не начали свою разрушительную работу, и «Альтамаре» стоял у причала, словно только что ошвартовался. Бернар очень удивился, увидев, что мальчики выскочили из машины.

— Порядок! — крикнул Ян, подбегая к рубке.— С нами приехал папа!

— Ох, ребята, шлюпка будто специально для вас! Отличная парусная лодка с мотором.

— Добрый день,— поздоровался отец.— Я вижу, все у вас на мази.

— Это верно,— сказал Бернар.— Если не возражаете, можно хоть сейчас пойти посмотреть.

Не без удовольствия следовал отец по трапу «Альта-маре» за своими сыновьями, державшимися, как заправские моряки. На верхней палубе он застыл в восхищении. Подумать только. На месте, где еще совсем недавно был польдер, раскинулся огромный промышленный район: армия кранов размахивала руками-стрелами; по дорогам двигались поезда, машины, тракторы; на реке сповали буксиры, баржи, лодки... Слева вдали высились белоснежные нефтебаки и похожие на минареты вышки Нефтяной гавани, а из стальной трубы вырывался в небо огромный язык пламени, словно увеличенный в сотни раз факел на могиле Неизвестного солдата.

— А вот и она!

— Папа, вот наша лодка!

— Да, да... лодка,— рассеянно отозвался отец.— Сколько же, интересно, народу здесь работает?

— Шестьдесят тысяч,— сказал Бернар.

— Шестьдесят тысяч! — удивился отец.— Только на берегу?

— Только на берегу,— подтвердил Бернар.— А будет еще больше. Порт-то все растет.

Ян решил, что они уже достаточно внимания уделили порту. Пора заняться лодкой. Бернар снял покрывавший ее брезент, вытащил из нее снасти, спасательные пояса и жилеты и разложил возле трубы. Паруса уже сохли на солнце. От них пахло сыростью, но паруса были добротные, без единой дырочки.

— Конечно, не бог весть что. Зато все на ней как новое. А для ваших мальчиков эта шлюпка самая что ни на есть подходящая.

— А не великовата она?

— Что вы! Аккурат то, что надо. Ведь их трое, да и вам, глядишь, прокатиться захочется...

— Ладно. Вечером я съезжу к вашему хозяину. Сколько примерно может стоить такая лодка?

— Ну, я-то к продаже отношения не имею. Ваши мальчики мне тут кое в чем помогали, и мне бы хотелось... в общем, не знаю... Да вы поезжайте к хозяину, все будет в порядке.

— А где мы ее поставим? Об этом вы подумали?

— В Лилло,— сказал Боб.— Гавань там большая, можно тренироваться хоть с утра до вечера.

— В Лилло так в Лилло. Но как ее туда переправить? Буксир придется нанимать?

— Зачем буксир? Деньги только зря тратить. Наладим ее здесь, а в Лилло перегоним своим ходом. Вот вам номер мотора, придумайте ей имя, и можете ехать оформлять документы. Ну, ребята, как назовем лодку?

Вот об этом они и не подумали.

— «Бернар»,— решительно заявил Марк.

Имя понравилось всем. На том и порешили. Сторож был очень растроган.

— Хорошие вы ребятаки,— сказал он им на прощание.

Шлюпку еще раз тщательно осмотрели, проверили, все ли у нее в порядке. Мальчики торопили отца: неужели ему не надоело любоваться стариком «Альтамаре»? Поедет ли он наконец к хозяину корабельного кладбища?

В это время к воротам подкатила красная спортивная машина.

— Опять пожаловали! — пробурчал сторож.— Целый день здесь торчали!

— Это те двое, с биноклем,— сказал Боб и покосился на Яна.

«Не хватает только, чтобы они лягнули при отце насчет моей вылазки,— подумал Ян.— Тогда прощай лодка».

— Эти типы закупили все дерево с «Альтамаре». Всю внутреннюю обшивку и всю старую мебель.

— А новую? — поинтересовался отец.

— Новую нет. Зато старье забрали все до последней дощечки: столы, стулья, шкафы, обшивку, трапы.

— Может, они работают у антиквара? — предположил Ян.

— Куда антиквару такая гниль? Все уже червями источено.

— И все-таки на сумасшедших они не похожи. Вон на какой шикарной машине раскатывают,— сказал Ян.

Блондин и Усач поднялись на борт и прямоком прошагали в салон.

— Как бы они вашу лодку не прихватили невзначай,— предупредил Бернар.— Здесь сегодня такой шум был.

— Па-па,— канючил Марк,— давай прямо сейчас в город поедем...

— Ладно уж,— сдался отец.— Чем скорее покончим с формальностями, тем лучше.

Господина Фербёкена они в конторе уже не застали. Марк чуть не заревел. Все! Значит, прозевали шлюпку!

Однако он плохо знал своего отца. Раскачать его трудно, но уж если он за что-то взялся, на полдороге не остановится.

Итак, решено было немедленно разыскать господина Фербекена. В небольшой сосновой рощице, возле дома, перед которым лежал якорь времен Колумба, они вышли из машины.

— А, так вот они, наши морские волки! — приветствовал их хозяин дома.

— Разве вы знакомы? — удивился отец.

— Лично нет, но мне рассказал о них Бернар. Он только что звонил. Насколько я понял, вы хотите купить шлюпку или лодку, не знаю, как она там называется...

— Да, хотим, — подтвердил отец.

Откуда такая покладистость? Мальчики думали, что отец сначала спросит о цене, потом начнет нудно торговаться и так надоест хозяину, что тот уступит, лишь бы отделаться. И вдруг ничего подобного.

— Я уступлю ее вам за шесть тысяч франков, — сказал господин Фербекен. — Это баснословно дешево, но ведь все мы когда-то были мальчишками... Да и Бернар просит, чтобы я продал ее именно вам.

— Так, может, сразу и купчую составим? — предложил отец. — Номер мотора у меня записан.

Он пошарил по карманам и вытащил клочок бумаги. А господин Фербекен — такой мировой дядька! — тут же заложил в машину лист бумаги и стал печатать. Потом он наклеил на купчую две гербовые марки и передал отцу:

— Желаю удачи!

Отец расплатился и спрятал документ во внутренний карман пиджака. Нет, нет, спасибо, пить ему нельзя, он за рулем, как-нибудь в другой раз, а вот сигару возьмет с удовольствием.

— Ну что ж, ребята, если вам еще что понадобится, поищите на корабельном кладбище. Бернар вам поможет, я ему скажу. Только осторожнее, пожалуйста, там ведь и на голову может что-нибудь свалиться.

Приехав на следующий день в порт, мальчики увидели свою лодку уже на суше. Это сторож с помощью крановщика установил ее на подпорках из старых деревянных брусьев от «Альтамаре», на которые никто не поза-

рился. Марк шумно вдохнул воздух и двумя пальцами зажал нос. На глазах у него выступили слезы.

— Я промазал ее специальным средством от гниения,— пояснил сторож.

— Ну и вонь! — ворчал Марк. — Прямо горло перехватило!

А сторож смеялся.

— Эта вонь полезная,— наставительно приговаривал он. — Раз уж вытащили судно на берег, надо сделать все как полагается. Проконопачена она на славу. Мачту подходящую я нашел; может, чуть укоротить только придется. А паруса первый сорт, вы сами видели. Так что завтра можно начинать красить. Но прежде надо ободрать хорошенько старую краску, чтобы поверхность стала совсем гладкая.

Сторож, видно, уже всей душой привязался к «Бернару». Вот и хорошо. Одним бы им ни за что не справиться.

— Ну-ка, Марк, принеси воды да вымой паруса. Ты, Боб, разбери блоки и смажь их получше. А мы с Яном посмотрим помпу, с ней что-то неладно.

Только братья взялись за работу, как опять подкатила красная спортивная машина.

— До чего же они мне надоели! — пожаловался сторож. — И ломают, и ломают! Вон уже какая куча обломков, ни проехать, ни пройти, а им все мало. Сам хозяин сказал им, чтобы убрали мусор, а они и не чешутся.

На сей раз Блондин явился без бинокля. Усач слегка прихрамывал. Оба мальчика поднялись на судно, даже не взглянув на сторожа.

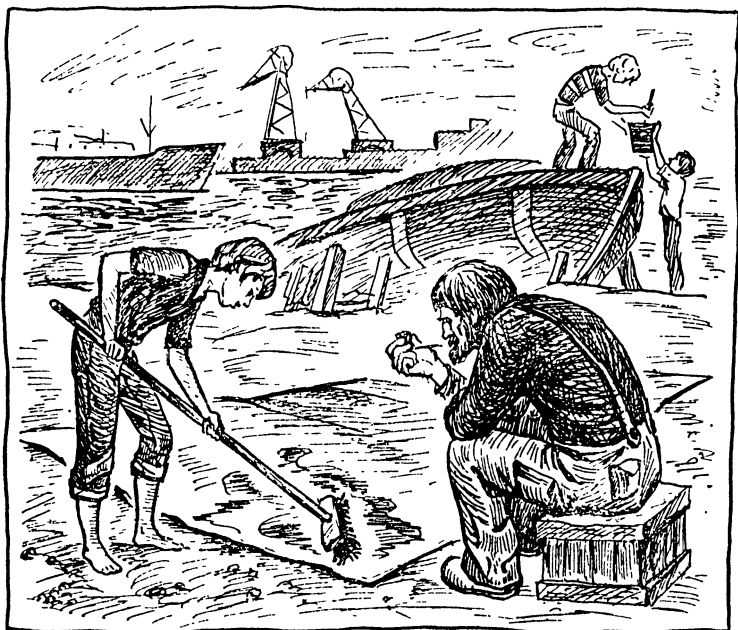
— С утра до вечера здесь торчат, работать мешают. Как ни посмотришь, они уже тут.

Марк старался изо всех сил: окатывал паруса водой, тер щеткой, снова водой поливал. Вскоре вокруг него стояли лужи, как после хорошего ливня.

— Так до дыр можно протереть,— сказал сторож. — Развесь вон там, на веревке. Высохнет — я уберу. Проверь-ка теперь якорную цепь. Да хорошенько, звено за звеном. Прочность цепи зависит от прочности каждого звена.

«Ничего-то он не забудет,— думал Ян. — Вот была бы потеха, если б отдали якорь, а цепь оборвалась!»

Они разобрали помпу, осмотрели, и Бернар остался очень недоволен.

— Эта штука проржавела насквозь, — сказал он. — Мы вот что сделаем: возьмем помпу со спасательной шлюпки, а эту положим на ее место. Авось хозяин не обеднеет.

— С какой шлюпки? С танкера?

— Нет, те великоваты. Пойдем на «Альтамаре». Прихвати разводной ключ, а я молоток возьму.

На палубе сторож остановился и прислушался. У Яна даже мелькнула мысль, что и поход за помпой Бернар придумал, чтобы проверить, чем заняты те двое. В салоне их не было. Сторож свернул по коридору направо. Дверь в капитанскую каюту была прикрыта неплотно. Оттуда доносилось громкое пыхтение, словно там боролись. Ян подошел к двери, за ним на цыпочках подкрался сторож. Блондин и Усач как раз отодрали большой кусок обшивки и бросили в кучу обломков, громоздившуюся посреди каюты. Светя фонариком, они тщательно осмотрели обнажившиеся стены, заглядывая в каждую щель. Но, видно, они не нашли того, что искали, так как Усач снова навалился на лом.

Бернар тихонько тронул Яна за плечо и выразительно кивнул: мол, пошли-ка отсюда подобру-поздорову. Когда они вышли на палубу, он сказал:

— Вот чудак, ей-богу! Заплатить за обшивку такие деньги, а потом кромсать, будто она гроша ломаного не стоит!

— А может, они хотят отказаться от покупки? Скажут, что дерево поломано и им такое не нужно. Надо бы предупредить господина Фербекена.

— Ну, знаешь! Изломать все к черту, чтоб потом отказаться? А фонарик зачем? Что они там ищут?

— Хоть убей, не понимаю,— сказал Ян. Да ну их. Пошли за помпой.

Они без труда сняли помпу со шпангоута, на котором она была закреплена.

— Ну вот, совсем другое дело,— с удовлетворением сказал Бернар.— Лодочка у вас будет — всем на загляденье.

Грохот в капитанской каюте усилился. Те двое, как видно, работали уже кувалдой. Сторож забеспокоился. Надо все-таки позвонить хозяину.

Он ушел, но вскоре вернулся:

— Говорит, что за дерево они заплатили и пусть делают с ним, что хотят. А вот находиться здесь после шести вечера запрещено. Придется их выпроводить. Пошли со мной.

Увидев сторожа, громилы немного растерялись, но тут же снова взялись за свое как ни в чем не бывало!

— Хозяин звонил,— сказал Бернар.— Он никому не разрешает оставаться на борту после шести вечера.

— Это почему же? — раздраженно спросил Блондин. У него был писклявый голосок, совсем не подходивший к его массивной фигуре с широкой грудью и бычьей шеей.

— Спрашивайте у хозяина. Я тут ни при чем.

— Днем нам, может, некогда,— огрызнулся Блондин. Но Бернар не сдавался:

— Ничем не могу помочь. Придется вам уйти.

Усач плюнул со злости, но все-таки пошел прочь. Блондин еще помахал кувалдой, посветил фонариком, потом тоже нехотя поплелся к трапу, бросив через плечо:

— Хозяйский прихвостень!

Красная машина умчалась.

— Нахалы бессовестные! — проворчал сторож.

— Еще какие нахалы! — поддакнул Марк, передразнивая писклявый голос Блондина.

— Да ну их совсем. Так когда, значит, красить начнем?

— Завтра,— сказал Ян.

— А вы разве завтра свободны?

— Ага. Сегодня последний экзамен сдали.

— Ну и как? Порядок?

— Спрашиваешь! — ухмыльнулся Боб.

— Ну, значит, завтра и начнем.

— Поехали домой, ребята,— сказал Ян.— Я устал как черт!

— До свиданья, Бернар! — хором крикнули братья.

— Смотрите, яхты! — воскликнул Марк.

Вдали на реке показалось несколько яхт.

— Красота! — восхитился Боб.— Ну ничего, наш «Бернар» будет не хуже.

— Еще неделька — и мы тоже поплывем,— сказал Марк мечтательно.

Братья не отрывали глаз от яхт, пока те не скрылись в бухте Пейп-Табак.

— Поторапливайтесь, уже поздно,— сказал Ян.

Впервые в жизни братья послушались его с первого слова. Будто уже признали в нем капитана, отвечающего за благополучное плавание, за безопасность судна и экипажа.

И вот наконец братья вместе с отцом отправились в порт забирать свою лодку.

Близко к «Альтамаре» подъехать им не удалось. Крапы уже потрудились на славу и разобрали всю верхнюю надстройку. Вокруг лежали горы всякого хлама. У штурманской будки высилась куча щепок красного дерева.

— Здорово наши психи поработали! — пропищал Марк, подражая голосу Блондина.

— Нехорошо передразнивать. Разве человек виноват, если у него такой голос? — одернул его отец.

— А зачем они испортили хорошие доски и мебель? И Бернару теперь из рубки ничего не видно,— не унимался Марк.

— Мы утащили у них ножку от стола и сделали из нее румпель,— сказал Ян.— Вот шуму будет, если узнают!

— Да на что им эта ножка? Все равно сгнила бы под дождем,— возразил Боб.

— А что, румпель был сломан? — спросил отец.

— Да нет. Его просто не было. Мы выточили его из этой ножки.

Отец поинтересовался, где же «Бернар», и Марк показал ему на мачту, торчащую над пристанью.

— Вчера мы спустили его на воду. Сейчас ты увидишь нашего красавца.

Подойдя поближе, отец широко раскрыл глаза. Что за чудо! Ничего похожего на ту шлюпку, которую он видел на «Альтамаре».

Светло-красный, с белой каймой по борту «Бернар» выглядел великолепно. Покрытые лаком палуба и полубак блестели, как зеркало, в них даже отражались облака и голубое небо. Серебристый якорь был надежно закреплен на полубаке, паруса — в полной готовности, хоть сейчас подымай, а на флагштоке развевался трехцветный флаг. Еще один маленький флажок служил флюгером. Старый сторож по-матросски отдал им честь на борту яхты.

Здесь отцу тоже все очень понравилось. Каюта была просторная, места для троих вполне достаточно. На столе лежали планы доков Западной и Восточной Шельды. Марк с гордостью показал ему несколько удобных рундуков и ящичков, где можно хранить провиант и всякие хозяйственные мелочи. Показал он и бак для питьевой воды вместимостью в тридцать литров.

Пора было отплывать. Мальчики проверили, исправны ли сигнальные огни и хорошо ли заворачивается крышка бензобака. Показали отцу, что все трое умеют пользоваться компасом.

Отец, к сожалению, не мог поплыть вместе с ними: ему придется поехать в Лилло на машине, чтобы к шести вечера доставить сторожа обратно в порт. Он сходил к машине, принес пластиковую папку и торжественно вручил ее старшему сыну. В папке лежали купчая на «Бернара», квитанция об уплате налога за плавание по реке, страховой полис и толстая тетрадь, на которой красивым почерком было выведено: «БОРТОВОЙ ЖУРНАЛ МОТОРНОЙ ЛОДКИ «БЕРНАР».

Затем отец снял причальные тросы, бросил их на палубу. «Бернар» сразу набрал скорость и понесся вперед, вспенивая воды дока. Попав в кильватер буксира,

он накренился немного влево, но, послушный рулю, сразу же выпрямился. У подъемного моста, где столпились баржи, груженные автомашинами, сторож дал полный газ. Новый румпель удобно лежал в ладони Яна. Вот это скорости! Марк и Боб, сидевшие рядышком на полу-баке, впервые в жизни онемели от восторга.

На сигнальной мачте зажглись лампочки, разрешая вход в шлюз. Сторож сбавил ход. Маленькие проворные буксиры провели через шлюзовые ворота польское грузовое судно. Отец уже был здесь. Он стоял рядом со зрителем шлюза и махал им платком. Зритель знаком показал, что «Бернар» тоже может войти. Ян, осторожно лавируя между судами, провел свою лодку до выходных ворот. Пока спускали воду, сторож с Бобом баграми отталкивались от стенки, а Марк держал крапцы, оберегая от царапин свежевыкрашенные борта.

Наконец ворота открыли, и Шельда приняла их в свои объятия. В буксирах «Бернар» не нуждался. Мимо волнорезов, сигнальной мачты и причальных тумб устремился он в голубые воды реки. Братья едва успели помахать на прощанье отцу. Могучее течение подхватило их. Лодка запрыгала на волнах, как оторвавшийся сигнальный буй. Сторож показал им на футшток, отмечающий уровень воды в реке. Вода поднялась уже до семи футов, а прилив все усиливался.

— В Лилло еще не скоро будет достаточно воды, чтобы войти в гавань. Давайте пока поучимся обращаться с парусами.

— Давайте! — дружно отозвались братья.

— Надеть спасательные жилеты! Поднять паруса!

Мотор выключили, и сразу стало тихо. Северо-западный бриз наполнил фок. «Бернар» слегка накренился на левый борт, и Марк торопливо пополз на правый. Но тут «Бернар» снова выпрямился и беззвучно заскользил по воде.

— Держаться надо всегда по ветру, — сказал сторож.

Ян кивнул. Что-что, а управлять с парусами он умеет. Бернар кинул в воду спасательный круг и крикнул:

— Человек за бортом!

Ян мгновенно развернул лодку, а Боб, свесившись за борт, подхватил «утопающего». Маневр был проделан безукоризненно.

— Молодец! Я бы и то лучше не сумел,— похвалил Бернар.— Но про мотор тоже не забывай. Он может тебе понадобиться.

Сделав несколько кругов, они пересекли фарватер и шли вдоль левого берега, пока Бернар не предложил повернуть и идти в гавань.

— На парусах? — удивился Боб.

— Ну конечно!

Боб не поверил:

— Как это можно идти на парусах против ветра?

— По прямой, разумеется, нельзя,— пояснил сторож.— Надо лавировать.

— А-а, зигзагами?

— Точно!

Ян сразу сообразил, как надо делать. Круто к ветру «Бернар» тоже шел очень хорошо, так что им всего лишь три раза пришлось менять курс.

— Довольно,— сказал Бернар.— Теперь Боб и Марк должны поучиться быстро спускать и поднимать фок.

Еще с час тренировались младшие братья, и вдруг они увидели на берегу отца. Он показывал на часы.

Сторож всполошился:

— Ой, ребята, я опаздываю! Давайте скорее к берегу.

Паруса спустили, Боб крутанул рукоятку мотора, и «Бернар» направился в свою первую гавань.

Мальчики задержались на пристани, чтобы убрать паруса и привести судно в порядок после первого плавания. Они устроили настоящий аврал. Палубу отдраили и окатили водой — на борту не должно быть ни пылинки. Марку велели разуться, потому что его сандалии царапали лак. А Бобу Ян запретил открывать бензобак, «иначе в него попадет сор и забьет бензопровод».

Утром еще одна тренировка, и тогда...

Тогда они поплывут далеко-далеко, к самому горизонту.

А отец вез сторожа Бернара обратно в порт.

— Вы за них не тревожьтесь,— убеждал его сторож.— Ян ловко управляет с парусами. Младшие тоже смышленные ребяташки. Быстро всему научатся.

Дома мальчиков ожидал сюрприз. На столе лежал барометр и стоял транзисторный приемник.

Отец стал им объяснять, что они должны дважды в день записывать в бортовой журнал показания баромет-

ра и при приближении непогоды немедленно уходить в гавань. Приемник же им дается не для того, чтобы слушать джаз или модные песенки.

— Нужно всегда помнить,— говорил он,— что на реке вы не одни.

Так вот, приемник им куплен для того, чтобы они знали погоду.

Если в сводке сообщат, что ожидается ветер в пять баллов, немедленно поворачивать в гавань, а если не успеют, стать на якорь, где потише. В туман никаких экспериментов — сидеть в гавани.

Марк возмущился.

— Так мы все время и будем торчать на суше,— сказал он.— На Шельде всегда ветер. А не ветер, так дождь или туман.

Ян дернул его за рукав и шепнул, чтоб заткнулся, не то он ему такой туман покажет.

А отец продолжал наставления:

— Вы должны хорошенько выучить «Правила судоходства по Шельде» и «Правила судоходства во внутренних водах». И обязательно уступайте дорогу всем судам, не вздумайте шмыгать у них под носом. А сейчас съездите к Бернару и поблагодарите его.

— Это ему от меня,— сказала мать и протянула мальчикам пакет, от которого вкусно пахло ванильным кремом.

У Марка сразу потекли слюнки.

— Бернару это ни к чему,— заявил он.— У него от сладкого зубы болят.

Отец дал еще две бутылки вина и просил передать деньги за компас.

— За компас?

— Ну да. Компас из спасательной шлюпки. Бернар давал его проверить. Только устанавливайте компас подальше от мотора, а то он будет врать. И вообще подальше от всех металлических предметов. Да проверяйте почаще. Умеете?

— Я умею,— сказал Ян.— Надо взять две точки на местности, провести через них прямую, выяснить направление по компасу, а затем сверить с направлением по карте.

— До чего же ты у нас ученый!— съязвил Боб.— Того и гляди, какое-нибудь открытие сделаешь.

— Оставь транзистор в покое, пока он цел! — оборвал его Ян.

Они еще поспорили, кому владеть приемником и барометром, но отец разрубил гордые узел, дав понять, что, поскольку он владелец «Бернара», весь инвентарь лодки принадлежит ему. Ян же капитан и, как таковой, отвечает за все.

— Ну конечно, — ворчал Марк, — одному все, другим ничего. Всегда так бывает!

По пути в порт их настиг дождь. Марк предложил скорее съесть торт. Жалко ведь, пропадет. А Бернару хватит и вина. Отец же, наверное, ему заплатил.

Братьев возмутила такая неблагодарность. Они обозвали Марка эгоистом и прожорливой свиньей. Эгоист — это еще куда ни шло, а вот на «свинью» Марк обиделся. Поэтому он отстал и ехал на некотором расстоянии, злясь на братьев, на плохую погоду и на то, что торт ему так и не достался. Ян крикнул, чтобы он поторапливался.

— А куда торопиться? — буркнул он. — Мост-то поднят.

И правда. Мост торчал почти вертикально. Два речных судна, видневшихся сквозь дождевую завесу, осторожно проходили узкое место.

— Вот бы забраться на самый верх, — уже забыв обиду, мечтал Марк.

— Это еще зачем?

— А чтоб, когда его будут опускать, взять да спрыгнуть.

— Какой герой выискался! — усмехнулся Ян.

Наконец шлагбаум открыли, скопившиеся возле него машины и тракторы тронулись. Один из тракторов тащил длинный и низкий прицеп. Въехав на мост, он вдруг забуксовал. Его мотало вправо и влево, а прицеп ни с места. Потом трактор занесло, и он стал поперек моста. Ехавшая ему навстречу красная спортивная машина чуть в него не врезалась. За рулем сидел Блондин. Он не стал ждать, пока трактор развернется, объехал его и мгновенно скрылся из глаз.

— Видали? — сказал Марк.

— Наверно, Бернар опять прогнал их с парохода, ведь шесть уже давно пробило.

Второй трактор догадался все-таки подтолкнуть прицеп, и все снова пришло в движение.

На корабельном кладбище ни души. Наверно, Бернар у себя в рубке.

— Бернар!

Никакого ответа.

— Может, он на борту?— сказал Ян.— Заглянем-ка на всякий случай в рубку.

Дверь сторожки была не заперта. Они распаковали свои гостинцы и поставили их на маленький письменный стол в углу. Потом полезли на «Альтамаре».

— Бернар! Бернар!

— А вдруг он свалился в люк?— сказал Боб.

— Не будь идиотом,— сказал Ян.— Что он, маленький? Бернар!

Их голоса гулко разносились по коридорам.

— Может, он нас напугать решил,— робко сказал Марк. Он заметно трусил.

— Черт знает какая темень! — буркнул Боб.— И все из-за этого чертова дождя.

— Так зажги чертову лампу.

Марк неуверенно хихикнул:

— Бернар, это мы!

— Может, позвонить господину Фербекену?— предложил Боб.— Телефон у меня записан.

— И доставить Бернару неприятности?— возмутился Ян.— Соображать надо. Может, он просто задержался у мастера, который чинит наш компас. Скоро, наверное, придет.

— Он никогда надолго не уходит,— возразил Боб.

Они обшарили все коридоры, заглядывали в каюты, салоны, столовую, кладовую, поднимались на вторую палубу, спускались на нижнюю и все кричали:

— Бернар! Бернар!

— Надо поглядеть в трюме,— сказал Ян.— Вдруг он и вправду в люк свалился.

— А сам меня идиотом обозвал,— напомнил Боб.— Ладно, пойду принесу фонарик.

Но оказалось, что батарейки у фонарика почти сели, и луч его не доставал до дна трюма.

— Ждите здесь,— сказал Ян.— Я попробую спуститься.

Со страхом следили братья, как Ян спускался вниз по крутому трапу. Один неверный шаг — и он полетит с двадцатиметровой высоты и расшибется в лепешку. Вот он остановился и посветил вокруг фонариком.

— Бернар! — крикнул он.

Его голос гулко отозвался в пустоте.

— Ян! — позвал кто-то.

Ян вздрогнул и с перепугу выронил фонарик.

— Ян! — еще раз крикнул Марк. Это его голос, искаженный эхом, напугал Яна.

— Чего шумишь? — крикнул Ян.

— Он там?

— Нет. Я лезу вверх. Надо посмотреть в машинном отделении.

Марк тем временем сбегал еще раз в сторожку. Торт и бутылки с вином стояли нетронутыми. Сомнений больше не было: с Бернаром что-то случилось.

Массивная водонепроницаемая дверь машинного отделения была чуть приоткрыта. Очень страшно было спуститься в полутьме по бесконечным лесенкам, в путанице каких-то труб. Но Ян храбро пробирался вперед и то и дело окликал: «Бернар!»

Что это? Вроде кто-то стонет...

— Бернар!

Точно! Он явственно слышит стоны. Ян заторопился, быстро проскочил два пролета и на железном полу увидел распростертое тело Бернара.

Бернар зажмурился от света фонарика.

— Это ты, Ян?

— Я. Что случилось?

— Не знаю. Их было трое. Они полезли на борт. Я крикнул им, чтоб убирались. Они поль внимания. Я пошел за ними, и вот видишь..

— Тебе очень больно?

— Голова болит и спина...

— Надо поскорее извлечь тебя отсюда. Боб, Боб!

— Чего тебе?

— Бернар здесь. Он ранен! Позвони господину Фербекену и вызови «скорую». Быстро!

— Да ничего, ребята. Вроде отпустило... Ох, спина!..

— А что это были за люди?

— Кто их знает. Наверно, не раз сюда наведывались. Знают судно, как свои пять пальцев.

— А те двое тоже были?

— Нет. Какие-то другие. По-моему, иностранцы. Спросили, кто отодрал обшивку. Я сказал, что не знаю.

— А говорили по-фламандски?

— Только один, да и то с акцентом. Я им сказал, что

вечером запрещено находиться на борту, но они не послушали и полезли в машинное отделение... Ох, спина!..

— Потерпи, сейчас придет «скорая».

— Я предупредил, что позвоню в полицию, тогда один из них бросился на меня и толкнул вниз. Спина и головой я пересчитал все ступеньки.

— Ты не слышал, как мы тебя звали?

— Слышал, только сил не было крикнуть.— Он попробовал приподняться.

— Лежи спокойно,— остановил его Ян.— Неизвестно еще, цел ли у тебя позвоночник.

— И что они тут искали?— сказал Бернар.— Тоже обшивкой интересовались, как те двое.

— Тех мы встретили на мосту,— сказал Ян.— Гнали, как на пожар.

— Нет, тут не они были. Какие-то иностранцы. У них черный «форд».

— Принести тебе попить?

— Принеси, пожалуйста. Термос у меня в шкафу.

— Я принесу кое-что получше.

Поднявшись наверх, Ян услышал сирену «скорой помощи», и через минуту машина подошла к воротам.

— Сюда!— крикнул Ян.— Носилки захватите!

Подъехала еще одна машина. Это был господин Фербекен с полицией.

Мальчикам ужасно хотелось поскорее отправиться в плавание. Но не бросать же Бернара одного. Они прекрасно понимали, как тяжело старому человеку, который всю жизнь провел под открытым небом, лежать без движения в маленькой больничной палате. У него, правда, есть дочь, но она живет в Брюсселе и у нее трое детей, так что часто приезжать она не может. Значит, они должны взять эту заботу на себя. А еще неизвестно, сколько Бернар пролежит в больнице. Рентгеновские снимки показали, что повреждены четыре позвонка.

— С позвоночником шутки плохи,— сказал им отец.— Может, Бернар уже через две недели будет на ногах, а может, на всю жизнь останется инвалидом.

Ребята были потрясены. Как! Из-за каких-то бандитов остаться калекой на всю жизнь!

— Ну, попадись они мне!..— петушился Марк.— Убыло!

— Хотел бы я знать, что они там искали,— задумчиво сказал отец.— Зачем их понесло в машинное отделение?

— Может, они хотели закупить медь и бронзу?

— Возможно, но зачем было увечить старика?

— А по-моему, на «Альтамаре» спрятан клад,— сказал Боб.— Кто-то об этом пронюхал, и теперь его ищут. Бернар тоже так считает. Мы с ним говорили об этом.

Фантазия ребят разыгралась. Что же там такое спрятано? Золото, оружие, наркотики, секретные документы? Они долго ломали голову, но так ничего и не придумали. По совету Бернара они целую неделю просидели в архиве городской библиотеки. Изучили подшивки газет с 1937 года — с того дня, когда «Хягеланд», как тогда назывался «Альтамаре», был спущен на воду, и до мая 1940-го. Обнаружили много интересных фотографий, заметки о столкновении с айсбергом, о спасении команды греческого судна и прочих событиях, но ничего такого, что как-то прояснило бы обстановку, им найти не удалось.

Но вот настал день, когда Бернар встретил их у дверей палаты.

— Меня еще раз посмотрели на рентгене, говорят, все в порядке,— сказал он.— Ходить, правда, еще трудноვა-то, но это пройдет.

— А голова как?— спросил Боб.

— Побаливает, но ничего страшного. Главное, что сотрясения мозгов не было.

— Крепкие мозги, значит,— хихикнул Боб.

— Издеваешься,— улыбнулся Бернар.— Ну ладно, попроси у меня теперь чего-нибудь, уж я тебе припомню.

А завтра он уже ждал ребят, как всегда, на корабельном кладбище, у штурманской рубки, которая служила ему сторожкой. Возле кучи обломков стоял потрепанный грузовик. Шофер и два грузчика перетаскивали в кузов куски обшивки и поломанную мебель.

У входа в порт остановилась красная спортивная машина. Из нее вышли Блондин и Усач и направились к грузовику. Когда они подошли, шофер разогнулся, вытер пот со лба и стал что-то им втолковывать, показывая то на кучу, то на свою машину. Боб не удержался и подошел поближе.

— Здесь не меньше, как на три ездки,— сказал шофер.

— Ну и что? До свалки рукой подать,—сказал Блондин. — За день управишься.

— Как же, управишься. Ишь навалили! — ворчал шофер.

Боб хотел было прокатиться следом за грузовиком до свалки, но Ян запретил.

— Нечего тебе там делать,—отрезал он.— Бернар, а тот черный «форд» больше не появлялся?

— Я не видел. Да и мой сменщик тоже. Но в порту эти парни не впервой, это уж точно. Все здесь знают.

— А мы завтра плывем в Тернёзен! — радостно сообщил Марк.

— Мне бы с вами, — вздохнул Бернар.

— Ничего, как выдастся у тебя свободное время, обязательно вместе поплаваем, — обещал Ян.

Старый грузовик очень осторожно тронулся с места, но при первом же толчке ворох досок съехал на сторону.

— Сразу видно, что не антверпенские докеры грузили, — сердито сказал Бернар. — Если б эти лопухи загружали судно, ему бы до места не дойти.

И Бернар объяснил мальчикам, что если груз плохо закреплен, то при самой малой качке он съедет к одному борту. Тогда судно даст крен и может даже перевернуться.

— Так что будьте осторожны,—предупредил он.— И на стремнинах не очень натягивайте паруса. От этого тоже можно перевернуться.

— Не беспокойся, мы будем осторожны, — заверил его Ян. — Ну, ребята, поехали. Надо пораньше лечь. Завтра в пять мы уже должны быть в Лилло. А то не выйдешь из гавани.

— В пять высокая вода? — спросил Боб.

— Самый прилив, — сказал Бернар. — Сейчас ведь полнолуние. Эх, ребята, как я вам завидую!

Никогда, казалось, не была Шельда так красива, как в то утро. На горизонте поднималось солнце. В его ранних лучах колыбался легкий туман. Вода была гладкая, точно зеркало: ни единой морщинки до самого Бёрендрехта. Ярко зеленела влажная от росы трава. Над полем медленно, словно во сне, летели две цапли.

Оставив велосипеды на стоянке, мальчики потащили к лодке рюкзаки с провизией и полную канистру бензи-

на. Вода в гавани поднялась высоко и залила мостки, так что пришлось шлепать прямо по воде. «Бернар» смиренно стоял у причала. Капельки росы, собираясь в струйки, стекали по его бортам и мачте. На крыше каюты уже налетела небольшая серебристая лужица.

Марк полной грудью вдохнул воздух и, раскинув руки в стороны, замахал, словно птица крыльями.

— Эй, мы ведь не лететь собрались, а плыть,—напомнил ему Ян.

Любители парусного спорта обычно не слишком радуются безветренной погоде, но в этот день все было так прекрасно, а воздух такой чистый и бодрящий, что ребята быстро утешились.

— Пойдем на моторе, — решил Боб. — Хорошо, что прихватили в запас двадцать литров бензина.

Ян отвинтил крышку бензобака. Хватит до самого Тернэзена. К тому же через пятнадцать минут начнется отлив, так что можно будет воспользоваться мощным отливным течением. «Если пройти боковым фарватером, то мы срежем угол да и бензин сэкономим»,— думал Ян.

— Пойдем через протоки, — объявил он. — Разверните-ка карту. Пусть лежит на столе.

— Какие еще протоки?

— Ну, во время прилива, когда вода идет с моря, она ищет кратчайший путь и пробивает протоки. Но прилив несет с собой много песка, поэтому в протоках неглубоко и морские суда там не ходят.

Но Марка объяснение старшего брата не удовлетворило.

— Да ведь прилив идет и по главному фарватеру, почему же там глубоко?

— Потому что главный фарватер регулярно чистят.

— Почему же тогда протоки совсем не заносит песком?

— Бывает, что заносит, тогда вода пробивается в другом месте. А бывает, что и фарватер перемещается, тогда приходится переставлять буи. Вообще за руслом реки ведется постоянное наблюдение, иначе могут быть всякие неприятности, — объяснял Ян, скатывая брезент, покрывавший палубу.

Боб копался в моторе. Потом он крутанул рукоятку. Мотор не заводился.

— Перекачал горючее, — сказал Ян, сразу почуяв запах бензина.

— Нет, это барахлят свечи, отсырели от росы, — самоуверенно возразил Боб. — Видишь, искры нет.

— Какая искра! Ты просто перекачал бензин. Оставь в покое подсос, — сказал Ян, но на всякий случай взял ключ и подошел к Бобу.

На свечи было страшно смотреть. Сажа висела на них хлопьями. Ян снял их, почистил, поставил на место.

— Давай заводи. Пора уходить. Вода уже падает.

Ян багром измерил глубину возле «Бернара» и скорчил такую мину, будто они уже сели на мель.

Боб старался изо всех сил, но мотор не заводился.

— Холодный, как айсберг, — ворчал он. — Надо теплее укрывать его.

Марк тут как тут:

— Яну что! Он только о своих парусах думает.

Ждать больше было нельзя. Отлив уже начался, и вода из Шельды медленно уходила в море. Ян сунул братьям по веслу, сел за руль и скомандовал:

— А ну, дружно, взяли!

Да, совсем иначе представляли они себе свое первое отплытие. Но такова жизнь. Раз мотор упрямится, приходится пускать в ход «ручной двигатель».

Благодаря заостренному корпусу «Бернар» и на весах шел довольно легко. Ребятам даже понравилось. А когда Ян вывел лодку на стремнину, они заработали так, что чуть весла не поломали. И лодка понеслась быстрее, чем на моторе. Так, по крайней мере, уверял Марк. Но мальчики быстро устали.

Мотор же словно только того и ждал. А может, его солнышком прогрело. В общем, он завелся с первого оборота.

Кильватерная струя тянулась за лодкой прямая как стрела. На волне покачивались бун. Братья улыбались во весь рот. Марк даже забыл спросить, почему над одним бумом белеет какой-то шар.

«Хорошо, что не спросил, — думал Ян. — Капитану нельзя отмалчиваться, если член экипажа задает ему вопрос. А я и сам не знаю, что это такое».

Ян взял себе за правило сразу же выяснять все, чего он не знает. Но сейчас на воде было так хорошо, что ему вовсе не хотелось лезть в каюту и рыться в справочниках.

— Интересно, почему они не на всех бухах радарные отражатели поставили? — задумчиво сказал Боб.

— Какие отражатели?

— А вон на том буге, видишь?

Так, значит, это радарные отражатели! Молодец Боб! В чем другом, а в технике он разбирается. Моторы, электричество, радио...

— Послушаем сводку погоды, — распорядился Ян.

Мальчики осторожно извлекли из полиэтиленового пакета транзистор, и над водой зазвучала музыка. Они приближались к Дулу. У входа в гавань стояли баржи для песка. Одну из них буксир зацепил и потащил к Бату. Там у отмели стоял земснаряд. Пустая баржа капризно прыгала на волнах, словно ей совсем не хотелось приниматься за работу.

По радио начали передавать сводку погоды. Диктор сообщил, что завтра утром ожидается похолодание и дождь. Циклон, центр которого находится над Ирландией, распространит свое действие и на Нидерланды.

— Вот мудрецы! — сказал Ян. — Достаточно посмотреть на небо — и сразу видно, какая завтра будет погода.

Небо было бледно-голубое, с легкой паутинкой облаков.

Боб посмотрел на небо, а потом легонько постучал пальцем по стеклу барометра. Стрелка камнем упала вниз.

— А диктор-то прав, — сказал он, — будут дождь и ветер.

— Что, старые кости ломит? — участливо осведомился Марк.

— Хотя бы действительно ветер поднялся, — сказал Ян. — Сегодня погода, конечно, отличная, но влетит она нам в копейчку! — Он с тревогой посмотрел на канистру.

Но Марк считал, что они вполне могут выловить из реки бочку, полную бензина, которую потерял какой-нибудь лихтер.

Тем временем «Бернар» подошел уже к границе с Голландией. Ян показал братьям, где эта граница проходит, сначала на карте, а потом на местности. Шельда здесь широкая, как море, от берега до берега не меньше километра.

Возле бакена у Сафтинге стояла рыбацья лодка. Рыбак на корме возился с сетью. Он приветливо помахал

мальчикам. Марк так бурно салютовал в ответ, что «Бернар» едва не перевернулся.

— За борт захотелось?—рявкнул Ян.

— Уж и шевельнуться нельзя!—проворчал Марк.

— Надень спасательный жилет, тогда и шевелись на здоровье.

— Смотрите, смотрите, затонувший корабль! — крикнул Боб.

В излучине Бата торчали из воды труба и мачты.

— Давай подойдем к нему, а, Ян?

— Нет, — отрезал Ян. — Мы пойдем через ту вот протоку, срежем большой угол и уберемся с пути морских судов.

— Где ты видишь суда?

— Они могут появиться в любую минуту.

А кстати — почему они не встретили ни одного судна? Ведь в Антверпенский порт ежедневно заходят сотни судов... Что же это значит? Может, у морского берега стоит туман? Надо проверить компас, а то попадешь в туман и не выберешься.

Ян изменил курс и повел лодку к затонувшему кораблю. Возле него стояло несколько ботов. У одного из них на рее вертикально висел красный лоскут.

— У них что, взрывчатка на борту?—спросил Марк.— Смотри, красный флаг повесили.

— Да нет. Этот флаг означает, что опасна большая волна, — разъяснил Ян. — Возможно, здесь работают водолазы.

— Под водой? — спросил Марк.

— Нет, дурачок. В небе. Летающие водолазы.

— А разве от водолазов бывают большие волны?

— Судам — понимаешь? — судам запрещается поднимать большую волну, когда работают водолазы. Волна может ударить водолаза обо что-нибудь и повредить ему скафандр или баллон, если он в костюме облегченного типа.

Разобравшись наконец с этим вопросом, Ян велел выключить мотор и занялся компасом. Вскоре он сообщил, что компас работает исправно, по крайней мере на этом курсе. А раз так, значит, можно продолжать путь.

Затонувший корабль остался позади. «Бернар» шел в излучину Бата.

— Местечко каверзное, — сообщил Ян. — За час до высокой воды прилив идет здесь со скоростью пять миль

в час, и лодку запросто может перебросить через те вон отмели. В прошлом году нас тут так мотало — света белого неувидели.

— А что в таких случаях надо делать? — спросил Марк.

Он живо представил себе, как их суденышко закрутит сейчас вокруг собственной оси.

— Ничего. Спустить паруса и ждать да надеяться, что тебя не швырнет на проходящее судно.

Отлив набирал силу, и буи все быстрее проносились мимо.

— Я есть хочу, — признался Марк.

Боб хотел было напомнить, что они всего два часа как из дому, но, увидев несчастную физиономию младшего братишки, сказал, что тоже не прочь подкрепиться.

Ян кивнул в знак согласия, и мальчики занялись приготовлением завтрака.

После завтрака Ян проверил, сколько у них осталось бензина, и удивленно присвистнул. Затем он сбавил газ. «Бернар» пошел заметно тише.

— Зачем ты это делаешь?

— Экономлю горючее.

— Но тогда мы слишком долго будем добираться.

— Конечно. Но это все-таки выгодней. Вот если б подул ветерок, я бы прямо двинул к Остенде или Зеебрюгге.

Он бы двинул, в этом братья не сомневались. Зато они очень сомневались, что отец одобрит бы его затею. В первый раз выйти под парусами — и сразу же махнуть в Северное море!

Конечно, в морском порту интересней, чем в такой дыре, как Тернёзен. В Остенде можно увидеть тральщики, фрегаты, корветы и патрульные катера, можно полюбоваться огромными пассажирскими судами линии Остенде — Дувр. А рыбачьи суда и траулеры, которые ходят в Исландию! Но если отец узнает, прости-прощай «Бернар».

— В Тернёзене в общем-то тоже интересно, — сказал Боб. — Мы ездили туда с классом на автобусе.

Они плыли у самого берега, используя сильное течение. Вода уже спала, и кое-где выступили белые песчаные банки. Над камышом на затопленных землях Сафтинге поднялся туман. Волшебное белое покрывало повисло над бескрайними отмелями.

— Где-то здесь есть проход, — сказал Ян. — Мы однажды пытались пройти, да только далеко не ушли: сели на мель.

У ребят даже мурашки по спине побежали, когда они представили, каково это — всю ночь проторчать в окутанном туманом болоте, в промозглой вони стоячей воды.

В Антверпен шло большое белое судно, на каких обычно возят фрукты. В окнах рубки поблескивало солнце. Казалось, судно подает световые сигналы. Вспененные волны катились от него к берегу.

— Держитесь! — крикнул Ян, разворачивая лодку носом к волне.

Братья вцепились в борт, удивляясь, чего он так испугался.

Но долго удивляться им не пришлось. Казалось, они попали в сильнейший шторм. Брызги летели прямо в лицо, а «Бернар» то взлетал на гребень, то зарывался носом в яму.

— Торопятся довести свои бананы, — сказал Ян.

Боб вытер лицо.

— Я уж думал, нам каюк, — признался он, принимаясь вычерпывать воду.

Марк тоже было решил, что настал их последний час. Один Ян был доволен.

— А лодка у нас что надо! — сказал он. — Совсем мало воды набрала.

Возле Хáнсверта показалось множество судов, больших и малых, морских и речных. Целая флотилия устремилась вдруг в Антверпенский порт. Никогда Ян не видел здесь сразу столько судов. «Пережидали, наверное, пока солнце разгонит туман», — подумал он.

На футштоке у Валсбóрдена было семь футов. Значит, в Оссениссе глубина сейчас не менее двух метров.

— Пойдем через Оссениссе, там пока еще достаточно глубоко.

Все песчаные банки выступили из воды. Фарватер у Оссениссе стал узким, как маленькая речушка. Течение то и дело тащило «Бернар» на мель. Ян дал полный ход, чтобы поскорей убраться с опасного места.

А вода все падала. Марк стоял на крыше каюты и смотрел вперед. Но то ли он зазевался, то ли Ян оплошал — только вдруг «Бернар» занесло влево, форштев-

нем он задел грунт и повернулся вокруг собственной оси. Ян заглушил мотор и прыгнул за борт. Глубина была ему по грудь. Боб попытался столкнуть лодку с мели багром, Ян, крихтя, помогал ему, но безрезультатно: «Бернар» прочно сел на мель.

Марк посмотрел на Яна:

— Что же нам делать?

— Придется переждать отлив, — сказал Ян. — Сейчас нам лодку не сдвинуть.

— Как это получилось? — спросил Боб.

— Лодка закапризничала, — сказал Ян. — Я дал право руля, а она повернула влево. На плоскодонке бы проскочили...

Ну что ж, ничего не поделаешь. Боб вприпрыжку побежал по песку, на ходу стаскивая рубашку. Марк вынул фотоаппарат и снял засевший на отмели «Бернар» и незадачливого капитана.

— Ждать придется часов шесть, — сказал Ян. — В Тернёзен теперь уже не попадем, против течения туда не дойти.

Боб все бегал по отмели. Марк, убрав аппарат, припустился за ним.

— А чем здесь плохо? — крикнул он. — Вода у нас есть, продукты тоже и в придачу роскошный пляж.

У Валсордена заворачивало гигантское современное судно.

— Эй, скорей сюда! Держите лодку!

Ян схватил красный надувной матрас и стал размахивать им, как флагом. До последней минуты он надеялся, что лоцман сбавит ход, но тот и не подумал. Грозно шумели машины, и через узкий пролив уже катилась первая высокая волна.

Ну, все. Ян бросил матрас и вцепился в борт. Набежавшая волна подняла лодку вместе с повисшими на ее борту мальчиками и отбросила метров на пять. Вторая волна перекатилась через лодку, а третья плеснула еще выше.

Когда волны откатились, «Бернар» лежал на боку. Шпангоуты треснули, а великолепная красная краска во многих местах была начисто содрана. Не исключено, что и мотор поврежден, ведь его залило водой. В каюте плавал фотоаппарат. Прямо хоть плачь.

Боб стал вычерпывать воду, а Ян осматривал паруса. Пока что волны им не опасны, лодка засела довольно

далеко от воды, но, когда начнется прилив, может повториться тот же номер.

Фотоаппарат безнадежно испорчен. В него попала вода, на линзу с внутренней стороны налип песок.

— Разобрать и просушить,— распорядился Ян.— Пленку выбросить.

Транзистор, к счастью, висел на стене, новый полиэтиленовый мешочек предохранил его от влаги. Термос разбился, внутри гремели осколки. Папка с судовыми документами, спальные мешки, одеяла — все промокло насквозь.

— Это моя вина,— сказал Ян.— Я должен был все предусмотреть.

Братья утешали его: мол, на солнышке быстро высохнет.

— А пока давайте поедим. Мы ведь не погибли, так какой же смысл умирать с голоду?

Даже Ян не смог удержаться от улыбки. Он продолжал осматривать лодку. На первый взгляд корпус не так уж сильно пострадал. И мачта стоит прямо. Но Яна беспокоил левый борт, нет ли там пробоины, не станет ли лодка пропускать воду, когда они поплывут обратно.

— Есть хочу,— хныкал Марк.

— Обжора несчастный! — рассердился Боб.

— А ты знаешь кто?..

— Ну кто? Кто?

Братья покатались по песку. Они возились, пытели, гонялись друг за другом, падали...

Солнце пекло всюю. Можно было подумать, они приехали на морской пляж позагорать. Одеяла уже совсем высохли, но от перепачканных спальных мешков еще шел пар. Ян достал удочку — может, удастся поймать угря. Размахнувшись, он забросил приманку с грузилом на середину протоки.

— Так можно рыбу убить,— сказал Боб.— Или ты надеешься, что она с перепугу бросится на крючок?

Не обращая на него внимания, Ян воткнул удочку в песок, а к нейлоновой леске прицепил маленький колокольчик. Марк схватил спасательный круг, собираясь поплавать. Ян пообещал его отколотить, если он попытается заплывать далеко.

— Смотрите, еще один путешественник,— сказал Ян, показывая на белеющий к северу от них парус.— Не мы одни жжем бензин.

— Но на мели-то мы одни сидим,— не преминул вставить Боб.— Долго нам еще здесь торчать?

Ян не мог ему точно ответить. Часа два-три...

— А вдруг мы вообще не сумеем выбраться? Вдруг приливом отнесет «Бернар» еще дальше на банку? Что тогда?

Это Яну не пришло в голову. Он забрался на палубу, отвязал якорь, отнес его к фарватеру и воткнул в песок.

— Теперь нас никуда не унесет. Когда вода поднимется, окажемся на якоре.

Медленно, почти незаметно на отмель наступал прилив. Скоро вода закроет якорь, но пройдет еще немало времени, прежде чем «Бернар» поднимется на воду. Ян первичал и грыз ногти.

— Эй, у нас есть бутерброды с мясом! Это вкуснее,— хихикнул Боб.

Не успел Ян выдать ему по заслугам, как зазвенел колокольчик.

— Клюет! Клюет!

Они бросились к удочке. Ян потянул леску. В глубине промелькнула длинная тень. Удочка моталась из стороны в сторону. Большая рыбина! Может, даже морской угорь.

Марк не выдержал и плюхнулся в воду.

— Поймал! — закричал он.

Угорь извивался, пытаясь выскользнуть, и бил его хвостом по рукам.

— Ой, не удержу! Ну и рыбина! — вопил Марк.

Небывалая удача заметно разрядила напряжение последних часов, но Ян все еще с тревогой поглядывал на реку — как бы опять какой-нибудь лихач не объявился поблизости.

Старый танкер с низкой трубой шел мимо, спеша в Антверпен. Этот не страшен. За ним показалось еще одно судно. На мачте у него висел черный цилиндр, знак того, что судно имеет осадку более восьми метров. Этот тоже не может идти на большой скорости.

«Бернар» же тем временем стал понемножку выпрямляться. Вода тихо плескалась о борт. И вот наконец «Бернар» всплыл, мачта встала прямо, якорная цепь натянулась.

— Плывет, плывет!

— Быстрее на борт!

Мальчики лягушатами попрыгали в лодку.

Ян поднял якорь.

— Мотор, включай мотор! — закричал он.

...Плыть до Тернёзена они уже не решились. Хотя «Бернар» так же весело, как утром, разрезал волны, мальчики все же сочли более благоразумным зайти в Хансверт.

У поворота, отмеченного буюм, Ян свернул на север. Потом он передал руль Бобу, а сам принялся осматривать обшивку, нет ли еще повреждений.

Передняя часть вроде в порядке. А вот посредине... Совсем рядом с каютой он обнаружил течь. Как раз на уровне ватерлинии. И всякий раз, как «Бернар» кренился на левый борт, вода просачивалась внутрь. Это неприятно.

— Смотри-ка, на румпеле трещина, — сказал Боб.

Только этого не хватало! Действительно трещина. Нажмешь посильней — наверняка сломается. Ян обмотал румпель изоляцией.

— И с чего он треснул? Зря мы польстились на такую гниль. На черта нам сдалась эта пожка!

— Она подходила по размерам, ты что, не помнишь? Кто ж мог знать...

— Ладно, румпель в конце концов ерунда. Хуже, что у нас в борту течь.

— Все идет как полагается, — сказал Марк, вычерпывая воду. — С таким-то капитаном!

Они шли, уступая дорогу всем судам. Главный фарватер прошли на полной скорости, стремясь побыстрее миновать опасную зону.

— Будем шлюзоваться?

— Да, в канале поспокойнее. Здесь вода то прибывает, то убывает, а когда проходят суда, волны бьются о волнорез, так что лодку всю ночь трепать будет.

Они ошвартовали «Бернар», и Ян сошел на берег, чтобы попросить разрешения шлюзоваться. Смотритель разрешил, Ян вернулся и включил мотор. Мотор бодро затарахтел, но лодка не двинулась. Ян прибавил газ, мотор взревел — «Бернар» ни с места.

— Поглядите, как там винт! — крикнул Ян.

Боб свесился с лодки, но вода была мутная, и он ничего не увидел.

— Крутится?

— Не вижу!

— Посмотри, на месте ли он. Может, мы его потеряли?

Мотор работал. Гребной вал, насколько его было видно, вертелся, а «Бернар» стоял. Марк готов был разрешиться. И не он один. Где здесь возьмешь винт? И кто им его установит?

— Винт на месте! Я его вижу! — закричал вдруг Боб.— Только он не крутится!

— Что там у вас? — крикнул смотритель.

— У нас авария,— сказал Ян.— Винт не работает.

Им бросили конец с лихтера. Впервые «Бернар» пошел на буксире. Когда вышли из шлюза, Ян отвязал конец, младшие братья сели на весла и направили лодку в спокойную бухточку за причальными мостками. Они так были расстроены, что даже не догадались поблагодарить капитана лихтера, только посмотрели вслед судну, которое уже шло посередине канала. Впрочем, капитан и не ждал благодарности. Взаимопомощь на море — вещь сама собой разумеющаяся.

— Вот у нас и авария,— вздохнул Марк.

— Да, винт сломан или вообще лежит на дне,— откликнулся Ян.

Боб молчал, задумчиво глядя в пространство, потом вдруг прищурился и сказал:

— Ну, хватит ныть. Может, все еще не так страшно.

Они с Яном сняли с кормы настил, и вот пожалуйста, гребной вал перед ними. По виду дефекта не заметно. Ян включил мотор... Ага, точно! Вал вертится только до сцепления.

— Болт сломался,— сказал Боб.— Остальное в порядке. Заменяем его и можем двигаться дальше.

Марк тем временем лазил в воде, нащупывая винт ногами.

— Есть, на месте! — завопил он, стараясь перекрыть мотор.

— Лезь в лодку,— сказал ему Ян.— Мы уже разобрались.

Узнав в чем дело, Марк предложил вместо болта вставить гвоздь. Но Боб и слышать не хотел.

— На сцепление ложится слишком большая нагрузка,— сказал он.— С гвоздем далеко не уедешь. Нет, надо разведать на берегу, может, кто и возьмется выточить нам такой болт.

— Легко сказать! Где мы найдем нужного человека?

На берегу стоял какой-то мужчина. Они спросили, не знает ли он где-нибудь поблизости слесаря.

— Как же, как же. Идите мимо вон тех деревьев, чуть подальше, у самого кашала, живет отличный мастер, он ремонтирует лодки.

Слесарь осмотрел сломанный болт, измерил диаметр, сделал новый, затем отрезал еще четыре заготовки.

— Это возьмите про запас,— сказал он.— На Шельде не всегда их сыщешь.

Ребята заплатили за болт и заготовки и бегом бросились к «Бернару». Боб вставил болт на место.

— Готово,— сказал он.— Крутин-ка, Ян.

Мотор заработал, и «Бернар» двинулся, насколько позволяли причальные тросы. Марк закричал «ура».

Только теперь мальчики почувствовали, как они проголодались. Угорь здорово пригодился. Немного погода вкусно пахло жареной рыбой. Ян сварил кофе, а Боб нарезал хлеба. Руки у него были в машинном масле, но никто не сделал ему замечания. Ведь это он починил лодку, он у них главный механик, а механик на судне не менее важная фигура, чем капитан.

Сегодня никто не спорил, чья очередь мыть посуду. Испытания сплотили братьев, да и угорь был такой вкусный.

Когда все было убрано, мальчики прошли по плотине, любуясь Шельдой.

— Вот отремонтируем «Бернар» и сплавим на ирсеке. Посмотрим, как там устриц разводят,— сказал Ян.— Там специальный питомник есть.

— А может, прямо завтра? — предложил Боб.

Нет, завтра придется вернуться домой, точнее, в порт. Бернару небось не терпится узнать, как прошел первый рейс. Кстати, он поможет им залатать пробоину.

— В следующий раз уйдем недели на три,— сказал Марк.— Поплавим в свое удовольствие. Верно, ребята?

Боб хотел спать. Встали-то чуть свет, да еще целый день жарились на отмели.

— Давайте укладываться.

Мальчики надули матрасы, проверили, хорошо ли ошвартован «Бернар», и забрались в спальные мешки. Как же они устали сегодня!

— Папа бы не поверил,— сонно сказал Марк.

— Чему не поверил?

— Что мы так рано спать улеглись.

— Мама, наверное, беспокоится,— сказал Боб.— Ей никогда не понять, как все это здорово.

— Только, чур, родителям ни слова,— предупредил Ян.— Бернар нас выручит.

— А в лодку за ночь не очень много воды наберется? — забеспокоился вдруг Марк.— Не так уж приятно проснуться утром в мокром мешке.

— Матрас-то у тебя надувной, всплывет авось,— сказал Боб.— А не всплывет, тоже не страшно, голова удержит. Знаешь, как здорово держатся на воде пустые ведра?

Вода плескалась у борта. Рядом с «Бернаром» стояло на якоре небольшое речное судно. К нему подошел заправщик и залил баки соляркой.

— Нам бы его запасы,— сказал Марк.

— Это солярка, необразованная ты личность! Она годится только для дизелей. Нам на ней далеко не уехать.

— Ну, ясно. Ты у нас крупный спец по болтам и сцеплениям. Такой мудрец, того и гляди, склероз заработаешь.

Ян хотел было одернуть их, но решил промолчать. Раз братья затеяли перепалку, значит, все идет как положено.

— Спокойной ночи,— сказал он.

Гудки над Шельдой раздавались все реже. После захода солнца на судах зажглись сигнальные огни. Движение заметно сократилось. Стало слышно, как шумят винты судов, огибающих буй у Мидделхата. Но жизнь на реке продолжалась. Днем или ночью — грузы идут к месту своего назначения.

Из каюты слышались сопение и похрапывание.

Ровно в полночь Ян проснулся. Сначала он не мог понять, что с ним такое: все тело ломит, не шевельнуться. Оказалось, он лежит на голых досках; видно, кто-то из его милых братцев выдернул из матраса затычку. Боб, конечно. Обожает глупые шутки. Знать бы наверняка, плеснул бы на него сейчас ведро забортной воды... А вдруг это он сам нечаянно выдавил дурацкую затычку? Как бы там ни было, пришлось надувать матрас заново.

— Чего пыхтишь? — раздался голос Боба.

— Матрас надуваю. Твоя работа?

— Какая работа?

Вопрос прозвучал слишком уж невинно. Ну погоди, будет и на моей улице праздник!

— Кто вытащил пробку из матраса?

— Тебе, видно, плохой сон приснился. Повернись на бочок и спи.

Придуривается, негодяй!

В семь утра их разбудили удары пневматического молота. Пока Марк вычерпывал набравшуюся за ночь воду, старшие братья решили выкупаться. Вода в реке была прохладная, но погода и сегодня обещала быть отличной.

— Что за климат! — возмущался Ян. — Хоть бы маленький ветерок подул. Опять на моторе придется идти.

— Да здравствует мотор! — гаркнул Боб, отфыркиваясь.

Он нырнул прямо с борта. Ян догнал его и окунул с головой.

— Это тебе за почную шуточку. Не будешь в другой раз из матраса затычку выдергивать.

Шлюз уже работал вовсю. У входных ворот толпились буксиры, баржи, лихтеры. «Бернар» прошел через шлюз и стал на якорь во внешнем порту. Здесь Ян решил подождать до полудня, тогда можно будет плыть в Антверпен по течению.

Течь оказалась больше, чем они предполагали. Хорошо еще, что погода стояла тихая, иначе им бы не дойти до порта. Пришлось еще раз вычерпать воду. Потом они перелили бензин из канистры в бензобак, позавтракали, и наконец Ян скомандовал:

— Полный вперед!

«Бернар» понесся точно конь, почуявший близость родного стойла. Вскоре показались сигнальные мачты Бодуэнского шлюза.

— За два часа — пятнадцать миль! — с гордостью констатировал Ян.

— Это семь с половиной узлов?

— Да нет. Здесь течение две с половиной мили в час, значит, мы делали пять узлов.

Конечно, не бог весть какая скорость, но все-таки неплохо.

— Спорю, что при хорошем ветре я выжму из «Бернара» семь узлов! — сказал Ян.

Сторож стоял около «Альтамаре». Он явно был чем-то очень взволнован.

— Что это с ним такое? — удивился Боб.

Ян повернул к берегу. Лодка плавно подошла к причалу. Марк спрыгнул и закрепил тросы на тумбах.

— Скорее! — крикнул им Бернар. — Идите сюда. Они опять здесь. На «Альтамаре».

— Кто «они»?

— Да те трое, что меня покалечили.

— Боб, беги позвони в полицию!

— В будке телефон испорчен. Вон, видите, их машина.

У входа стоял черный «форд».

— Чего им опять понадобилось?

— В машинном отделении рыскали и офицерские каюты начисто разломали.

— До автомата далеко?

— Автоматов здесь нет, но можно позвонить от начальника пристани.

Боб помчался к пристани.

— Они меня не видели, — сказал сторож, — но я сразу узнал их машину. И еще их узнал один грузчик. Они поднялись на пароход, а я спрятался здесь. Потом попытался позвонить в полицию, но телефон не работает.

Занятые разговором, Ян и Бернар не заметили, что Марк исчез. На дороге показалась красная спортивная машина.

— Полезли наверх, — сказал Ян. В руке у него был обрезок железной трубы, и он размахивал им, словно полицейской дубинкой.

— Знаешь, я уже не так молод, — с сомнением сказал сторож. — К тому же я уже разок побывал в больнице.

— Но Боб, наверное, успел дозвониться в полицию, сейчас они будут здесь.

Тут появился Марк. Оказывается, он подкрался к «форду» и проколол покрышки.

— Всю жизнь мечтал проколоть кому-нибудь покрышки, просто не мог упустить такой случай.

Блондин и Усач спешили к сходящим.

— Являются сюда, как на работу, — ворчал Бернар. — Сегодня в трюме машины снимали, так эти типы вкалывали, что твои грузчики.

...Боб, задыхаясь, ворвался в контору начальника пристани:

— Разрешите позвонить. Надо вызвать полицию. Очень срочно. Можно?

— Сначала расскажи, в чем дело.

— На борту «Альтамаре» сейчас те трое. Те самые, что покалечили сторожа...

Начальник пристани разрешил ему позвонить. И вот уже две дежурные машины и «джип» портовой полиции с воем мчатся к корабельному кладбищу. Рыбаки и прохожие только головой качают, глядя им вслед.

Ян полез по сходам. Уж он выяснит, что там происходит. И пусть только попробуют ему помешать, не обрадуются. Он поднялся на палубу, когда полицейские машины въехали в ворота. Одна стала у кормы, вторая — у носа «Альтамаре», а «джип» подъехал к сходам.

— Сойдите вниз, молодой человек! — скомандовал полицейский комиссар.

Приказ комиссара прозвучал так строго, что Ян не посмел ослушаться, хотя ему очень хотелось заглянуть в машинное отделение. У фальшборта стояли Блондин и Усач. Лучи заходящего солнца освещали темный провал люка машинного отделения.

— Спокойно, — сказал комиссар. — Вылезайте по одному.

Внизу показались три растерянные физиономии.

— На вашем месте я не делал бы глупостей, — холодно продолжал комиссар. Он расстегнул кобур и положил руку на револьвер.

Бандиты молча поднялись по крутому трапу. Затем странная процессия по сходам спустилась на землю. Усач толкнул в машину замыкающего.

Сторож подошел к Блондину:

— Что же все-таки здесь творится?

— Долгая история, — ответил тот. — Такая же старая, как сам «Альтамаре».

Но мальчики окружили Блондина, который теперь казался им гораздо симпатичнее, и он стал рассказывать:

— Перед войной с борта «Хагеланда» была похищена большая партия промышленных алмазов и бриллиантов. Только капитан знал шифр несгораемого шкафа, и только он один имел от него ключи. Однако кому-то удалось вскрыть сейф, не оставив следов. Кражу обна-

ружили лишь на восьмой день пути. Судно находилось тогда в открытом море, и мы не очень беспокоились, считая, что вор от нас не уйдет.

— Кто это «мы»? — спросил Боб.

— Международная страховая компания.

— Ну, а дальше что было? — Слушатели сгорали от нетерпения.

— Алмазы исчезли бесследно. Мы были уверены, что они похищены кем-то из экипажа, и даже арестовали одного офицера и главного электрика, однако вынуждены были отпустить их за недостатком улик. Возникло предположение, что алмазы вообще не попали на пароход, но капитан и старший помощник видели их собственными глазами. Кроме того, были документы, подтверждавшие сдачу драгоценного груза на судно.

Началась война, а алмазы так и не нашлись, хотя их усиленно разыскивали. Позже, когда судно уже было переоборудовано в военный транспорт, во время пожара в машинном отделении обнаружили часть исчезнувшей партии. Алмазы лежали в нефтяной цистерне. Все остальное плюс бриллианты на большую сумму, казалось, исчезло бесследно.

Обстановка не позволила демонтировать все машинное отделение. Союзники остро пуждались в кораблях. Мы примирились с этим, потому что недосыгаемые для нас драгоценности были недосыгаемы и для воров. Но однажды в Ливерпуле была совершена попытка взлома, причем не в машинном отделении, а в салоне. Этот факт натолкнул нас на мысль о том, что часть алмазов могла быть спрятана в салоне, который ни разу не переделывался. Вор оказался членом экипажа. Он упорно стоял на том, что был пьян и искал в салоне виски. Все эти годы страховая компания не спускала глаз с «Хагеланда», и можете себе представить, как все были довольны, что судно не погибло во время войны. Сколько раз мы обыскивали его, и все напрасно. И вот теперь, когда «Хагеланд», то есть «Альтамаре», очутился на корабельном кладбище, у нас появился еще один, и последний, шанс найти пропавшие сокровища. Загадали мы вам загадку, верно ведь?

— И не только мне. Господин Фербекен тоже положил голову. А мальчики переворошили горы газет, надеясь узнать тайну «Альтамаре».

— Вот даже как!

— Но про кражу там ничего не было,— сказал Ян.— А то мы бы сами занялись поисками.

— И тоже угодили бы за решетку,— подхватил Боб.— Нет уж, спасибо!

— Из газет вы и не могли ничего узнать,— сказал Блондин.— Все держалось в строжайшей тайне.

— Ну, и как же, нашли алмазы? — спросил Бернар.

— Ни в мебели, ни в обшивке мы ничего не нашли. Страховая компания понесла немалые убытки. Зато в машинном отделении кое-что обнаружили. Вчера краны подняли два цилиндра и пожарную установку. Тут нам и удалось наконец добраться до старой электропроводки, к которой после переоборудования никак не могли подлезть.

— И что же?

— В коробке счетчика мы нашли остальные алмазы.

— Ловко! — восхитился Бернар.— Ну, а те трое, как они обо всем пронюхали?

— В курсе был, собственно, только один, тот, что постарше. Двух других он просто нанял себе в помощь. У этого типа грязное прошлое, и, как только он появился в стране, он был опознан службой безопасности. Это произошло за два дня до прихода «Альтамаре». Выяснилось, что он был среди пассажиров «Хагеланда», когда пропали алмазы.

— Его посадят? — спросил сторож.

— Это не по моей части,— сказал Блондин.— Но уж за твое увечье он ответит перед законом. Можешь быть спокоен.

— Но ведь с лестницы меня спустил не он.

— Не имеет значения.

— Слава богу, что с этим покончено,— вздохнул Бернар.— Можно без опаски ходить по верфи. А то, я признаться, здорово труслив.

Усач ждал возле машины. Ему, видимо, не терпелось уехать. Но сторож все не отпускал Блондина. Он хотел узнать, нашлись ли бриллианты.

— К сожалению, нет,— сказал Блондин.— Вот допросим троих молодчиков, может, что-нибудь прояснится.

Едва Блондин сел, как Усач дал с места полный ход.

— Пока! — крикнул Блондин.

— Да-а, дела! — вздохнул Бернар.— Этакое богатство хранилось, а я и знать ничего не знал. Хоть бы предупредили.

— Им важно было поймать грабителей, вот и не хотели рисковать,— сказал Ян.— Они-то свое дело сделали, а мы...

— А что вы?

— Нас выбросило на банку, в борту образовалась течь, так что лодку надо ремонтировать.

— Пошли,— сказал Бернар.

Они сделали из троса две большие петли — стропы — и положили их около «Бернара». Потом приготовили подпорки из деревянных брусьев. Завтра сторож попросит крановщика вытащить «Бернар» на сушу, тогда они посмотрят, что нужно сделать.

А пока ребята рассказали сторожу обо всех своих приключениях. Он немного поохал, услышав, как волны швырнули «Бернар» чуть не на середину банки, но ведь в плавании как раз самое интересное — такие вот приключения и мелкие поломки.

Марк тоже считал, что они преувеличивают свои беды. Подумаешь, промок фотоаппарат, разбит термос... — А течь?

Ничего страшного, Бернар уже видел.

Да, вот еще румпель треснул. Видно, дерево совсем гнилое.

Ян протянул сторожу румпель. Сторож ударил им по камню, румпель переломился, и из него выпали коричневые кожаные мешочки. Один из них развязался и... Что за наваждение? Бриллианты!

То были пропавшие драгоценные камни, столько лет пролежавшие в выдолбленной ножке стола.

Сторож побледнел как смерть. Ведь это он утащил злополучную ножку. А Ян преспокойно плавал по Шельде, не подозревая, что держит в руках несметное богатство. В самом буквальном смысле слова! И если бы не приключение на банке, никто бы ничего не узнал. Подумайте! Только что они говорили об этих бриллиантах, и вот они упали к их ногам.

Марк подобрал мешочки, а Бернар разбил злополучный румпель на мелкие куски.

— Надо скорее звонить в полицию,— сказал он хрипло.

Боб уже мчался к пристани.

— За находку, наверное, полагается хорошее вознаграждение.

— Конечно. Ты сможешь бросить работу и будешь жить с семьей,— сказал Ян.

— А я тут при чем?

— Мы же поделим деньги поровну. Ножку-то нам дал ты.

Бернар покачал головой:

— Нет уж, я отсюда не тронусь.

— Все равно поделимся по-честному.

— Купили бы себе новую лодку. Парусную яхту, а?..

— Нет, нет! — поспешил возразить Ян. — С «Бернаром» мы ни за что не расстанемся, если, конечно, ты не откажешься его залатать. Ты ведь теперь такой богат!

Боба долго не было. Наконец они увидели, что он со всех ног бежит обратно.

— Начальник пристани мне не поверил,— едва отдышавшись, выпалил Боб. — Говорит, вы все там с ума посходили. К счастью, удалось поймать комиссара. Они уже едут сюда. Блондин тоже.

— Хорошо бы он подвез нас к дому на своей машине,— сказал Марк. — Вот папа удивится!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Аквалангист

— Это квартира Пётерсов? — спросил монтер с телефонной станции.

— Ага,— сказал Ян.— Сейчас я позову папу.

На стук в дверь в переднюю выглянули Боб и Марк. Этим только бы не сидеть за учебниками! Но когда отец поинтересовался, почему они болтаются в передней, разве им больше нечего делать, они обиделись. А вдруг это кто-нибудь из их класса, а ему нужно что-то спросить или рассказать — мало ли что может понадобиться во время экзаменов.

— Я пришел поставить дополнительную розетку,— сказал монтер.— Где будем делать?

— Возле моей кровати. Видишь ли, мне часто звонят ночью, и, пока я спущусь вниз, звонки успевают разбудить всю мою семью.

Монтер тщательно осмотрел дом, проверил толщину стен. Они возились так долго, что Ян успел расправиться с английской литературой. Потом монтер стал разматывать провод.

— А звонок зачем? — спросил отец.

— Так положено, раз мы ставим дополнительную розетку,— сказал монтер.

— Но это же не звонок, а какое-то чудовище! — раздраженно воскликнул отец.

Монтер возмущился:

— Зато вы получаете его совершенно бесплатно!

— Да не об этом речь. Я не просил ставить мне новый звонок, мой работает вполне исправно.

— Не будет звонка, не будет и розетки,— отрезал монтер.

Ян затаил дыхание. Со своего места он не мог видеть отца, но чувствовал, что он вне себя от ярости.

— Почему же?

— А потому,— сказал монтер.— Правило такое.

В комнате стало совсем тихо. Что-то будет? «Почему? А потому». Нет, такого отец не потерпит. Ни от кого. Будто грозовая туча нависла на домом.

— Ну, вот что, уважаемый,— сказал отец.— Я заказывал дополнительную розетку, чтобы поставить ее возле моей кровати. Я не заказывал никаких звонков. А эта штука, что у тебя в руках, годится разве что для казармы. Это не звонок, это набат. И будь он трижды бесплатный, я не намерен терпеть его в моем доме. Этак завтра, если я попрошу переменить мне номер, кому-нибудь из твоего начальства взбредет в голову поставить здесь сирену. Этот звонок мне не нужен!

— Тогда я пошел,— сказал монтер.

В дверях показалась мать. Она, конечно, слышала весь разговор.

— Добрый день,— приветливо поздоровалась она.— Вы пришли поставить розетку? Очень хорошо. А то я часто не слышу телефона, когда вожусь на кухне.

— Ты хочешь, чтобы здесь установили этот чудовищный механизм?

— А он дорогой?

— Он бесплатный, хозяйка,— сказал монтер.— А ваш муж не хочет его ставить.

— Может, у вас есть звоночек поменьше? Ну, вроде велосипедного.

— Нету, хозяйка,— с сожалением ответил монтер.— Они все стандартные.

— Интересно, кто их выпускает? — сказал отец.

— Не я,— сказал монтер.

Тем временем мать осмотрела все кругом, подыскивая местечко, где злополучный звонок не так бросался бы в глаза.

— А нельзя поместить его за занавеской?

— Пожалуйста,— сказал монтер.— А еще я могу так сделать, что он не будет звонить, и у вас с ним вообще никаких хлопот не будет. Или сами засуньте под язычок бумажку, и все дела.

Прежде чем заговорить, отец с шумом втянул в себя воздух.

— Итак, звонок должен быть установлен, но работать ему не обязательно. Ты продырявишь мне стены, а потом постараться сделать так, чтобы звонок не звонил. Ну уж нет! Здесь не сумасшедший дом.

— Для чего же все-таки нужен этот звонок? — с интересом спросила мать.

— А вот смотрите: если я поставлю вам розетку, вы, значит, можете взять аппарат и унести его наверх и при этом можете забыть, что надо воткнуть вилку, ясно? (Матери было ясно.) Ну вот, кто-нибудь станет вам звонить, а вы не услышите...

— Эту опасность я не предусмотрел, — иронически усмехнулся отец.

— Не в том дело. Если вам звонят и не соединяется, то начинают звонить на Центральную и спрашивать, работает ли у вас телефон, и нам приходится идти проверять, понимаете?

— Нет, — сказал отец, — ничего не понимаю.

— У нас и без того забот хватает, зачем нам еще осложнения из-за халатности абонентов! — гордо сказал монтер.

— А со звонком, значит, все будет в порядке?

— Ну конечно. Звонок же звонит. Воткнули вы вилку или не воткнули, он все равно звонит.

— А если сунуть под язычок бумажку?

— Все равно он звонит, только вы не слышите. Но на Центральной знают, что телефон у вас в порядке, и нас не пошлют чинить исправный аппарат.

— Вот теперь понятно, — сказал отец. — Хотя он все-таки слишком громоздкий. Почему же ты сразу не объяснил?

— Каждый раз все объяснять — работать некогда будет. — И монтер принялся за дело.

Отец ретировался во двор, мать ушла на кухню, а братья окружили монтера, который начал сверлить в стене отверстие.

— Ну и звоночище! — восхитился Марк.

— Вас только не хватало! Куда ни придешь, все ругаются. Я, что ли, их выдумал!

— Папа сегодня не в духе, — сказал Ян. — Вы не обращайтесь внимания.

— Воображала! — пискнул Марк.

— У вас небось экзамены? — спросил монтер.

— В этом роде,— сказал Боб.

— Я тоже всегда нервничаю, когда у моих ребят экзамены. Поддай-ка мне молоток.

— Это ваши ребята должны нервничать,— сказал Марк.— Хорошо бы, иногда устраивали экзамены родителям и учителям, а то как-то несправедливо, что мы сидим взаперти, когда на улице солнце и ветер как раз такой, как надо. Прокатиться бы сейчас под парусом!

— А у вас есть лодка?

Боб показал два больших пальца.

— У нас лодка во! Самая лучшая в Лилло. Называется «Бернар».

Марк гордо прохаживался по комнате, постукивая себя в грудь кулаком, как Тарзан в кино, а Боб, захлебываясь, рассказывал историю «Бернара». Как они хотели сначала купить деревянную спасательную шлюпку, потом железную; спасибо, «кладбищенский» сторож посоветовал им подождать, пока прибудет старый пассажирский пароход «Альтамаре». Они послушались и правильно сделали, потому что «Бернар» стоял на палубе «Альтамаре», будто специально для них приготовленный. Как потом они с помощью сторожа оснастили лодку и покрасили, как за три дня научились управляться с парусами...

— Выходит, сторож за вас вкалывал,— сказал монтер.

Боб и Марк возмутились. Конечно, без помощи старика им не удалось бы так быстро и хорошо оборудовать «Бернар», но они все же ухлопали на ремонт чуть не половину летних каникул. Марк поклялся, что работал как вол.

— Видите, какая грудная клетка? — похвастался он.— Это от парусного спорта.

— Ты лучше посмотри, какая грудная клетка у мастера, хвастун,— сказал Боб.

Тут послышался стук в окно. Это отец. Братьев будто ветром сдуло. Казалось, они так и сидели, не разгибаясь, за своими книжками и тетрадками. Монтер улыбнулся, собрал инструменты и пошел наверх...

В тот же самый вечер чудовищный звонок зазвонил в первый раз. От его звона задребезжали стекла, а Боб уверял, что даже занавески заколыхались.

Отец снял трубку:

— Я слушаю.

— Господин Петерс, с вами говорит комиссар полиции.

Отец прищурился, осмотрел своих трех отпрысков, которые именно сейчас вдруг с головой ушли в занятия, выдохнул дым от сигареты и сказал:

— Добрый вечер, господин комиссар. Чем могу быть полезен?

Прикрыв рукой трубку, он шепотом спросил, кто из них разбил окно, нарушил правила уличного движения, поскандалил или подрался. Все трое отчаянно замотали головой. В этот момент комиссар ответил:

— Меня, собственно, интересуют ваши мальчики и их лодка. Вы не разрешите мне заглянуть к вам? — Голос его звучал очень серьезно.

— Мальчики и их лодка?

— Именно, господин Петерс.

— Н-ну хорошо... Когда бы вы хотели зайти?

— Да лучше прямо сейчас... Благодарю вас.

Отец положил трубку. Все ждали, что он скажет. Мать встревоженно переводила взгляд с одного на другого. Комиссара интересуют мальчики и их лодка! Что бы это значило? А отец молчал. Потому что ему пока нечего было сказать. Он аккуратно сложил газету и похлопал мать по плечу: ничего, мол, обойдется.

Мальчики понимали, что им следует немедленно удалиться, но Марк продолжал бубнить — немножко громче, чем нужно, — новые слова, Боб хватался то за Шекспира, то за Диккенса, а Ян изо всех сил старался одолеть параграф сферической тригонометрии.

— Идите, мальчики, — сказала мать. — Один на кухню, двое наверх. Еще неделя, и вы будете свободны.

Они нехотя поплелись прочь. Боб оставил на уголке стола тетрадку, чтобы иметь повод заглянуть в гостиную, когда здесь будет комиссар. Но отец указал ему на тетрадь, затем выразительно посмотрел на дверь.

Мальчики слышали, как возле дома остановилась машина. Вот хлопнула дверца, зашкрипели шаги по песчаной дорожке. Напряжение росло с каждой минутой.

— Хорошая погода сегодня, — сказал комиссар, входя в гостиную.

— Прекрасная. Как насчет коньяка? — Отец знал, что за рюмкой разговор идет легче.

— Нет, спасибо. Я за рулем.

— Тогда чашку кофе. Это быстро.— Он вышел в коридор и крикнул матери: — Завари-ка нам кофейку!

— По-моему, мальчики заинтригованы вашим звонком, господин комиссар. Честно говоря, вид у всех троих был довольно виноватый.

— Обычное дело. Стоит показаться полицейскому, как у всех мальчишек делается виноватый вид.

— Так чем я могу вам служить?

— Видите ли, мне неловко даже просить вас об этом, но я нахожусь в затруднительном положении, крайне затруднительном. Я знаю вас и ваших детей, они храбрые мальчики и, наверное, отличные мореходы, а то, что я хочу им предложить, не так уж увлекательно. Имейте в виду, я не буду к вам в претензии, если вы не согласитесь... Но в любом случае я рассчитываю, что этот разговор останется между нами.

Отец аккуратно отрезал кончик сигары, чиркнул спичкой и долго и старательно раскуривал. Комиссар с интересом наблюдал за этой церемонией, прекрасно понимая, что его друг Петерс просто старается выиграть время.

— У них экзамены в самом разгаре,— сказал отец.

— Время терпит.

Отец положил в пепельницу обгорелую спичку, с удовлетворением осмотрел кончик сигары, который стал теперь серебристо-серым, и сказал:

— Они еще слишком молоды, чтобы помогать полиции и подвергать свою жизнь опасности.

— Семнадцать, пятнадцать и тринадцать. Здоровые и физически хорошо развитые ребята. Нам, Петерс, в наши юные годы не раз случалось идти на риск.

— Теперь другое время. Я считаю, что водный спорт сам по себе достаточно увлекательное занятие для молодежи, и мне совсем не хочется, чтобы они сталкивались с теми подонками, за которыми вы охотитесь, как бы невинно это ни выглядело.

Мать отворила дверь, пропуская Боба с кофейным подносом. Боб двигался медленно, не спуская глаз с полного кофейника, но ушки держал на макушке, чтобы не упустить того небольшого, что могло быть сказано в его присутствии. Мать подала комиссару руку, справилась о его здоровье, о здоровье его супруги, предложила ему молока, спросила, сколько сахара положить ему в чашку,—

словом, сделала все для того, чтобы дать Бобу время выйти из комнаты.

— Госпожа Петерс...— заговорил комиссар.

Боб, как положено благовоспитанному мальчику, плотно притворил за собой дверь. Казалось, ладонь его приросла к дверной ручке, а замочная скважина магнитом притягивала к себе его ухо. Но ему вовсе не хотелось, чтобы его обвинили в таком некрасивом поступке, как подслушивание, и он нехотя поплелся на кухню.

— Госпожа Петерс...— повторил комиссар.

Отец ухмылялся, любуясь голубыми колечками сигарного дыма, плавающими вокруг люстры. Неужели комиссар надеется уговорить его жену? Скорее ему удастся слетать на Марс.

— ...Я хотел бы ненадолго заполучить ваших сыновей.

— В полицию?

— Да. Это немножко странное предложение, я с вами вполне согласен, но у меня просто нет другого выхода. И не надо понимать это буквально, как «службу в полиции».

— Но они собирались сразу после экзаменов совершить плавание по Восточной Шельде, у них уже и маршрут спланирован, и лодка подготовлена для путешествия. Я не думаю, чтобы мальчики отказались от своих планов, они столько мечтали об этом.

Отец выразительно кивнул. Но комиссар не отступался:

— А что, если мы предоставим ребятам самим решить этот вопрос?

— Объясните все-таки прежде, что им придется делать, что именно вы им предлагаете,— сказал отец.— И насколько это опасно.

— Плавать,— сказал комиссар.— Им придется только плавать в порту.

— И все?

— Не думаете же вы, господин Петерс, что я собираюсь бросить ваших мальчиков вооруженными до зубов против банды хулиганов или воров!

— Я бы, конечно, предпочла, чтобы они были поближе к дому,— нерешительно сказала мать.— Но их тянет в дальние края. Они мечтают поплыть на своей лодке за границу... А для чего вам нужно, чтобы они плавали в порту?

Начальник полиции поудобнее вытянул ноги и так долго размешивал сахар, что в чашке образовался водоворот. Наконец он сказал:

— Мне нужны не столько мальчики, сколько лодка. Было бы неплохо, если бы в порту привыкли к мальчикам и к лодке. Чтобы никому не казалось странным, что «Бернар» время от времени появляется в доках — днем или ночью. Тогда недели через две я смогу воспользоваться им для своих целей.

В гостиной наступило молчание. Отцу предложение комиссара показалось несколько туманным, а мать вспомнила долгие штормовые ночи прошлого года, когда мальчикам случалось оставаться на Шельде.

— Мне кажется, это все-таки сопряжено с известной опасностью, — осторожно начал отец. — При нынешнем объеме морского и речного судоходства плавание в доках — рискованная штука. Хотя ребята неплохо управляют с лодкой...

— По-моему, это все-таки лучше, чем если они поплывут в Голландию, — сказала мать. — Когда дуют сильные ветры, я просто с ума схожу от тревоги за них. А если они при этом могут принести какую-то пользу, тем лучше.

— Что ж... Пожалуй, я позову их. Если им самим ваше предложение придется по вкусу... Ян, Боб, Марк!

Подталкивая друг друга, мальчики протиснулись через дверь. Ян еще держал в руке тетрадь, а Боб смотрел в потолок, будто мысленно повторяя пройденное.

— Полиция намерена временно реквизировать ваше судно да и вас заодно, — сказал отец.

Марк спросил, а очень это больно, и, когда все засмеялись, объяснил, что ему слышалось «вакцинировать», то есть сделать прививки всей команде.

— Комиссар хотел бы получить во временное пользование вашу лодку вместе с командой. На две недели.

Боб заинтересовался, сколько им заплатят. Дело в том, что ему крайне необходимы катушка для спиннинга, новый фотоаппарат, желательно с телеобъективом, а также...

Отец не дал своему среднему сыну закончить перечень неотложных нужд, холодно заметив, что здесь не контора частного детектива и что он не понимает, с какой стати «господину Бобу» должны платить за то, что он все равно делал бы ради собственного удовольствия.

— Кто из ребят отказался бы поплавать ночью в доках да половить рыбку,— мечтательно сказал комиссар.— А насчет катушки... помнится, у меня была где-то. Погляжу.

— Что же нам придется делать? — спросил Ян.

Он столько ждал от предстоящего путешествия — специально выписал лоцию Восточной Шельды, еще весной отладил компас, каждый свободный час возился с оборудованием — а теперь, видно, все мечты пойдут прахом. Теперь ему предлагают торчать в доках...

— Плавать и удить рыбу,— сказал комиссар.— Больше ничего.

— Ладно,— сказал Ян покорно.— Раз так нужно...

Отец посмотрел на часы, и мальчики поняли, что им следует возвратиться к своим тетрадам. Когда они вместе с матерью скрылись за дверью, отец сказал:

— Похоже, они не возражают. Итак, что от них требуется?

— Ничего сверх того, о чем я уже сказал.

— Не сердитесь, господин комиссар, я сегодня немного не в форме. Эта история с телефоном выбила меня из колеи. Полюбуйтесь, какую штуковину нам установили.— Он отдернул занавеску, чтобы комиссар мог увидеть злополучный телефонный звонок.

— Знатная штука,— сказал комиссар.— Скромно и изящно.

Но отец уклонился от дальнейшего обсуждения, так как это грозило вконец испортить ему настроение, к тому же ему не терпелось узнать, как все-таки полиция намерена использовать его сыновей.

Комиссар его понял. И стал рассказывать:

— Порт — это совершенно особый мир. Мир, где постоянно кипит работа, где из людей выжимают все соки, не давая ни минуты передышки, потому что простой судна обходится владельцам в огромные суммы. И в то же время — это мир, где преступность пустила глубокие корни. Слишком большой соблазн для воров, вот они и тащат все, что плохо лежит. Груды товаров! Контрабандистам просто раздолье. Тут нужен глаз да глаз. С рядовыми преступлениями ведется систематическая борьба. Полиция всегда справлялась и с ворами и с контрабандистами. Но в последнее время там орудует шайка, применяющая такие изощренные методы, что полицейские практически бессильны против нее. Единственный спо-

соб — застигнуть на месте преступления. Речь идет о расхищении транзитных грузов, тех, что в Антверпенском порту сгружают с одних судов и грузят на другие. Так вот, нелегальная торговля контрабандными товарами наносит ущерб нашему рынку, ставя в тяжелое положение отечественных поставщиков: похищенное с кораблей масло бьет по крестьянам, а мануфактура — по всей нашей текстильной промышленности.

— Значит, ваши люди не могут их выловить?

Комиссар откинулся на спинку стула и прикрыл глаза.

— На их ответственности шестьдесят пять километров причала и шестьсот гектаров воды. У них под надзором бесчисленное количество портовых рабочих, судостроителей, моряков, несколько сот морских и океанских судов и тысяча речных.

— Что же могут сделать подростки там, где ваши люди терпят крах?

— Им не придется ничего делать. Понимаете, стóит в порту появиться полицейскому боту, как там уже тишь и гладь, ну прямо уикенд! Контрабандисты моментально узнают любого таможенника или полицейского, будь он в форме или в штатском. Наша деятельность становится просто бессмысленной. У меня в руках все доказательства, а поймать их с поличным я не могу. Будь в моем распоряжении лодка, которая ни у кого не вызывала бы подозрений, я смог бы держать под контролем все суда, которые перегружаются в нашем порту.

— Надо все это объяснить Яну,— сказал отец.— Он уже достаточно взрослый. Пусть сам решает. Я не допущу, чтобы он по неведению ввязался в какую-то авантюру.

Он вышел в переднюю и позвал старшего сына.

Марк кубарем скатился с лестницы, но указательный палец отца весьма убедительно дал ему понять, что Яном зовут другого. Мальчик обиженно повернул обратно. Его благой порыв не оценили: он ведь думал, что нужно принести еще кофе.

Ян вошел в комнату.

— Ты уже догадался, конечно, что я не пришел бы к вам с подобным предложением, не имея к тому серьезных оснований,— сказал комиссар.— В порту расхищают грузы, и в интересах нашей страны положить этому конец. Так вот: если заметишь что-нибудь подозритель-

ное, дай мне знать. Сам ничего не предпринимай. Плавайте и удите рыбу, но будьте начеку. Плавайте осторожно, в доках большое движение. В первую очередь позаботьтесь о том, чтобы все в порту привыкли к вам и к «Бернару», чтобы ваша лодка примелькалась и никто уже не обращал бы на нее внимания. Согласен ты поработать таким образом две недели?

— Согласен,— сказал Ян и крепко сжал протянутую ему руку.

На море стоит туман. Тихо, ни ветерка. Ян предсказал туман еще вчера, когда солнце садилось в тучу позади гостиницы «Наутилус». Марк тогда только плечами пожал. Если даже метеорологи, выступая по телевидению, то и дело ошибаются, как может предсказать погоду его брат? Стронит из себя всезнайку.

— Сегодня ночью ветра совсем не будет,— вздохнул Ян.

— Давайте сегодня спать,— предложил Боб, зевая.— Угрями я сыт по горло, и потом, если нас накроют за ночной ловлей, нам не поздоровится.

Боб предпочитал плавать днем. Днем можно окликнуть какое-нибудь судно, позубоскалить с командой или с грузчиками, глядишь — и марки удастся обменять. А у младшего брата полная коробка спичечных этикеток. Он уже ждет не дождется, чтобы скорее начались занятия в школе, тогда он сможет показать ребятам русские, японские и китайские этикетки. Счастливчик!

Непонятно только, почему Ян и слышать не хочет об отдыхе. Сначала, конечно, было очень интересно и увлекательно плавать ночью в доках. Кругом темно, а вода черная-черная, прямо чернила. Фонари с набережной и навигационные огни переливаются, отражаясь в волнах, поднятых проходящим судном. Отчетливее, чем днем, слышны все звуки гавани. Но после недели ночных плаваний и наслаждения запретной рыбной ловлей оба младших брата хотели спать.

— Ну, заныли! Круглый год ведь спим по ночам в постелях. На что же тогда каникулы!

Тошнотворный запах нефтеперегонного завода висел над Хэнсадоком. Боб заметил, что в Леопольддоке и Хатдоке вонь не так чувствуется. Но Ян будто и не слышал.

— Интересно, что его держит здесь? — раздраженно ворчал Боб.— Никак с места не сдвинешь!

— Послушай, Боб, ты видел попугаев на том судне? Боб видел. Они сидели в сверкающей клетке за окном капитанской каюты. Серые, голубые и зеленые.

— Мне бы таких. Я бы тоже стал разводить,— сказал Марк.

— В нашем классе один парень разводит,— сказал Боб.— Начал с одной пары, а сейчас у него знаешь сколько!

— Вот бы мне парочку!

— У этого парня их так много, что он каждый день по одному попугаю на волю выпускает.

— Иди ты!

— Честно. Он мне сам сказал. Корм очень дорогой.

Ян фыркнул, и Марк понял, что его опять разыгрывают. Он уже хотел разозлиться, но тут Ян крикнул:

— Отдать концы!

— Есть отдать концы! — обрадовались мальчики, сразу же забыв про ссору.

«Бернар» развернулся на правый борт, и Ян повел его к четвертому доку. На Шельделане звякали буферами товарные составы, светились топовые огни огромного пассажирского теплохода на Шельде, а в Нефтяной гавани полыхал факел нефтеперерабатывающего завода. Перед входом в четвертый док Ян выключил мотор. «Бернар» бесшумно скользил по воде.

— Станем на якорь, а, Ян?

Нет. Ян полагал, что их якорной цепи не хватит, в доках ведь довольно глубоко, а пока нет ветра, их никуда не унесет. Истинной же причины, почему он не хотел бросать якорь, Ян братьям не открыл: если что-нибудь случится, если он заметит подозрительное движение на воде, у него не будет времени сняться с якоря.

На двести семьдесят пятом причале стоит панамский пароход «Пинда». Это старое судно с прямым заржавленным форштевнем. Команда на нем греческая, и похоже, что владелец тоже грек. Но плавает судно под панамским флагом. Боб сегодня побывал на нем. Там была ужасная суматоха. Оглушительно грохотала паровая лебедка, бригадир грузчиков надрывался, стараясь перекричать шум. Молодой докер зарывал на Боба, предложив ему немедленно убираться прочь, если он не хочет, чтобы его трахнуло по башке хорошим тюком.

Сейчас там все тихо. Бок о бок с панамцем стоит речное судно, груженное мешками с мукой, предназна-

чейной, очевидно, для того же панамца, но погрузки почему-то не происходит.

— Какая грузоподъемность у этого парохода? — спросил Марк.

— Пять тысяч, — ответил Ян.

— А ты говорил, три тысячи четыреста.

— Я же вам двадцать раз объяснял, — сказал Ян терпеливо, — три четыреста — это тоннаж, а пять тысяч он может принять груза. Грузоподъемность, понятно?

— Ах, грузоподъемность, — со скучающим видом протянул Марк. — Так бы и сказал.

Он подтолкнул Боба, и они покатались со смеху, довольные, что Ян попался на удочку.

— Тише вы!

Они замолчали, удивленно глядя на Яна, который низко наклонился над бортом и приложил руку к уху, стараясь уловить какой-то посторонний звук.

— Двух ушей тебе уже не хватает? — фыркнул Боб.

— Заткнись!

Марк сидел на дне лодки, хихикал и напевал:

— Ухи, ухи, лопаухи...

Ян вернулся на свое место за рулем. «С этим народом каши не сварить, — думал он. — А если рассказать им, чем тут пахнет, они могут все испортить. Нет, комиссар этого не одобрил бы».

Боб закинул спиннинг в воды четвертого дока, и всплеск воды от упавшего грузила заставил Яна вздрогнуть. «Мне начинают мерещиться призраки, — думал он. — И с чего это я решил, что сумею выследить воров? Ведь вся городская полиция уже столько времени охотится за ними, и все без толку». Ему снова послышался скрип уключин и плеск волн от весел, но, прежде чем он смог в этом удостовериться, Боб начал сматывать леску, и жужжание катушки заглушило все остальные звуки.

Марк хотел спать. Зевая, он полез в каюту. Из-за судна, стоявшего борт о борт с панамцем, показался темный силуэт весельной лодки.

Ага, вот оно!

— Марк!

— Ну, что еще?

— Поддай-ка мне бинокль.

— А где он лежит?

— На шкафчике. Скорее, только свет не зажигай.

— Попробуй найди. Тьма кромешная!

Марк наткнулся на спиннинг. Удилище и тяжелое грузило полетели на пол.

— Бинокль-то хоть цел?

— Цел. Эти проклятые бамбуковые палки вечно путаются под ногами! Ты бы хоть порядок навел. Тут такой кабак!

— А ты бы хоть под ноги себе посмотрел,— прошипел Ян.— Дашь ты мне бинокль наконец?

— Чего вы там шушукаетесь? — спросил Боб.— Полиция на горизонте? Я ведь говорил, не нужно ночью уходить, раз мы не запаслись разрешением.

— Много ты днем наловишь! Марк, мне что, до завтра ждать?

— Я уже полчаса держу твои несчастные гляделки! — огрызнулся Марк.

В бинокль Ян отчетливо видел панамское судно. Вахтенный, перегнувшись через борт, что-то высматривал на соседнем судне. Неожиданно раздался крик:

— Давай!

Мальчики испуганно вздрогнули. Ян увидел, как вахтенный взмахнул рукой. Послышался скрежет стального троса.

— Довольно! — крикнул капитан.

На речнике заработал мотор, и в тот же миг вспыхнули навигационные огни. Матрос держал кранцы между двумя судами.

«Бернар» оказался на пути речника. Ян изо всех сил крутил рукоятку мотора, стараясь сдвинуть лодку с места, но безрезультатно. Речное судно, отделившись от панамца, устремилось прямо на них.

— Осторожно! — закричал Марк, будто капитан в своей рубке позади мотора мог его услышать.

Боб выхватил из кармана фонарик и направил луч прямо в рубку. Круто переложив руль на борт и замедлив ход, капитан сумел все же предотвратить столкновение, и речное судно пошло к выходу из дока. В слабом свете фонарей с пристани они еще могли видеть, как матрос на палубе погрозил им огромным кулаком.

— Критический был момент, — сказал Ян. — Мотор опять не завелся.

— Не сообщил бы он портовому начальству.

— Не сообщит. Речные капитаны громко кричат, но они отходчивы. И потом, кому могло прийти в голову, что какой-то сумасшедший вздумает курсировать посре-

ди ночи. Тут другое интересно. Сдается мне, что его груз предназначен был для панамца.

— Ну, вот что, — сказал Марк внушительно. — Я пошел спать. Вы можете ловить рыбу сколько вам будет угодно, но меня на палубе вы больше не увидите.

— Сейчас ошвартуемся, — сказал Ян.

«Что же все-таки делать? — думал он. — Может, надо поднять шум? Оповестить полицию и портовую администрацию? Чтобы пустились в погоню за речником. А может, самому...»

Бобу удалось завести мотор, и они двинулись к пристани. Звезды у них над головой стали таять и пропадать, с моря по воде пополз туман.

— Что я говорил! Туман будет знатный.

— Следи-ка лучше за курсом, — сказал Боб.

И в самом деле, фонари стали расплываться, а потом и совсем исчезли.

— Мы не пойдем к нашей обычной стоянке. Ошвартуемся где-нибудь здесь.

Видимость была теперь минимальная. В такой плотный туман им еще не приходилось попадать.

— Это из-за дыма с фабрик и нефтеперегонного завода, — объяснил Ян. — В Лондоне это называется «смог».

Он до предела снизил обороты и почти ощупью вел лодку к берегу. Боб стоял впереди на полубаке.

— Что-нибудь видишь?

— Ни черта.

— Но ты все-таки смотри внимательно и крикни, если что заметишь. Я потерял направление.

Слишком поздно он вспомнил о компасе. Надо было сориентироваться, пока еще были видны огни пристани. Но кто же знал, что наползет такой зверский туман, когда собственной руки перед собой не видишь. Теперь вот попробуй определи, куда курс держать. Движущиеся суда подавали положенные во время тумана сигналы, и от жалобного воя сирен у Яна мурашки бежали по спине. Голос речника, который их чуть не протаранил, звучал громче всех.

— Может, и нам погудеть?

— Пожалуй.

— Смотри-ка! Стой! Задний ход!

Высоченный корабельный корпус угрожающе навис над «Бернаром». Боб, словно защищаясь, выставил вперед руки.

— Задний ход! — закричал он снова.

Марк, испуганный, выскочил из каюты, на нем был спасательный жилет. Я так резко дал задний ход, что лодка задрожала от носа до кормы. И все же они ткнулись форштевнем в стальной борт судна. Хорошо еще, Боб всей тяжестью уперся в него и сумел ослабить удар.

— Здорово! — сказал Ян. — Едва увернулись. Ну и ночь сегодня выдалась!

— Что будем делать дальше?

— На сегодня хватит. Обойдем это судно и где-нибудь здесь ошвартуемся.

Боб оттолкнулся от металлического борта. Руки у него были в грязи и масле. Он насухо вытер их тряпкой. Где-то неподалеку слышались три коротких гудка все того же речного судна, потом грохот якорной цепи.

— Они тоже стали.

— Много ли тонн угря выловили, уважаемые господа? — поинтересовался Марк. Ему было стыдно за спасательный жилет и хотелось отвлечь от него внимание.

— Иди баиньки, детка, — сказал Ян.

Он заглушил мотор. «Бернар» по инерции скользил вдоль борта морского судна. Это был огромный пароход с черным корпусом, и на нем не видно было ни единого огонька. Чтобы совсем не остановиться, мальчишкам пришлось отталкиваться от него руками.

— По-моему, длина этого супертанкера метров двести пятьдесят, — сказал Боб, отдуваясь.

— Танкеры стоят в Нефтяной гавани... Берегись!

Боб отскочил в сторону, спасаясь от струи воды, извергнутой пароходом.

— Это из машинного отделения. Значит, мы на полпути.

— Только душа нам сейчас не хватало.

— Промок, да?

— А ты как думаешь? По-твоему, я утиным жиром смазан?

— Марк, откачай воду. Ма-арк!

— Спит он, — сказал Боб. — Меня тоже не придется убаюкивать. Я валюсь с ног.

«Бернар» приближался к корме парохода. Гребной винт наполовину торчал из воды.

— Достаточно. Швартуемся у первой же тумбы.

Теперь они снова видели огни пристани, смутно проступающие сквозь серую пелену тумана.

— Крепить швартовы! — приказал Ян.

Боб спрыгнул на причал и накиннул конец на тумбу.

Со вздохом облегчения поставил Ян свою лодку под кормой морского судна. Прямо над головой у них тянулись тяжелые кормовые тросы. Пониже клюзов на тросах были укреплены какие-то круглые щитки.

— Что это такое? — спросил Боб.

— Это от крыс, — сказал Ян. — Чтобы они не могли по тросам перебираться с судна на берег и с берега на судно, потому что крысы — разносчики заразы.

Боб ухватился за один из тросов и хотел покачаться, но тут же тяжело плюхнулся на крышу каюты.

— Кто там? — сонно заворчал Марк.

— Летающая обезьяна, — сказал Ян. — Спи давай.

Заметно снизилась температура. Мальчиков на палубе пробирала дрожь. В тумане выли сирены.

— Жуть какая! — поежился Боб. — У меня такое чувство, будто все суда движутся прямо на нас и вот-вот раздавят всмятку.

Где-то неподалеку еще одно судно издало три коротких гудка, потом загрохотала якорная цепь. Шум был такой, словно заработала огромная камнедробилка. Наконец все стихло. Очевидно, теперь уже все суда спокойно стояли на якоре. Лишь изредка слышалось, как отбивают склянки да глухо бились о причал волны. Больше никаких звуков не раздавалось в ночной тишине.

— Ты не видел названия судна, когда качался на тресе?

Со своего места они не могли прочесть название, его закрывал от них навес кормы.

— Нет. Хотя постой... «Бимбо». Точно: «Бимбо».

— Если он вздумает тронуться, пока мы будем спать, винт врежется нам в бок, — сказал Ян.

— Команда нас разбудит. И почему он должен двинуться непременно сегодня ночью? В такой туман?

Да, почему? Ян тоже этого не знал. Но недавнее столкновение с речным судном здорово напугало его, и он еще не оправился окончательно от пережитого страха.

— Полезли в каюту, — сказал Боб, зевая. — Когда они будут отчаливать, мы это почувствуем.

— Как это «почувствуем»?

— А волны? Начнет нас бросать на стенку, живо

и проснемся. И кроме того, если судно собирается уходить, к нему должны подойти буксиры.

Боб не мог взять в толк, почему Ян медлит. И в самом деле, причины вроде не было, и все же Ян не мог отделаться от какого-то беспокойства. Снова и снова сквозь журчание воды, изливающейся из машинного отделения «Бимбо», ему слышались всплески воды от весел.

Боб стянул с себя мокрую одежду и повесил на штаг. Он, конечно, не надеялся, что она высохнет в такую погоду, но Ян не терпел барахла в каюте, тем более мокрых штанов.

— Может, завтра хоть маленький ветерок подует,— мечтал Боб,— забираясь в спальный мешок.— Тогда мы сможем немножко поплавать, поглядеть вокруг.

Ян подумал, что торчать на палубе не имеет смысла. Только простуду схватишь. Он сбросил башмаки и улегся на пищавший резиновый матрас рядом с братом.

Часа в два пополудни подул ветерок, и туман начал рассеиваться. Одежда Боба, висевшая на штаге, стала понемножку просыхать. Небо расчистилось, и уже можно было видеть луну и звезды. Затем показались якорные и палубные огни морских и речных судов, которые до того были скрыты за плотной серой пеленой.

Тяжелые и легкие брашпили пришли в движение, производя оглушительный шум, знаменующий начало нового дня. Нетерпеливые гудки рейсового парохода разбудили Яна. Пароход, видно, надеялся наверстать потерянное время и требовал, чтобы открыли ворота шлюза. Ян взял из ящика карманный фонарик. Тихонько, стараясь не разбудить братьев, он выбрался из каюты. На палубе было свежо. Пароход рядом с ними, царапая якорем дно, разворачивался в направлении подъемного моста.

Вдруг Ян услышал топот ног у себя над головой. На палубе парохода кто-то за кем-то погнался, схватил, слышались пыхтение, стоны. Кто-то в ужасе закричал: «No, no!»¹

Ян взобрался на крышу каюты и хотел было спрыгнуть на берег, но тут он увидел, как человек на палубе вытянул вперед руку в тщетной попытке защититься от

¹ Нет, нет! (англ.)

короткого предмета, который в следующий момент с глухим стуком опустился ему на голову. Человек тяжело упал на палубу, а предмет, лязгнув, покатился к фальшборту.

Немного погодя раненый поднялся, качаясь, навалился на поручни и вдруг, перегнувшись пополам, упал прямо на манильский трос. Его казавшееся безжизненным тело, скользя по тросу вниз, кувырнулось и упало на каюту «Бернара».

Ян сжал в руке карманный фонарик. Это был роскошный повенский фонарик с четырьмя сухими батарейками. Ян направил луч вверх и над фальшбортом увидел свирепую физиономию чернобородого человека. Тот отпрянул назад, прикрыв лицо рукой.

— По борту... по борту... — бормотал раненый.

Ян опустился на колени возле человека, лежавшего на крыше их каюты, и попытался перевернуть его на спину. Но тот скорчился от боли, как только Ян к нему прикоснулся.

— Боб, Боб, принеси воды! стакан воды!

В слабом свете фонарей с пристани Ян видел черное пятно, которое сначала было круглым, потом вытянулось и потекло струйкой в сторону полубака. Это была кровь.

— Боб, заводи мотор. Мы должны увезти отсюда этого человека.

— Да что случилось-то? — спросил Боб, не очнувшийся еще как следует ото сна.

— Он свалился к нам с парохода. Заводи скорее мотор и принеси стакан воды.

Ян слышал, как Боб возился возле бачка с питьевой водой, слышал испуганный голос младшего брата, который спросил, не тонут ли они. Он вновь пробежал фонариком по высокой корме «Бимбо», но луч фонаря высветил только столбы тента да поручни полюта.

Боб завел мотор и теперь с кружкой воды опустился на колени. Руки у него дрожали, вода текла по пальцам, заливалась в рукава, но он ничего не чувствовал. Ян взял у него кружку и поднес к губам раненого.

— Пейте, — сказал он тихо. — Выпейте немного воды.

Где-то он читал, что при несчастных случаях надо непременно поить человека водой, чтобы компенсировать потерю крови. Раненый не шевельнулся.

— Он совсем без сознания, — сказал Боб. — Отчаливать?

— Давай.

«Бернар» полетел к подъемному мосту. Правда, Яну пришлось положить руль на правый борт, чтобы обойти буксир, но уже через несколько минут он выровнял курс и теперь вел лодку прямо на высоко поднятый стальной пролет подъемного моста.

Длинные пенные волны, скользя вдоль борта, веером расходились за кормой, громко стучал мотор, а вода в радиаторе готова была закипеть.

Перед самым мостом они обогнали небольшое деревянное судно. Груз у него высоко громоздился на палубе, и волны, поднятые «Бернаром», захлестнули его до шпигата.

Портовый лоцман громко и довольно недружелюбно осведомился, не рехнулись ли они.

— Осторожно, идем прямо на стенку! — громко крикнул Боб.

— Будь наготове!

Ян переложил руль на правый борт, развернув свое суденышко на 180°. Торможение было такое резкое, что внизу, в каюте, сдвинулась крышка стола. Легкий толчок — и лодка стала боком к причалу.

— Бросай конец! Швартуемся!

Вихрем взлетел Ян по лестнице, ведущей в город. Дверь будки вахтенного была приоткрыта. Прежде чем вахтенный успел что-либо спросить, Ян набрал 9-00.

— Алло, алло, несчастный случай, приезжайте скорее!..

— Дай-ка сюда трубку, парень, и объясни, что случилось.

— Человек упал с судна. Он лежит без сознания у нас на крыше каюты. Пожалуйста, поскорее!

Дежурный спокойно передал сообщение на пункт «Скорой помощи». Карета выезжает. Раненого оставить пока там, где он лежит. Ни в коем случае не переносить и не двигать.

Минуты ожидания тянулись томительно долго. Дежурный поинтересовался, что они делали в доках глубокой ночью. Есть ли у них разрешение? Может, их отец — важная персона в городской управе или в министерстве? Ян отвечал односложно, кусая от нетерпения ногти.

Наконец он услышал сирену «скорой помощи», увидел ярко-желтый мигающий огонек. Опытные руки переложили раненого на носилки, отнесли в карету, двер-

цы плотно захлопнулись, машина тронулась в путь, и лишь вой сирены возвещал людям, что случилось несчастье.

Марк приготовил кофе. Не такой уж он был мастер на этот счет, но чашка кофе холодной ночью — что может быть лучше! А Яну не хотелось кофе. Перед глазами у него все стояла рассеченная голова раненого и лужа крови на крыше «Бернара». Что же могло произойти на «Бимбо»? Драка между моряками? Имеет ли это какое-нибудь отношение к кражам? Знает ли раненый, кто на него напал? И что означает это его «По борту...»? Может быть, завтра или послезавтра он сам все расскажет, но Яну не терпелось узнать поскорее.

— Мы так и будем здесь стоять? — спросил Боб.

— Да. Нам придется подождать, пока приедет полиция.

— Что же все-таки произошло, а, Ян?

Ян помедлил с ответом.

— Просто человек упал к нам на крышу. Очевидно, несчастный случай.

Дежурный опустил подъемный мост, и через минуту у пристани остановилась полицейская машина. Специальный агент прибыл, чтобы составить подробный толковый рапорт: порядок прежде всего.

Дрожащей рукой поставил Ян свою подпись под бумагой, где он значился капитаном моторной лодки «Бернар».

— Не говорил ли раненый чего-нибудь?

— Нет. Ни слова.

Боб вытаращил на Яна глаза, но ничего не сказал. Раз брат молчит, значит, есть к тому причина.

— А что вы делаете в доках?

— Мы просто катаемся, — сказал Ян.

— А рыбу мы не ловили, — пискнул было Марк, но кто-то из братьев тут же больно наступил ему на ногу.

— Покажите разрешение на плавание в доках.

Ян бегом бросился в каюту. Квитанция об уплате налога, страховой полис, водительские права... Вот оно! Агент довольно долго изучал подпись комиссара, потом вернул документ Яну.

— Любопытно, — сказал он. — Останетесь в доках?

— Еще недельку поплаваем, если вы не возражаете.

Нет, конечно, о чем речь. Вот только может случить-

ся, что понадобится их допросить, так хорошо бы, чтоб полицейский бот мог их разыскать.

— Обычно мы стоим немного выше мостовых крапов в Стокátре,— сказал Ян.

Почему именно там? А почему нет? Это место не хуже всякого другого, а с причала двести сорок восемь отлично видно любое судно, входящее в порт. Кроме того, совсем рядом стоят рудовозы, и очень интересно наблюдать, с какой невероятной скоростью мощные краны разгружают эти суда. Их огромные корпуса, освобождаясь от груза, прямо на глазах поднимаются из воды. А какое это увлекательное зрелище, когда супертанкеры, покачиваясь, приближаются к причалу и гигантские трубопроводы подводят к бакам Нефтяной гавани! А сухие доки! Высоченные суда кажутся в этих доках еще выше. Сидя дома, ничего такого не увидишь. Чтобы увидеть, надо побывать здесь, в самом сердце порта. Сам комиссар посоветовал им швартоваться именно здесь, но об этом Ян тоже умолчал.

— Мы останавливаемся поближе к магазину,— сказал он.

Агент сложил бумаги и вернулся к полицейской машине.

— Отчаливай,— сказал Ян.— Разыщем свое старое местечко.

Дул небольшой ветерок, и вскоре Ян заглушил мотор и велел поднять парус. Небо над Леопольддоком уже начинало бледнеть. Очевидно, солнце не заставит себя ждать.

Боб немало удивился, когда Ян направил лодку ко вчерашнему пароходу.

— Зачем мы опять туда идем?

— Я хочу еще кое-что осмотреть.

— А почему ты соврал? Почему сказал, что тот человек ничего не говорил?

— Да заткнись ты! — прошипел Ян.— В семь часов я позвоню комиссару и все ему скажу.

— Не мешало бы тебе позвонить отцу. Если он прочтет про наши приключения в газете, нам не поздоровится.

— Занимайся своим делом. Спускай парус.

Очень медленно приблизились они к «Бимбо» и пошли вдоль борта. «Бимбо» — каботажное судно, и все же оно очень длинное. В этом ребята убедились еще во

ремя тумана. Корпус у него густо покрыт ржавчиной, а вдоль ватерлинии налипла нефть. К счастью, на нем сейчас не откачивают воду, а то у Боба штаны еще не высохли. Ян внимательно обследовал борт судна, всю обшивку, каждый шов, каждую заклепку. Ничего! Ну решительно ничего!

— Ты что, хочешь сделать модель этой посудыны? — недовольно спросил Боб. Ему уже здорово надоела вся эта волынка.

— Тише ты!

«Бернар» снова стоял там, где он был, когда с кормы упал раненый человек. Теперь, при свете солнца, ночное происшествие казалось кошмарным сном. Однако достаточно было взглянуть на большие пятна крови на крыше каюты, чтобы убедиться, что все пережитое ими несколько часов назад произошло на самом деле.

— Поднимай паруса. Трогаемся.

Ян вел свое судно в плещущих волнах Хапсадока. Где-то вдалеке прогудел фабричный гудок, по воде доносился к ним грохот трактора, шум проходящих поездов, лязганье товарных составов на подъездных путях. Проворные буксиры тянули за собой мощный плавучий кран, и первые лучи солнца отражались в свежей окраске двух элеваторов. Все вокруг казалось так буднично, так мирно и надежно.

Ян все же еще раз оглянулся назад. На кормовой палубе «Бимбо», над фальшбортом вспыхнули линзы бинокля. Ян почувствовал, как напряглись у него мышцы на спине; ему стоило большого труда не схватить тоже бинокль и поглядеть, кто это за ними наблюдает. И надо же было, чтобы именно в этот момент Боб вздумал ткнуть его в спину — просто так, шутки ради. Ян взвился, как вспугнутая птица. Марк покатился со смеху.

Без четверти семь Ян позвонил комиссару. Он ожидал услышать раздраженный или хотя бы встревоженный тон, но комиссар приветствовал его так бодро, будто только что принял холодный душ.

— Хэлло, капитан! Какие новости?

— Сегодня ночью с нами произошла ужасная вещь.

— Знаю, слышал.

— Тогда вы, может, знаете, кто этот человек, который свалился к нам на крышу?

— Конечно. Это матрос.

— Он сильно ранен? Успели ему помочь?

В трубке помолчали, потом комиссар сказал тихо:

— Ты не виноват, Ян. Человек был уже мертв, когда его положили в карсту «скорой помощи».

— Мертв!

— Ты сделал все, что мог, мальчик,— повторил комиссар.

— Я... Мне нужно с вами поговорить. Приезжайте поскорее в Стокатру. Как только сможете. Я здесь, в будке вахтенного. Это очень важно.

— Прямо сейчас? Но ты ведь уже дал показания.

— Конечно. Но все было не так...

Комиссару пришлось прокашляться, прежде чем он смог произнести:

— Я еду. Никуда не уходи.

Боб поджарил яичницу и сварил кофе, Марк нарезал хлеб большими, нескладными ломтями, и оба были ужасно недовольны, что Ян не проявил аппетита.

— Наш завтрак недостаточно хорош для господина капитана?

— Оставьте меня в покое! У меня живот болит.

— Что сказал комиссар?

— Он сейчас сюда приедет.

— Может, он не разрешит нам больше плавать в доках, как ты думаешь?

— Ну и пусть. С меня хватит,— сказал Ян.

— Так давай удерем отсюда.

— Сейчас я хочу спать. А вы не хотите?

— Я? Нет,— живо откликнулся Марк.— Я предпочитаю спать ночью. Это ваша милость — любитель ночных прогулок и ловли угрей там, где рыба никогда не клюет.

— Ну ладно, приятного аппетита. Я пошел. Подожду комиссара возле будки.

Долго ждать ему не пришлось. Шофер опустил стекло и сделал ему знак сесть в машину. Комиссар сидел на заднем сиденье, развернув на коленях карту. Когда машина тронулась, он аккуратно сложил ее и убрал в карман.

— Куда мы едем? Я не люблю оставлять братьев одних в лодке.

— К шестому доку. Мы тут же вернемся. Ну, рассказывай.

И Ян стал рассказывать. Как он услышал драку на палубе и все остальное вплоть до того, как он обнаружил, что за ними следят в бинокль... Машина тем временем подошла к шестому доку и медленно направилась к Бодуэнскому шлюзу.

— Почему же ты дал ложные показания, Ян?

Голос комиссара звучал очень серьезно.

— Я хотел раньше сообщить вам.

— Но почему?

— Не хотелось пугать братьев, и потом, я подумал, что, может, это имеет какое-то отношение к кражам в порту.

— Никакой связи тут нет. Это просто убийство.

— А откуда вы знаете, что оно не связано с кражами?

— Испанское судно «Бимбо» прибыло сюда в балласте и здесь загружено железом, цементом и сельскохозяйственными машинами. Тут красть нечего.

Вид у Яна был порядком растерянный. Комиссар положил руку ему на плечо:

— Ты уверен, что теперь рассказал все?

— Ну конечно. Что мне скрывать? И все-таки... Да, этот матрос кое-что сказал. Он сказал: «По борту, по борту...» Я внимательно осмотрел обшивку «Бимбо», но ничего не обнаружил. Что он мог иметь в виду?

— Давай обратно в Стокатру,—скомандовал комиссар.

— А мне не нужно больше давать показания?

Начальник полиции небрежно ткнул пальцем в какой-то аппарат, притулившийся у его ног:

— Все в порядке, Ян. Это записывающее устройство. А теперь выходи и топай назад. Мы едем к Нёрдерлану.

Ян был слишком возбужден, поэтому не стал даже протестовать. Только спросил, что им делать дальше. Комиссар покачал головой. Ничего. Только плавать, удить рыбу да поглядывать на лихтеры, которые грузят штучным товаром. Родителям комиссар позвонит сам.

Минут через двадцать Ян добрался до «Бернара». Боб как раз мыл посуду. Завидев старшего брата, он торжественно напялил на голову ярко начищенную кастрюлю.

Все еще под впечатлением пережитого минувшей ночью, ужасно усталый и недовольный собой залез Ян в спальный мешок. В каюте было холодно, ведь утро только начиналось, и спущенные паруса, видные Яну из его укрытия, были влажные от росы. Марк и Боб вели

себя тихо. Боб успел побывать на берегу и накопать дождевых червей. Теперь он был уверен, что непременно поймает угря.

Возле шлюза царило необычное оживление. Суда, которые ночью задержались из-за тумана, сейчас торопились попасть в порт, где их ждали грузчики. Тут же стояли суда, спешившие покинуть гавань. Одни были тяжело нагружены и сидели в воде по самую грузовую марку, другие покачивались высоко над водой с открытым трюмом и поднятой вверх грузовой стрелой. Диспетчерская моторка бойко шныряла от одного судна к другому, диспетчер крикивал в мегафон, отдавая распоряжения судам. Волны, поднятые моторкой, чувствительно ощущались на борту «Бернара». Лодка раскачивалась, как люлька. Боба это раздражало, потому что мешало удить рыбу, зато Ян был доволен. Легкая качка и плеск волн о деревянный борт — что еще нужно человеку, которому смертельно хочется спать! Вскоре из каюты послышался храп, такой могучий, точно там был включен усилитель. Боб со злостью смотал леску.

— Больше не будешь? — спросил Марк.

— Какой смысл? Он всю рыбу распугал!

Взяв спиннинг на плечо, Боб прыгнул на берег. Марк последовал за ним, твердо решив без рыбы не возвращаться.

Здесь было тихо. Причалы кончились, суда не ходили и не работали краны. Кругом была плоская болотистая равнина. Трава здесь росла такая высокая, что в ней могли заблудиться коровы. Местами равнина была засыпана песком, выбранным из новых доков и из Шельды.

— Один мальчик из нашего класса нашел в песке старинные монеты, — сказал Марк.

— Первого апреля, конечно? — ехидно спросил Боб.

— Ничего подобного. Совсем не первого апреля. Он сдал их в музей.

Боб выразительно покрутил пальцем у виска. Марк вспыхнул:

— Сам ты чокнутый!

— Где же он их нашел?

— В песке, говорят тебе! Землесосы отсасывают песок из Шельды и ковшами передают на специальное устройство, которое разбрасывает его по польдеру. Дошло, умник? Видишь вон те огромные железные трубы? По ним и идет песок.

— Трубы-то я вижу, не слепой. Я только не вижу, чтобы из них вылетали золотые монеты.

— А кто сказал, что монеты были золотые? Я сказал «старинные».

— Поменьше бы слушал всякие сказки,— посоветовал Боб.— Мало ли что в школе болтают, а ты и уши развесил.

Марк плотно сжал губы. Ни за что не откроет он больше рта, пока этот воображала не попросит у него прощения. Но долго он не выдержал.

— Боб, пойдем на песок. Смотри, там прямо как на той банке, помнишь?

— Будем искать старинные монеты?

— Там еще раковины есть,— настаивал Марк.— Этот мальчишка из нашего класса раковин тоже набрал.

— Раковины он тоже сдал в музей?

— Ага. В Музей ракушек.

— Ну что ж, придется сходить. Только смотри, Яну ни слова.

— Ты же знаешь, я умею держать язык за зубами.

В этом Боб как раз не был уверен, но раковины и монеты разожгли в нем любопытство. А вдруг...

Легкий бриз тут и там вздымал сухой песок и жидкими облачками гнал его вперед. И высокая трава и низенький кустарник были запорошены желтой песчаной пылью. Марк завязал рот и нос платком, точно бедун, хотя пыль не поднималась выше штанов.

— Ты бы сходил к доктору, обследовался,— подтрунивал Боб.— Может, у тебя в животе тоже старинные монеты обнаружатся.

Но Марк не был расположен ссориться. Он опустился на колени перед кучкой песка, наметенной ветром.

— Вот так образуются дюны,— приговаривал он, разрывая руками песок.

Он извлек около десятка раковин. Они были сильно повреждены земснарядом, но раз есть раковины, значит, должны быть и монеты. В этом Марк не сомневался.

Боб поднял спиннинг над головой, боясь, что песчаная пыль засорит катушку.

— Хватит, Марк. Пошли обратно. Ничего ты здесь не найдешь.

Он был уже сыт по горло этой Сахарой. К тому же от землесоса тянуло какой-то дрянью.

Некоторое время они шли молча. Потом Марк спросил:

— Где ты нарыл червей?

— Вон там, в польдере. Недалеко от мостового крана.

— А где ты собираешься удить, с лодки? — Марку очень хотелось побегать еще по польдеру, размять ноги.

— Нет, ближе к шлюзу.

Возле шлюза Боб закинул спиннинг в воду, но у Марка не было терпения ждать, пока рыба соизволит клюнуть. Он побежал вдоль берега и вдруг между двумя гранитными блоками увидел какой-то красный предмет. Предмет был цилиндрической формы, и на нем была надпись. Марк не без труда поднял его и потащил к брату.

— Боб, что это такое?

— Шкатулка времен Наполеона. Открой крышку. Там наверняка полно золотых монет.

Опять издевается! Когда рыба не клюет, он всегда такой.

— Посмотри, что здесь написано. Ты можешь это прочесть?

— А сам ты не можешь?

— «Автоматик Ванд-люс»¹, — запинаясь, прочел Марк. — Что это значит?

— А ты как думаешь?

— Заводной клоп, — сказал Марк.

Боб чуть не лопнул от смеха.

— Неужели ты никогда не видел таких штук? На свалке их до черта. Это же фонарь для спасательного круга. Когда вода проникает в коробку, лампочка автоматически зажигается, и круг виден даже в темноте.

— Вот это мы сейчас и проверим, — предложил Марк, злорадно ухмыляясь.

— Не бросай в воду! Ты мне всю рыбу распугаешь.

Слишком поздно. Все утро Марк терпел насмешки и издевательства. Хватит с него. И вот... Красный цилиндр описал короткую дугу и шлепнулся в воду. И в тот самый момент, когда он коснулся воды, раздался взрыв. Огромный водяной гриб обрушился прямо на Марка.

Оглушенные взрывом, мальчишки бросились на землю. Боб крепко сжимал в руках спиннинг. Марк испуганно озирался по сторонам. Он был мокрый насквозь.

---

¹ Автоматический светящийся буй. Датское слово vandlys (водяной фонарь) похоже на голландское wandluis (клоп).

Точно разъяренный лев, примчался Ян и обрушился на братьев, еще не успевших опомниться от потрясения.

— Что вы здесь натворили?

Марк вскочил и бросился наутек. Он-то знал тяжелую руку старшего брата. Боб спинником ткнул вслед убегающему Марку:

— Он пустил в воду «заводного клопа». Будто подземное газохранилище взлетело на воздух, правда?

Но Ян желал знать все подробности. Без шуточек и без уверток.

За каким дьяволом понадобилось Марку бросать в воду старый проржавевший фонарь? Ведь он начинен карбидом. И вообще в порту запрещается бросать в воду разные предметы.

К берегу, где они стояли, приблизился маленький буксир. Капитан его грозно осведомился, что за дурацкие шутки они себе позволяют. Неужели им больше нечем заняться, как только пугать добрых людей?

Ян крикнул, что это, мол, не они, но капитан уже опустил рупор и направил свое судно в другую сторону, где лихтер ждал их помощи.

— Ну, вот что, кончайте валять дурака и отправляйтесь на лодку! — сердито сказал Ян.

— А мы еще сюда вернемся? — не унимался Боб. — Имей в виду, у меня мало наживки...

— Ладно, к вечеру, может, вернемся. А сейчас поплаваем под парусами. И переоденьтесь. С вас прямо течет.

Боб отвязал тросы, и легкий бриз наполнил парус.

Подгоняемый легким западным ветром, «Бернар» покинул свою обычную стоянку. Ян постарался сразу же выбраться на свободное пространство, чтобы лучше использовать силу ветра. Приятно было чувствовать в руке корабельную снасть. Над головой у него хлопал большой парус, которому, видно, тоже хотелось, чтобы ветер дул посильней.

В Леопольддоке Ян сделал несколько кругов, дожидаясь, пока поднимут мост для рейнской баржи. Сколько раз он осматривал эту набережную! Наверное, раз двадцать, и ничего подозрительного не удалось заметить. И все же он то и дело зорко поглядывал в ту сторону, где перегружали товары на речные суда.

Команды на земснарядах и буксирах уже знали «Бернар», с моста Яна тоже приветствовали, когда он проходил мимо. У первого моста баржа задержалась, и Ян, воспользовавшись моментом, сумел проскользнуть, срезав ей нос. У настоящих моряков этот маневр, выполненный быстро и четко, вызвал бы восхищение. Здесь же, в Альбертдоке, в мире железа, стали и пыли, каждый занят своим делом, и «Бернар» для них — всего лишь забавная игрушка.

Поравнявшись с холодильником, Ян был вынужден включить мотор, потому что высокие суда и здания на берегу преграждали путь ветру. Широкими складками опустились паруса, и флюгер на мачте повис почти вертикально.

— Нам надо срочно запастись горючим, — сказал Боб.

Он сунул Яну под нос палку, которой проверял уровень бензина в баке, и держал до тех пор, пока Ян не буркнул:

— Ну вижу, вижу!

— Где будем заправляться?
— В третьем доке.
— Почему не во втором?
— А почему именно во втором? — спросил Ян, сдерживая раздражение.

— Потому что там ближе к бензоколонке и потом там можно купить жареной картошки.

Марк тут как тут. И, как всегда, ужасно голодный.

— Пакетик жареной картошки и рубленый бифштекс — и я стану другим человеком!

— У этого парня одна забота, — сказал Ян, направляя «Бернар» ко второму доку.

Он нашел удобное местечко позади небольшого английского каботажника, дожидавшегося погрузки.

В док впозала баржа под швейцарским флагом. Если она встанет борт о борт с англичанином, «Бернар» окажется в ловушке.

— Смывался бы ты отсюда, парень, — сказал дежурный с пристави.

— Я и сам об этом думаю. Да вот мои братья сошли на берег и вернутся не раньше чем через полчаса.

— Если ты не уйдешь сейчас, тебе уже не выбраться: «Бель амй» встанет рядом с каботажником и будет разгружаться.

— А можно мне подождать вон в той стороне?

— Можно, но недолго. Туда тоже придут суда.

Ян провозился некоторое время, пока отвязывал швартовы и запускать мотор. Вахтенный на барже трижды давал ему понять, чтобы он убирался, — капитан, мол, сердится. Какая-то собачонка вроде шпица носилась взад-вперед по палубе и тявкала, всячески выражая свое негодование. Так что пришлось убираться.

Там, где теперь встал «Бернар», было просторнее, но для Боба с Марком это означало лишний конец с полными канистрами. Легко себе представить их лица, когда они обнаружат, что он уплыл, не предупредив их.

Пожалуй, лучше пойти им навстречу.

Не успел Ян сойти на берег, как увидел Боба, стоявшего в растерянности под навесом.

— Боб, Боб, Марк, сюда!

Из-за шума мотора и грохота лебедки они не слышали его голоса, но потом увидели, как он машет им точно сумасшедший. Обливаясь потом, они добрались наконец до лодки.

— Ну, спасибо, удружил! — выпалил Боб.

А Марк поинтересовался, не мог ли он выбрать местечко еще подальше.

— Хватит пыхтеть. Не мог я там оставаться. Баржа закрыла выход.

— «Хватит пыхтеть»!.. Я уж готов был съесть рублевый бифштекс, который нес для тебя.

— Точно,— подтвердил Боб.— Это он тебе такую месть придумал.

— Ладно, давай его сюда, пока Марк окончательно не рассвирепел.

Ян принялся есть, а Боб вставил воронку в бензиновый бачок.

— А вкусно,— сказал Ян.

Он смял бумажку из-под бифштекса, скатал ее в шарик и бросил в воду. Шарик из промасленной бумаги поплыл к барже, оставляя за собой на воде узенькую маслянистую дорожку. Марк схватил бинокль, объявив, что намерен проследить путь ракеты, посланной на Луну. И вдруг он сказал:

— Интересно, что там за возня на барже.

— Наверное, ищут «заводных клопов»,— съязвил Боб.

— Молчал бы уж! Больше меня сдрейфил. Шлепнулся на пузо и накрылся удочкой. Я тебя даже не сразу разглядел, так ты съежился от страха.

Ян завладел биноклем, и как Марк ни ворчал, что ему не дают следить за полетом ракеты, он и ухом не повел. В бинокль было отчетливо видно всех людей на барже. Двое таможенников стояли в проходе, грузчики открывали люк под мачтой. Тут же метался чиновник в желтой куртке. Капитан и стюард прислонились к рулевой рубке. Грузчики столпились у фальшборта каботажного судна. Трос лебедки закачался над бортом, и укрепленный на его конце крюк опустился в трюм.

— Странно, почему они не пользуются краном? Посмотри, какая у них лебедка. Прямо игрушечная!

— Стоит ли из-за нескольких ящиков арендовать огромный кран. Этим краном можно вытащить из воды все их судно. Ну как, теперь тронемся? Бак полон.

Ян минуту помедлил, потом сказал:

— Нет, постойм еще немного.

— Тогда мы пошли за мороженым.

— Валяйте.

Ящик за ящиком взвизгивались ввысь и, покачавшись над фальшбортом, скрывались в трюме каботажника. И всякий раз чиновник бросался следом, чтобы записать его номер. Стюард торопливо пробежал и скрылся в носовой части. Но вскоре он снова появился на палубе. Он тащил за собой большой кусок брезента.

Где-то в порту завывала сирена к окончанию рабочего дня. Грузчики один за другим стали покидать баржу. Стюард прошел вплотную мимо открытого трюма и там, возле мачты, прикрыл брезентом какой-то предмет. Как Ян ни напрягал зрение, ему не удалось разглядеть, был ли это ящик или что-то из судового снаряжения. Таможенники и чиновник в желтой куртке оставались на борту английского каботажника, пока люк не был задраен. Молодой матрос с помощником занялись лебедкой. Один из таможенников пошел в рубку, другой топтался вокруг задраенного люка.

«Итак, процедура закончена. Товары в трюме,— думал Ян.— Неужели можно при этом обвести вокруг пальца чиновника, которому поручено наблюдать за погрузкой? Неужели никому из грузчиков не кажется странным, что один или несколько ящиков остаются на палубе? Нет, такого не может быть. А все-таки... Пропадать товары могут только в то время, когда их перегружают с одних судов на другие...»

Голос дежурного с пристани вывел его из задумчивости.

— Давай, молодой человек, освобождай стоянку. Сюда идут два речника.

— Ладно,— сказал Ян.— А вы не знаете, куда пойдут эта баржа?

— На Альберт-канал,— сказал дежурный.— Но там тебе тоже цельзя стоять, потому что финское судно уже ждет, когда освободится место.

— Будьте спокойны, господин начальник, мы не задержимся.

Ян не повел лодку в Альбертдок, как полагали Боб и Марк. Вместо этого он описал широкую дугу, приблизившись к швейцарской барже. Не включая сцепления, он пустил мотор на полные обороты. Грохот поднялся ужасный.

— Что-нибудь случилось? — встревожился Боб.

Мотор заглох, и лодку по инерции понесло прямо на баржу.

— Мотор дурит! — громко крикнул Ян, чтобы на барже услышали его.

Капитан хмуро предложил им уматываться, так как ему надо идти в Стрээтсбургдок, а там контора через час закрывается. Но Ян безнадежно развел руками и указал на мотор. Боб снял капот и с любопытством рассматривал зажигание.

— Сейчас мы ее оттащим, — пообещал Ян.

Он накинуд один конец каната на нос «Бернара» и с другим концом в руке вспрыгнул на борт баржи. Стюард хотел ему помочь, но Ян, улыбнувшись, дал понять, что справится сам. Медленно, кряхтя от натуги, продвигался он по палубе к мачте. Стюард шел за ним. Как раз возле предмета, накрытого брезентом, у Яна вдруг подвернулась нога, и он всей тяжестью грохнулся прямо на крышку люка.

— Ой!.. — Конец выскользнул у него из рук и, протаскившись по палубе, упал за борт.

Пока стюард, перегнувшись через поручни, вылавливал канат из воды, Ян с видимым усилием поднялся, обеими руками опираясь о накрытый брезентом предмет. Его пальцы нащупали деревянные стенки ящика, обшитого для прочности полосками железа. Потом он сел на крышку люка и принялся массировать щиколотку. Искося поглядывая на капитана, он убедился, что тот смотрит только на стюарда, возившегося с «Бернаром». Тогда Ян наклонился пониже, едва не коснувшись носом колена, и осторожно приподнял уголок брезента. Так и есть: ящик из того груза, что был предназначен для каботажного судна.

Он поднялся, хромя подошел к стюарду, поблагодарил его, взял у него конец, и тут затарахтел мотор.

— О'кей? — спросил стюард.

— Порядок! — откликнулся Боб и крикнул Яну: — Давай на борт!

Ян неловко сполз на «Бернар». Он не спешил пускаться в путь.

— Зачерпни мне ведро воды.

Боб подал ему ведро с водой.

Опустив ногу в воду, Ян крепко зажмурился, делая вид, что терпит ужасную боль. Стюард смотал в бухту

канат, которым рейнская баржа была пришвартована к причалу, и «Бель ами» направился к Страатсбургдоку.

— Как это тебя угораздило? — спросил Марк, сочувственно глядя ему в глаза. — Очень больно?

— Уже лучше, — ответил Ян. Ему было стыдно, что приходится врать братьям.

— Хочешь, я приготовлю кофе?

— Давай. А хлеба у нас достаточно?

— На вечер хватит, да и на утро тоже. Куда мы теперь?

— К Альберт-каналу. Говорят, там рыбалка что надо. Угря хоть руками хватай!

— Сколько же нам понадобится бензину! — вздохнул Боб. — А главное, что скажут наши родители и комиссар? Нам ведь разрешили плавать только в порту.

Ян встал, выплеснул воду из ведра, расправил плечи и сказал:

— Ладно, там видно будет.

Подход к Альберт-каналу буквально запружен речными судами, теснящимися в Страатсбургдоке. Но для «Бернара» всегда найдется местечко. Ян вел свою лодку, лавируя между баржами, буксирами, катерами. Моряцкие жены протянули веревки от мачты к рубке, и мокрое белье весело трепыхалось на ветру среди национальных флагов, красных и зеленых вымпелов.

На незафрахтованных судах скребли, скоблили и красили палубу. На одном матрос намывал окна капитанской рубки, а какая-то женщина драила медные части. Они блестели так, что глазам больно было глядеть. По берегу бегали детишки в трусиках. Они удивленно таращились на лодку и на мальчиков и махали им руками. Марк радостно махал им в ответ.

Ни одна из этих картин не задержала внимания Яна. Казалось, им владела единственная мысль: поскорее попасть к мосту под Нордерланом, где десятки рыболовов сидят, уставившись на поплавок.

«Бель ами» шире фарватера в этом месте, поэтому рыболовам пришлось вытащить удочки и подождать, пока огромная баржа пройдет под мостом. Когда судно скрылось из виду, Ян спрыгнул на берег и уверенной походкой направился к конторе. Там он быстро заполнил бланк, подсчитал, сколько стоит проезд яхты водоизмещением в две тонны, и пошел искать телефонную будку.

Трижды набирал он номер комиссара полиции, и каждый раз линия была занята. И десять минут спустя комиссар продолжал разговаривать.

«Больше ждать нельзя,— думал Ян.— Неизвестно, куда направляется «Бель ами», а ее никак нельзя выпустить из поля зрения».

Боб накрыл на стол и заварил кофе. Марк уже вооружился ножом и вилкой в предвкушении, как он говорил, «лакомого кусочка».

— Убирай швартовы!— коротко приказал Ян.— Перекусим по дороге.

— И далеко мы пойдем?

— Если понадобится, хоть до Франции.

— Учти, что бак у нас не бездонный, а на этом канале под парусом не поплывешь. Или ты, может, клад нашел?

— Какой еще клад?

— Старинных монет. Их обычно охраняют «заводные клопы». Да-да. Спроси у одного мальчика из Лилло.

— Очень остроумно,— зевнул Марк.

«Бернар» проходил Лёббрукдок, и тут мальчикам представилась возможность сравнить свое судно со всевозможными яхтами из яхт-клуба. Но как бы там ни было, в одном, по крайней мере, они были уверены: ни одна из них — ни одна!— не могла бы в скорости сравниться с «Бернаром».

А дальше вдоль берегов канала стояли суда с углем и цементом, повсюду торчали заводские трубы, и дым заволакивал жилые дома и учреждения. «Бернар» развил максимальную скорость, стараясь побыстрее миновать промышленный район, не соблазнившись даже запахом кофейной фабрики. Когда шумный город остался позади, Марк с облегчением втянул в себя воздух.

— Наконец-то можно дышать!— радостно воскликнул он.— Давайте искупаемся.

— Пройдем еще шлюз у Вейнегема. Там подальше есть хорошие места в лесу.

Боб предложил сменить Яна на руле, чтобы он мог перекусить, но Ян отказался.

— Лучше дай мне сюда бутерброд и чашку кофе. Я сам поведу «Бернар».

Он резко сбавил обороты и пошел за буксиром, тянувшим две плавучие цистерны. Минутку он еще колебался, не обогнать ли ему и буксир, потом все же решил, что

лучше не попадаться на глаза команде «Бель ами». Два катера обошли его по левому борту, «Бернар» закачало на поднятых ими волнах.

Швейцарский флаг скрылся за шлюзовыми затворами, но немного погодя баржа поднялась вместе с водой, и ее снова стало видно. Ян заторопился. Лодка вся задрожала, потому что он запустил мотор на максимальное число оборотов. «Бернар» прошмыгнул между цистернами и берегом, вдоль буксирных тросов, мимо буксира, прямо к шлюзу. Капитан буксира неодобрительно покачал головой при виде такого лихачества. Где ему было знать, что Яну непременно нужно попасть в следующую очередь, чтобы не упустить из виду рейнскую баржу.

Не прошло и получаса, как ворота шлюза открылись для новой партии судов. Высокие стены узкой шлюзовой камеры произвели на мальчиков гнетущее впечатление. Но очень скоро прибывающая вода подняла лодку высоко над пристанью.

— Что ты все высматриваешь? — с любопытством спросил Боб, видя, что Ян опять стоит на крыше и глядит в бинокль.

— Место, где можно ошвартоваться и поудить рыбу.

— Зачем далеко ходить? Мы можем встать и здесь, в любом месте у берега.

Ян не ответил. «Бель ами» исчезла. Ни в бинокль, ни без бинокля он не видел никаких ее следов. Но далеко уйти она не могла, ведь крупным судам не положено на канале развивать большую скорость. А «Бернару» можно. Лодка не вызовет такого волнения, как судно водоизмещением в две тысячи тонн.

За мостом канал поворачивал вправо. На повороте Ян дал полную скорость. Ага... Вдалеке он увидел округлую корму рейнской баржи и в бинокль различил швейцарский флаг.

— Определил ты хоть приблизительно место стоянки? — сердито спросил Боб. — Солнце уже садится, а я хотел бы еще искупаться.

— Можно подумать, у него в Кёмпене дети малые плачут, — хихикнул Марк.

— Ладно, ребята. Вы заслужили отдых, — великодушно согласился Ян, гадая про себя, далеко ли может уйти «Бель ами». Уже темнеет, а ночью по каналу суда редко ходят. Значит, даже если «Бернар» задержится,

все равно он ее догонит. Ян выключил мотор: — Ну, где же смельчаки? Ныряйте!

— Мы останемся здесь на ночь?

— Нет, немного подальше. Но искупаться можете здесь, раз вам это жизненно необходимо.

Ян ошвартовался возле бункера, одного из тех оборонительных сооружений, которые со времен второй мировой войны тянутся вдоль канала. Ему тоже приятно было освежиться после того, как он целый день проторчал на солнцепеке. Но мысли его все время вертелись вокруг злосчастной баржи. Волна от проходившего мимо буксира накрыла братьев с головой и высоко подбросила «Бернар». Наверное, спешит засветло добраться до шлюза. Может, ему предстоит отвести баржу к устью Ваала.

Ян переплыл на другую сторону и вылез на берег. Далеко возле арочного моста он увидел рейнскую баржу, ошвартованную у берега. Вернувшись к своей лодке, он взобрался на борт и, заложив пальцы в рот, коротко свистнул, давая своим разыгравшимся братьям сигнал, что пора отправляться в путь. В небе проступали первые звезды. Ни одного судна не видно было больше на канале.

— Поплывем дальше? — спросил Боб у Яна.

— Только до арочного моста. Там должна быть пристань, где мы сможем надежно ошвартоваться.

— А здесь разве плохо?

— Неплохо, — сказал Ян, — но там лучше.

Младшие братья не давали себе труда разобраться в загадочных действиях своего капитана. Их не интересовало, почему, например, он не зажег навигационных огней. Завел себе какие-то секреты — на здоровье!

Капитанская рубка на «Бель ами» освещена, но на палубе не видно никаких признаков жизни. Карманный фонарик Яна выхватил из темноты кусочек пристани. Он увидел каменные ступеньки и причальную тумбу. Там, где стояла баржа, от буксирной дорожки отвешивалась дорожка к мосту.

Неслышно приблизился «Бернар» к причалу. Заядлый удильщик Боб тут же закинул удочки, а Марк занялся надувными матрасами и спальными мешками.

— Вот уж не думал, что на канале так здорово! — радовался он. — А главное, в рот не лезет соленая вода, как в Шельде.

После купания у мальчиков заметно повысилось настроение. Ян предложил побродить вдоль берега и по лесу. Но Боб не в силах был расстаться с удочками, а Марк не хотел упустить момент, когда на палубу ляжет первый пресноводный угорь.

— Дело ваше,— согласился Ян.— А я хочу поразмять ноги. Если захотите спать, ложитесь, не ждите меня.

По буксирной дорожке, тянущейся вдоль берега, Ян пошел к мосту. Потом он свернул влево и сдвинулся влево, чтобы обойти мост стороной. Он полагал, что выйдет из леса прямо на «Бель ами», но, видно, в темноте плохо рассчитал. Он проскочил мимо, и ему пришлось повернуть назад. Усыпанной галькой дорожки он почему-то не обнаружил и медленно и осторожно крался по траве. Судна ему не было видно, но он слышал, как зачерпывали ведром воду из канала, как бухали по палубе матросские башмаки. Затем в просвет между кустами он увидел слабо освещенную капитанскую рубку и чело- века, возившегося на полубаке. Время от времени по мосту проезжали машины, но свет их фар не достигал воды.

«Возможно, я иду по ложному следу,— думал Ян.— Возможно, под брезентом обычный фанерный ящик с каким-нибудь оборудованием, которым пользуются, когда во время стоянок приводят судно в порядок. Но почему они ошвартовались именно здесь, а не у следующего шлюза?» Лежа на животе, Ян вглядывался в силуэт судна. Человек на полубаке осмотрел носовой трос и пошел в капитанскую рубку. Казалось, он кого-то поджидает или чувствует, что за ним следят, потому что он то и дело оборачивался и поглядывал то на мост, то на берег.

И вдруг... Сердце у Яна гулко забилося. Легкий фургон, подпрыгивая, спускался с моста, направляясь к барже. Лучи его фар плясали по траве и кустам, и Ян увидел на противоположном берегу огромную тень своей головы. Стюард, ослепленный светом фар, вряд ли что-нибудь видел, а вот шофер вполне мог заметить. Уткнувшись носом в траву, Ян ждал, что будет дальше.

Машина остановилась возле самой баржи. Дверца открылась и захлопнулась. Капитан стоял теперь на палубе рядом со стюардом. Шофер по узеньким сходням поднялся к ним. Фары он не выключил, так что Ян мог

видеть малейшее его движение. Втроем они подняли ящик вместе с брезентом. Когда его сталкивали на берег, сходили сильно прогнулись. Ян потихоньку отполз назад, съехал в водоотводную канаву и очень осторожно стал подбираться к машине. С расстояния пятнадцати метров рассмотреть номер он не мог: во-первых, света было недостаточно, во-вторых, цифры были залепаны грязью. Он подобрался еще ближе. Ему уже стало слышно, как трое мужчин кряхтят под тяжестью ящика. 15—С—75. А может, 15—0—75? Еще ближе. Теперь люди, топчущиеся вокруг задней дверцы, загородили табличку с номером.

Но наконец дверцы захлопнулись, мотор взвыл... 15—С—75! Сомнений больше нет. И ни один из этих типов не произнес ни слова. Ну и дела!

Машина задним ходом вышла на дорожку, развернулась и направилась к мосту. Сходни убрали. Свет в каюте под капитанской рубкой погас. Боясь шевельнуться, Ян съехал в канаву. Почти над его головой прощуршали покрыва.

...Боб и Марк нисколько не удивились, когда их брат вынырнул из темноты. Удивились и разозлились они, когда Ян объявил, что они немедленно возвращаются в Вейнегем. Марк только что забрался в спальный мешок, а Боб расставил на ночь рыболовную снасть. Но Ян не желал ничего слышать. Мотор завелся с первого же оборота, так что Бобу ничего не оставалось, как срочно сматывать свои удочки. Несколько маневров, и «Бернар» полным ходом понесся обратно.

— Может, ты все-таки объяснишь, почему мы должны непременно вернуться к шлюзу? — угрюмо спросил Боб.

— Надо позвонить комиссару. Срочное дело.

— Ты ведь уже звонил, когда мы отправлялись.

— Представь себе, забыл. Начисто.

Марк проворчал что-то насчет полуночи и сумасшедших, которые сами не знают, чего хотят, и заснул.

Боб уселся на корме, возле старшего брата. Некоторое время он забавлялся с карманным фонариком, направляя его луч на берег, и тогда из темноты выступала густая зелень кустарника, росшего вдоль буксирной дорожки. Наконец он не выдержал:

— Ян, что, собственно, такое происходит?

Точно прожженный дипломат, Ян уклонился от прямого ответа:

— А что такое, по-твоему, происходит?

— Десять дней мы болтаемся в порту как неприкаянные, потом вдруг кидаемся очертя голову по каналу за швейцарской баржей.

— За чем, за чем?

— За «Бель ами», конечно. Ты что ж думаешь, я ничего не вижу?

— Что же такое ты видишь? — Вопрос был чисто риторический. Ян понимал, что придется все объяснить брату.

— Не придуривайся,— сказал Боб тихо. Ему не хотелось будить Марка.

— Посвети еще разок на берег, я ничего не вижу.

— Ну, так что же?

— Ладно,— вздохнул Ян.— Только Марку незачем об этом знать. Хватит и нас двоих. Ну вот! Комиссар просил меня поплавать в доках и понаблюдать за судами, с которых товары перегружаются на речные баржи. Видишь ли, в порту систематически исчезает часть грузов. Транзитных грузов, тех, что из Антверпена отправляются дальше, в другие страны. На «Бель ами» остался ящик из груза, предназначенного для английского каботажника. А сегодня ночью этот ящик забрал фургон 15—С—75. Вот об этом я и должен сообщить комиссару.

Бобу понадобилось какое-то время, чтобы переварить услышанную новость, и, только когда впереди замаячили огни шлюза, он снова раскрыл рот:

— Да-а, вот это ночка!

Ян покровительственно похлопал его по плечу:

— Ничего, не дрейфь.

Мерный рокот мотора и шум воды, разрезаемой носом «Бернара», так хорошо убаюкивают, если ты уютно пригрелся в спальном мешке на упругом надувном матрасе. Всю дорогу до шлюза Марк спал сном младенца. Разговор братьев на корме не потревожил его. Но когда мотор был выключен, Марк проснулся. Он услышал, как Боб спрыгнул на деревянную пристань, услышал шуршание троса на полубаке и приглушенный голос Яна, который скомандовал: «Крепить швартовы!»

— Отсюда можно позвонить? — спросил Боб.

— Конечно. Из автомата. Знать бы только, где телефонная будка. У тебя есть мелочь?

— Сейчас посмотрю в ящике.

Боб старался двигаться тихо, но монеты в железной коробке зазвенели, как ударник в негритянском джазе. Нагнувшись, он посмотрел на притворившегося спящим брата и на цыпочках вышел на палубу.

— А ничего, что так поздно? Комиссар небось целый день работал.

— Но у меня важная новость. Не забудь, мы обнаружили такое, что полиции и не снилось.

Марк наострил уши. Какие там у Яна могут быть дела с полицией?

— Надеюсь, что ты прав и ящик действительно краденый, хотя ты наткнулся на эту баржу совершенно случайно.

— Что значит — случайно! — возразил Ян. — Просто полиция слишком много занималась морскими судами, сгружающими товары на лихтеры, и не обращала внимания на речные суда, которые доставляют груз на морские. А кроме того, мы меньше вызываем подозрений у контрабандистов, чем одетые в форму полицейские. Потому-то, между прочим, комиссар к нам и обратился.

До Марка не сразу дошел смысл этого разговора. Но когда он понял, в чем дело, ему захотелось сразу же вскочить, кинуться к Яну — он ведь, оказывается, герой — забросать его вопросами. Но он сдержался. Братья, видимо, не хотят, чтоб он знал. Поэтому он только крикнул:

— Эй, где мы?

— У шлюза в Вейнегеме, — сказал Боб.

Марк громко зевнул.

— Ян, как, по-твоему, дождь на целый день зарядил?

— Смотри не заблудись, — буркнул Боб.

Но Марк вовсе не собирался уходить слишком далеко. Он проследил, куда пошел Ян, затем с невинным видом, глядя на звезды, двинулся к телефонной будке. Когда Ян открыл дверь, будка осветилась. Марк примостился возле будки, прямо на камнях мостовой. Камни были теплые, не успели остыть после жаркого дня.

— Алло! Господин комиссар?

— Это ты, Ян? — Голос у комиссара был очень встревоженный.

— Я, господин комиссар.

— Где вы, ребята? Я полдня обзваниваю все посты в порту и не могу вас найти. Где вы?

— Возле шлюза в Вейнегеме.

— Но я же велел вам оставаться в доках. Ты мне нужен был для очной ставки на «Бимбо».

— Так уж получилось. У меня есть для вас новости.

Марк держал ушки на макушке. Что говорил комиссар, он не слышал, но и то, что говорил Ян, было ужасно интересно.

— Я видел, как с рейнской баржи сгружали товары на английское каботажное судно, и я заметил, что один ящик остался на палубе баржи.

— Где это было? Как называлось судно?

— Во втором доке, вчера после полудня. Баржа называется «Бель ами», каботажник — «Флинт». Баржа плавает под швейцарским флагом.

— Прекрасно! Дальше.

— Я последовал за баржей по Альберт-каналу до Фёрселя, так, кажется, называется это место, у меня нет карты этого района. Баржа ошвартовалась у берега. Около полуночи подъехал фургон и забрал ящик, который оставался на палубе. Номер фургона 15—С—75.

— 15—С—75? Цвет? Марка машины?

— «Фольксваген». Синий или серый, темно-серый. Я не мог в темноте как следует разглядеть.

— Прекрасно! Я немедленно приму меры. «Флинт» задержим у шлюза. Если еще не поздно. Почему ты мне раньше не позвонил?

— Телефон все время был занят.

— Правильно, — вздохнул комиссар. — Это я вас разыскивал. Когда рассчитываешь вернуться в порт?

— Рано утром.

— Хорошо. Я пошлю людей задержать баржу и фургон. Надеюсь, ты попал на верный след. Поздравляю.

— Спасибо, — поблагодарил Ян с сознанием собственного достоинства.

Он открыл дверь и споткнулся о ноги Марка, который так и сидел возле будки.

— Ты что здесь делаешь?

— Жду трамвая. Кому это ты звонил?

— Живо залезай в свой мешок, не то ты у меня работаешь! — взорвался Ян.

«Бернар» покидал Вейнегем. Навстречу ему сеял мелкий нудный дождик. Все на борту отсырело. В каюте тоже было холодно и сыро. Марк не вылез из спального мешка, даже когда шлюзовались. Не без злорадства поглядывал он на Боба, дрожавшего на палубе в непромокаемой куртке.

Зорко вглядываясь поверх крыши — видимость была неважная, — стиснув зубы, натянув поглубже зюйдвестку, вел Ян свое судно в сторону дымящихся труб. Нарядные яхты, которые вчера весело блестели на солнце, сегодня казались такими же серыми и бесцветными, как купол Дворца спорта. На канале нет сегодня большого движения. Но на Нордерланском мосту звенят трамваи, спеша за переполненными автобусами. Бесконечная цепь машин взбирается на виадук, и дорога вдоль канала запружена портовыми рабочими, направляющимися к вербовочному пункту... Сирены и гудки паровозов, свистки локомотивов на сортировочной, гудки дрезин и вагонеток, оглушительный скрежет землечерпалки, гул моторов на судах — все эти шумы эхом отдаются в огромном международном порту, просыпающемся после ночи.

— Ян, как, по-твоему, дождь на целый день зарядил?

— Барометр падает. Я думаю, может, подует ветер.

— Хорошо бы, — говорит Боб. — Ветерок бы не помешал. А то опять придется топтать за бензином.

Марк, зевая, высказал свои соображения насчет сырого лета и бесснежной зимы и вообще гнилого климата в стране, где людям лучше не иметь собственной лодки.

— Эй, парень! Ты еще себе пролежни не належал? Можешь, соблаговолишь приготовить кофе?

— Я был занят, — сказал Марк. — Господи! желает, чтобы его обслужили?

Надо было уплатить сбор. Они причалили у конторы, рядом с порожним катером. Капитан его, неумытый и небритый, с сомнением вглядывался в небо.

— Загораем, — сказал он Яну.

Ян кивнул и пошел к автомату. В телефонной будке было тепло и сухо.

— Быстро ты добрался,— сказал комиссар.— Швар-
туйся у шестидесятого причала в Лефёбрдоке. Я к вам
подъеду. И вот еще что: вам поставят радиотелефон. На-
до бы мне раньше об этом позаботиться, но я не ждал от
тебя так скоро каких-то результатов. Да и цели такой у
меня не было. Аппарат тебе тоже поставят на шестиде-
сятом причале.

— А что мне с ним делать?

— Будешь регулярно держать со мной связь по вто-
рому каналу. Я пережил несколько неприятных часов,
пока вы не объявлялись, и мне не хотелось бы испытать
это еще раз.

— Удалось вам взять след, комиссар?

— Все в порядке, мальчик. «Флинт» уже пересек гра-
ницу, но мы сумели проверить у них документацию. На
баржу наложен арест, а водителя фургона мы задержа-
ли и допросили. И еще нескольких лиц нам придется
прошупать.

— До чего же скоро вы все провернули! — удивил-
ся Ян.

— В таких случаях медлить нельзя. Но только бла-
годаря доблестному экипажу «Бернара» нам удалось
сдвинуть дело с мертвой точки. Ну, пока. Скоро уви-
димся.

Бобу и Марку показалось, что у Яна какой-то расте-
рянный вид. На самом же деле он, напротив, был очень
горд своими успехами. Только ему казалось странным,
что ему ставят радиотелефон, когда банда уже обложе-
на и он, Ян, выполнил свою задачу. И почему комиссар
так за них беспокоится? Может, главари еще не пойма-
ны? А когда думает комиссар взять у них лодку? Две не-
дели истекают послезавтра...

Марк приготовил кофе и осторожно разлил его в три
кружки.

— Не угодно ли господам отведасть? — сказал он ве-
село.— Господин Ян, я уже полчаса держу огненный на-
питок в своих нежных пальцах. Желаете вы или не же-
лаете?

— О, извините! — в тон ему ответил Ян.

— Я, конечно, принимаю ваши извинения, но паль-
цы у меня уже дымятся.

— Боб, запускай мотор. Нам нужно к шестидесятому
причалу. Они хотят поставить нам радиотелефон. Я пой-

ду с комиссаром на испанское судно, покажу, как и откуда падал тот матрос. Если будут ставить аппарат без меня, расспроси хорошенько, как с ним обращаться.

— Будет сделано, капитан! — гаркнул Боб. Он щелкнул каблуками и поднял к виску кружку с кофе. — Какие еще будут указания?

— Запускай мотор, остряк, — буркнул Ян.

Что-то, видно, не ладилось с карбюратором или со свечами, но только мотор не заводился.

— Надо было все хорошенько проверить, пока мы стояли в Хансадоке.

— Это от сырости. Зажигание не срабатывает.

— Утром он прекрасно завелся. Бензин-то у нас хоть есть? Аккумулятор скоро сядет.

Наконец со страшным грохотом, испустив клуб дыма, мотор заработал. «Бернар» ловко оторвался от катера, проскочил перед носом у буксира, тащившего баржу, доверху нагруженную коксом, и под поднятым мостом скользнул к причалу номер шестьдесят.

Ян нетерпеливо крутил головой направо и налево. Комиссар где-то задерживался. В порту в это время дня жизнь кипит всюю. Грузовики, тракторы с прицепами, автобусы загромождали узкие улицы портового района, и, когда мост поднимался, чтобы пропустить очередное судно, образовывалась такая пробка, что даже шофер парижского такси не сумел бы выбраться. К тому же плиты мостовой были мокрые и скользкие от дождя.

Мимо проехала черная машина со включенными «дворниками». Рядом с водителем сидел плотный смуглолицый мужчина. Лицо его показалось Яну знакомым. Машина остановилась у ворот сухого дока. Седок выбрался из машины. На груди у него болтался фотоаппарат с телеобъективом. Он вытащил из бокового кармана экспонометр и направил объектив на судно, стоявшее в сухом доке на ремонте. Черная машина ждала его со включенным мотором.

Лишь запечатлев во всех ракурсах новую обшивку судна, смуглолицый человек убрал аппарат. Шофер открыл пассажиру дверцу. Сквозь запотевшее заднее стекло Ян увидел, как человек закурил трубку. Автомобиль тронулся, выпустив облачко голубого дыма. Из-за этого дыма Ян не смог рассмотреть иностранный номер на табличке. Где же он все-таки видел это лицо?

«Видно, я уже заразился профессиональными пороками,— думал Ян.— Может, это иностранный журналист и ему нужно сделать снимки для какой-то морской газеты. С таким аппаратом, как у него, не обязательно ждать хорошей погоды, чтобы получился приличный снимок. А может, это представитель судоходной компании, которой принадлежит судно, и ему поручено собственными глазами убедиться, что ремонт идет успешно...»

— Погружен в размышления, а, Ян?

Это комиссар. Ян даже не слышал, как подъехала полицейская машина.

— Доброе утро, комиссар. Вот жду вас.

— А я застрял у подъемного моста. Машин там видимо-невидимо.

— Радиотелефон с вами?

— Нет. А на лодке кто-нибудь есть?

— Да, мои братья. Они всё знают.

— Всё? — переспросил комиссар с сомнением.

— Достаточно,— сказал Ян.— В конце концов они догадались. Не такие уж они тёмные.

— Ну ладно. Нам надо спешить. «Бимбо» в полдень снимается с якоря.

Машина так резко рванула с места, что Яна прямо вдавило в подушки сиденья.

У молодого полицейского было живое, смышенное лицо, и он улыбался, даже когда втаскивал на борт «Бернара» тяжелый аппарат. Его товарищ был старше и выше рангом. Марк догадался об этом по нашивкам на рукаве, а также по тому, что он и не подумал помочь молодому товарищу. Он нес новенькую, сверкающую никелем антенну.

Лодка закачалась под тяжестью двух полицейских и массивного аппарата, упакованного в грубую парусину.

— Ничего себе машина! Я-то думал, нам поставят миниатюрный переносный радиотелефон,— разочарованно сказал Боб. Он представил себе карманное приспособление, которое в случае необходимости легко спрятать в рукаве.— А эта штука здорово смахивает на пожарный шкаф. С таким сооружением на борту мы поневоле будем привлекать к себе внимание.

Старший из полицейских одобрительно постучал по упаковке, сделанной по принципу спасательного пояса — с пробкой внутри.

— Если эта штука упадет в воду,— сказал он,— она не утонет. Можно не беспокоиться.

— А как с ней обращаться?

— Вы здесь начальник, господин Боб?

— Наш начальник с вашим прогуливается,— сказал Боб.— Но если я не смогу ему рассказать, как обращаться с этим аппаратом, мне крышка.

— Ладно, гляди.

Младший полицейский ловко прикрепил антенну к мачте и размотал шнур со штепсельной вилкой.

— Так не забудь, вызываете «Антверпен Петер»,— сказал он на прощанье.— Ясно?

...Ян издали увидел сияние антенны. «Слишком бросается в глаза,— подумал он.— Надо будет натереть мылом, иначе из нашей охоты за ворами ничего не выйдет». Едва он ступил на палубу, как братья бросились наперебой объяснять ему устройство аппарата, да так подробно и многословно, что он не мог понять ни слова. Не слушая их, он взял инструкцию, проглядел ее, отложил в сторону и скомандовал:

— А ну, не галдеть! Заводите мотор. Мы идем в Хансадок.

Боб совсем расстроился:

— Ну вот! А погода сегодня как раз для угля. Интересно, когда мне наконец удастся подцепить на крючок хоть одного? И чем это вы с комиссаром занимались, а?

— Так, пустяки,— сказал Ян.— Не плачь, половишь сегодня рыбку.

Мотор затарахтел, «Бернар» отчалил от пристани.

Какое это замечательное ощущение, когда «Бернар» идет под полными парусами! Как приятно слышать скрип вантов и каждой клеточкой своего тела ощущать бодрящий воздух польдеров Хансадока! Ян направил лодку к двум большим рудовозам, стоящим возле мостового крана в ожидании погрузки. Едва не коснувшись борта первого из них, он сделал поворот оверштаг. Когда же огни на сигнальной доске скрылись за трепещущим фоком, ветер наполнил грот, «Бернар» развернулся на левый борт и, скользя по мелким волнам, устремился к Нефтяной гавани. Все быстрее и быстрее туда, где горел вечный огонь нефтеперегонного завода. Остановился он лишь точно у места своей обычной стоянки.

— Смотрите-ка, «Бимбо»! — крикнул Марк.

Судно ожидало очереди у ворот шлюза. Наверное, команде уже не терпится покинуть порт, ведь они возвращаются домой. На сигнальной доске загорелись две белые лампочки. Несмотря на яркий солнечный свет, их было видно издалека. «Бимбо», чуть подавшись вправо, пропустил буксир и в тот момент, когда Боб крепил швартовы, прошел в шлюзовые ворота.

«Досадно все-таки,— думал Ян,— что я не смог опознать того человека. Но они все так похожи друг на друга. Прямо родные братья — все смуглые и все с черной бородой. Поди угадай, кто из них убийца».

Ну да ладно. А сейчас он намерен основательно подкрепиться. Нет, нет, он не хочет ни хлеба, ни консервов. Только картошки, пусть Марк почистит. А так как Боб сможет наконец заняться своей любимой рыбной ловлей, то им не придется нестись к черту на рога за мясом. Марк возразил, что картофель, сваренный в мундире, богаче витаминами, и потому...

— Чисть картошку,— коротко приказал Ян.— Хватит с нас витаминов.

Боб прыгнул с удочками на берег. Братьям было слышно, как он закидывал их в воду. Потом они услышали жужжание катушки, глухой звук падения в воду камня, которым он закреплял удище, и другие, обычные при ловле рыбы звуки.

— Пускай Боб чистит картошку,— сказал Марк.— Стоять и глазеть на воду я тоже умею.

— Если он ничего не поймает, тебе придется бежать в магазин.

— А ты? Что ты будешь делать?

— Есть, когда обед будет готов,— ухмыльнулся Ян.— Я капитан судна.

— Может, капитан позаботится хоть о посуде? У меня не десять рук. И потом, нож тупой, как полено.

Капитан счел ниже своего достоинства вступать в пререкания с экипажем. Он просто зачерпнул воды, зажег газ и поставил котелок на огонь. Затем снял трубку радиотелефона:

— «Антверпен Петер», «Антверпен Петер»! Вызывает «Бернар».

— Вас слышу. Перехожу на прием.

— Мы стоим ниже Стокаты. После обеда мы немного поплаваем в пятом доке, потом вернемся на обычную стоянку. Вы меня слышите?

— Вас понял, «Бернар». Прием окончен.

Пока шел разговор, Марк не поднимал глаз, поглощенный работой, но, когда Ян положил трубку, забурчал себе под нос что-то насчет злоупотребления властью, эксплуатации и прочего. В этот самый момент Боб прыгнул с берега на борт, лодка покачнулась, и Марк полоснул себя по пальцу. Не так уж ему было больно, но он сунул палец в рот и запрыгал на одной ноге. Яростно высасывая кровь из ранки, будто его укусила гадюка, он осведомился, какого черта Бобу понадобилось на борту.

— Сачок,— сказал Боб.— А ты что мечешься как угорелый?

— Палец... Уй-уй!.. Смотри, сколько крови.

Ян взял лейкопластырь и аккуратно заклеил ему ранку.

— До самой кости разрезал,— пожаловался Марк.— Я слышал, как хрустнула кость.

— Видно, ножик не такой тупой, как ты уверял.

— А если загноится? — скулил Марк.

— Тогда проткнем нарыв или отрубим палец,— сказал Ян.

— Что ж, я с такой раной должен чистить картошку?

— Ладно, не надо. Боб как-нибудь справится с этой задачей.

Подхватив здоровой рукой сачок и выставив кверху обрезанный палец, точно отличник, готовый ответить на любой вопрос учителя, Марк спрыгнул на берег.

— Клюет! — крикнул он.— Клюет! Я слышу, как разматывается леска. Здоровенная рыбина!

— Смотри, как бы она тебя в палец не клюнула,— хихикнул Боб.

Картошка была почищена и сварена, а ни одной рыбы еще не попало на крючок. Ничего не поделаешь, придется топать в магазин. Марк божился, что испытывает непереносимую боль при каждом шаге и что поход в магазин для него равносителен самоубийству. Боб же уверял, что каждый человек, перенесший операцию, должен как можно больше двигаться, чтобы в сосудах не образовались сгустки крови.

— «Тромбоз» это называется,— сказал он.— Когда мне удалили аппендикс, меня сразу же подняли с кровати.

Ян не принимал участия в их споре. Он уже решил, что поплывет к шлюзу и сам сбегает в магазин. Может, братья составят ему компанию? Нет, они останутся присмотреть за удочками. Боб все-таки надеялся, что хоть один угорь уцелел в этих водах, загрязненных нефтеналивными танкерами.

Мотор опять не заводился, хотя Ян старался изо всех сил.

— Боб, чтоб сегодня же проверил зажигание! — крикнул он, когда мотор наконец застучал.

Боб помахал ему — ясно, мол, — и Ян тронулся в путь. Волны, поднятые «Бернаром», заплескались о камни, на которых стояли мальчики, поплавки запрыгали на воде.

«Пожалуй, не стоит выключать мотор, а то опять намаешься с ним», — подумал Ян. Возле огромного Бодуэнского шлюза он ошвартовался, накинув на тумбы носовой и кормовой тросы. «Оставлять на дороге машину со включенным мотором запрещено. Но тут совсем другое дело. Тут никто ничего не скажет», — решил он.

На дороге показался черный автомобиль. Ян побежал вдоль шлюзовой камеры и добежал уже почти до выходных ворот, как вдруг обнаружил, что забыл захватить деньги. Ничего не поделаешь, надо вернуться. Черная машина на большой скорости проехала по второму подъемному мосту и свернула к Шельделану.

Что такое?! Ян не поверил своим глазам. «Бернар» отошел от пристани и плывет... На нем же никого нет, а он почему-то плывет по Хансадоку!

«Моя лодка! Моя лодка!» В полном смятении Ян метался по набережной. Сердце отчаянно колотилось у него в груди, но он слышал только стук мотора. «Бернар», лишенный управления, на довольно большой скорости шел через док прямо к берегу, где он неминуемо врежется в камни. Судно, над которым Ян столько трудился, которое стало частью его жизни! Сейчас он услышит, как захрустят его косточки, собственными глазами увидит, как оно захлебнется и пойдет ко дну... И он сам во всем виноват. Зачем только он оставил мотор работать! Добежать он не успеет. Да если бы и добежал, как он оставит лодку, несущуюся навстречу своей гибели?

И все-таки... Есть! Есть выход! Моторка! Надо догнать его на моторке.

Ян помчался к будке вахтенного. Там у причала стояла моторная лодка, в ней сидел паренек чуть постарше Яна и тряпкой протирал мотор.

— Моя лодка! — крикнул Ян. — Воп плывет моя лодка. Не мог бы ты ее догнать?

Парень ничего не понял, посмотрел на «Бернар», доплывший почти до середины дока, потом на Яна, который от досады чуть не плакал.

— Ты чего?

— Да воп моя лодка. Пожалуйста... Догони ее. На ней никого нет.

— Прыгай, — сказал парень.

Ян прыгнул. Он едва успел оттолкнуться от причала, а парень уже дал газ. Задний ход, разворот — и на полной скорости за «Бернаром». Расстояние до лодки сокращалось на глазах.

— Если не изменит курс, нагоним! — крикнул парень.

Из Леопольддока вышел нефтеналивной лихтер. Курс его пересекался с курсом «Бернара».

— Смотри-ка, смотри! Сейчас столкнутся!

Катастрофа казалась неминуемой, но в последний момент лихтер свернул в сторону. Срезав ему корму, «Бернар» неся теперь к краям четвертого дока. Волнение, поднятое лихтером, сбilo его с первоначального курса.

«Опоздали! — в отчаянии думал Ян. — Теперь уж не догнать!» У причала, к которому устремился «Бернар», стояли три повенских польских судна. В одно из них «Бернар» врежется сейчас своим стальным штевнем. Парень зпiаком дал это понять.

— А быстрее нельзя? — Ян не мог усидеть на месте.

Парень отрицательно помотал головой. Ближе, ближе, еще ближе... Ян стоял пригнувшись, напрягшись всем телом. Оставался только метр до лодки и два метра — до польского судна, и тут Ян прыгнул. Он упал на корму, ползком, обдирая коленки, рванулся к румпелю, р-раз — мимо, ну еще... Он ухватился за румпель, рванул на себя, «Бернар» заболтался, точно люлька, мачта чертила зигзаги возле самого борта польского судна, обшив-ка затрещала...

Морщась от боли, еще ничего не соображая, Ян поднялся на ноги. Ах, вот оно что! В тот момент, когда он прыгнул на палубу «Бернара», парень направил мотор-

ку так, что она втиснулась между лодкой и польским судном, предотвратив их столкновение.

— Уф, проскочили. Жаль, что пришлось тебя толкнуть. Но ничего другого не оставалось. Ты б его протаранил.

Ян не знал, как благодарить своего спасителя.

— Как тебя зовут? — спросил он.

— Гарри. Я работаю помощником у портового лоцмана. Потом я и сам стану лоцманом.

— Гарри, если я когда-нибудь смогу что-нибудь для тебя сделать...

— Дай-ка мне дорогу, — ухмыльнулся Гарри. — Я спешу, надо отправлять одно судно. — Он ловко обогнул «Бернар» с кормы и, включив полную скорость, помахал Яну на прощанье.

«Какой замечательный парень! — думал Ян. — Если б не он, страшно подумать, что могло случиться».

«Бернар» стремительно летел к своей стоянке. Младшие братья в нетерпении слонялись по набережной. Едва лодка приблизилась к причалу, как Боб забросал Яна вопросами. Что там такое стряслось? Чего он гнался как сумасшедший через весь док и почему этот негодяй в моторке гнался за ним?

— Скажи спасибо этому негодяю. Если б не он, не плавать бы нам больше на «Бернаре», — сказал Ян с чувством.

Он рассказал братьям, как было дело, и показал свои коленки с пятнами засохшей крови.

— А мы решили, что вы затеяли гонки. Я только не мог понять, почему «Бернар» не развил полной скорости.

— Если б он развил полную скорость, нам бы его не догнать. Видали, как он чуть не врезался в лихтер?

Это они видели. Многозначительно наморщив лоб, Боб высказал предположение, что по правилам капитан лихтера должен был бы свернуть, увидев лодку под самым носом своего судна. Но Ян-то знал, что именно лодке следовало уступить дорогу, учитывая ее ничтожные размеры.

— Почему ж ты так плохо закрепил швартовы, раз уж ты решил не выключать мотор? — строго спросил Марк.

Да, действительно... Но ведь он ошвартовался, как положено. Тросы были надежно закреплены, и вот пожалуйста...

— А где носовой трос? — спохватился Ян.

За разговорами они совершенно забыли ошвартовать «Бернар». И мало того: оказалось, что носового троса вообще нет, а кормовой... кормовой оборван у самого огопа.

Возможно, носовой они найдут на тумбе у шлюза. А кормовой Бобу придется нарастить. У Яна есть, конечно, запасной такелаж под цепным ящиком, но трос не мог еще так сильно износиться, чтобы его надо было менять.

— Ты как шофер, который трясется пад запасными покрывками, — сказал Боб. — Смотри, пожалеешь.

— Не можем мы тратить деньги каждый раз, как у нас выходит из строя оборудование. Сам знаешь, тросы не такие уж старые.

Боб пожал плечами:

— Дело твое.

Они поплыли назад к шлюзу.

В шлюзовой камере, ожидая входа в док, стоял пароход под британским флагом. Это было импозантное судно с высокими черными трубами и выкрашенными в коричневый цвет палубными надстройками. Мост был поднят, и мальчики могли видеть маленькие фигурки индийцев, возившихся на баке с буксирным канатом.

— Ян, какую скорость он может развить в открытом море?

— Миль двадцать в час, — рассеянно сказал Ян. — Вот они, те тумбы, к которым он крепил швартовы, отправляясь за продуктами. — Глядите! — воскликнул он. — Носовой трос висит и обрывок кормового тоже.

Марк соскочил на берег, схватил трос и закинул его, точно лассо, Яну на шею. Все-таки непонятно, как он мог порваться. Может, мимо на большой скорости проходил буксир, лодка заплясала на волнах... А может... Смутное подозрение приняло отчетливую форму. Трос не оборвался. Его обрубили!

— Что с тобой? — спросил Марк. — У тебя такой вид, будто тебя стукнули по башке.

Ян ничего не ответил. Он спрятал обрывок каната в ящик из-под продуктов и скомандовал:

— Заводи мотор! Мы возвращаемся на стоянку.

Боб и Марк были на берегу. Они решили посмотреть — в который уже раз, — не сорвалась ли с крючков наживка.

— «Антверпен Петер», «Антверпен Петер»! Вызывает «Бернар».

Комиссар, казалось, только и ждал его вызова. Ну, что они там натворили сегодня утром? Капитан лихтера пожаловался капитану порта на безответственное поведение экипажа «Бернара», едва не столкнувшегося с ним у входа в док. Лихтер вез высокооктановый бензин, и от малейшего удара мог произойти взрыв. Капитан был в бешенстве. Он рвал и метал.

— Да, — сказал Ян, — я представляю. Он совершенно прав. Но мы тоже не виноваты. Кто-то отвязал носовой трос, обрубил кормовой, и лодка поплыла сама по себе.

Наступило молчание. Потом Ян услышал, как комиссар присвистнул. Обрубил? Ян в этом уверен? Конечно. Он может показать остатки троса.

— Тебе надо срочно убраться из Хансадока, — сказал комиссар.

— Значит, вы не сможете использовать нашу лодку?

— Нет, ничего не выйдет.

Не выйдет! Так комиссар думает, это работа контрабандистов? Несомненно. Пользоваться лодкой теперь не имеет никакого смысла, они ее знают.

— Когда нам уходить, комиссар?

— Немедленно. Воспользуйтесь первой же возможностью пройти через шлюз и плывите прямо в Лилло.

— А как быть с аппаратом?

— В Лилло я его сниму.

— Но сейчас воду будут спускать, поэтому раньше чем через четыре часа мы в Лилло не попадем. Нельзя ли нам отложить отъезд до завтра? К полудню мы будем дома.

Комиссар и слышать не хотел ни о каких отсрочках. Если есть возможность проскочить через шлюз сегодня к вечеру, нужно это сделать. Чем скорее, тем лучше. Если же будет трудно в темноте войти в гавань, тогда пусть поставит «Бернар» у причала возле таможенной лодки. Но из дока они должны выйти засветло. Это очень важно. Лучше немедленно, при свете дня.

— Я предупрежу ваших родителей, — сказал комиссар. — Плыви в Лилло и швартуйся на своем обычном месте. Прием окончен.

Ян так и остался сидеть с трубкой в руках. В чем дело? Неужели комиссар так рассердился из-за лихтера? Или он подозревает, что над ними нависла опасность, что контрабандисты покушаются на их жизнь? Но тогда не лучше ли поместить на борт полицейского, который сумеет принять меры, если кто-нибудь попытается на них напасть. Нет, он не понимает комиссара. И уж, во всяком случае, Ян не из тех, кто при первой же опасности пускается наутек. Отсюда надо уходить? Ну что ж, но они не побегут без оглядки. И какой ему смысл торчать в Лилло среди паромов и таможенных лодок? Ладно. Как только поднимут воду, он покинет док, а там видно будет.

Боб с Марком собрали удочки и вернулись на лодку.

— Хоть бы одна рыбешка! — мрачно сказал Боб.— Я уверен, что даже если сеть протащить через все эти доки, и то ничего не поймает.

Он взял транзистор и пристроился на корме послушать программу для молодежи. Транзистор был маленький, не больше коробки из-под сигар, но шуму от него было вполне достаточно.

«Внимание, внимание! Всем судам на Шельде...»

— Что такое? — спросил Ян.

— Антверпен... Никак не поймаю средние волны.

«Всем судам на Шельде. Испанский пароход «Бимбо» на пути из Антверпена в Сантандёр сел на мель возле Веркликкера. Всем судам соблюдать меры предосторожности».

— Ян, а где это Веркликкер?

— За Тернёзенем. Давай послушаем, что еще скажут.

«Внимание, внимание! На борту испанского парохода «Бимбо», севшего на мель возле буя номер четырнадцать, возник пожар. Всем судам принять меры к спасению людей, находящихся за бортом».

Ян забрал у Боба транзистор.

Злосчастное судно этот «Бимбо»! Сначала убийства на борту, а теперь еще авария... Ян вытянул антенну на всю длину и с нетерпением ждал дальнейших сообщений, но из-за помех разобрать что-нибудь было невозможно. Транзистор только трещал, пищал и свистел.

Боб предложил пойти в пятый док. Он намерен попытать счастья на Шельде, а из пятого дока до Шельды рукой подать.

Они отдали концы, и «Бернар» взял курс к выходу из Хансадока.

Три мощных буксира тянули нагруженный до отказа зерновоз. На рейде его поджидали два плавучих элеватора. Все ошутимее становился запах нефти и керосина от нефтеперегонного завода. Марк, пристроившийся на крыше, даже зажал пальцами нос. Свободной рукой он указал братьям на супертанкер, стоявший в Нефтяной гавани. Ян прибавил газу, чтобы поскорее выбраться из этой вони.

В пятом доке стояли четыре судна.

— Сколько отсюда до Шельды? — спросил Марк.

— От того места, где мы остановимся, нужно только пересечь пустующее поле, и попадешь прямо к Шельде. По ту сторону дамбы вода просто кишит рыбой.

Солнечные лучи играли на бортах элеватора из Сольвея и на стальных опорах высоковольтной линии, тянувшейся через Шельду. Марк покинул свой наблюдательный пост. Ему бы хотелось проплыть мимо корабельного кладбища, но Ян сказал, что там они только под ногами у людей будут путаться. Время-то рабочее.

Они причалили у подножия стройного порталного крана. Боб тут же схватил удочки, соскочил на берег и зашагал к Шельде. Марк побежал за ним. Он нес наживку. Мальчики взобрлись на гребень дамбы. Дикие кролики, прятаящиеся в кустах, бросились врассыпную.

Было время отлива. Вода мощным потоком уходила из Шельды. Вдоль берегов, раскачивая камыши, крутились большие и маленькие водовороты. От тины и песка вода стала совсем серая. Светящиеся буи на фарватере покачивались на волнах, поднятых проходящим судном. Шеренга буксиров на полной скорости шла к морю. Картина была впечатляющая: пять судов сомкнутым строем неслись, вспенивая воду.

Боб уже закинул первую удочку и рылся в коробке в поисках более тяжелого грузила. Марк решил погулять по берегу.

— Далеко не уходи! — крикнул ему Боб через плечо.

У причала Дистригаза стоял на разгрузке танкер. Ни грузчиков, ни моряков не было видно ни на палубе, ни

на причале. Жидкий груз уходил по трубам, и, по мере того как пустели танки, судно все выше поднималось над водой.

Уровень воды в Шельде сильно упал. Футшток показывал уже около пяти футов, и дно форта Филипа было сухое. Выступили из воды полусгнившие остатки деревянных свай, а в том месте, где спускали в реку сточные воды нефтеперегонного завода, берег курился паром.

И там, полускрытый камышами, возле самого берега стоял моторный катер.

— Вот это да! — ахнул Марк. — Высший класс!

Катер был почти сплошь покрыт белым лаком. Дубовые стенки рулевой рубки сияли, будто только что отполированные. Вдоль ватерлинии шла светло-синяя полоса. В носовой части Марк насчитал пять иллюминаторов. Фальшборт позади рубки заменен легкими поручнями, чтобы не загромождать вид из большого окна салона. На левом борту висела небольшая шлюпка, ладно закрепленная на шлюпбалке с помощью талей. Тут же, на палубе, лежала надувная лодка. Водоизмещение катера — тонн пятьдесят. В длину — не меньше двадцати метров и метра четыре в ширину. Осадку Марк тоже мог прикинуть — примерно полтора метра.

Возле мачты, на которой полоскался трехцветный французский флаг, возился, согнувшись, худощавый смуглолицый человек с черной бородой. Он кряхтел под тяжестью плоского предмета, похожего на стальной поднос, который он пытался осторожно приладить на мостике. Второй человек, гораздо более плотного сложения, разбирал будильник.

Вот так всегда бывает, глубокомысленно рассуждал Марк. Маленькому человеку достается тяжелая работа, а здоровенный детина ковыряется в часовом механизме. Разве он может удержать все эти колесики и винтики в своих огромных лапах?

За стеклами рулевой рубки сверкали дорогие приборы: эхолот, радиотелефон, два барометра, термометр. Над штурвалом висел компас. Паренек в синем комбинезоне старательно надраивал медные части переговорной трубы. Странно, что нигде нет названия катера. Наверное, его замазали, когда красили корпус. Но ведь клюз на левом борту красиво обведен свежей черной краской...

Раздвинув камыши, Марк придвинулся поближе к красавцу катеру. Он стоял всего в нескольких метрах от воды, когда тощий тип, возившийся у мачты, поднял голову и взглянул ему прямо в лицо.

— А ну, катись отсюда! — рявкнул он.

Он поднял длинную руку и указал, в каком именно направлении Марку следует катиться. Но Марк не спешил подчиниться указанию. Во-первых, где это сказано, что человеку нельзя погулять по берегу Шельды, а во-вторых, достаточно того, что во-первых. К тому же тощему господину его никак не достать: вода-то в Шельде здорово грязная и течение пять километров в час, вряд ли у него возникнет искушение поплавать...

Итак, вместо того чтобы удалиться, Марк вышел из камышей, поддал ногой камешек, оглянулся, нет ли случайно поблизости Яна, и крикнул:

— Ах, так, обезьяна ты несчастная!

Огромный человек, ковырявшийся в будильнике, погрозил Марку толстым, как сосиска, пальцем.

— Копченая образина! — оскалился Марк. — Дермовоз! — Он торопился выложить весь свой запас ругательств и другому: — Ходячий гвоздь, рыжий скелет!

Тут он заметил, что парень в комбинезоне спустил на воду надувную лодку и берет весло. Марк быстро нырнул в камыши. Только его и видели.

Красный от возбуждения примчался он к Бобу.

Ну, что там еще? Ничего особенного. Тут неподалеку стоит катер, и кретины, которые на нем, испугались, как бы он не сглазил их драгоценное судно. Марк все еще изливал свое негодование, когда клюнул угорь.

— Сачок! Скорей сачок! — завопил Боб.

Извиваясь и сопротивляясь изо всех сил, рыба тянула леску в спасительную глубину. Но Марк ловким движением подхватил ее в сачок и вытащил на берег.

Катер был забыт; кроме того, Ян уже давно изнывал от голода, поэтому братья быстро свернули удочки и отправились назад.

Ян сидел, прижав к уху транзистор и уставясь невидящим взглядом на водную рябь. Антверпенское радио сообщило, что вода проникла в «Бимбо» в третий трюм и что судам следует соблюдать осторожность. Выставлен зеленый аварийный буй, высланы спасательные суда и буксиры, которые снимут испанский пароход с мели.

— Не исключено, что мы снова увидим старую калошу, на этот раз в сухом доке,— сказал Ян.— Если он получил пробоину, его поволокут в порт.

Боба и Марка «Бимбо» нисколько не интересовал. Они ведь не были у него на борту. Для них он все равно, что любое другое грузовое судно. Затонул, ну и черт с ним. Есть о чем жалеть! Тут вот угорь, гигант в несколько фунтов весом. Главное сейчас — это поскорее его зажарить.

Марк по всем правилам сервировал стол и вдруг заметил у себя на пальце наклейку.

— Ой, ой, как больно! — захныкал он.— Наверное, нарывает.

— Лезть, куда тебя не просят, так ты совсем здоров,— съязвил Боб.

— Куда это он лазил? — спросил Ян.

— Да так,— сказал Марк.— Вон там катер один стоит на якоре.— Он небрежно ткнул заклеенным пальцем в сторону форта Филипа.

Боб смачно облизал пальцы.

— Угорь — язык проглотишь! Мы не уедем сегодня, а, Ян? Я бы еще половил...

— К сожалению, придется уехать. Только сначала нам нужно немного поспать.

Младшие братья, поев, быстренько нырнули в каюту, но не тут-то было.

— Эй, а посуда?

Около полуночи сигналом тревоги залился будильник. Марк глубже заполз в спальный мешок, а Боб пальцами заткнул уши, но капитан был неумолим.

— Подъем! — скомандовал он.

Полусонные мальчики натягивали брюки и куртки, потом, натыкаясь друг на друга, убирали постели.

— Красота! — вздохнул Боб.— Комиссар позаботился, чтобы мы не скучали. В жизни столько не веселился.

— По крайней мере не страдаешь от морской болезни,— сердито сказал Марк.— Спасибо должен сказать.

Гул мотора заглушил готовую вспыхнуть перебранку.

— Отдать концы!

Возле шлюза Ян сбавил ход. На сигнальной доске горели три красные лампочки. Значит, выход из дока закрыт. Ян огляделся: не столкнуться бы с каким-нибудь

судном. Светилось множество огней, но ни малейшего движения вокруг не наблюдалось. Поэтому он заглушил мотор и направил лодку к пристани.

— Можешь порыбачить немножко, пока не открыли шлюз.

— Я жалею, что выпустил воздух из матраса,— угрюмо отозвался Боб.— Здесь легче поймать сову, чем пару угрей.

Марку представилась прекрасная возможность отличиться.

— Где удочки? — нетерпеливо воскликнул он, пылая жаждой доказать братьям, что и он кое-чего стоит.

— Не трогай мои удочки!

— Господин Боб боится, что мои руки осквернят его замечательные удилища.— И так далее, в том же духе. Пришлось Бобу размотать леску.

Время от времени Марк освещивал в воду карманным фонариком. Он уверял, что при свете рыба лучше клюет. Браконьеры пользуются для этой цели светящимися бакенами. Неправда, что ли?

— От карманного фонаря никакого толку,— категорически заявил Боб.— Слишком слабый луч.

Ян прикидывал, не подойти ли поближе к шлюзу. Впервые, скучно сидеть сложа руки, а во-вторых, позже это будет труднее сделать.

— Тихо, помолчите...

Ему послышался скрип уключин и шумное дыхание человека.

— Что такое? — спросил Марк.

— По-моему, идет лодка.

— Это работает земснаряд.

— Ночью они не работают.

— Клюет, клюет! Сачок давай...

Прежде чем схватить сачок, Марк направил луч фонарика в глубь бурлящей воды.

— Здоровенная! — воскликнул он.— Такая нам еще не попадалась...

И вдруг он взвизгнул, да и Ян не смог подавить крик ужаса, когда совсем рядом с «Бернаром» по правому борту из воды высунулась громадная рука. Она потянулась к корме и ухватила за румпель. Лодка закачалась, удочки полетели за борт, но Боб даже не попытался их спасти. Оцепенев от страха, он уставился в серое

лицо аквалангиста, довольно ясно видимое за стеклом маски. Человек свирепо вытаращил глаза, раскрыл рот, будто хотел что-то сказать, потом вдруг выпустил румпель, нырнул вниз. Мальчики увидели кислородный баллон у него на спине и громадную лягушечью лапу.

— Это он! — закричал Марк.

— Кто «он»?

— Человек с катера, который сказал мне «катись отсюда»!

— Тихо!..

— Где-то в стороне послышался плеск воды под веслами, но как мальчики ни старались осветить даль карманными фонариками, их слабые лучики терялись во тьме.

— Так что ты такое говоришь? — строго спросил Ян. — Ты уже видел этого человека?

— Конечно, — возбужденно затараторил Марк. — Он стоял на палубе французского катера около флагштока, и он крикнул мне: «Катись отсюда!»

— Может, с катера упал в воду какой-то груз,— сказал Боб.— Может, капитан нанял аквалангистов, чтобы его выловить.

— И аквалангисты решили сделать это ночью?

— А что такого? Ночью даже лучше работать: движения почти нет.

— Но они же ни черта не видят!

— Днем или ночью, в такой воде водолазы все равно работают ощупью. Стекло в маске им нужно, только когда они поднимаются на поверхность.

Звучало это вполне разумно. Пока мальчики в растерянности смотрели на то место, где скрылся аквалангист, зажегся сигнал к началу шлюзования, и «Бернар», пройдя под мостом, вошел в шлюзовую камеру.

— По-моему, надо предупредить комиссара,— выпалил вдруг Боб.

— Насчет чего?

— «Насчет чего»? По-твоему, вполне нормально, что среди ночи ты в доке наткнулся на аквалангиста?

— Вряд ли комиссар сочтет вполне нормальным, если его по такому поводу поднимут с постели. Представь себе, что аквалангист занят какой-то срочной работой.

— Вот это и надо выяснить.

— Каким образом?

— В порту. У администрации.

Пока они ошвартовывали лодку, Ян решил, что, пожалуй, действительно стоит связаться с комиссаром. Он казался себе совершенным дураком, но все-таки снял трубку...

Сообщение в высшей степени заинтересовало комиссара. Он хотел знать, где именно человек вынырнул на поверхность. Не видели ли они, случайно, поблизости лодки? Нет, не видели, но отчетливо слышали работу весел. А может, у какого-нибудь судна трос намотался на винт и капитан нанял водолаза, чтобы его освободить? Или произошло еще какое-то повреждение, которое без аквалангиста не исправить? Ян не мог ответить на эти вопросы, но у него было такое впечатление, что комиссар-то знает, в чем дело, и спрашивает для того лишь, чтобы Ян действительно не чувствовал себя круглым дураком. Одно комиссар сказал серьезно и настойчиво:

— Немедленно уходи из доков и швартуйся только в гавани Лилло. Нигде не останавливайся, слышишь? — С этими словами начальник полиции положил трубку.

Лодка еще не вышла из шлюза, а по радиации уже был передан приказ всем полицейским ботам и машинам уголовной полиции: найти аквалангистов и их катер в Хансадоке и арестовать экипаж. Немедленно.

Ян зажег навигационные огни: белый топовый огонь и сложное устройство на крыше, с помощью которого левый борт обозначается красным, а правый зеленым огнем. Держась вплотную к правому берегу, он шел, обходя буи, указывающие на подводные камни. Кроваво-красным заревом светился Лилло, много судов стояло на якоре между двумя красными бакенами, а где-то возле Лифкенсхука раздался один долгий и один короткий гудок, означающий, что судно готовится стать на якорь. Потом послышалось лязганье якоря, освобождаемого из клюза, на баке вспыхнул якорный огонь, а навигационные огни погасли. Два удара судового колокола возвестили, что боцман уже вытравил в воду две смычки якорной цепи.

— Проходи, не задерживайся! — раздалось в мегафон на мосту.

Ян оторвался от берега и повел «Бернар» к гавани.

— Интересно, достаточно ли глубоко сейчас?

— Посмотрим. Можно чуть подождать, вода поднимается.

Осторожно, на малой скорости, направил Ян лодку ко входу в гавань. Здесь проходило сильное поперечное течение. «Бернар» понесло в сторону. Он был всего в полуметре от коварных подводных камней, когда Ян, дав полный газ и круто переложив руль на борт, сумел избежать опасности.

— Давненько нам не приходилось прибегать к таким маневрам.

— Еще бы чуть — и сидеть нам на мели. Хорошо хоть, что мы ушли из этого вонючего дока, правда, Ян?

— Угу. Знать бы только, что же там такое происходит. Комиссар нанял нас, чтобы выследить воров, но, по-моему, он уже сидит у них на хвосте.

— А ты сказал ему, что тип едва не потопил нашу лодку?

— Ну, прежде всего он нас пока не утопил, а потом, как я могу ему сказать, что это был тот тип? Представляю выражение его лица. Он не знает, кто это такой, и я не знаю, да и ты толком тоже ничего не знаешь. Может, это совсем не тот, кого ты видел на катере.

— Он самый! — с жаром воскликнул Марк. — Я никогда не забуду его рябую рожу!

— Разве у него лицо в оспинах?

— Ну, это я просто так выразился. Что вы придираетесь к словам!

— Ну, вот что, хватит болтать! — раздраженно сказал Ян. — Забирайся в свою колыбельку — и баюшки-баю.

Марк не заставил просить себя дважды и моментально исчез в каюте. Покачиваясь на резиновом матрасе и слушая мерный плеск волн о борт судна, он думал, где же все-таки сейчас «тот тип».

Утром Марк проснулся первым. В каюте слышалось только дыхание спящих братьев: Боб изредка всхрапывал, Ян сладко причмокивал во сне.

Солнце раннего утра светило прямо в иллюминатор, а когда кто-нибудь из мальчиков шевелился, в его луче плясали пылинки. Марк потянулся, расправляя онемевшие от долгого лежания мышцы. В такое утро хорошо взобраться на откос, побегать босиком по берегу, по росистой траве. Не вставая с постели, он натянул куртку и штаны, провел пятерней по волосам и осторожно прокрался к приоткрытой двери.

На берегу он подышал полной грудью, поглядел на поднимающуюся воду в реке и паром у пристани в Дуле. Потом он пустился бежать. Он мчался вприпрыжку, ломая камыш, точно шенок, которого долго держали на привязи. Пальдеры на том берегу лежали в голубоватой дымке тумана. Это сгустившаяся за ночь влага поднималась и таяла под лучами утреннего солнца. Дым из трубы нефтеперегонного завода тянулся вертикально в ясное небо. Да, денек будет что надо. Ни один листочек не колыхнется, роса точно жемчуг, и высоко в небе плывут перистые облака.

И вдруг он снова увидел французский катер.

Он стоял на якоре у самого берега, в рулевой рубке никого не было, а дверь в салон была приоткрыта. Марк осторожно прокрался поближе к роскошному судну. Хорошо бы убедиться, что тип с катера и есть тот человек, чье лицо он видел сквозь стекло водолазной маски. Он готов был даже забраться на катер и проникнуть в каюту, только бы посмотреть поближе на «того типа». Вот Ян вытаращит глаза, когда он ему расскажет...

И тут две железные руки схватили его сзади. Кто-то очень сильно прижал его к себе и прошипел:

— Попробуй только пикни...

Но Марк не собирался сдаться на милость победителя, не сделав даже попытки освободиться. Что он, ягненок, что ли? Он завизжал так громко, что человеку пришлось одной рукой зажать ему рот. Тогда он рванулся вверх, голова его крепко стукнулась о подбородок того, кто так предательски напал на него. Марк слышал, как лязгнули у него зубы. Ловко вывернувшись, он увидел лицо человека, который накануне потрошил буйдильник.

Человек крепко сжал его руку, порезанный палец мучительно заныл. Марк брыкнулся, попал ногой бандиту в колено и сумел-таки вырваться. Но он не пробежал и пяти метров, как тот настиг его, сильно толкнул, Марк упал лицом вниз и потерял сознание.

Тринадцатилетний мальчик был не тяжелой ношей, но человек подтащил его к катеру волоком, крикнул что-то по-французски, на палубе появился молодой парень, которому Марк и был сдан с рук на руки.

— Спрячь его. И свяжи покрепче.

— Вы взяли его прямо с лодки, шеф?

— Нет. Нам здорово повезло: явился, так сказать, собственной персоной.

— У вас верхняя губа распухла.

— Да, этот щенок врезал мне по всем правилам. Включай мотор. Мы отправляемся.

— Думаете, удастся обменять этого паренька на Фелисьёна?

— Не думаю, но надеюсь.

— А если не удастся?

— Тогда пусть они ловят его в реке, — хмуро сказал капитан. — Продуктов у нас достаточно?

— Маловато. Кто же знал, что придется удирать во все лопатки.

— Прежде всего спрячь мальчишку. Под матрасы. Так, чтобы не увидели, если кто появится на борту.

Молодой матрос оттащил Марка в детскую каюту, бросил на пол, связал ему руки и ноги, накрыл сверху тремя матрасами, вышел и запер за собой дверь.

Шум мотора и грохот выбираемой якорной цепи привели Марка в чувство. С трудом удалось ему сдвинуть в сторону матрас и глотнуть немножко воздуха. Он был

очень слаб, и все тело болело, будто его долго били палками. Передохнув, он попытался освободить руки. Это оказалось не так просто. Парень, который его связал, видно, не новичок. Марк попробовал помочь себе зубами — тоже не вышло. В запертой каюте было очень жарко. Тут стояли две детские кроватки и маленький умывальник... Ага! Теперь он знает, как отомстить негодяям, взявшим его в плен. Плавая на «Бернаре», Марк усвоил, что вода в рейсе — большая ценность. Перекатившись по полу, он сумел ухватиться за раковину, кряхтя, приподнялся и, неловко действуя связанными руками, отвернул кран. Со слабой ухмылкой Марк слушал журчание воды, льющейся из крана. «Если они заперли меня надолго, — думал он, — то скоро им нечего будет пить, нечем будет умыться. Воображаю, какие у них будут рожи!» Но тут дверь каюты открылась, вошел огромный человек, увидел льющуюся воду, дал Марку пинка и завернул кран. Потом он вышел на палубу, вернулся с лагги¹ и упаковал мальчика на этот раз по всем правилам. Точно батон колбасы.

— Еще раз шевельнешься — выкину за борт, ясно?

— Что вам от меня нужно?

— Ничего. Твое дело молчать.

Катер на полных оборотах шел вниз по течению. Человек, которого парень называл шефом, то и дело заглядывал в лощи Шельды и сверял номера бакенов. Видно было, что он не привык иметь дело с речным фарватером. Но скорости он не снижал. За восемь часов катер прошел всю Восточную Шельду, миновал Брабáнт. Вперед, только вперед!

Марк, запертый в каюте, слышал короткие гудки речных судов. Уже много часов лежал он в неудобной позе. У него затекли руки и ноги и он проголодался. И еще ему хотелось пить. От жаркого воздуха тесной каюты горло стало как терка. Эти бандиты устроили ему китайскую пытку — мучиться от жажды, когда совсем рядом из крана капает вода... Катер плыл уже по Ваáлу, когда в каюту вошел молодой матрос.

— Есть хочешь?

Он еще спрашивает! Да так дружелюбно, что Марк едва не разревелся.

— Пить, — просипел он. — Пить хочу.

---

¹ Лаггинь — гонкий трос особой выделки.

Матрос наполнил ковшик и поднес к пересохшим губам Марка, но выпить не дал.

— Работаешь на полицию? — спросил он.

Вода была так близко и казалась такой прохладной...

Марк утвердительно кивнул.

И что же, они следили за их катером? Нет не за катером. За ворами.

— Мы не воры, — сказал парень.

— Меня же вы украли!

Он схватил ковш обеими связанными руками и стал пить. Он пил, пил... Парень снова и снова наполнял ковш.

— У тебя будто губка в животе. Есть будешь?

Марк кивнул.

Парень сходил и принес несколько бутербродов.

— А кофе принести?

— Конечно.

— А ты знаешь, почему Рейн в Голландии называется Ваал?

Этого Марк не знал. Он вообще не знал, что есть такая река Ваал.

— Балда! — сказал парень.

Капитан что-то буркнул в переговорную трубу, и парень исчез. Но не забыл запереть за собой дверь.

Катер замедлил ход, поджидая плавучую лавку. Торговец наполнил корзину хлебом, яйцами, маслом и сыром. Капитан расплатился, плавучая лавка направилась к другому судну, а катер взял курс на Неймеген.

Им предстояло пройти не такое уж большое расстояние, но встречное течение становилось все сильнее, а это даже для катера с мотором в восемьдесят пять лошадиных сил — существенное осложнение. Поэтому бачок для бензина был заполнен до отказа.

Еще одна гавань осталась позади, а капитан не отрывал глаз от счетчика оборотов. Наступил вечер, когда они достигли Неймегена. Капитан вызвал на палубу своего помощника.

— Швартуйся рядом с лихтерами, Ролán, — приказал он.

— Дать мальчишке еще поесть?

— Дай, конечно.

— Сколько мы покрыли за сегодняшний день?

Капитан довольно осклабился:

— Сто тридцать три мили!

Ян проснулся в половине одиннадцатого. В первый момент он не мог понять, где находится. Он посмотрел в иллюминатор и вместо набережной увидел ярко-зеленый, залитый солнцем берег. Он повернулся на другой бок и снова заснул. Боб тоже здорово устал накануне. Его тоже разбудил солнечный луч, подкравшийся к самому матрасу и разогревший резину. И он тоже перевернулся на другой бок и, уткнувшись носом в переборку, снова заснул.

Когда на башне пробило двенадцать, на борту лодки появились двое полицейских.

— Мы пришли забрать телефон,— объяснили они, с улыбкой глядя на заспанные лица мальчиков.— И это у вас называется отдых на воде? Эх, вы! Проспали самый лучший день в этом году.

Мальчикам совсем не было смешно. Утомительные дни в доках, приключения последней ночи вконец измотали их.

— Забирайте,— сказал Ян.— Ваша игрушка занимает слишком много места.

— Она сослужила свою службу,— сказал бригадир.— Комиссар сегодня очень доволен.

Боб взял себя в руки и вежливо спросил:

— Неужели?

— Полицейский бот изловил человечка в легководолазном костюме,— пояснил бригадир.— Там был еще один, но тот сумел удрать.

Теперь Ян окончательно проснулся. Где и когда они выловили аквалангиста? Ночью? А чем он занимался? Этого бригадир не знал. Но уж если человек глубокой ночью развлекается подводным туризмом и пугает ни в чем не повинных мальчишек, хорошего не жди.

— А где Марк? — спросил Боб.

Действительно, где же Марк?

— Небось где-нибудь на берегу лежит, загорает.

— Судя по тому, что хлеб не тронут, он еще не успел проголодаться.

Полицейские погрузили радиотелефон в свою машину, посигналили на прощанье и скрылись из виду. Боб помахал им вслед.

Марк не появлялся. И через час его еще не было. Братья забеспокоились. Ян пересчитал и сварил всю картошку. Дымящееся блюдо стояло, ожидая Марка.

— Ну, пусть только заявится! Всыплю по первое число. Что это еще за фокусы!

— А может, тут что-нибудь не то? Может, он уже дома?

— А я уверен, что он где-нибудь на земляной насыпи, возится в грязи. Вода-то спала.

Это Боб мог себе представить. Они поели, перемыли посуду, а Марка все не было. Ян послал Боба заглянуть в деревню, посмотреть за фортом и ниже по течению, возле песчаной отмели. Сам он пошел вдоль берега к шлюзам. Время от времени он громко звал младшего брата, и все большее беспокойство овладевало им. Он все еще ходил по берегу, когда к нему подошел Боб. Никто в деревне Марка не видел. Да, конечно, они его знают. Кто не знает Марка! А может, он уже на «Бернаре»? Братья побежали к лодке. Нет, никого.

— Надо позвонить домой,— тихо сказал Ян.— Боюсь, что с ним что-то случилось.

— Что могло с ним случиться?

— Ты не знаешь, что случается с людьми на реке?

— Но он плавает как рыба!

— самого хорошего пловца может засосать в водоворот.

Так оно и шло. Пытаясь успокоить друг друга, они только все больше тревожились... В четыре часа Ян почувствовал, что дольше терпеть не вмоготу. Надо позвонить домой, и если этот чертенок дома, больше ему лодки не видать. Никогда. Железно.

Ян набрал номер. К телефону подошла мать. Как она обрадовалась, услышав его голос! До сих пор все сведения о них поступали от комиссара. Почему Ян не мог позвонить раньше? Ян забормотал что-то насчет погоды, лодки и жуликов, которых пришлось ловить. Он все ждал — вот сейчас мать скажет, что Марк опорожнил целое блюдо холодца, что Марк ужасно похудел, что Марк решил над ними подшутить... Ничего такого мать не сказала. Она только спросила, как у них дела и вернутся ли они сегодня домой. Боб стоял возле брата жалкий, потерянный. Нет, Ян не мог сказать ей правду.

— До свиданья, мама,— попрощался он.— Завтра мы вернемся домой.

Братья стояли друг против друга и молчали.

— Что же дальше, Ян?

Ян тоже не знал.

Еще раз вернулись к лодке. Марка там не было. И еще через полчаса тоже. Ян снова поплелся по берегу. Боб за ним. Чисто случайно Ян остановился на том месте, где трава была притоптана. Здесь, видно, ходили люди. Черт возьми! Как же он раньше не заметил? Ведь он столько раз здесь прошел. Боб нагнулся и поднял что-то с земли.

— Смотри-ка! — воскликнул он в изумлении. — Смотри, что я нашел!

Ян уже увидел. Это был лейкопластырь с пятнышком засохшей крови. Пластырь, который был на пальце у Марка.

Было уже семь часов, когда Ян дозвонился комиссару. Начальник полиции сказал, что сейчас же приедет. Ровно через двадцать минут он стоял перед братьями.

— Ребята, — сказал он серьезно, — поверьте, Марк вернется.

— Может, предупредить отца? — сказал Боб. — Он рассердится, если ему ничего не сказать.

— Я сделаю это сам, — сказал комиссар.

— Что же все-таки случилось с нашим братом, как вы думаете? — спросил Ян.

— Видимо, его похитили.

— Похитили? Но почему вы так считаете? И кто мог это сделать?

Комиссар посмотрел на дорогу, которая, извиваясь, шла через польдер.

— Здесь она кончается, — сказал он как бы про себя. — Интересно, где эти типы оставили машину и как они сюда проникли?

— Они могли приехать и не на машине, — сказал Боб. — Если его действительно похитили, они могли приплыть по реке. — И Боб рассказал про человека, которого Марк узнал в аквалангисте, про белый катер, скрывавшийся в камышах, и даже про угря, который был такой вкусный...

— Катер? Катер в непосредственной близости от доков? Это они, — сказал комиссар. — Конечно. Они увезли его на катере. Я должен вернуться. Поехали со мной в полицию.

— Лучше мы побудем здесь, — сказал Ян. — Вдруг Марк объявится, а нас нет.

Комиссар согласился с ними, но сам он торопился вернуться, чтобы еще раз основательно прощупать аква-

лангиста. Никогда еще мальчики не поднимались на борт «Бернара» в таком унынии.

Снова и снова задавал комиссар вопросы. Ответы арестованного были весьма уклончивы. Было от чего прийти в отчаяние. Мальчик, за которого комиссар несет личную ответственность, похищен. Он не смеет поглядеть в глаза своему другу Петерсу, пока не выяснит, что же именно произошло.

Да, они работали с машиной и катером. Так сказал арестованный. Где сейчас машина? Он не знает. Возможно, за границей. Она выполнила свою миссию. «Свою миссию»! Конечно. Комиссар усмехнулся. Миссия! Вот, значит, как у них это называется. А катер? Плышет во Францию. Гм!.. Попытаемся подключить к этой истории Интерпол, хотя это не так просто.

Во всех портах Северного моря ведется наблюдение за моторными катерами. В Дюнкерке, Було́ни, Калé — всюду морская полиция всегда наготове, чтобы пуститься в погоню за катером. Увы, комиссару не пришло в голову, что бандиты изберут более длинный речной путь. Они-то учли, что на море катер основательно обыщут, и предпочли контроль на границе, где он сводится к пустой формальности.

Комиссар выпил кофе и закурил сигарету. Ему предстояла долгая, изнурительная ночь.

В пять ноль-ноль капитан спустился в машинное отделение. Он подкачал в бак бензину, проверил уровень в баке с водой, уровень масла, зажигание.

Через пятнадцать минут заработал главный двигатель. Его мощный гул разбудил Марка. Все тело у него болело, но особенно запястья и щиколотки, где твердые узлы врезались в кожу. И так хотелось пить! Даст ему парень еще воды? Он услышал, как заскребли по борту тросы и как катер задел бортом железную обшивку какого-то судна.

Часа через два катер миновал Мйлинген, и тут Ролан явился к своему юному пленнику с чашкой кофе. Он сразу заметил заплаканные глаза мальчика. Очень режут узлы? Конечно, это больно. Он перевязал лаглинь заново, не так туго, как прежде.

Ролан не намного старше Яна. Может, у него тоже есть младший брат? Каким же образом он оказался среди бандитов?

— Что со мной будет? — спросил Марк.

— Я думаю, что тебя обменяют на нашего человека, — сказал Ролан. — Антверпенская полиция захватила нашего аквалангиста.

— А что он делал в доках?

— Много будешь знать, скоро состаришься.

Главный двигатель сократил число оборотов, это значило, что Ролану следует подняться в рулевую рубку. Капитан отдал ему распоряжение: освободить тайник в двойном дне, проследить, чтобы была вентиляция, и зайти туда мальчишку.

— В танк? — удивился Ролан. — Он же там задохнется.

— Через час к нам на борт заявится голландская и немецкая полиция, — сказал капитан. — Для инвентаризации. Если они найдут этого щенка, нам крышка, ясно? И Фелисьену. Поэтому засунь парня в танк и завинти крышку. Потом гайки намажь слегка сажей. Таможенники непременно это заметят, когда ты будешь их откручивать.

— Но ведь через трубку поступает очень мало воздуха. А за мертвого парня много не получишь.

Это был первый случай, когда Ролан осмелился возражать хозяину.

— Делай, что приказано! — рявкнул капитан.

— А если таможенники захотят осмотреть танк и заставят поднять крышку?

— Я успею наполнить его водой прежде, чем они открутят первую гайку.

— А парень?

— Иногда приходится идти на «мокрое» дело.

Марка извлекли из детской каюты. С ужасом и отвращением смотрел он на железный ящик, где ему предстояло пробыть несколько часов. Он был ужасно похож на гроб.

— Не бойся, — сказал Ролан. — Воздуха здесь достаточно. Он поступает через эту трубку. — Под отверстие Ролан поставил банку с водой. — Это не для питья, — сказал он. — Когда таможенники сунут в танк футшток, он должен быть мокрым, иначе пойдут разнюхивать все кругом.

Видя, как Марк уставился на жестянку, Ролан предупредил:

— Не вздумай ее отодвинуть. Как только мне прикажут отвинтить крышку, сюда хлынет вода. И тогда я тебе не завидую.

Леденя от страха, Марк слушал, как Ролан завинчивал гайки. В танке было очень тесно, плечо его упиралось в жестянку, но он не замечал этого неудобства. Пахло ржавчиной и слизью, покрывавшей стенки танка, но он ничего не чувствовал. Страх... Только страх, от которого мутился рассудок, страх перед потоком воды, готовым вот-вот хлынуть и затопить этот железный гроб.

Катер окликнул голландский полицейский бот, потом лодка немецкой таможни. Они проверили паспорта капитана и Ролана, затем предложили направить катер в таможенную гавань в Эммерихе. Здесь таможенники произвели инвентаризацию, сверив все, что находилось на борту. В жестянку опустился футшток. Если б Марку не заткнули рот кляпом, он бы закричал. Увы, он смог лишь чуть-чуть пошевелиться, но этого никто не услышал.

Капитан получил разрешение продолжать рейс. Он велел Ролану вытащить Марка из тайника. Марк очнулся уже в каюте, но тут же снова закрыл глаза. Судороги сводили желудок, он чувствовал себя совершенно больным.

— Хочешь воды?

Нет, Марк не хотел больше воды.

— А кофе?

— Оставь меня в покое,— прошептал он еле слышно.

...Катер приближался к промышленным районам Рурса. Рейн кишел здесь речными и каботажными судами. Капитан всем им уступал дорогу, заботясь только о том, чтобы не удалиться от главного фарватера, ибо страшнее всего для него сейчас было сесть на мель.

Ролан приготовил обед и принес в детскую каюту. Марк был голоден. Поев, он воспрянул духом и даже выглянул в иллюминатор. Он увидел бесчисленные трубы, изрыгавшие клубы дыма. Над Дуйсбургом висело красноватое облако. Здесь было много предприятий химической и судостроительной промышленности и заводов Круппа. Никогда в жизни Марк не видел столько заводов. Казалось, этой черной стране нет конца.

— Где мы плывем? — спросил он.

— В Германии. Сейчас идем мимо Урдингена.

— Долго меня будут здесь держать?

Этого Ролан не знал. Во всяком случае, пока не придут во Францию. Так далеко? Да. А потом?

— Кто знает,— вздохнул Ролан.— Вечером будем в Дюссельдорфе, а там, как шеф скажет.

В спускающихся сумерках катер шел, лавируя среди парусных яхт и мотоботов в Дюссельдорфской яхт-гавани. Он покрыл примерно сто сорок миль. Надо еще учесть, что шли-то они против течения. Капитан был доволен. Рейс прошел без осложнений. Удалось обвести во круг пальца и таможенников и полицию. Через несколько дней он будет уже в Страсбурге, а там...

Ошвартовались возле ресторанчика яхт-клуба. Капитан считал, что может позволить себе кружку пива. До сих пор все шло гладко, почему так не может идти и дальше? Судьба Фелисьена его не особенно заботила. Антверпенская полиция с радостью обменяет его на паршивого щенка, что валяется связанный у него на борту. Это будет сделано на франко-бельгийской границе. Капитан неторопливо зашагал к ресторану. Ему и в голову не приходило, что сейчас он выпьет свою последнюю кружку немецкого пива.

...Ролан во все глаза разглядывал шикарные яхты в Дюссельдорфской гавани. Он бы тоже не прочь выпить кружку пива в ресторане, но шеф предпочитал не показываться с ним вместе на людях. А кроме того, нужно было еще навести порядок на катере, наполнить баки, да и грязная посуда горой высилась на кухне. Когда с ними был Фелисьен, у Ролана было меньше работы. Не приходилось хотя бы следить за машинами и караулить пленников. Он устал. Тяжело вздохнув, он поставил на плиту котел с водой, и тут послышался стук в детской каюте.

— Ну, чего тебе? Будешь шуметь, я тебя так свяжу, что пальцем шевельнуть не сможешь!

— Мне нужно в уборную.

Понятно. Ролан помедлил, соображая, как же ему лучше осуществить эту операцию — доставить пленника в уборную и обратно.

— Ладно, я развяжу тебе ноги.

Марк лежал на палубе. Хотя веревка на ногах была уже развязана, подняться он не смог. Пришлось Ролану помочь ему.

— Сделай несколько наклонов и приседаний. Потопай ногами...

Марк с усилием сделал несколько движений. Затем, спотыкаясь, поплелся за Роланом по узкому проходу и вверх по грапу. Ролан остался сторожить у двери уборной.

— Чтoб без фокусов,— предупредил он с угрозой в голосе.— Не то пожалеешь.

Марк даже не ответил.

— Поспеши, парень. У меня до черта грязной посуды, а уже скоро одиннадцать.

— Открой,— тихо попросил Марк.

Когда они проходили мимо камбуза, Ролан остановил пленника:

— Послушай, ты не поможешь мне вымыть посуду?

— Со связанными руками?

— Я свяжу тебе опять ноги, а руки развяжу. Тогда ты сможешь вытирать тарелки.

— Ну что ж,— сказал Марк без большого восторга.

— Раз человека кормят, он должен что-то делать.

— Я не просил меня кормить.

— Ладно, смолкни.

Щиколотки снова были туго замотаны лаглинем и завязаны прочным узлом. Марк помахал освобожденными руками, точно птенец, расправляющий свои еще слишком короткие крылышки в тщетной надежде взлететь в небо. От узлов на теле остались глубокие вмятины. Руки затекли и были все в синяках до самого локтя. Ролан перебросил ему через плечо полотенце, закатал рукава, пустил немного мыла в горячую воду и сказал:

— Ну, давай вытирай. Когда-нибудь приходилось?

— Конечно. У нас на лодке. И дома тоже.— Глаза Марка затуманились. Дома! Как там, наверное, беспокоятся! Придется ли ему когда-нибудь снова увидеть родителей, братьев?..

— Чего ты? — спросил Ролан.

— Ничего. Руки болят.

— А у меня родителей нет,— сказал Ролан без всякого выражения.— Давно умерли.

— А как же...

— Вот так же. Вытирай тарелки.

Взяв первую тарелку, Марк увидел нож. Длинный, с зубьями и заостренным концом хлебный нож. Он лежал на углу кухонного стола, наполовину скрытый мокрым посудным полотенцем и клетчатым полотенцем для рук.

— Здесь здорово жарко,—сказал Марк.—Приоткрыл бы дверь.

— Чтоб ты стал звать на помощь? И не подумаю.

— Сейчас у меня пойдет кровь из носа. Я уже чувствую.

— Хватит! Я вообще не должен был выпускать тебя из каюты. Если шеф, вернувшись, застанет тебя здесь, воображаю, что будет. Кончай вытирать, и я опять засуну тебя под палубу.

«Если шеф, вернувшись...» — так он сказал. Значит, капитана нет на борту...

— Запри меня снова,—слабо пролепетал Марк.— Мне дурно делается. Здесь совсем нечем дышать.

Ролан колебался. «Запрешь его, а сам мой всю посуду! Может, приоткрыть все-таки дверь? Если парень вздумает кричать, стукну его по башке. Тут и правда духота, как раз над мотором ведь, а он еще остыть не успел».

Он приоткрыл дверь, закрепив ее в этом положении медным крючком. Крючок был рассчитан на то, чтобы выдерживать тяжесть двери при волнении, но, конечно, он не выдержал бы веса тринадцатилетнего мальчишки, да еще такого рослого.

Марк ждал, чтобы Ролан вернулся на свое место у сливного бачка. И тут поднос с грохотом опустился на голову Ролана. Свободной рукой Марк схватил нож. Напрягши все силы, он навалился на дверь и упал грудью на верхнюю ступеньку. Почувствовав, как мокрая, скользкая рука Ролана схватила его за ногу, он угрожающе взмахнул ножом. Ролан испуганно отпрянул назад. Этого было достаточно, чтобы Марк успел выкарабкаться на палубу. Перевалившись через поручни, он скрылся под водой.

Сколько раз они с Бобом и Яном играли в «подводную борьбу»! Сколько раз они соревновались, кто дольше продержится под водой! Но теперь это был вопрос жизни и смерти. Не имея возможности двигать ногами, Марк камнем пошел на дно. В ушах у него звенело, легкие требовали воздуха, а он изо всех сил старался перепилить грубую веревку лаглиня, всячески сопротивляющуюся зубьям хлебного ножа. Пришлось вынырнуть на поверхность, глотнуть воздуха и снова уйти вглубь. Слава богу, узел распался. Он снова вынырнул, ударился головой о борт катера, увидел в воде Ролана и снова

ушел вглубь. Теперь можно бросить нож и плыть, плыть прочь от катера. Когда Марк вновь рискнул показаться на поверхности, он услышал, как Ролан что-то кричит. Да, в этой гонке ставкой была жизнь. Вода взбодрила его. Никогда не чувствовал он себя так уверенно. И, главное, он нисколько не паниковал. Он опять нырнул. Под водой он свернул вправо и, проплыв метров пять, осторожно вынырнул на поверхность. Гавань была освещена слабо, но Марк все же увидел голову Ролана, плывущего к причалу, где было светлее. Пловец Ролан был явно никудышный. Видно было, что ему больших усилий стоило даже просто держаться на воде. Марк подождал, пока его преследователь скрылся из виду, и бесшумно поплыл к противоположному берегу.

На борту парусной яхты играло радио, а на корме остроносой гоночной лодки два юноши в морской бинокль рассматривали звезды.

Марк вылез на берег. Он немного запыхался, но нисколько не ослабел. Лаглинь еще обвивался вокруг его левой щиколотки. Марк нетерпеливо сорвал петлю и побежал к освещенной улице. На него оглядывались. Несколько запоздалых гуляк что-то кричали ему вслед. Картина действительно была странная: мокрый до нитки мальчик со всех ног бежит по улицам города. Вдруг он увидел человека в форме. Наверное, полицейский. Марк схватил человека за рукав, бормоча: «Полиция... Помогите, помогите!» Человек прежде всего постарался оторвать от себя истекавшего водой мальчишку. Он был вовсе не полицейским, а железнодорожным служащим.

— Полиция? — переспросил он.

— Да, да, полиция. Скорее!

Они прошли несколько кварталов, пересекли небольшую площадь, украшенную статуей, и пришли в полицейский участок. Плохо зная немецкий, Марк никак не мог понять, о чем его спрашивали.

— Бельгия, Бельгия, — твердил он, тыча себя в грудь. — Антверпен, похитили...

В конце концов с грехом пополам, с трудом подбирая слова, он все же сумел объяснить суть дела.

В половине второго ночи чудовищный телефонный звонок в квартире Петерсов зазвонил.

— Это я, пап.

- Марк? Марк, мальчик!.. Где же ты?
- В Дюссельдорфе. В полицейском участке.
- Тут вот мама... Это он. Он нашелся!

Марк в трубку услышал, как мама заплакала. Что они пережили за последний день, когда Ян и Боб вернулись домой без младшего брата... Чуть с ума не сошли. Вздрагивали от каждого телефонного звонка. Ждали, ждали, и вот посреди ночи младший отпрыск самолично звонит из Дюссельдорфа. Телефонный разговор с границей затягивался. Немецкий полицейский с добродушной ухмылкой глядел на без умолку тараторящего мальчика.

— Кончил? Ну вот. Теперь тебе надо переодеться в сухую одежду и лечь спать,— сказал он.— И уж там, где ты будешь спать, тебя никто не найдет.

Эту ночь Марк с комфортом спал в камере.

...Моторное судно «Верный» было самым красивым и самым быстроходным в Бельгии, гордостью отечественного судостроения. Вахтенный и еще один матрос гостеприимно встречали на борту «Верного» господина Петерса, его супругу и трех его сыновей. На фальшборте висел аварийный фонарь.

— Смотри-ка,— сказал Марк,— заводной клоп!

Ян засмеялся.

— Что такое? — поинтересовался отец.

— Да вот эти два молодца бросили в воду старый фонарь, а он начинен веществом, которое от соприкосновения с водой воспламеняется. Ну, и произошел взрыв. Оба перепугались до смерти.

Мать сокрушенно покачала головой. Как бы хорошо было, если бы ее сыновья завели себе какое-нибудь другое хобби вместо этой лодки!

— «Верный» великолепное судно,— рассказывал отцу капитан.— Мы уже попадали на нем в шторм. Любые волны ему — как легкая рябь на воде.

«Да-а, это тебе не «Бимбо»,— думал Ян.

Стол в салоне был роскошно сервирован, и обещанная «легкая закуска» обернулась прямо-таки королевской трапезой. Но Яна сейчас занимало совсем другое. Он жаждал услышать от комиссара, чем же кончилось дело. Один комиссар мог ответить на этот вопрос.

Прозвучали удары гонга, приглашавшие всех к столу. Марк торжественно занял место рядом с капитаном. После того как гости и хозяева расселись и непринужденная беседа возобновилась, отец вдруг сказал:

— А теперь я хотел бы услышать, какую службу со-служили полиции мои сыновья. Если это, конечно, не государственная тайна.

Нет, конечно. Никакой тайны тут нет. Собственно, комиссар намеревался только использовать их лодку, но события развивались совсем не так, как он планировал. И комиссар рассказал, что творилось последнее время в Антверпенском порту, где орудовала банда опытных воров. Он привел несколько примеров наглых ограблений, которые не удавалось раскрыть. Рассказал, как накапливался у них материал наблюдений, росли подозрения, но решающего удара по распоясавшимся преступникам никак не удавалось нанести, пока Ян не выследил фургон «15—С—75».

— Прошлой зимой произошел взрыв в машинном отделении одного грузового парохода, плававшего под либерийским флагом,— говорил комиссар.— Считалось, что это был несчастный случай. Но позже обнаружилось, что кто-то подложил в машинное отделение заряд взрывчатки. Это судно направлялось из Антверпена на Ближний Восток с грузом сельскохозяйственных машин, стекла, цемента и железа.

А месяцем позже возле Тернёзена у одного турецкого судна отказало рулевое управление. Оно село на мель и затонуло, едва выйдя из порта в Тернёзене. На реке, где ежегодно вверх и вниз проходят двадцать тысяч судов, такое случается нередко и никого не удивляет. Судовой лоцман уверял, будто судно поначалу чутко слушалось руля, но что он еще до того, как заметил неладное, почувствовал слабый толчок, будто судно задело за что-то кормой. Подумал — может, столкнулись с каким-то плавающим предметом. А во время ремонта обнаружилось, что часть рулевого управления сорвана, и скорее всего — небольшой пластиковой миной.

К сожалению, к экспертам обратились слишком поздно, потому что никому и в голову не приходило, что здесь имела место диверсия. Просто исправили поломку, и судно отправилось со своим грузом куда-то на Ближний Восток.

Еще через месяц французское грузовое судно потер-

пело аварию во время шторма в Бискайском заливе. Считалось, что оно палетело на старую мину, какие еще попадают время от времени в морях и океанах. Но интересно, что это судно также шло из Антверпена и с аналогичным грузом для какого-то североафриканского порта.

Полиция знала, что в Антверпенском порту орудуют диверсанты и что диверсиям подвергаются именно суда, везущие товары для Северной Африки и для Ближнего Востока.

— Случилось так,— продолжал комиссар,— что «Бернар» стоял рядом с испанским пароходом, когда на нем был убит вахтенный. Таким образом, Ян оказался вовлеченным в эту историю. Он знал убийцу в лицо, и это мешало преступникам делать их черное дело. Понимая, что они постараются избавиться от свидетелей, я приказал Яну немедленно покинуть док. Он не выполнил в точности моего приказа — к счастью для нас, потому что при этом он обнаружил водолазов.

Преступники снимали виллу в Эккерене, в их распоряжении были две машины и катер. С помощью этого катера они и сыграли с нами шутку. С того места, где они стояли, было очень легко попасть в док, во всяком случае ночью. Для работы у них была маленькая судовая шлюпка, пластиковые мины и водолаз.

Вахтенный с «Бимбо», случайно бросив взгляд за борт, увидел стоящую там шлюпку. Главарь бандитов, а он как раз находился на этом пароходе, испугался, что вахтенный может догадаться, чем они занимаются, и прикончил его. Помните, он твердил: «По борту, по борту...»? Теперь вам понятно, что и «Бимбо» сел на мель потому, что на нем взорвалась мина?

Из бокового кармана комиссар вытащил две фотографии:

— Как, Ян, узнаешь?

— Да, это убийца!.. Черт возьми! Это же человек, который фотографировал судно в сухом доке. Теперь я узнаю! Я тогда стоял и дожидался вас, а вот он вылез из черной машины и стал фотографировать судно.

— Эти фотографии тоже у нас. Ему надо было зафиксировать на пленке повреждения, произведенные миной. И тросы «Бернара» он же обрубил, пока Ян бежал за продуктами. Когда мальчики сообщили мне о водолазе, для меня все стало на свое место. Показания схваченного аквалангиста подтвердили мои догадки.

А главарь банды, видно, почувствовал, что в Антверпене стало далеко не так уж уютно, и предпочел улизнуть. Но чтобы продолжать свою деятельность где-то в другом месте, ему нужно было вернуть водолаза. Поэтому он похитил Марка, рассчитывая произвести обмен. Мне бы, конечно, пришлось выдать ему этого человека. Должен честно признать, он оказался хитрее нас. Нам бы в голову не пришло искать его на Рейне. К счастью, Марк сумел убежать. Теперь банда ликвидирована, и мы можем больше не бояться диверсантов.

За столом наступило молчание, потом все подняли бокалы и выпили за здоровье юного героя.

Господин Петерс сидел глубоко задумавшись.

— Все неприятности начались с того, что телефонист установил у нас в квартире этот чудовищный звонок,— сказал наконец он.— Но можете мне поверить, никогда в жизни я не был так счастлив, как в тот момент, когда раздался звонок из Дюссельдорфа.

— Ну, а теперь что? — спросил комиссар.

— Завтра отплываем на Восточную Шельду,— сказал Ян.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Большие гонки

Как-то раз Боб притащил домой газету, в которой было помещено объявление о Больших парусных гонках. Ян тут же написал в яхт-клуб Виктории с просьбой прислать проспекты, после чего братья отправились к отцу.

— Ты не возражаешь, если мы попытаем счастья?

— Что ж, попробуйте,— сказал отец. Он знал своих сыновей: если они что задумали, от своего не отступятся.

Марк пустился в пляс:

— Ура-а!

Два дня спустя мальчики поднялись чуть свет и с нетерпением ждали почтальона. Не успело письмо упасть в ящик, как вся троица сломя голову бросилась вниз по лестнице. Марк застрял между Яном и перилами, и Боб, воспользовавшись заминкой, завладел пухлым конвертом. Пришлось братьям читать, заглядывая через его плечо.

Отец тоже заинтересовался условиями гонок. Он в тот день встал в отличном настроении, возможно, по случаю пятницы.

— Любопытно, как вы справитесь,— подзадоривал он сыновей.— Судя по вашим рассказам, скорость у «Бернара» просто фантастическая. Если это правда, вы спокойно можете дать соперникам час фору.

Ознакомившись с проспектами, мальчики поехали в яхт-клуб, так как в сопроводительном письме указывалось, что более подробную информацию о предстоящих гонках можно получить в клубе.

На окне клуба красовался девиз:

«КАЖДЫЙ ПЛЫВЕТ КАК МОЖЕТ»

У входа братья остановились. Видно, сегодня здесь собрались все, кто интересуется водным спортом. Над крышей сарая, где зимой стоят яхты, празднично развевались разноцветные флаги. Будущие участники гонок щеголяли в дорогих спортивных костюмах. Один разгуливал даже в кроваво-красном шерстяном жилете, хотя термометр показывал плюс двадцать пять в тени.

— Ну как, Ян, пойдешь записываться?

— Конечно, пойду.

Он решительно стал в очередь за шикарным господином, от которого за версту несло духами,— купается он в них, что ли? Однако, внимательно присмотревшись к своим будущим соперникам, Ян заколебался.

— Пошли-ка лучше домой, ребята,— сказал он.— Ничего у нас не выйдет.

Младшие возмутились. Да почему? Они же не раз видели их паршивенькие лодчонки в гавани яхт-клуба.

— Ты выжмешь из парусов все, что можно,— возбужденно твердил Марк.— А эти расфуфыренные стилиги ручки побоятся испачкать. Моряки называется!

Боб не упустил возможности поддеть брата:

— Зато Марк у нас — прямо морской волк. Из тех, что, кроме рома и табаку, в рот ничего не берут.

Марк разозлился. Ну еще бы! Боб ведь тоже не прочь покрасоваться в белых брючках, а вот ему лично плевать на курортный шик, и он уверен, что «Бернар» за просто обставит все эти пижонские яхты.

Ян в этом не был уверен. «Бернар», конечно, очень хорошее судно, на нем даже в море выйти не страшно. И устойчиво, и скорость приличную имеет, и достаточно маневренно, но до классных яхт ему далеко. Участвовать в гонках без форы да еще надеяться, что они выиграют,— нет, это просто смешно! Рыбачьи лодки, иолы, не в счет, а все остальные значительно быстрее «Бернара».

— Ну пусть не выиграем, можно же участвовать просто так, ради спортивного интереса,— настаивал Боб.

Марк тоже так считал. Но Ян думал иначе. За участие в гонках надо внести триста франков. Разве могут они швыряться такими деньгами?

— А если увеличить паруса?

— Клячу хоть золотыми подковами подкуй, скакуна сй все равно не обогнать.

Марк прямо подпрыгнул:

— Кляча? Да эта кляча твоих скакунов...

— Ладно, хватит спорить,— вмешался Боб.— Не по зубам нам, видно, орешек.

Марк еще пытался доказать, что такой замечательной команды, как у них, нет ни на одной яхте, но Яп был неумолим. С какой стати выставлать «Бернар» на посмешище? Он этого не заслужил.

Значит, старт в Брэскенсе, финиш в Антверпене. Маршрут — по выбору гонщиков. Будто есть, из чего выбирать! От Брескенса до Антверпена по главному фарватеру приблизительно пятьдесят морских миль, прикидывал Ян. По боковым фарватерам — сорок. Кое-где еще можно срезать углы. Но ведь все будут срезать углы. Нет, куда нам! Вот если бы дали фору, вышли бы на часок раньше, а там, глядишь, ветер бы утих, попробуй тогда догони.

Но разве бывает на Шельде безветренная погода? Нет, нечего и соваться. Триста франков коту под хвост? Не пойдет.

— А первый приз у них классный,— мечтательно произнес Боб.— Бесплатная поездка в Танжер для двух лиц.

— И кто же будут эти два лица? — задиристо спросил Марк.

— Не задавай глупых вопросов. Мы, конечно.

— Кто это «мы»?

— Ну мы, старшие. Кто ж еще?

— А я?— Едва успев выговорить, он шархнул от спортивной машины английской марки, которая промчалась вплотную к тротуару.

— В Танжер собрался, а сам по тротуару ходить не умеет. Смотреть надо.

— Чуть ботинок с меня не содрал,— пожаловался Марк.— Глядите, на какой скорости этот псих сворачивает.

— Отойди от края. Ну кто так ходит — одна нога на тротуаре, другая на мостовой!

Марк стал объяснять, что так гораздо удобнее, но тут к остановке подошел автобус.

Начался обеденный перерыв, и автобус был до отказа набит портовыми рабочими. Братья с трудом втиснулись на площадку.

— Часы свои напоказ выставляет! — проворчал Марк, втайне завидуя Бобу.— Специально на петле повис, чтобы все видели его сокровище.

Боб не остался в долгу:

— Будешь больше каши есть и слушаться старших, глядишь — и ты до петли дотянешься.

Марк еще долго бурчал насчет тощих дылд без бичепсов, умеющих только языком болтать, но старшие братья не слушали и смотрели в окно.

— Знаете что? — вдруг сказал Марк. — А ведь можно будет мотор включить, если мы очень отстанем от других.

— Это ты о чем?

— О гонках. О чем же еще? Чуть-чуть проскочим на моторе, пока догоним остальных, потом выключим.

Ян пожал плечами:

— Во-первых, так нечестно. Во-вторых, ничего не выйдет, для этого там есть наблюдатели, а в-третьих, участвовать в гонках мы не будем. Понял?

Ян снова отвернулся к окну и стал смотреть на реку. Американское судно с красной трубой застряло поперек фарватера, преградив дорогу другим судам.

— Ну кто ж так делает? — возмутился Ян.

Боб тонко заметил, что лучшие моряки не всегда оказываются на месте. Бывает, что они как раз едут в автобусе.

Водитель свернул влево, и автобус подошел к тоннелю под Шельдой. У въезда горел красный свет. Докеры стали ворчать, что у тоннеля очень маленькая пропускная способность и рабочие из-за этого теряют массу времени.

— Смотрите-ка, а псих, который чуть не сбил меня, тоже здесь, — сказал Марк.

— Вон на том «ягуаре», да?

— Ну да. У самого светофора.

— Ага, вижу! — воскликнул Боб. — Это же тот самый надушенный стилига. Также из клуба едет. Узнал Курпосого, Ян?

— Еще бы! Это чемпион клуба Виктории. Он на своем «Б-404» вокруг «Бернара» десять раз обойдет и все равно обгонит.

— Не исключено, что это он затеял состязания, — сказал Боб. — По морде видно, что он всегда выигрывает.

Зажегся зеленый свет, и «ягуар» пырнул в черную дыру тоннеля. Под бетонными сводами насмешливым хохотом отозвался рев его мотора.

— Интересно, чем этот парень вообще занимается. Такая шикарная машина, яхта не меньше миллиона стоит, и живет небось во дворце с целой оравой прислуги.

— Не надо ему завидовать,— мрачно сказал Марк.— Если Шельда прорвется сейчас в тоннель, он погибнет так же, как и мы, несмотря на свои миллионы.

— Бедняжка! Душа в пятки ушла, да? — ухмылялся Боб.

Шофер переключил скорость. Начался подъем.

— Не бойся, детка. Вот уже и конец. Видишь свет? Сейчас выедем на улицу.

«Шутки шутками,— думал Ян,— но неужели они действительно считают, что мы можем участвовать в таких соревнованиях?

Впереди на повороте дороги еще раз мелькнул «ягуар» Курносого. Но тут автобус остановился, докеры закинули на спину свои холщовые мешочки и стали выходить.

— Быстрее! — торопил братьев Ян.— И так опаздываем.

Отец был уже дома. Он ожидал, что сыновья, перебивая друг друга, начнут расписывать предстоящие гонки и яхтклуб, но увидел лишь хмурые физиономии.

— Струсили мы,— сказал Марк.— У них там у всех быстроходные яхты.

Отец дал каждому высказаться и, выслушав, неодобрительно покачал головой. Разве это так страшно? Организаторы знают, что делают. Призы очень интересные. Нет форы менее быстроходным, говорите? Что ж, быстроходность — это еще не все. Она дает преимущество на глубоком фарватере, зато лодки с меньшей осадкой могут пройти над отмелями. В таком состязании, где участники сами определяют для себя маршрут, очень важно хорошо знать рельеф дна и силу течения.

— Слишком уж велика разница,— сказал Ян.— Они обгонят нас на первом же этапе.

— Допустим. Но разве вы никогда не видели массовых кроссов? Девятьсот пятьдесят человек из тысячи заранее знают, что у них нет никаких шансов на выигрыш, и все-таки бодро бегут вместе со всеми. А в школе вы что, самые первые?

Но Яна не так легко было убедить.

— Их лодки делают по пять миль в час при ветре в три балла,— настаивал он.

— Ну и что?

— Триста франков,— буркнул Ян.— Лучше уж купить новые фонари на мачту.

— Да, сумма не маленькая, но призы тоже денег стоят...

— Нас просто засмеют,— упирался Ян.

Отец был решительно не согласен с ним. Конечно, кто-то будет первым, но и остальным, если они сделают для победы все, что в их силах, стыдиться нечего.

Боб был за участие в гонках. Марк тоже.

— Мы увеличим площадь парусов и будем срезать углы, где только можно,— сказал Боб.

Ян добавил, что недурно бы поставить «Бернар» на колеса, чтобы переезжать через отмели, раз уж они твердо намерены обогнать «Б-404» и «Б-92». Ладно, он тоже согласен.

Давно бы так! Они расстелили на столе карту Шельды и, словно адмиралы, разрабатывающие план морского боя, углубились в изучение маршрута. Надо было найти кратчайший путь от Брескенса до Антверпена. Позже им придется изучить тот же маршрут на местности, посмотреть, где во время отлива над водой появляются песчаные банки, и отметить их на карте. Кроме того, надо обследовать все небетонированные рукава и тоже нанести на карту. Конечно, времени уйдет немало, но, может, им все же удастся найти самый короткий путь.

— Завтра запишемся,— сказал Ян.— Потом займемся изучением фарватера и увеличим площадь парусов.

Водитель автобуса был доволен, что удалось подцепить пассажиров. Давка в автобусе, конечно, ни к чему, но гонять пустую машину тоже не дело. Улыбаясь, Ян опустил в кассу деньги.

— Вот здорово! — радовался Марк.— Целый автобус в нашем распоряжении.

В тоннеле пахло выхлопными газами от тяжелых грузовых машин. Шофер ворчал, что грузовики теперь стали длиннее товарных вагонов, никак их не обойдешь, попробуй тут соблюсти график. И когда наконец выстроят второй тоннель?

После мрачного подземелья небо кажется особенно голубым и высоким. Братья вышли из автобуса и замерли в восхищении. Для мальчишек, которые любят воду,

западная часть Антверпена — это зачарованный мир. Они часами бродят по набережной и причалам, глаза на лодки и яхты, на милую их сердцу гавань.

— Смотрите! Смотрите! — то и дело вскрикивал Марк.

Ян торопил братьев. Он боялся, что они опоздают и их не включат в число участников. Но Боб с Марком не могли оторваться от маленького дока, где плавал игрушечный кораблик, выполняя всевозможные команды. Он останавливался, плыл назад, вперед, поворачивал влево, вправо... Это была модель транспортного судна.

— Вот бы мне такой, — тихонько вздохнул Марк.

И в самом деле, было на что посмотреть. Владелец нажимал одну за другой кнопки на коробочке, которую он держал в руке, и якорь падал на дно, работали краны, шлюпки спускались на воду. Потрясающе!

— Это что, — сказал хозяин кораблика. — Вот едет господин Соустин, так его модель выполняет пятьдесят команд. Чудо электроники.

Услыхав шум подъезжающей машины, мальчики оглянулись.

— Это же Курносый! — шепнул Марк. — Смотрите, у него подлодка!

— Он просто помешан на лодках, — продолжал владелец кораблика. — Ему даже пришлось купить специальный прицеп, чтобы перевозить свою двухметровую модель

— Миллионер проклятый! — раздраженно прошипел Марк.

Соустин осторожно спустил на воду подводную лодку и взял в левую руку передатчик. Подлодка коротко свистнула, выплыла на середину дока и медленно погрузилась в воду.

Боб, стоявший рядом с гордым владельцем модели, демонстративно зажал пальцами нос.

— Хоть бы его посудина на дне осталась! — не унимался Марк.

Но подлодка всплыла в двадцати метрах от места погружения, вызвав восхищенные возгласы зрителей.

— Я пошел в клуб, а вы как хотите, — сказал Ян.

Младшие не тронулись с места. Появлялись все новые модели. Кто-то завел модель скутера с бензиновым мотором. А вон двое мальчишек одновременно спустили на воду два парусника. И надо же, Курносый заставил свою

подлодку всплывать как раз по курсу парусников. Что ему, места мало? Нарочно другим мешает! Марк поклялся, что отдал бы полжизни, лишь бы обогнать этого воображалу на гонках.

— И не мечтай,— сказал Боб.— Нашел с кем тягаться.

А вот и Ян. Они включены в список. Их номер — пятьдесят два.

— Неужели уже столько народу записалось?

— То ли еще будет! В гонках примут участие все яхт-клубы и все спортивные гавани. А сейчас поехали домой. Надо успеть побывать у Бернара. Может, удастся раздобыть кусок парусины для фока.

— Мы еще покажем всем этим крокодилам! — торжественно пообещал Марк.

Ян и Боб предпочли промолчать.

Братья ехали на велосипедах через польдер, направляясь к корабельному кладбищу. Они уже несколько месяцев не были у Бернара и радовались, что повидаются со старым другом.

Рабочий день еще не кончился. Судовые и порталные краны работали вовсю. Но скоро уже прогудит сирена, и на верфи станет тихо. А когда все уйдут, придет Бернар, ночной сторож. Да вот и он!

Старик очень обрадовался мальчикам, нашел, что они сильно выросли. Разве они еще не кончили школу? Не пора ли им уже в армию? Или они хотят плавать на корабле?

Да, они хотят плавать, и не просто плавать, а обогнать все классные яхты клуба Виктории.

На «Бернаре»? Это несерьезно. Неужели они хотят принять участие в гонках? В тех самых Больших гонках, о которых трубят все газеты?.. Ну ладно, ладно. Нельзя ли увеличить паруса, спрашивается? Но на «Бернаре» достаточно большие паруса, мачты могут не выдержать.

— А фок? — спросил Ян.

— Фок? Его тоже нельзя перегружать. И вообще «Бернар» не гоночная лодка, и классные яхты ему не обогнать, а в такелаже менять ничего нельзя,— сказал сторож.

Ну, вот и все. Ослепительный день померк.

— Если вы хотите участвовать в гонках, вам надо приобрести другую лодку.

— Но это не обычные гонки...

— Ну и что же? Все равно победит тот, кто придет первым. А призы очень заманчивые?

— Есть интересные поездки, а еще можно выиграть эхолот или радиопеленгатор.— сказал Ян.

— Надежный, водонепроницаемый радиопеленгатор,— уточнил Боб.— С таким аппаратом на борту хоть в Ла-Манш плыви!

— А еще есть мегафон на транзисторах, чтобы мамочку звать, если заблудишься в Северном море,— хихикнул Марк.

Ян признался, что дело не в одних призах. Дело в том, что ему очень хочется по-настоящему испытать свою лодку, а тут такой удобный случай...

— Бернар, ты знаешь владельца «Б-404»? — спросил Боб.

Откуда ему знать? Богатые господа из яхт-клуба в гости к нему не ходят, а если им что-нибудь нужно, приобретают не на корабельном кладбище.

— Этот тип действует мне на нервы,— сказал Боб.— Нос дерет, будто весь порт откупил, а уж духами от него разит — задохнуться можно! Воображала несчастный!

А сторож уже прикидывал так и эдак. Нельзя ли все-таки заставить «Бернар» идти быстрее? Что можно изменить в такелаже? Первым делом лодку надо облегчить, убрать с нее все, без чего во время гонок можно обойтись. Мотор, например. Чем лодка легче, тем она быстрееходней...

Вдруг Бернар просиял:

— Придумал! Спинакер — вот что вам нужно, ребята!

Мальчики никогда не видели на Шельде спинакера. Марк даже не знал, что это такое. Ему объяснили, что спинакер — это парус на носу, который надувается ветром, как шар. Он здорово тянет лодку вперед.

Но ведь сторож сам говорил, что паруса увеличивать нельзя, а теперь хочет прибавить целый спинакер. Как же так?

Оказывается, спинакер поднимают только тогда, когда плывут точно фордевинд. От Брескенса до Антверпена путь идет почти все время на восток, а ветер в

Бельгии чаще всего западный, так что спинакер может сослужить хорошую службу. Он не только потянет лодку вперед, но и облегчит штевень, что тоже увеличит скорость.

А как с этим спинакером обращаются? Надо ведь еще научиться. Успеют ли они?

— Поторопитесь, так успеете. Кто знает паруса, со спинакером быстро научится управляться.

А где его достать? Откуда взять деньги? Ведь на него нужен небось здоровый кусок нейлона.

Думали, гадали и ничего не придумали.

— Нет, братцы, со спинакером дело гиблое,— сказал Боб.— Только Соустин может позволить себе такие расходы.

— А обязательно нужен нейлон?

— Надо что полегче. Площадь-то у него вон какая!

— А если взять самую тонкую парусину?

И в самом деле. Спинакер нужен им на один раз. Порвется— не беда. А на складе корабельного кладища валяются несколько поврежденных рулонов легкой парусины.

— Пригоните сюда лодку,— решил Бернар.— Поглядим, что можно сделать.

Ян напомнил и насчет фока.

— Ладно. Авось удастся скроить и то и другое.

Теперь братья знали наверняка, что их старый друг тоже заразился гоночной лихорадкой. Им только того и надо было.

Мать уже тревожилась, так долго их не было дома. Их фоки и спинакеры ее не интересовали. Она хотела, чтобы ее мальчики возвращались домой вовремя.

Отец, услышав слово «спинакер», выглянул из-за газеты, но тут же снова углубился в чтение.

— Опять две автомашины угнали,— сказал он.— Может, правда это все те же две, что исчезли на прошлой неделе?

— Нет, это другие,— тихо сказала мать. Она всегда знала обо всех кражах и убийствах, потому так и волновалась, если сыновья поздно возвращались домой.— Это совсем другие машины. Но марка та же — «ситроен». Почему-то воры облюбовали именно их.

— Двенадцать краж за три месяца! Совсем обнаглели!

— Вот именно. О чем только думает твой приятель комиссар полиции?

Отец не знал, что ответить. Правда, он слышал, что ведется большая работа по расследованию преступлений...

— Мы выбросим с лодки все,— говорил Марк.— Все решительно. Мы превратим ее в пушинку и проведем через отмели Западной Шельды.

Никто его не слушал, но Марк продолжал болтать. А Боб ждал, когда отец кончит читать газету. Кражи всегда очень занимали его, и он хотел знать все подробности.

— Ты и мотор хочешь снять? — спросил отец Яна.

— Да. Мотор, винт, батареи, скамьи, шкафчики и весь инвентарь.

— Здорово вы замахнулись. То шика не хотели участвовать в гонках, а теперь целую неделю готовы вкалывать, как чернорабочие. На мило в час рассчитываешь скорость увеличить?

— Процентов на двадцать,— сказал Ян.— Тогда уж над нами не посмеются. Гоночным лодкам мы, конечно, все равно не соперники, а вот с другими померимся силой.

— Мы снимем с нее все-все и поставим новые паруса. Они рты разинут, когда нас увидят. Обставим Курносого как пить дать.

А Ян уже расстелил на столе карту. Надо еще взять у гидрографов карту течений. Если с умом использовать течение, шансы на победу возрастут. Хотя капитан «Б-404» тоже не дурак.

— Он наймет себе лоцмана. Денег у него хватит,— презрительно сказал Марк.

— Лоцмана? Как же я не сообразил! У меня есть знакомый лоцман. Мы еще в школе вместе учились. Капитан Кестерс. Кажется, он плавал по Шельде, а, мать? Кажется, плавал. Не съездить ли вам к нему?

— Конечно, съездим! — воскликнул Ян.

Марк ликовал:

— Вот было бы здорово, если бы мы утерли нос этому раздушенному воображалу!

Но Яну наконец надоела его болтовня. И чего он взъелся на Соустина?

— Завидуешь,— бросил Боб, не отрываясь от газеты.

— Если уж вы вознамерились завоевывать приз, на-

до взять у гидрографов подробные карты глубин,— по-советовал отец.— С ними вы всегда будете знать, что вас ждет впереди.

Сторож сидел на своем обычном месте под низким навесом, откуда ему было видно всю верфь. Время от времени он отрывался от работы, давая передышку глазам. Но вот наконец и все. Много времени потратил он на этот парус. Нелегко было выбрать пригодные куски в поврежденных рулонах. Но к приходу ребят парус был уже готов и лежал сложенный рядом со спасательными поясами и жилетами.

Велосипедные звонки и вопли Марка возвестили о прибытии трех братьев. Сторож даже засмеялся.

— Вы думали, я здесь сплю? Взгляните-ка под навес.

Мальчики живо развернули ярко-желтый парус и долго рассматривали его, ощупывая швы и дивясь портновскому искусству Бернара. А Бернар уже чертил мелом, показывая, как надо крепить спинакер на мачте.

— По сравнению с нейлоновым этот парус довольно тяжелый, поэтому ставить его надо не разворачивая. А когда поднимете, сразу отпускайте веревки, остальное доделает ветер.

Ага, понятно. При сильном ветре сигнальные флаги на морских судах тоже поднимают свернутыми, затем дергают за шнур, и они сами разворачиваются. Когда они пригонят сюда лодку, сторож покажет им, как это делается.

— А насчет фока вам уж придется самим позаботиться. Я его выкроил, иглы и суровые нитки вон там. Можете хоть сейчас приниматься за работу. Или вы надеялись, что я и это за вас сделаю? У меня уже руки свело.

Братья уселись рядышком на скамейке, разложили на коленях куски паруса, нитки, воск, иглы и принялись за работу.

— «Бернар» пригоните завтра пораньше. На обратном пути договоритесь со зрителем шлюза, чтобы завтра не терять времени. Придется вам попотеть.

— А где нам взять трапецию? — спросил Ян.

— Ну, это проще всего.

Сторож указал им на приспособление, которым

пользуются ремонтники, когда работают на высоте. Ремень застегивается вокруг пояса, а веревку прочно закрепляют на верхушке мачты, и пожалуйста: упрись ногами в борт лодки и виси над водой, сколько тебе угодно.

Марк принялся доказывать, что это как раз для него, потому что он самый гибкий. Боб возражал, что хоть он и гибкий, да зато самый легкий — с таким весом не изменишь крен даже на полградуса.

— Да и ремень с тебя соскочит,— подхватил Ян.

— Хватит спорить,— вмешался сторож.— Эта радость вас не минует. Гонки займут не меньше шести часов. При слабом ветре висеть не придется, а при сильном сами попросите, чтоб сменили. Мотогонки небось видели? Видели, как напарник там сбоку висит? Он выматывается куда больше, чем сам гонщик.

Боб стоял на дамбе и ждал, когда наконец поднимется вода. Восточный ветер задерживал приливное течение. Сквозь шум порта он слышал голоса братьев. Ян доказывал, что здесь, в Лилло, можно построить лучшую в мире лодочную гавань. Марк категорически возражал.

— Гавань для ревматиков,— презрительно заявил он.— Лучшие в мире грязевые ванны. Не понимаю, с чего ты выбрал для «Бернара» именно эту паршивую стоянку?

— Ну да, вы с Бобом предпочли бы стоянку в городе! Чтоб было перед кем корчить морских волков.

— Кого, кого?

— Того! — отрезал Ян. Он нервничал, потому что прилив сильно опаздывал.

Боб пошел к пристани. Из-за этих гонок братья теперь то и дело цапаются. Можно подумать, от их победы зависит счастье всего человечества.

У левого берега плавал бот гидрографической службы. На нем был поднят красный флаг — сигнал, что для судна опасны большие волны. У гидрографов сложная аппаратура, от сильной качки она может пострадать. Тяжело груженное судно осторожно двигалось по фарватеру, обходя буй. Это хорошо. Раз пошли суда, значит, и «Бернару» недолго ждать. Может, даже они успеют проскочить шлюз вместе с этим судном.

Боб, не торопясь, пошел к лодке. Еще издали он услышал голос Марка:

— Ты что, собираешься войти в шлюз на парусах? При восточном ветре?

— Вот именно. Разве не может случиться, что в день состязаний подует восточный ветер?

— Тогда уж нас никто не обгонит. С таким крупным специалистом по восточному ветру!

— При попутном каждый дурак поплывет. Фокус в том, чтобы уметь лавировать.

— Этот псих хочет поднять паруса! — крикнул Марк Бобу. — Ему приспичило поманеврировать.

— Ты забыл, что Бернар велел нам приплыть пораньше? У нас столько дел!

— Все равно надо потренироваться, — решительно заявил Ян.

Он откачал воду и поднял паруса. Вообще-то это входило в обязанности младших братьев, но на этот раз они и пальцем не шевельнули. Боб в третий раз перечитывал газету, высказывая попутно свои соображения об угоне автомашин и бездеятельности полиции. Марк просто глазел по сторонам.

Ладно. Он им покажет, что умеет управляться с парусами в любую погоду.

Наконец «Бернар» отчалил. Ян сразу сделал резкий поворот и пересек фарватер. Затем повел лодку к левому берегу и сделал поворот оверштаг. Марк крикнул ему, чтобы он поглядывал на бот гидрографов. С бота тоже что-то кричали. Что они расшумелись? Он же далеко от них. И вдруг завопил Боб:

— Осторожно! Кабель!

Поздно. Штевень «Бернара» зацепил стальной кабель, черный буюк скользнул к их борту. Капитан гидрографического бота выключил мотор и из окна своей рубки погрозил ребятам кулаком. Боб, не дожидаясь приказа, спустил паруса. Марк свесился за борт, пытаясь подхватить кабель. Они приблизились к гидрографам.

— Эй, куда вас несет? — рассерженно крикнули с бота.

Ян, заикаясь, стал оправдываться, что не заметил буйка, ему ужасно жаль, он очень извиняется, надеется, что ничего не повредил...

Марк решил помочь ему:

— Вы уж простите его, он у нас немножко того.

Человек, стоящий на палубе с секстаном в руках, не выдержал и засмеялся. Когда-то он сам водил парусник и знал, что команда не прощает капитану подобных промахов. К тому же Марк поспешил его заверить, что вообще-то, если никто не путается под ногами, то Ян ничего, справляется.

Незадачливый капитан ежился под насмешливыми взглядами присутствующих и нервно переступал с ноги на ногу.

Тут уж Боб решил, что настал его черед вмешаться.

— Мы тренируемся перед Большими гонками,— сказал он.

Человек с секстаном окинул «Бернар» оценивающим взглядом.

— Лодка у вас вполне приличная,— сказал он.— Прочная, на воде держится хорошо. Но с гоночными ей тягаться трудно.

— Вот мы и изучаем реку. Ищем самый короткий путь. Может, вы нам что-нибудь посоветуете?

— А разве у вашего капитана нет карты?

— Есть, конечно. Но ведь такая карта есть у каждого гонщика. Да и не поможет она лавировать между отмелями, когда банки скроются под водой.

Капитан скрутил сигарету. Мальчишки ему определенно нравились. На Шельде таких не каждый день встретишь.

— А ну, лезьте сюда,— сказал он.— У нас здесь есть геолог, он исследует донный грунт и рельеф речного дна.

Не успел Ян оглянуться, как младшие уже нырнули в каюту гидрографического бота. Вот это аппаратура! Боб даже присвистнул. Яну вовек бы не расплатиться, если б он ее повредил.

На столе лежала целая кипа цветных карт. Геолог показал им, где на дне Шельды залегают глина, где песок, где ил, рассказал, как измеряют радиоактивность грунта.

Прощаясь, братья еще раз извинились, горячо поблагодарили хозяев и пообещали впредь быть внимательнее. А один из гидрографов им еще посоветовал:

— Загляните как-нибудь в лабораторию водного хозяйства. У них есть модель Шельды. На ней вы легко сможете увидеть, где проходит самое сильное течение.

— А можно? — спросил Ян.— Туда всех пускают?

— Попробуйте написать директору, а уж я замолвлю за вас словечко.

Тем временем открыли ворота шлюза. Четыре буксира бросились на помощь океанскому колоссу.

— Пошли прямо в шлюз,— сказал Ян.

— А ругаться не будут?

— Я вчера договорился со зрителем. Он только сказал, чтобы мы не мешали большим судам.

— Тогда я включу мотор,— сказал Боб.— Иначе не проскочим.

На этот раз Ян не рискнул возражать, хотя предпочел бы поберечь бензин.

Выйдя из шлюза, Ян повел свое судно к причалам корабельного кладбища. Сторож уже ждал их вместе с крановщиком.

— Ну и ну! — сказал он.— Где же это вы застряли?

— Небольшое приключенье,— конфиденциально сообщил ему Марк.— Чуть не влипли.

— Поломок нет?

— К счастью, нет,— сказал Ян.

— Тогда приготовьте стропы. Сейчас перенесем лодку на сушу.

Стрела крана, описав в воздухе большую дугу, подняла «Бернар» в воздух. Сторож, точно дирижер, размахивал руками, показывая крановщику, куда его опустить. Вира! Стоп! Еще чуть-чуть! Стоп! Все.

На прощанье крановщик пожелал им победы. Мальчики поблагодарили его и обещали стараться изо всех сил.

— Ну, приступим,— сказал сторож.

Смертельно усталые и голодные, точно волки, ввалились братья вечером домой.

— Не иначе, как на веслах шли,— сказала мать, видя, что Марк в изнеможении навалился грудью на стол.

— Нет, обдирали наждаком краску с «Бернара». Гладенький стал, прямо мячик.

— А я-то думал, вы тренировались, учились висеть на трапедии,— сказал отец.— Состязания уже на носу.

— Есть, наверное, хотите,— засуетилась мать.

— Не то слово. Умираем голодной смертью,— поправил Боб.

— А пораньше вернуться не догадались?

— Надо же было снять мотор... Ой, я один могу съесть жареную лошады!

Утолив первый голод, мальчики стали рассказывать. Упомянули о встрече с геологом.

— Он измеряет радиоактивность грунта,—сказал Ян.

Да, отец читал об этом в газетах. После недавних ядерных испытаний стали гибнуть водоросли и моллюски становятся радиоактивными. Они что же, говорили с этим геологом?

— Да, и очень долго,—похвастался Марк и тут же получил кулаком в бок.

Он со злостью взглянул на Боба, но тот как ни в чем не бывало уплетал кусок сыра.

Ян поспешил вмешаться и увести разговор в сторону.

— Нам сказали, что стоит посетить лабораторию водного хозяйства,—сказал он.

— Там мы сможем выбрать лучший маршрут,—подхватил Боб.—Увидим, где проходит самое сильное течение, и отметим у себя на карте.

Отец даже позавидовал им. Он бы тоже не прочь побывать в такой лаборатории.

— Не волнуйся, я договарюсь с директором, и ты поедешь вместе с нами,—пообещал Марк.

Ян пошел писать письмо директору лаборатории. Если гидрограф сдержит слово, можно считать, победа у них в кармане.

На следующее утро они, конечно, опоздали к назначенному часу. К счастью, сторож не стал ждать, пока владельцы отоспятся, и «Бернар» был уже спущен на воду. Грохот пневматических молотов заглушил все звуки порта. Не услышишь даже собственного голоса. То тут, то там, слепя глаза, сверкали вспышки автогенной сварки.

— Если вы и к старту так явитесь,—ворчал сторож,—не видать вам победы как своих ушей.

— Мы никогда, никогда не будем больше опаздывать! — торжественно поклялся Марк.

Сторож велел им немедленно отчаливать, если они хотят вовремя попасть в Лилло. Мальчики быстро закатали велосипеды в каюту и подняли паруса. Крановщик помахал им из своей кабины: «Желаю успеха!»

Без мотора в лодке было непривычно тихо. Теперь все зависит от искусства капитана. Мотор уже не придет им

на помощь, если надо будет увернуться от встречного судна.

У шлюзовых ворот стояло несколько нефтеналивных лихтеров.

— Пойдем за ними,— сказал Ян.

— Может, попросить кого-нибудь, чтобы довели нас до Лилло на буксире? — предложил Боб.— Идти на парусах при таком ветре — та еще работенка.

«Бернар» на буксире! Ну уж нет! Ни за что!

— У нас такие паруса, что можно Атлантический океан переплыть,— с жаром доказывал Марк.— А ты на буксире запросился. Эх, ты!

— Лодка идет теперь гораздо легче,— сказал Ян.— На моторе, конечно, неплохо, но мне лично на парусах больше нравится.

В нужный момент он опустил парус, и «Бернар» безукоризненно точно вошел в шлюзовую камеру вслед за последним лихтером.

— Для новичка недурно,— одобрил Боб.— Интересно только, как ты отсюда выберешься! И воды мало, и ветер сюда не попадает.

— Очень просто,— сказал Ян.

Братья вопросительно посмотрели на старшего. Может, у него припасен подвесной мотор? Или ракетный двигатель смонтирован в каюте?

Но они не угадали.

— Видите вон ту лесенку? — показал Ян.

По стенке шлюза шла вверх длинная железная лестница, вся черная от нефти и машинного масла.

— Ну так вот, вы взберетесь по ней наверх, прихватив вот эту веревочку, и подтянете «Бернар» до выхода из шлюза.

Просто великолепно! А братец у них шутник. Чем же это лучше буксира? Но, кажется, ничего другого им не остается, тем более что какое-то речное судно вплотную прижало их парусник к высокой стенке шлюза.

Впереди стоял немецкий лихтер. Боб смерил взглядом высоту стенки и умоляюще посмотрел на матроса с лихтера.

— Будьте добры, возьмите нас на буксир,— сказал он по-немецки.

— Надо же, этот парень болтает на всех языках! — изумился Марк.— Чего доброго, и по-китайски заговорит!

— Bis heraus¹,— сказал Боб. И, спохватившись, поспешно добавил: — Bis Lillo, bitte².

Матрос кивнул: ладно, мол. Капитан засмеялся.

— И ведь все понимают, что ему надо! — восхищался Марк.

Матрос поймал конец и закрепил его на корме.

— Danke schön³,— поблагодарил Боб.

Да, малая толика знаний чужого языка избавила их от выполнения неприятной обязанности.

Благодаря неожиданной помощи они пришли в Лилло раньше, чем рассчитывали, и Ян решил испытать новый парус. Надо же посмотреть, как он себя ведет.

— Попробуем паруса?

— Давайте! — крикнул Марк. — Чур, я на трапеции!

— При чем тут трапеция? Мы же в первый раз пойдем на спинакере. Дела всем хватит. А трапеция нужна только при поворотах.

Они стали поднимать спинакер. Но куча зловерной парусины никак не поддавалась. Треугольный парус кроится так, что при ветре он должен надуваться, как шар. Затаив дыхание, мальчики ждали, вот сейчас ветер его надует... Ничего подобного! Болтается, как тряпка.

— Да вы ж его вверх ногами нацепили, не видите, что ли?

Так и есть. Потому он и не надувается. Но разве они виноваты? Ведь им впервые в жизни пришлось ставить такой парус.

— Вам что, по-немецки объяснять? — злился Ян. — Опять не то делаете. Станьте кто-нибудь на мое место! Но Боб и не думал отступать. Он сам справится с упрямым спинакером.

И вдруг парус стал наполняться ветром.

— Пошел, пошел! — ликовали братья.

— Ура! — крикнул Боб. — Видали, как тянет?

Действительно здорово!

— Вот бы Бернар посмотрел! — радовался Марк.

Но коварный парус вдруг съехался, закрутился и снова стал похож на старую тряпку.

— Что это с ним?

— Зевать не надо! Постарайся поймать ветер. Подтяни шкот.

---

¹ Из шлюза (нем.).

² До Лилло, пожалуйста (нем.).

³ Большое спасибо (нем.).

Спинакер вновь наполнился ветром. Боб еще немного потренировался со шкотами, и парус стал его слушаться, как хорошо выезженная лошадь.

— Ну, «Б-404», теперь держись! — крикнул он задиристо.

— Запросто обставим, — подхватил Марк.

Они поколесили с часок в боковом фарватере, потом пошли по течению в Лилло, в свою гавань.

Ян осторожно вскрыл казенный конверт.

— От директора лаборатории, — сказал он важно. — Мне лично.

Младшие братья бросились к нему.

В письме сообщалось, что молодые люди могут посетить лабораторию водного хозяйства, когда им будет угодно.

Ура! Они отправляются сейчас же, немедленно!

— Сначала поешьте.

— Хорошо, мама, только поскорей. На велосипедах туда ведь не скоро доедешь.

Наскоро позавтракали. Выслушали обычные наставления: будьте осторожны в городе, внимательны на дорогах, хорошо ведите себя в лаборатории, лишнего не говорите, не забудьте поблагодарить.

Ян сунул в карман блокнот.

— Запишу кое-что. Пригодится, когда буду писать сочинение в следующем классе.

Отец очень одобрил эту здоровую идею.

— А ты разве не едешь с нами? — спросил Марк.

Он бы не прочь, но приглашают-то «молодых людей», а он «старый господин Петерс»...

— Ерунда, — уверял Марк. — Надень шляпу, и они подумают, что ты наш старший брат.

А мать продолжала наставления. Быстро почистить ботинки. И ногти тоже. У Боба они просто черные, ведь он демонтировал мотор.

— А я буду держать руки в карманах, — пообещал Боб.

Мать предпочла бы, чтобы отец отвез их на машине. Так было бы безопаснее. Отец согласился.

Марк сел рядом с отцом на переднем сиденье и разложил на коленях план города. Они плохо знают тот район. План поможет им найти дорогу.

— Налево... Прямо за трамваем... Теперь направо,— подсказывал он.

Лабораторию они нашли довольно быстро, а инженер, который их встретил, оказался очень симпатичным и любезным.

— Времени у нас с вами достаточно. Смотрите, сколько захочется.

Модель была совсем как настоящая Шельда, с настоящей водой, с приливами и отливами. На всех песчаных банках и отмелях стояли дощечки с названиями. Сейчас как раз начинался прилив. Вообще-то он длится двенадцать часов, а здесь — двадцать две минуты. Но ведь и сама Шельда здесь всего сто метров.

Ян хорошо помнил карту Шельды, однако на модели он ориентировался не очень уверенно.

— Попробуй тут определи, где течение сильнее, где слабее,— вздохнул он.

— А вот я брошу кусочки пробки,— сказал инженер,— и тебе сразу станет видно.

Он бросил в воду пробковые крошки. Марк немедленно заявил, что его пробочка приплывет быстрее всех, но она пошла в главный фарватер и отстала от других.

Значит, им нужно идти боковыми фарватерами.

«Это я и так знал,— думал Ян.— Прилив всегда пробивает кратчайший путь».

На прощание инженер предложил им карту течений. Братья хором поблагодарили его, но довольно вяло. Такая карта у них уже есть. У всех гонщиков есть такая карта.

Прилив кончился, и вода стала отступать.

Если гонки пойдут против течения, тогда у них будет преимущество: ведь отлив идет по главному фарватеру, так что в протоках течение будет самое слабое.

— Да нет, к Брескенсу мы пойдем по низкой воде,— сказал Ян.— Значит, мы все время будем идти по течению.

— Все равно плывите по прямой,— посоветовал инженер.

Домой братья вернулись разочарованные. Они ожидали гораздо большего, надеялись обнаружить никому не известные протоки, которые позволят им опередить других участников.

Отец же был в восторге. Он узнал в лаборатории массу интересных вещей.

— Кестерсу такое и не снилось,— сказал он.

Кестерсу? Ах, да, тот самый лоцман...

— Почему вы к нему не съездите?

А зачем, собственно, ехать? Больше, чем инженер, он не расскажет. «Уходите с дороги морских судов. Не шныряйте у них под носом!» Чего еще ждать от старика? Нет, с них хватит!

— Ветер поднимается,— сказал Боб.— Видите, как мчатся облака.

— На вашем месте я все же съездил бы к Кестерсу,— настаивал отец.— Пусть он поможет вам наметить маршрут.

— Кратчайшее расстояние между двумя точками — это прямая,— уныло сказал Ян.— А если к тому же известно, что на этой линии самое сильное течение, о чем еще спрашивать? Все участники поплывут в Антверпен этим путем.

— И все-таки я бы съездил.

— Хорошо, я позвоню ему и узнаю, нельзя ли заехать прямо сегодня. У нас не так много времени.

Он поедет один. Троим там делать нечего.

— Квартира капитана Кестерса? С вами говорит Ян Петерс... Да, да. Можно мне поговорить с господином капитаном? Я хотел с ним кое о чем посоветоваться... Нет дома? А завтра?.. Тоже?

— Мужа нет в городе,— сказала госпожа Кестерс.— У нас дачка на реке Нёте, он приводит ее в порядок.

— А вы не могли бы дать мне адрес?

— Почему же, пожалуйста.

— Благодарю вас.

Ян собрал карты. Полезнее было бы поупражняться лишний денек со спинакером да обследовать хорошенько малознакомый фарватер ниже Хансверта, но ничего не поделаешь, надо ехать.

Дул сильный ветер. Боб не ошибся. Метеослужба тоже обещала на завтра штормовую погоду.

— Можно, мы съездим в Лилло? — спросил Боб у матери.— Поздновато, правда, но мы сразу же вернемся. Надо проверить, хорошо ли ошвартован «Бернар». Как бы его не сорвало ветром.

Хоть всем было ясно, что это только предлог, мать разрешила.

— Только возвращайтесь засветло.

Ян остался дома. Утром ему предстоит пятидесятикилометровая прогулка, и он хотел выехать не позже семи. Боб с Марком помахали ему в окно.

— Стоит подуть ветру, и этих сорванцов дома не удержишь,— пожаловалась мать.— Погоду они чувствуют лучше всякого барометра.

А два «барометра» между тем изо всех сил нажимали на педали, преодолевая встречный ветер.

Движения на Нордерлане почти не было, транспорт пустили в обход из-за работ в новых доках. Марк катил то по правой, то по левой стороне. Боб крикнул, чтобы он не дурил, но Марк и ухом не повел.

— Я маневрирую! — вопил он.

— Сейчас сманеврируешь под машину!

Но машин на улице не было, попадались лишь докеры на велосипедах и на мотоциклах. И вдруг Боб услышал скрежет тормозов, обернулся и увидел, как Марк летит с велосипеда. Машина тут же дала полный газ и скрылась из виду, а Марк встал и отряхнул брюки.

— Ты что, ослеп, идиот?

— Почему ослеп?

— Опять чуть под машину не угодил! Второй раз за неделю.

— И притом под одну и ту же,— добавил Марк.

— То есть как?

— Да это же Курносый, разве ты не видел? Его «ягуар». Он просто охотится за мной.

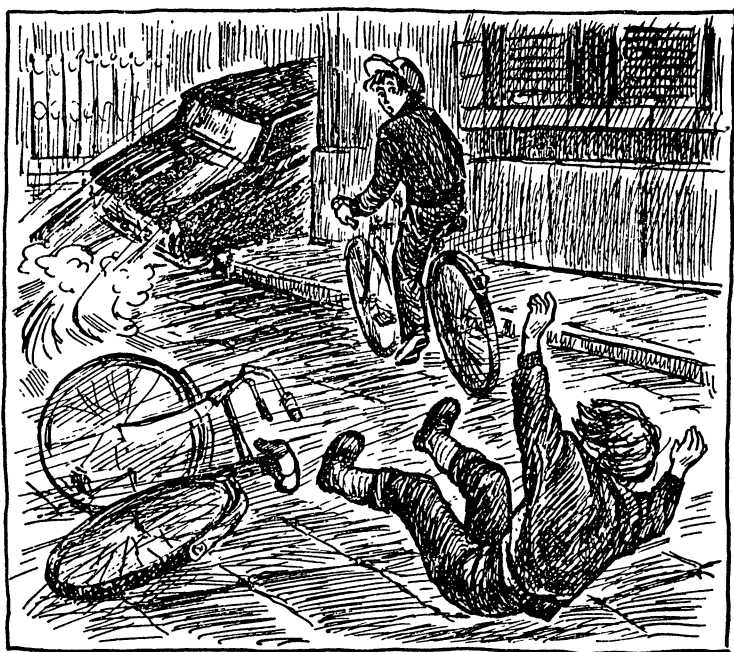
— Ах, значит, Курносый виноват? Скажи спасибо, что полицейских нет. Штрафом ты бы не отделался. Зачем тебе понадобилось мотаться по улице с одной стороны на другую?

— А я здорово трусил,— признался Марк.— И чего этот болван гонит на такой скорости?

— Чтоб налететь на болвана вроде тебя. Я возвращаюсь,— зло сказал Боб.— Мне вовсе не улыбается везти домой труп.

Марк послушно поехал за ним.

Ян стоял у дверей гаража и раздумывал, ехать ему или не ехать. Шторм, начавшийся накануне, разыгрался не на шутку. Юго-западный ветер гнал тяжелые низкие

облака, солнце даже не проглядывало. Казалось, день никогда не настанет. Мать предлагала отложить поездку на завтра, может, погода переменится...

Нет, не стоит терять время. Непромокаемая накидка защитит от дождя, а двадцать пять километров пути для него не проблема. Итак, вперед!

Ветер и дождь нещадно хлестали его в правую щеку. Только у реки, повернув налево, он смог выпрямиться и перевести дух. Здесь ветер дул ему в спину. Вода в реке Нете была желтая от ила, волны перехлестывали через камыш и заливали берег.

А вот и дачка Кестерса. Нет, только одержимый способен по доброй воле торчать среди этих болот!

— Я тебя уж и не ждал, — сказал старый лоцман.

— Разве вы знали, что я приеду?

— Конечно. Я вчера звонил жене. У меня машина испортилась, вот и пришлось остаться на ночь. — Он посмотрел в окно. — Река сильно вздулась. Если ветер и дождь не уймутся, отсюда разве что на вертолете выберешься.

Ян освободился от напавшейся водой брезентовой накидки, вытер руки и лицо. Карты, к счастью, не промокли. Может быть, сразу же и приступим к делу? Хотя бы не возражал.

— Я хотел с вами посоветоваться...

Ян объяснил, что вскоре предстоят парусные гонки, в которых могут участвовать лодки всех классов. Форы не дают никому. Маршрут — от Брескенса до Антверпена — каждый выбирает по своему усмотрению.

Глаза старого лоцмана сердито сверкнули.

— Года два назад один знакомый лоцман вынужден был посадить судно на мель, чтобы избежать столкновения с какими-то сумасшедшими гонщиками! — сказал он сердито.

Ян предпочел промолчать.

— Спорт — хорошее дело, но на Шельде его надо было запретить.

Возможно, но дело в том, что Ян тоже собирается принять участие в этих гонках. Лодка у него, конечно, далеко не классная, но прилично оснащена: грот, фок, спинакер. Старт в Брескенсе. Отплывут при низкой воде. На карте у него маршрут уже намечен.

— Боюсь только, что все пойдут тем же маршрутом, — сказал он, — самый короткий, да и течение там самое быстрое, я в Лаборатории водного хозяйства видел.

— Ишь ты, какой шустрый! Спинакер. Лаборатория! Дай-ка сюда твою карту.

Пока лоцман изучал карту, Ян смотрел в окно. Вода подходила к верхушке дамбы. Камыши и ирисы уже скрылись под водой.

— Может Нете выйти из берегов?

— Конечно, — кивнул лоцман, даже не обернувшись. — Так, так, этим курсом обычно и ходят. Но кое-где ты сможешь ближе подойти к отмелям.

Загремел гром, где-то хлопнула рама.

Лоцман встал и пошел на кухню.

— Не закрыл как следует окно, — на ходу объяснил он. — Гляди, что с рекой делается.

Ян уже глядел. Вода вот-вот перехлестнет через дамбу. Лоцман закрепил на кухне раму и вернулся.

— Смотри, — сказал он, — все участники пойдут, конечно, через Паулинапольдер, но при юго-западном ветре я бы этого не делал. Уходи от левого берега, иди на самую середину, здесь ты используешь ветер в полную си-

лу. У берегов ветра будет меньше, а здесь ты поставишь спинакер и пойдешь прямо на восток.

— Но так мы проиграем две мили,— сказал Ян.

— Верно, зато, если сумеешь пройти между отмелями на Эферингене, то эта потеря компенсируется. Не забудь: чем севернее, тем ветер сильнее.

— А если будет дуть северо-западный?

— Тогда ничего не поделаешь. Тогда надо идти вдоль левого берега.

Дождь кончился, но ветер поднимал целые валы воды.

— Похоже на хороший прилив,— сказал лоцман.— Послушай, день гонки, случайно, падает не на самый сильный прилив?

— Гонки четырнадцатого,— сказал Ян.

— Четырнадцатого... Посмотрим в календаре, у меня нет с собой таблицы приливов. Четырнадцатое... Конечно. Ровно день до полнолуния. Хотя еще не самый сильный прилив, но вода пойдет сильно. Значит, тебе надо идти через Циммерманпольдер. Если попадешь туда за час до высокой воды, есть шанс, что пролетишь стрелой. Течение там бывает до девяти миль в час.

Да, тут есть над чем подумать!

— Ты попадешь туда в самое благоприятное время,— сказал лоцман.

Но если там действительно такое сильное течение, почему инженер в лаборатории ничего им не сказал?

Наверное, в лаборатории не учитываются течения, которые возникают при максимальных приливах. Там изучают нормальные приливы, а при нормальном приливе течение там не очень сильное.

Это уже не пустяк. Ради этого стоило сюда ехать.

— А другие об этом знают?

— Все лоцманы знают. Но, видишь ли, большие суда там при сильном приливе совершенно не слушаются руля. Как у нас говорят, там сам дьявол работает. И мы, лоцманы, бежим от этого пролива, как от чумы. Лучше обождем с часок, пока спадет вода.

— А если нам не удастся там проскочить?

— Тогда отстанешь от всех на несколько миль. Но вы пройдете. Вода поднимается самое малое на пять с половиной метров. Только будь осторожен. При такой воде там суший ад. Если увидишь судно, отходи как

можно дальше в сторону. Течение может подхватить лодку, и вас просто катапультирует в излучину Бата.

— Прекрасно, прекрасно! Большое вам спасибо! Мы будем осторожны.

— Да, да, будь внимательней,— продолжал лоцман настойчиво.— Боковой фарватер не бетонирован, потому что администрация не хочет, чтобы там ходили речные суда. И помни про береговую дамбу.

— Неужели там такое сильное течение?

— Я однажды угробил там судно.

Он подошел к окну.

— Ну и ну! Такой Нете я еще никогда не видал. Луг уже залило. Настоящее наводнение. Надо немедленно предупредить речную службу.

Дорогу к домику тоже наполовину затопило.

— А позвонить нельзя?

— У меня нет телефона. Надеюсь, в деревне сообразили... Смотри, как заливает! Уже через дамбу пошла!

— Ваш дом на возвышении, он, наверное, в безопасности?

— Дом-то в безопасности, а вот водоочистительная станция может пострадать. Если ее зальет, Антверпен останется без питьевой воды.

— Правда?

— Ну да. Дамбу укреплять надо. В прошлый раз инспектор говорил об этом, а тогда воды было куда меньше, чем сейчас.

— Может, мне по дороге заехать в деревню?

— Очень было бы хорошо,— сказал лоцман.— Если спросят, скажи, что я тебя послал.

— Спасибо за советы. Я рад, что побывал у вас.

Ян с трудом отворил дверь, такой сильный был ветер. Струи дождя плеснули в лицо.

— Привет отцу! — крикнул вслед ему лоцман, но голос его затерялся в вое ветра.

Ехать было очень трудно. Колеса скользили и проваливались в грязь. Нете разлилась в целое море. Надо спешить, пока не прорвало дамбу.

Ян сбился с тропинки и очутился возле ограждения из колючей проволоки. Вокруг, куда ни посмотри,— одна вода. Дорога проходит где-то в стороне, крыши деревни виднеются справа.

Ян перебросил велосипед через ограду и поехал по воде. Ливень превратил все вокруг в сплошное болото. Он

уже не понимал, где едет. Опять колючая проволока. Боясь проколоть шины, Ян поднял велосипед, перешагнул через проволоку, но споткнулся и упал. Велосипед скрылся под водой.

«Фары, конечно, вдребезги», — подумал Ян. Зато, выбравшись из канавы, он почувствовал под ногами твердую дорожку. А вот и улица, вот первый дом. Это кафе.

— Разрешите позвонить?

— Сделайте одолжение. Только телефон не работает. В непогоду здесь всегда так. В трубке что-то щелкает, видно, провода повреждены.

— Водоочистительной станции угрожает опасность, — сказал Ян.

— Да ну? Мне-то лично от этой станции мало проку, а Нете не первый раз выходит из берегов. Если вода испортится, будут пить мое пиво. — Хозяин кафе засмеялся, довольный своей шуткой.

«Вот дубина! — со злостью подумал Ян. — Надо скорее ехать дальше, ведь весь Антверпен может остаться без воды».

Во втором кафе ему повезло больше. Там телефон работал. Он звонил в муниципалитет до тех пор, пока не дозвонился. Ему сказали, что меры уже приняты, и спросили, был ли он сам на станции. Ян ответил, что на станции не был, но видел, как высоко поднялась вода в реке. Чиновник поблагодарил Яна, спросил, кто его послал, и еще раз поблагодарил.

«Надо же было ввязаться! — ругал себя Ян. — Они и без меня уже все знают».

Только теперь он почувствовал, как замерз. Хозяин кафе предложил ему посушить одежду, но Ян отказался:

— Спасибо, я очень спешу.

Ян поехал домой. Дождь уже прошел, но ветер дул все сильнее.

По дороге в Антверпен Ян встретил целую колонну машин, направлявшихся к водоочистительной станции. Скоро они будут на месте и вступят в бой с разбушевавшейся стихией.

Ну, значит, все в порядке. Теперь можно подумать и о предстоящем состязании.

Коварное течение и водовороты Циммерманпольдера станут его союзниками. Он придет туда за час до большой воды. Не раньше, не позже.

Занятый этими мыслями, Ян не заметил, как доехал до дома.

Мать с жалостью смотрела на него.

— Так и воспаление легких заработать можно,— сказала она.— Ну-ка, залезай в ванну.

— Дождик-то летний,— прогнусавил Ян.

Так и есть, простудился.

— Ты как, на велосипеде доехал или тебя волной прибило? — заботливо осведомился Марк.

— Не зря прокатился? — спросил Боб.

Ян показал большой палец:

— Победа в кармане!

«Бернар» стоит на якоре недалеко от Брескенса.

— Еще пять ночей поспим — и старт,— говорит Марк, зевая и протирая заспанные глаза.

Это Боб посоветовал ему вздремнуть после обеда, чтобы время бежало быстрее.

А Ян не радовался приближению дня гонок, ему бы еще пару деньков, чтобы подготовиться получше. Хорошо бы в большой прилив под парусами пройти по маршруту, намеченному лоцманом Кестерсом, и на месте проверить силу приливного течения, но это уже не удастся сделать, потому что следующий большой прилив будет как раз в день соревнования.

— Давай попробуем пройти при обычном приливе,— предложил Боб.

— Нет, это не то. Тогда все будет по-другому, и течение, и ветер. Чем выше вода, тем течение сильнее.

Но Боб был убежден, что все же надо сравнить оба маршрута — свой и Кестерса — хотя бы и при обычном приливе и решить, какой путь выгоднее. Он не очень-то верил сказкам старого лоцмана про течение девять миль в час.

Так они и спорили, пока Ян не приказал выбрать якорь.

Тут уж не до споров было. Братья, пыхтя, вытягивали якорную цепь. «Бернар» расправил паруса и пошел.

Песчаные банки холмиками торчали из воды. На одной из них сидели чайки. Все они держали голову точно против ветра.

Волна от морского парохода перекатилась через банку, но птицы остались на месте.

Ян внимательно осмотрелся, нет ли поблизости других лодок. Ни к чему до времени раскрывать свои карты. Яхт вокруг не было видно.

— Спинакер! — скомандовал Ян.

Боб никак не мог справиться с капризным парусом, и Ян уже стал сомневаться, можно ли вообще поднимать его при северо-западном ветре. Наверное, сторож выкроил его не совсем так, как надо.

Но парус все же надулся. Вот так. Теперь все в порядке. «Бернар» с необыкновенной скоростью заскользил между песчаными банками. И ветер-то был пустяковый, каких-нибудь три-четыре балла, но «Бернар» летел, словно его несло стремительное течение.

— Летим! — восторгался Марк. — Да здравствует парус!

Страшно гордый, Боб держал в руках шкот, время от времени поглядывая через плечо, а нос лодки, казалось, готов был выскочить из воды.

— Ни один дьявол нас не обгонит! — крикнул он.

— Спустить спинакер! Спустить грот! — приказал Ян.

— Ну зачем же? Так хорошо идем!

Ян молча показал на проход между банками:

— Кто знает, сколько там воды. Не сесть бы на полном ходу на мель. Врежемся — мачта пополам. Будьте наготове.

Боб быстренько сделал замер самодельным лотом — простой веревкой с гайкой на конце.

— Два метра, — сообщил он.

— Поднять все паруса! — скомандовал довольный капитан.

С юга в гавань Тернёзена шел рудовоз, а вдали, где-то в районе затопленного во время второй мировой войны английского авианосца, показались два белоснежных паруса.

— Наши сопернички, — сказал Ян. — Спустить спинакер!

«Бернар» стал на якорь у Эферингена. Ян хотел замерить глубину в южной протоке. Если между этими двумя мелями, где никто не плавает, глубина окажется достаточной, то они быстрее доберутся до Оссениссе. На одной из банок трудился старый земснаряд. Здесь брали песок для строительства и стекольной промышленности.

— Белый песок вывозится в Ирландию,— сказал Ян.— Все вон те маленькие суда пришли за песком.

— Для ирландских детишек? — с невинным видом спросил Марк.

— Для стекольных заводов, остряк! — рассердился Ян.— Из нашего песка делают самый дорогой хрусталь.

Боб достал из чемодана сверток с бутербродами и развернул газету.

— Нет, вы только поглядите — опять машину украли!

И чего Боб так волнуется? Краж хватает, и сообщения в газете об угонах автомашин стали обычным явлением.

— Представляете, у Курносого машину украли!

— Да ну?! — Марк выхватил у него газету.

— Где это? А, вот... «После серии краж автомашин марки «ситроен» была украдена машина марки «ягуар», принадлежащая господину Соустину. Машина стояла на многолюдной улице. Дверцы были заперты, и маловероятно, что машину «позаимствовали» представители золотой молодежи. Это восьмая кража за месяц...»

— Послушай, а кто был за рулем, когда тебя чуть не сбили?

— Ты думаешь, у меня было время разглядывать, кто сидит за рулем?

Ян потребовал, чтобы ему рассказали, в чем дело. Ах, вот как. Значит, его братец опять выкинул номер. Ну, если это повторится, придется сказать отцу.

— Ябеда! — буркнул Марк не очень уверенно.— Лучше б у него лодку украли,— сказал он немного погодя.— А может, «Б-404» не будет теперь участвовать в гонках? До гонок ли человеку, у которого такую машину свистнули.

— Она у него небось застрахована,— сказал Ян.— Да что для такого толстосума какая-то машина?

— Ну, не скажи, она стоит намного больше, чем его лодка.

— Он чудовищно богат,— заверил Марк.— Модель подводной лодки, лодка, спортивная машина — чего только у него нет. Спорим, что у него и самолет есть. Ставлю все свои карманные деньги.

— Какие еще карманные деньги? Ты забрал их у мамы за год вперед.

— Врешь ты все!

— Сам врешь!

— Выбрать якорь! —скомандовал Ян, предвидя драку.

Но они еще успели обменяться любезностями, прежде чем взялись за якорную цепь.

«Бернар» послушно пошел через южную протоку. Боб то и дело замерял глубину. При выходе из протоки «Бернар» задел дно. Ян отметил мель на карте.

— Здесь надо будет спустить спинакер и смотреть в оба.

— Есть, капитан! — козырнул Боб.

Ян направил лодку к Оссениссе. Ветер дул в спину. Спинакер раздулся, как шар, и с такой силой тянул лодку, что она прямо в облака рвалась.

Собственно, пора было бы уже повернуть обратно, но Ян не мог упустить случай выжать все из своих парусов. «Бернар» блестяще прошел испытания, что и было отмечено боевым кличем!

— Ого-го! Ого-го!

Потом спинакер убрали.

— Наше тайное оружие должно оставаться тайной до самого дня состязаний, — сказал Боб.

— Курносому, положим, ничего не стоит заказать себе нейлоновый спинакер, — вздохнул Марк. — Счастливчик!

— Хорош счастливчик! Сперва у него машину украли, а теперь еще мы его на гонках обставим.

Лодка взяла курс на Валсорден, а оттуда направилась к Циммерманпольдеру.

Это был обычный фарватер, не бетонированный, но вполне проходимый вдоль берега. Кое-где стояли буи, указывая границу отмелей. Течение здесь было сильнее, чем на главном фарватере, но никаких следов водоворота или быстрины и никакого дьявола они не увидели.

«Бернар» спокойно дошел до главного фарватера и пересек оживленный водный путь. К счастью, поблизости не оказалось ни одного крупного судна, а от пары лихтеров, спешивших в Хансверт, Ян легко увернулся.

— С помощью дьявола или без него, но здесь мы наверняка выиграем время, — изрек Боб.

Он уже легко управлялся со спинакером и теперь чувствовал себя на равных с Яном и даже позволил себе одобрить маршрут, выбранный старшим братом.

— Хорошо, что ты не поленился съездить к господину Кестерсу.

Они спустили паруса и стали на якорь, решив подождать большой воды. В Брескенс они все равно придут довольно поздно. Ян приказал братьям осмотреть паруса, нет ли там дырок.

— Спинакер тоже, у него очень тонкая парусина,— сказал он.

Мальчики нашли пару сомнительных мест на гроте и дырку на фокке, которую надо было залатать.

— Тогда плывем в Лилло,— сказал Ян,— и вечером привезем с корабельного кладбища наш старый фок.

— Это с ним ты собираешься выиграть гонки?

— Нет, прихватим как резерв, вдруг этот порвется.

— А если порвется грот? — спросил Боб.

— А если сломается мачта? — подхватил Марк.— Давай уж все прихватывай, гонщики обрадуются, что мы им запчасти привезли.

— Пусть думают что хотят. А резервный парус мы возьмем, и хватит об этом.

Они еще поворчали, но «Бернар» уже полным ходом шел в родную гавань.

Братья ошвартовали «Бернар», и Боб спросил у Яна, обязательно ли им всем вместе ехать на корабельное кладбище. Ян сказал, что не обязательно.

— Тогда мы поедem домой и скажем маме, что ты скоро вернешься,— сказал Марк.

Ян согласился. Старый фок он и один притащит, а новый они починят, пока будут плыть до Брескенса.

Младшие братья вытащили из укромного местечка у старого форта велосипеды и поехали к польдеру.

— Послушай,— вдруг предложил Боб,— давай прокатимся в порт.

— Зачем?

— Ты помнишь, где мы последний раз видели машину Курносого?

— Еще бы: до сих пор нога болит, когда на педаль нажимаю.

— А вдруг тогда за рулем сидел уже вор?

Так вот почему Боб не захотел ехать на свое любимое корабельное кладбище. Он решил поразнюхать в порту, не там ли воры прячут краденые машины.

— Поехали! — крикнул Марк. — Только чтоб Ян не вернулся раньше нас.

— Не вернется. Пока дойдет до корабельного кладбища, пока обратно и наверняка еще поболтает с Бернаром. Раньше одиннадцати домой не попадет.

— Ты думаешь, они переправляют машины на судах? — спросил Марк.

— Конечно.

— На глазах у полиции и таможенников? Ты же видел, что при погрузке на борту всегда торчат таможенники.

— А если упаковать машину в ящик и написать, что это что-нибудь совсем другое?

— Ха! Какой же величины будет ящик?

— А как в Антверпен машины доставляют? В ящики и упаковывают.

Марк все же колебался. Это все равно, что искать иголку в стоге сена. Не заглядывать же во все пакгаузы и под навесы в надежде обнаружить там пропавший «ягуар».

Но если Боб вобьет себе что-нибудь в голову, пиши пропало. Автомобильные кражи не дают ему покоя, с тех пор как он прочитал в газете первую маленькую заметку.

«Почему кражи совершаются только в Антверпене? Конечно, машины пропадают иногда и в Брюсселе, но последнее время воры в основном орудуют в Антверпене. Вначале их интересовали только «ситроены», а теперь они хватают все, что под руку попадет, правда, главным образом дорогих марок. Так почему же именно в Антверпене? Да потому, что здесь порт», — рассуждал Боб.

Конечно, он не верил, что воры грузят машины, не маскировав их. Таможенники сразу бы заметили, что машины не новые, и проверили бы номера моторов. Значит, машины переправляют в ящиках.

Мальчики доехали до шоссе и свернули направо. Ведь «ягуар» тогда свернул в сторону мостов. Но сначала надо проехать мимо автостоянки, где держат машины в ожидании отправки.

Вдоль стоянки они ехали медленно. Здесь были только новые машины с чеками, наклеенными на буфере.

— Давай съездим за мост.

Они проезжали недалеко от корабельного кладбища.

Боб предпочел свернуть к пакгаузам, чтобы не встретить Яна.

Рядом со складом лесоматериалов стоит старый пакгауз. Раньше он служил хранилищем для гуано — удобрения из птичьего помета. Потом фирма сняла под склады другое помещение, а этот теперь пустует. Бернар частенько жаловался, что вонь от него доносится и до корабельного кладбища.

— Давай посмотрим в старом пакгаузе, — предложил Боб.

— Ты что, лезть в этот вонючий курятник? Да мама нас на порог не пустит!

— Ну, как хочешь.

Боб поставил велосипед и пошел через склад к заброшенному пакгаузу. Обогнув последний штабель досок, он наткнулся на высокую проволочную ограду. Он заколебался. Что сказать, если кто-нибудь его увидит? Что ему тут надо?

Боб влез на штабель. Отсюда все хорошо видно. В помещении темно. На территории ни души. Нет, он должен узнать, что там внутри. Не может быть, чтобы склад стоял пустой. Пустые склады колючей проволокой не огораживают.

Он обошел ограду кругом. Входа не было.

Вот это номер! Но ведь как-то сюда люди попадали?

Только он прополз на животе под проволокой, как вдруг услышал:

— Боб, ты где?

— Да здесь я. Уже соскучился!

— Долго ты собираешься там торчать? Фу, как воняет!

— Давай лезь сюда! Подойдем к окошку, заглянем внутрь.

Марк подполз к нему.

— Если нас здесь сцапаят, папа не разрешит нам участвовать в соревнованиях.

— Кто сцапает-то? Ни души нет. Посмотрим и уйдем.

Они поднялись и подошли к самому зданию. Боб попытался заглянуть через окошко, но оно было заблено изнутри.

— А вон дверь, — шепнул Марк.

— Дверь ерунда. Здесь должен быть въезд...

Они обошли весь склад и опять очутились перед маленькой узкой дверью.

— Пошли домой. Разве здесь спрячешь машину? Попробуй втисни ее через эту дверку.

Но Боб не хотел сдаваться. Он весь напрягся, словно охотничий пес, почуявший дичь.

— Боб, но ведь если склад пустой, зачем ему въезд?

— А зачем тогда проволоочная ограда? Нет, дело тут нечисто... Ага, вот и въезд. Только он забит.

— А что это там написано, вон наверху?

Прочесть было очень трудно, но Боб все же разобрал:

— «Вход воспрещен. Опасно для жизни».

— Ну, добился своего? Пошли теперь домой.

— «Опасно для жизни»,— повторил Боб вслух.

Что же такое может здесь храниться, опасное для жизни? Оружие, взрывчатка? Особый сорт горючего? Летучий газ? Он знает эту часть порта довольно хорошо. Сотни раз они проезжали здесь, когда оснащали свою лодку на корабельном кладбище, но видели ли они раньше этот склад? Нет, он совсем не бросается в глаза.

Боб прислонил ухо к двери, затем подошел к окошку, опять послушал. На складе царила мертвая тишина. Там, где раньше проходила покрытая гравием дорога, сейчас стояли железные котлы, закрывая склад со стороны шоссе. Будь дверь пошире, чтобы могла проехать машина, лучшего укрытия для краденого не сыщешь.

— Если ты сейчас же не поедешь домой, я уеду один,— заявил Марк.

— Давай посмотрим еще разок с той стороны.

Они снова обошли здание. На одном из окон была решетка. Боб ухватился за решетку и подтянулся. Но и там стекло было покрашено.

— Дай мне камень.

— Зачем?

— Давай камень, тебе говорят!

— Мамоchка, да он в тюрьму захотел! Дома узнают, влетит же тебе. Слезай сию минуту!

Боб прыгнул, ощупью нашел на земле половинку кирпича, потом опять забрался, короткий удар, и стекло разлетелось вдребезги.

— Как тебе не стыдно! — шипел Марк.

— Подумаешь! Стекло стоит не больше пятнадцати франков, в случае чего заплачу из своих карманных денег.

— Но это же попытка к взлому,— не унимался Марк.— Если поймают, тебя в колонию для малолетних преступников засадят!

Боб шарил по карманам в поисках спичек. Левой рукой он держался за решетку, поэтому прошло довольно много времени, прежде чем ему удалось вытащить коробок. Затем он чиркнул спичкой и сунул руку с горящей спичкой в окно.

Вдруг он вскрикнул, выпустил из рук решетку и грохнулся наземь.

— Что там такое? Что там, Боб? Ты не расшибся? Он не мог говорить.

— Там... там... Какой ужас! — тяжело дыша, наконец прошептал Боб.— Ужас!

— Что, Боб? Что там такое?

— Скелеты. Одни скелеты. Разгуливают по складу.

— Какие скелеты? Ты что, рехнулся? Человеческие скелеты?

— Ага,— прохрипел Боб.

— Пусти, я сам посмотрю.

Марк тоже вскарабкался на карниз и зажег сразу три спички. Точно, скелеты! Вон и вон, а вот еще один. Висят рядом. Кошмар! А вонища!..

Марк спрыгнул на землю.

— Как же они сюда попали?

Но Боб и сам мог бы задать целую кучу вопросов, ответов на которые не было.

— Давай вернемся сюда завтра ночью. И захватим с собой фонарик.

— А может, предупредить полицию?

— Нет, пока не надо.

Вдали шумели тракторы, слышался фабричный гудок, потом свисток паровоза, шум мощных винтов паровоза, грохот лебедек — все это были нормальные звуки порта. Они успокаивали.

Мальчики осторожно пролезли под проволочной изгородью, сели на велосипеды и помчались домой.

Яна они нашли в гараже.

Где их черт носил? Так, прокатились немного.

— Ах, прокатились... А чем это от вас воняет?

Они развесили свои вещи перед открытым окном и приняли горячий душ. Но избавиться от въедливого запаха было не так просто. Одна надежда, что никто не догадается, откуда этот запах.

Стол в кухне был накрыт. Но один только Ян отдал должное ужину. Младшие же братья ели через силу, лишь бы не вызвать распросов.

Ян подозрительно прищурился.

— Вы что-то раскопали,— сказал он.

— Что мы могли раскопать?

— От меня не спрячетесь. А ну, выкладывайте.

— Видно, он опять перегрелся на солнышке,— сказал Боб Марку.

«Надо будет последить за ними,— думал Ян.— Что-то у них на уме».

Была полночь. Ян мирно посапывал. Марк вертелся, натягивал на голову одеяло, считал до ста — ничего не помогало.

В пять минут первого в комнату вошла мать. Дети уже выросли, но она всегда заходила проведать их перед сном. Когда дверь за ней закрылась, Марк поднялся на постели.

Бобу тоже не спалось.

— Скажи, Марк, а ты их видел? Мне не приснилось? Там правда висели скелеты?

— Конечно,— сказал Марк.— Штук двадцать.

— Может, попросить папу позвонить в полицию?

— Сейчас? Ну нет. Надо разузнать побольше, а так что ты им скажешь?

Н-да, ситуация. Придется начинать с признания, что любопытства ради он разбил окно. Отец так рассердится, что запрет их на целую неделю в квартире. Тогда прощай соревнования.

Да и неизвестно еще, как посмотрит на это полиция. Скажи-ка вот сейчас, ночью, дежурному полицейскому, мирно дремлющему у телефона, что на складе висят скелеты. Еще отругает.

— Послушай, Марк, а может, это просто картинки на стене?

— Ты что! Я видел, как один из них шевельнулся.

— А запах какой противный! До сих пор чувствуется.

— Еще бы! Все провоняло: подушка, одеяло... Послушай, дашь ты мне наконец поспать?

Короткая летняя ночь длилась несносно долго. В шесть утра Боб сидел уже на кухне. Бледный, под глазами большие синие круги. Потом он заснул в качалке. Там его и застала мать, когда пришла ставить кофе.

— Ты что, болен? Простудился? Устал?

— Нет, просто распахивался.

— Но почему же? Ты ведь научился управляться с парусами. Неужели ты так близко к сердцу принимаешь эти гонки?

Гонки?.. Да, конечно.

Хорошо, что гонки вот-вот начнутся, можно все свалить на них.

Ян ничего не понимал. Почему его братьям вздумалось ехать в Лилло через доки? Это же огромный крюк. Там опасно, большое движение, и времени сколько потеряют, ведь придется торчать перед каждым мостом.

— А вот посмотрим, кто придет первым,— подзадоривал Марк.— Ты езжай по шоссе, а мы — через доки.

— Ладно. Только, чур, нигде не застревать,— сказал Ян.— От складов подальше держитесь.

Оба вытаращили глаза в притворном удивлении:

— Чего мы там не видали?

Этого Ян, конечно, не знал, но их поведение ему совсем не нравилось.

Братья свернули налево. Ян немного поколебался, не последовать ли за ними, но раздумал. Некогда. Ведь послезавтра старт, а завтра надо уже плыть в Брескенс.

Когда подъехали к штабелям лесоматериалов, у Боба сильно забило сердце. При свете дня все здесь выглядело совсем иначе. Марк ехал рядом. Им посигналила машина, которая везла баллоны с бутаном. А вон и старый пакгауз. За котлами, громоздившимися на гравиевой дорожке, видна была только крыша.

Боб спрыгнул с велосипеда, спустил переднюю камеру, вытащил ее из покрывки и влез на штабель досок.

Территория пакгауза казалась давно заброшенной, но там, где к нему сворачивала дорога, проволочное ограждение было убрано в сторону. Значит, въезд все же есть, а заграждение здесь съёмное.

Марк сидел на велосипеде и ждал.

— Слезай, пошли посмотрим,— сказал Боб.

— Ты что, читать разучился? Смотри: «Вход воспрещен».

— Я попрошу у них ведро воды, чтобы проверить камеру.

— Ладно, пошли.

Котлы стояли так, что казалось, к складу не пробраться. Однако толковый шофер сумел бы найти дорогу.

— Похоже на лабиринт,— шепнул Марк.— Крутишься, крутишься и никак не подойдешь.

Обогнув последнюю цистерну, братья очутились перед входом в пакгауз. Дверь была приоткрыта. Сейчас они всё узнают. Стоит войти — и всё станет ясно. Боб открыл дверь пошире. Над головой раздался гулкий удар медного колокола. Они ожидали увидеть большое помещение, где висят скелеты. Но тут был лишь узкий проход между мешками с песком. Вдвоем, пожалуй, не пройти.

— Это ты, Франц? — спросил кто-то.

— Нет... — сказал Боб.— Мы пришли...

Они услышали, как кто-то бегом бросился к ним, и Боб поспешно шагнул вперед, чтобы выйти из узкого прохода, но за поворотом он увидел все те же мешки. И тут им преградил путь какой-то человек:

— Вам что надо?

— У меня камера прохудилась, не дадите мне ведро воды, чтобы найти прокол?

Высокий мужчина с крупными чертами лица зло прищурился:

— Ты что, читать не умеешь? «Вход воспрещен», кажется, ясно написано?

— Я видел, но я подумал... — начал Боб вежливо.

— Марш отсюда! — рявкнул незнакомец.

Опять раздался удар колокола.

— Это ты, Франц? — крикнул мужчина.

— Я, кто же еще!

— Подожди у двери, у меня тут непрошеные гости... Мальчики повернули к выходу.

— А зачем у вас здесь забаррикадировано? — спросил Марк.

— Чтоб не остаться без головы, если эта лавочка взлетит на воздух. Ну, марш отсюда, да смотрите не болтайте больше по верфи!

Возле пакгауза стоял трактор. Франц ждал на крыльце, пока братья не вышли за ограду.

— Еще раз явитесь — позвоню в полицию! — крикнул он им вслед.

Боб накачал камеру, и они сели на велосипеды.

— Да-а, осечка вышла,— вздохнул Марк.

— Вечером вернемся с фонариком и, если скелеты окажутся на месте, позвоним в полицию.

Их обогнал портовый рабочий.

— Послушайте, послушайте! — бросился за ним Марк.

Велосипедист затормозил.

— Вы знаете, нам на каникулы задали сочинение... про порт.

— Понятно,— улыбнулся велосипедист.— Переэкзаменовка. У моего сына тоже.

— А вы не можете нам сказать, где тут что находится? Ну, вот там, наверно, лесосклад, там — нефтеперерабатывающий завод, а вон там?

— Там корабельное кладбище.

— Ах, вот как! Корабельное кладбище. А это что за склад? Что там хранится? — Он показал на пакгауз, откуда их только что выгнали.

— Раньше там держали удобрения, а сейчас этот сарай сдали фирме, которая скупает и продает подмоченные грузы.

— Подмоченные грузы?

— Бывает, что товар подмокнет во время перевозки. Ну, если вода попадет в трюм. Мало ли какая авария... И если получатель отказывается от испорченного товара, его продают этой фирме.

— Большое спасибо,— поблагодарил Боб.

Марк с достоинством поклонился.

Велосипедист уехал, а ребята отправились кратчайшей дорогой в Лилло.

Ян сидел на берегу, разложив на коленях грот.

— Хороши, нечего сказать! До соревнований два дня, а вы где-то мотаетесь. Если вам плевать, так бы и сказали. Что мне, больше всех надо?

— Твоя взяла,— сказал Боб.— По шоссе, конечно, ближе. Давай иглу и нитки.

Они быстро заштопали все до единой дырочки. Даже Марк, не очень друживший с иглой, работал на совесть.

Свежеокрашенный корпус «Бернара» протерли замшей, палубу надраили, проверили рулевое управление.

— Если очень налегать на руль, будет тормозить, — сказал Ян. — Надо постараться поменьше вертеть им.

Младшие братья слушали вполуха, то и дело поглядывая в сторону доков.

— Да что с вами, наконец? Будете вы участвовать в гонках или нет?

— Будем, будем! — поспешил ответить Боб.

Но Марк больше не мог терпеть и рассказал старшему брату про скелеты, про мешки с песком и про то, как их сегодня выгнали со склада.

— Я целую ночь не спал, — признался Боб. — Все эти ужасы мерещились.

Но Ян угрюмо молчал, и Боб понял, что придется объяснить, зачем их туда понесло.

— Знаешь, мы встретили машину Соустина в доках и подумали, что, может, в ней тогда уже сидели воры, ну, и хотели поразнюхать, где там ее спрятать можно...

— И что же вы собираетесь делать дальше?

— Надо поглядеть вечером с фонариком, не ошиблись ли мы.

— Ладно. Я тоже пойду с вами. Только сначала потренируемся. Скелетов, может, еще не окажется, а вот гонки послезавтра будут. Это уж точно.

Они ехали по той же дороге, что и накануне. Впереди Боб. Доехав до знакомого штабеля, он поставил велосипед на старом месте. Затем шепотом скомандовал Яну следовать за ним, а Марку — караулить, чтобы кто-нибудь не подошел.

— А если кто подойдет, что сказать? — спросил Марк.

— Скажи, что мы тут в прятки играем, — сказал Ян. Боб и Ян взобрались на штабель.

— Смотри, вся территория обнесена колючей проволокой. Днем часть ее — вон там — снимают.

— Где же двери, через которые машины въезжают на склад?

— Таких дверей нет. Только маленькая дверь. Вон там.

— А где висели скелеты?

— С той стороны. Пошли. Пролезем под прозолокой. Осторожно.

— Ну, что-нибудь видите? — шепотом спросил Марк. Он стоял около велосипедов с толстой дубинкой в руках.

Боб поинтересовался, кого он собирается бить.

— Скелеты не кусаются, — съязвил он.

— Молчал бы лучше! — огрызнулся Марк. — Забыл уже, как тогда струсил. — И он пролез под проволокой, следом за братьями.

Уже стемнело, но предосторожности ради они крались, низко пригнувшись.

Боб ухватился за решетку и подтянулся к подоконнику. Ян последовал его примеру, а Марк замешкался, не зная, что ему делать со своей дубинкой — то ли бросить, то ли лезть вместе с ней.

— А окошко-то забили...

— Какое окошко?

— Вот это. — Боб стукнул рукой по фанерке.

— А оно было разбито? Фу, ну и вонища!

— Да это я его высадил, чтобы лучше разглядеть.

Боб нажал на фанерку, и гвозди поддались. Осторожно сдвинув фанерку в сторону, он сунул в дыру фонарик.

Тошнотворно пахло гнилью.

— Зажги фонарик.

Лучик света прорезал темноту и уперся в противоположную стенку.

— Ничего нету.

— Нету, — подтвердил Боб. — А ведь висели, точно. Видишь веревку?

Веревка действительно была.

— Там сушилка, идиот. Одежда какая-нибудь сохла. Или одеяла.

— Да нет же! Клянусь тебе, скелеты были.

— Как ты их разглядел?

— Я целую коробку спичек сжег.

Ян взял у него фонарик и сам стал осматривать помещение. Оно было совсем узенькое, коридор метра в два шириной. На потолке — два вентилятора, а в конце коридора — маленькая дверь без ручки.

— Ни черта здесь нет. Наверное, это был рулон ткани с рисунком вроде скелетов. А вы струсили.

Боб осторожно вернул фанерку на старое место и спрыгнул на землю. «Кто его знает, — думал он. — С фонарем, конечно, лучше видно». Да нет... Он же своими глазами видел. Были скелеты. Точно были.

Марк шел впереди, сшибая дубинкой крапиву. Боб велел ему идти той же тропкой, по которой они пришли, но Марк лез напролом. Вдруг что-то коротко лязгнуло, и Марк завопил:

— Ой, нога! Нога!

Он корчился на земле, рядом валялись дубинка и фонарик.

Всхлипывая от боли, он обеими руками пытался выдернуть правую ногу.

— Капкан! Не шевелись. Ты попал в капкан! — крикнул Ян.

— Какой капкан, на волка? Дай посмотреть, — загорелся Боб.

Да, это действительно был капкан, старый, ржавый. Короткая цепь от него шла к железному колу, вбитому в землю. На цепи висел замок.

— Не вертись! Я попробую его открыть. Боб, по свети. Да пониже.

Марк тихонько плакал:

— Ой, больно!.. Ой, как больно!..

С большим трудом Яну удалось открыть капкан. К счастью, на Марке были высокие ботинки, а капкан был старый, со стертыми зубьями. Но все же он сработал.

— Сможешь идти? Встань-ка!

— Ой, ой, — стонал Марк. — Вот гады!.. А какой капкан, лисий?

— Тогда бы ты так дешево не отделался. По-моему, он рассчитан на крыс и котов. Ведь здесь склад. Крови нет? Железо ржавое, еще заражение крови получишь. Если есть ранка, надо сделать противостолбнячную прививку.

Крови не было, только сильно распухла щиколотка.

— Ничего, пройдет, — сказал Марк.

Два часа ночи, но ни один из братьев не спит. Ян думает о гонках, не упущено ли что-нибудь важное. Марк не спит от боли, а Боб пытается разгадать тайну склада. Если фирма занимается перепродажей подпорченных грузов, то зачем эта надпись «Опасно для жизни»? И почему их так поспешно выставили? И зачем капканы? У Яна все просто: на веревках — тряпки, капканы — для

грызунов. А почему дверь забаррикадирована мешками с песком?

Прошлую ночь он не спал и сегодня никак не может заснуть. На башне пробило половину третьего. Марк наконец уснул, да и Ян спал уже мертвым сном.

Сегодня они едут в Брескенс. В половине четвертого Ян хочет выйти из Лилло. Мотора-то нет, значит, рассчитывать можно только на отлив и ветер. Поэтому отплыть надо самое позднее в половине четвертого дня, чтобы завтра в девять утра быть на старте. Боб пытается сосредоточить мысли на гонках, но у него ничего не выходит. Нет, он не успокоится, пока не узнает тайну старого пакгауза. Иначе от него и на гонках мало толку будет.

Боб тихонько встал и пробрался на чердак. Там на балке висит связка ключей. Года два назад отец сменил замки во всем доме; замки он выбросил, а ключи нанизал на веревочку и повесил на чердаке. Там же хранились и две отмычки, которые подходили ко всем замкам. Боб прихватил их тоже.

Нацарапав записку: «Я поехал в Лилло, захватите мой рюкзак», он приколол ее к шкафу, сунул в карман фонарик и осторожно прикрыл за собой дверь.

В порту было довольно тихо, хотя порт никогда совсем не затихает. По дороге прошла полицейская патрульная машина, потом прогрохотал грузовик с красным фонарем, пронесся таксист да проехали два рыбака на велосипедах.

Боб оставил велосипед у столба на обочине шоссе и направился к складу. По дороге он подобрал палку и шел, проверяя палкой, нет ли впереди капкана. Подлез под колючей проволокой.

Боб не трусил, даже не волновался. Возможно потому, что страшно устал. Он опять отодвинул фанерку. Как и в последний раз, помещение было пусто. Конечно, а чего другого он ждал?

Боб прокрался к двери. Хорошо, что со стороны дороги его не видно. Не дай бог, полиция заметит — неприятностей не оберешься. Первые пять ключей не лезли в замочную скважину. Может, сработает отмычка?.. Есть!

Боб осторожно отворил дверь. Скрипнула-таки. И вдруг Боб вздрогнул. Над головой загудел колокол. Про колокол он совсем забыл. Боб застыл у двери. Сей-

час раздастся окрик. Или лай собаки. Или сигнал тревоги. Или взрыв.

Но ничего не произошло. Только вонь чувствовалась сильнее да откуда-то потянуло сквозняком.

Боб торопливо пробирался между мешками с песком. Ход шел вправо, затем влево, потом опять вправо, как в окопах. Через весь склад он, что ли, тянется? Это же бессмыслица!

Мимоходом он попытался сдвинуть один мешок, но с таким же успехом можно было попытаться сдвинуть стену собора.

Наконец-то! Он очутился в большом мрачном помещении, заваленном кучами какого-то хлама. «Как бы фонарик через окно не заметили. Надо быть осторожнее,— подумал Боб,— а то весь порт на ноги поднимешь». Вот лежат мокрые рулоны хлопчатобумажной ткани, вон ящик с проржавевшими инструментами, несколько винных бочек, целая куча текстильных изделий, шесть полумантных мопедов без номеров. Все нормально. Да, но как же эти бочки попали в помещение? Ведь они не пролезут через дверцу и зигзагообразный проход!

Осторожно, шаг за шагом, продвигался он в темноте. Вот он уперся коленями в какую-то загородку. Посветил фонариком. За невысокой загородкой — нечто вроде сходней шириной, достаточной для прохода небольшого грузовика. Боб пошел по сходням вниз. На пути ему попались два больших ящика. Первый стоял без крышки. Поднявшись на цыпочки, он заглянул внутрь и испуганно вскрикнул. В ящике лежали скелеты.

Первая мысль была бежать, скорее сообщить полиции... Но он тут же взял себя в руки: «Я же знал, что меня ждет. Я уже видел эти скелеты». Он прислонился к стенке, подождал, пока сердце перестанет стучать, и двинулся дальше. Луч фонарика выхватывал из темноты различные предметы. Он увидел пилораму и верстак, а на полу — доски и брусья. Чуть слышно пахло смолой и краской. Вдруг что-то сверкнуло. Это луч отразился в смотровом стекле автомашины. Рядом с машиной Боб увидел большой ящик. «Так и есть... Здесь они прячут украденные машины, а дальше переправляют их в ящиках».

Боб шагнул к машине.

Точно. «Ягуар» Соустина.

А вон на деревянном помосте «ситроен».

Дальше пол начинает подниматься. Ну, вот и все ясно! Отсюда машины выходят наверх. А вон еще один ящик. Уже упакован. На нем надпись «Котлы». «Хитрая маскировка,— думает Боб,— вывозят машины под видом котлов. А стена — это не стена, а огромная дверь, которую или поднимают вверх, или сдвигают в сторону... Ну хватит, пора убираться, пока не рассвело. А в полицию надо звонить немедленно».

Он повернулся и пошел обратно, стараясь поскорее миновать ящики со скелетами. Когда его голова поднялась над барьерчиком, огораживающим сходни, он услышал короткий свист, почувствовал удар по затылку и потерял сознание.

В восемь часов в доме Петерсов сели завтракать. Никто не понимал, зачем Боба понесло в Лилло в такую рань.

— Представляю, какой он голодный! — вздохнула мать.

Ян в который уже раз просматривал правила соревнования.

— Кто включит мотор, устраняется от участия в гонках,— сказал он.— Но нам это не грозит.

В четверть девятого отец уехал в контору.

— Желаю успеха! — сказал он, уходя.— И будьте, пожалуйста, осторожнее!

Мать упаковывала провизию. Марк возмущался: да что они, на месяц, что ли, уходят из дому? Не намерен он тащить в Лилло целую бельевую корзину с едой.

— Но ведь Боб не завтракал,— оправдывалась мать.

— Конечно, когда надо что-то нести, он смывается. Я вам не ломовая лошадь! — кипятился Марк.

В десять часов Ян с Марком отправились в Лилло.

— До свиданья, до завтра.

Погоду обещали хорошую. Ветер юго-западный, от трех до четырех баллов. Небо на три четверти чистое. В общем, прекрасный летний день.

— Когда же Боб уехал? — спросил Марк.

— Я не слышал,— ответил Ян.

— А когда ты встал?

— В семь, вместе с мамой.

— Хитер, по холодку укатил, а мы тащи для него продукты. Дрыхнет небось на травке.

— Конечно, мог бы и подождать в такой-то день!
По польдеру братья ехали рядом.
— Ян, сколько всего участников?
— Человек сто наберется. Погода видишь какая!
— Ой-ой-ой! Хоть бы нам победить!
«Бернар», укрытый брезентом, стоял возле зеленого берега.

— Вот лодырь, даже лодку не раскрыл! — сказал Марк.

— Интересно, куда он подевался?

В двенадцать часов Ян забеспокоился не на шутку. Боб ведь знает, что в половине четвертого им отплыть. Нарочно, что ли, прячется, чтобы попугать их?

Марк ужасно возмущался:

— Вот явится, а мы ноль внимания, ладно? Пускай не воображает, что без него не обойдемся.

— Не обойдемся,— вздохнул Ян.— И он это отлично знает.

— Я тоже умею работать со спинakerом.

— Ладно, авось придет. Голод не тетка.

Но прошел еще час, а Боба все не было.

— Не поехал же он на этот вонючий склад?

— Кто его знает!

— Съездить посмотреть?

— Нет уж. Он придет, потом тебя жди. Пусть себе дышит на здоровье этой вонищей!

Ян злился, но не мог скрыть беспокойство.

Понемногу к Бобу вернулось сознание. Слышались звонкие удары. Каждый удар болью отдавался в голове. Он почувствовал запах кожи, так пахнут обычно сиденья машин, вытянул руку, нащупал руль. Ах, вот что! Он лежал в машине, машина стояла в ящике, и этот ящик заколачивали.

Он попытался выпрямиться, но от боли чуть снова не потерял сознание. Поэтому он опять лег и прикрыл глаза. Работали, видно, вдвоем. Один забивал доски около мотора, другой — у багажника. Светящиеся часы автомашины показывали шесть часов. Сколько он здесь лежит? Час? Два часа? Дышать было трудно. Кровь пульсировала в голове, барабанные перепонки готовы были лопнуть.

«Они оставили меня здесь, чтоб я умер,— думал он.— Правильно. Воздуху хватит ненадолго».

Удары молотков стали реже. Все. Крышка забита.

Боб поднялся, кусая губы, чтобы не закричать от боли. Пальцы нащупали сирену. Нет, сигналить нельзя, какой смысл? Если и услышат, кто захочет помочь?

Правая дверца не была заперта. Он нажал на ручку и открыл, насколько позволил ящик. Ящик, конечно, был больше машины, но не настолько, чтобы можно было вылезти. А если через окно? Он опустил стекло и протянул руку. Места хватит, хотя и тесно.

Может, они потом набыют ящик каким-нибудь барахлом, чтоб замаскировать машину? Но для этого им придется снять крышку. Может, тогда его выпустят?

Конечно, нет. С какой стати? Для того его сюда и бросили, чтоб задохнулся. Сам не зная зачем, Боб полез из машины. Выбравшись из окошка, он сполз на дно ящика. Затаив дыхание, он прислонился ухом к стенке. Ничего не слышно. Все же он подождал еще несколько минут.

«Хитрые, гады! — думал Боб. — Дали мне походить, нарочно выжидали, пока не убедились, что я один. Как же выбраться из этого проклятого ящика? Может, крышка прибита слабо и ее можно оторвать?»

Он влез на капот. Здесь было попросторней. Боб лег на спину и изо всех сил уперся в крышку ногами. Доски скрипели, но не поддавались. Он передохнул немного и попробовал еще раз. Пот лил с него градом, сердце готово было выскочить из груди, но крышка не поддавалась. И тут его осенило:

«А что, если домкратом?»

Домкрат обычно держат в багажнике вместе с запасным колесом. Боб полез в машину за ключом. Пошарил по доске управления, нащупал замок, но ключа не было. Боб чуть не плакал. В отчаянии он уставился на часы. Стрелки медленно двигались вперед.

«Семь часов. Мама уже встала. Сейчас они меня хватятся. Разозлятся, конечно, что уехал один. А Ян будет психовать, когда в Лилло меня тоже не окажется. Может, догадаются сюда приехать... Увидят велосипед у дороги. Позвонят в полицию... Да, но к тому времени бандиты уже увезут ящик на судно. Нет, надо самому выбраться».

Нельзя ли пробраться в багажник из машины? Он нащупал задние сиденья. Нет, так ничего не выйдет.

«А может, ключ в ящичке возле руля?»

Боб пролез обратно на переднее сиденье. Все ящички были пустые. Левая дверца была заперта. А может, ключи торчат в дверце с наружной стороны? Он опустил стекло, протянул вниз руку и... Ура-а! Ключи торчали в дверце.

Теперь можно и свет зажечь. Он стал нажимать на все кнопки, какие попадались под руку. Вспыхнули фары. Теперь все проще. Боб добрался до багажника и вытащил домкрат. Он не раз видел, как отец пользуется этим приспособлением. Боб залез на крышу и втащил домкрат, но домкрат не доставал до крышки ящика. А если взять запасное колесо, положить его на крышу, а домкрат поставить сверху?

Снова нырнул Боб в багажник. Фу, какое тяжелое! И все же он втянул колесо на крышу. Теперь за рабсту! Доски громко затрещали. Боб затаил дыхание. Слышал кто-нибудь или нет? Вдруг опять явятся его мучители.

Никого. Боб осторожно повернул еще разок. Доски прогнулись, образовалась щель. В щель он уже видел подвал и даже сумел различить очертания машины Соустина. Он подождал минуты три, потом опять взялся за рукоятку. Вот черт! Домкрат раскрутился уже до конца, а доски держатся. Надо бы еще что-то подложить под него, но что?

Он вспомнил, что видел в багажнике какие-то клещи, плоскогубцы и ключи. Боб перетащил их на крышу машины, подsunул под домкрат и опять стал осторожно поворачивать. Раздался треск. С одной стороны крышка отошла. Боб крутил уже не останавливаясь. Гвозди пищали, крышка поддавалась. Еще чуть-чуть, еще чуть-чуть. Все! Теперь можно выбраться из ящика.

Но теперь Боб был умнее. Он постоял, прислушался. Тихо. На складе ни души. И тут он заспешил, ободрал ногу, но на радостях даже не почувствовал.

Вдруг у него над головой что-то загрохотало. Заработал мотор. Он бросился в сторону, под кучу влажного тряпья, и затаился.

Заскрипело железо. Натужно завыл мотор, и... стена медленно пошла в сторону. Вначале появилась небольшая щель, через которую ворвался луч солнца; потом щель стала шире. Боб прокрался поближе и увидел котлы и высокое проволочное ограждение. Он лихорадочно

высматривал, где же выход с территории. Вон там, справа, заграждение убрано! Вдруг Боб увидел человека, который смотрел на него, вытаращив глаза, и что-то кричал. Из-за шума трактора голоса не было слышно. Боб рванулся прочь, мимо котлов, прыгая через какие-то трубы. Трактор замолчал. Боб услышал крики: «Стой! Стой!» — но он, как заяц, неся к шоссе. За спиной слышалось чье-то сопение. Боб миновал ограду и метнулся вправо, к конторке, где стоял его велосипед. Тут он оглянулся. Преследователь отстал. Нет, вон он. Просто на минуту потерял его из виду. Велосипед стоял на месте. Увидев бешено несущегося велосипедиста, преследователь растерянно поморгал глазами и ничего не понял.

Боб остановился только возле моста. Сторож спросил, не собирается ли он поставить рекорд. Что это за велогонки?

— Надо позвонить! — задыхаясь, выкрикнул Боб. — Позвонить в полицию!

— Что с тобой, парень? Ты болен?

— Полицию! Скорей! Я накрыл банду воров и убийц.

— Сядь. Кому надо звонить?

— В полицию! Я знаю, где прячутся вору, где машины. Я знаю!

— Ты что, за дурака меня принимаешь? Кончай разыгрывать.

— Ну пожалуйста! — взмолился Боб.

К счастью, у моста остановилась патрульная машина. Боб, путаясь и захлебываясь, рассказал полицейским, что с ним произошло.

— Где этот склад? Как ты его обнаружил? Случайно? И они заколотили тебя в ящике?

Кажется, полицейский не очень-то ему поверил. Но все же он предупредил по радио остальные патрули. Боб оставил велосипед у сторожки и сел в полицейскую машину.

— Вон, видите — штабеля досок, за ними пакгауз? Поезжайте вдоль штабелей. Можно подъехать поближе.

Второй полицейский по радио переговаривался с другими патрулями. Подошла еще одна машина. Четверо полицейских направились к складу... В сознание Боба привел запах нашатыря. Кто-то тер ему виски. Он лежал на скамейке в полицейском участке, а рядом с ним сидел комиссар.

- Тебе лучше?
- Который час? — спросил Боб. Он отдохнул и чувствовал себя вполне сносно.
- Двенадцать.
- Мне надо в Лилло, братья беспокоятся.
- А что там, в Лилло?
- В половине четвертого мы отплываем в Брескенс. Завтра в девять утра старт Больших гонок.
- Ну-ка, расскажи еще раз все, что тебе известно.
- Боб рассказал. Как они встретили на мосту бешено несущуюся машину Соустина, а на следующий день он прочел в газете, что ее угнали. И как он за штабелями досок обнаружил старый пакгауз.
- А скелеты? Нашли вы скелеты? — спросил он.
- Нашли. Но это не так страшно, как ты думаешь. Их украли с одного индийского судна. Сообщники сбросили в воду два ящика со скелетами, а воры выловили и развесили их для просушки. Скелеты стоят дорого — десять тысяч за штуку. Студентам-медикам они необходимы.
- Я перепугался до смерти, — признался Боб.
- Теперь все бандиты уже под замком, — сказал комиссар.
- А вы расскажете папе?
- Конечно!

«Бернар» давно был готов к отплытию, но Ян и Марк все еще ждали брата. Что могло случиться?

Попал в аварию? Шина лопнула? Но он давно бы уже починил. Велосипед сломался? Добрался бы на машине.

— Он отправился на склад, — сказал Марк. — Точно. Давай съездим туда, еще успеем вернуться.

Ян колебался. На дорогу туда и обратно они потратят минимум полтора часа, значит, вовремя отчалить не успеют. А если Боба и там нет? Сколько готовились к этим гонкам — и вдруг все к черту! С ума сойти можно!

— Ян! Полиция! Ян! — крикнул Марк.

Неужели случилось несчастье? Полицейская машина остановилась у ворот пристани. Из нее вышел Боб. Он помахал рукой полицейскому за рулем и не спеша пошел к братьям.

Ян бросился к нему:

— Под машину попал?

— Нет, в машину,— ответил Боб.

— Мчался на своем драндулете как ненормальный, да?

— Зачем же, велосипед я оставил у сторожки.

— Ах, значит, на такси изволили прибыть! Мы весь польдер обшарили, а он... Да что, в конце концов, случилось?

— Засек парочку бандитов,— ответил Боб хвастливо.— Навел порядок в старом пакгаузе. Ну, вы же знаете, где скелеты, капканы для крыс и так далее...

Братья почувствовали, что произошло что-то действительно необычайное, поэтому не стали придирааться.

— По дороге расскажешь,— бросил Ян.— Пора отчаливать.

И всю дорогу Боб рассказывал о своих приключениях. А старший и младший братья слушали, не прерывая. Вот это да! Ай да Боб!

Казалось, что на рейде Флиссингена готовится наступление — мирное наступление ярких, разноцветных яхт. Целая флотилия их покачивалась на длинных волнах, бегущих из устья Шельды. Братья еще никогда не видели столько парусных судов зараз. Может, тысячу лет назад викинги вот такой же армадой вторглись в сердце Европы.

С последними приготовлениями к гонкам растет волнение участников состязаний. На «Бернаре» тоже. Марк уже обкусал себе все ногти. Боб искал глазами «Б-404». Ему хотелось предупредить Соустина, что его «ягуар» нашелся, но Ян не соглашался покинуть занятое место.

— Мы сейчас стоим на самом северном участке указанной зоны, для нас это выгодно, а если снимемся с якоря, то наше место могут занять,— говорил он.

Боб утверждал, что никто сюда не станет, потому что все пойдут через Паулинапольдер, но Ян не сдавался. В четыре утра, когда лодки были уже ясно видны в первых лучах солнца, Ян еще раз прикинул свои шансы. Здесь были спортсмены из Антверпена, Гента, Тернёзена, Брескенса, Зеебрюгге, Флиссингена и Виллебрука. Морские яхты, озерные катера с блестящим корпусом из полистирола, дорогие парусники, облицо-

ванные красным деревом, стальные боты, лодки для ловли моллюсков, иолы — все существующие типы и классы лодок.

Да, «Бернару» туго придется.

Марк и Ян очень волновались. Только Боб сохранял хладнокровие. Он проспал всю дорогу от Бата до Тернёзена да и ночью спал как убитый, хотя рядом с «Бернаром» стали на якорь два супертанкера. Сейчас он сидит на крыше каюты и ест. А Ян потерял аппетит.

— Кусок в горло не лезет,— пожаловался он.

Марк не выпускал из рук бинокля, придирчиво оценивая оснастку каждой лодки.

— Спиакера нет ни у кого,— с удовлетворением констатировал он.— Мы им покажем.

Ян тоже на это надеялся. Ветер юго-западный, хороший бриз, самый благоприятный для них.

— Вот там, за танкером, смотри, там «Б-404», и «Б-96», и «Б-94»... все суда яхт-клуба Виктории стоят на месте! — крикнул Марк.

— Там узкий фарватер. Они будут мешать друг другу.

— А ветер там намного тише, видишь?

— Конечно. Высокий берег здорово мешает ветру.

На моторке руководителя гонок подняли флаг с буквой «Р». Было без четверти девять. Две яхты уже описывали круги на якоре. Прилив начался несколько раньше, чем предполагалось.

Якорь можно поднять только после того, как будет дан сигнал. Ставить паруса тоже.

— Посмотри, вон «Ласточка», отличная лодка! Это голландцы.

Ян проверил, все ли под рукой. Его братья от нетерпения приплясывали на палубе. Они не надели спасательные жилеты — побоялись, что жилеты будут стеснять движения. Отец, конечно, рассердился бы, но Ян сделал вид, что не заметил. И вот наконец сигнал. Якоря подняты, паруса поставлены, кто-то кого-то зовет, кто-то что-то кричит. «Б-404» и «Ласточка» возглавили группу, где царила самая большая неразбериха.

«Бернар» оставил всех по правому борту и пошел в сторону флиссингенского берега, как было запланировано.

Подняла якорь и «Водяная крыса», очень симпатичное суденышко, стоявшее рядом с «Бернаром». Его ка-

питан с удивлением смотрел, как «Бернар» оторвался от группы и пошел влево.

— Эй,— крикнул он,— куда ты? Финиш не в Роттердаме, а в Антверпене!

— Посмотрим, придешь ли ты сам туда! — огрызнулся Марк.

Яхты, обгоняя друг друга, шли по фарватеру Ховд-плат. У «Водяной крысы» не ладилось с гротом, он не забирал ветер.

— Смотрите, что там творится,— сказал Ян,— каждый хочет вырваться вперед, но разве там развернешься?

— Поднять спинакер, Ян?

— Нет, еще рано. Поднимем, когда повернем на восток.

В середине флотилии произошли столкновения. Участники разбились на две группы. «Б-404» выскочила на несколько метров вперед, обогнав голландскую «Ласточку», а за ними шли четыре гоночные яхты.

— Мы окончательно вышли из игры,— сказал Боб,— видишь, насколько все нас обогнали.

Ян не отвечал. Он подсчитывал расстояние, которое они уже прошли в северном направлении. Ага, вот и мели. Ян взял курс на восток.

— Нам и так не угнаться за яхтами,— ворчал Марк,— а ты еще правишь в обратную сторону!

— Не пищать, поднять спинакер!

Спинакер мгновенно раздулся, как шар, и потащил «Бернар» в фарватер Спэйкерплат.

На фарватере вдоль Паулинапольдера ветер был слабее, и яхты стали отставать.

— Ну что, видишь теперь? Берег загородил их от ветра, и они почти не двигаются вперед.

— Но они уже опередили нас по крайней мере на две мили!

— Ерунда! Мы несемся, как экспресс.

Позади послышался шум моторки наблюдателей.

— Хо, у нас почетный эскорт,— ухмыльнулся Боб.

— Они думают, что мы мотор включили, мы ведь просто летим.

— Ну и пусть думают.

Ян развернул на коленях карту.

«Бернар» был уже почти на одной линии с лидера-

ми гонки, которые шли по главному фарватеру, обходя затонувший авианосец.

— Ян, как по-твоему, мы догнали уже «Б-404»?

— Может быть, но сейчас нам надо сворачивать на юг.

Гоночные яхты снова ушли мили на две вперед. Прилив шел уже через протоки.

— Спустить спинакер!

«Бернар» сбавил ход и, когда Ян дважды повернул руль, почти совсем остановился.

— Нас сносит течение, Ян!

— Вижу, но надо подождать, воды еще мало.

Вдруг мотор на лодке наблюдателей взревел, как сирена.

— Смотри! Они сели на мель. Гнались за нами, а сами засели.

Да, работа там шла вовсю. Один длинной палкой замерял глубину, второй прыгнул в воду и толкал лодку с мели.

— Поднять спинакер!

Через южную протоку Ян направил лодку в фарватер у Оссениссе. Главный фарватер был пуст, а моторка прочно засела у Эферингена.

— Будут знать, как нам не верить! — кричал Марк. — Шпионы несчастные!

— Смотри, а вон и лидеры. Мы обогнали их.

«Ласточка» и «Ястреб», оба под голландским флагом, шли уже фарватером Оссениссе, а по пятам шли «Б-404», «Б-96» и «Тромп». «Бернар» оказался в группе лидеров! Капитан «Тромпа» во все глаза глядел на спинакер, тайное оружие братьев.

— А «Ласточка» быстроходней, чем «Б-404»!

— Ты так думаешь? На «Б-404» еще не все паруса подняты.

Лодка Соустина обошла «Бернар». Обогнали его и «Ласточка» с «Ястребом». Братья проигрывали битву, несмотря на все свои старания. Марк повис на трапедии за бортом, насмешив всю команду «Тромпа». У второго буя «Бернар» уже находился между двумя группами гонщиков.

— Надо уходить от этого берега!

— Да, возле Валсордена пересечем фарватер.

С болью смотрели ребята, как быстро уходит вперед первая группа и приближается вторая. Моторка снялась с мели и догоняла флотилию.

— Ничего у нас не выйдет,— вздохнул Ян.— У Эфферингена мы ведь выиграли почти что три мили, а сейчас этот выигрыш потерял.

— А ты крикни хозяину «Б-404», что нашли его машину, может, он сжалится и возьмет тебя на буксир,— съехидничал Марк.

— Слезь с трапеции, идиот, мы идем по ветру.

На буксир... Ладно. Подождем до Валсордена. Сейчас впереди «Б-404». Вторая группа быстро приближалась. «Они настигнут нас в узком месте,— думал Ян,— но там им нас не обойти. Фарватер не позволит». Он вывел лодку на середину фарватера.

«Б-96» обогнала их, идя по ветру. Капитан салютовал им концом. Марк вышел из себя.

— Ну подождите, мы вас еще обгоним! — шипел он.

Вся вторая группа обогнала «Бернар». У пристани их, конечно, встретят шутливыми аплодисментами. Ян опять направил лодку на север и отстал от всех еще больше.

— Что ты делаешь?

— То же, что и у Флиссингена. Дай мне чашку кофе и придержи язык.

Они шли через отмели Валсордена. Появилась третья группа, буера и шаланды, но за «Бернаром» никто не пошел. Только наблюдатели. Через час будет видно, что дал им совет старого лоцмана. Пока что все идет нормально. Конечно, не очень-то приятно видеть, как тебя обгоняют, но разве они ожидали чего-нибудь другого?

— Я — да,— признался Марк.

Между Валсорденом и Хансвертом Шельда очень широкая. Когда находишься в лодке, то устье возле Флиссингена как море.

Одна из лодок третьей группы вдруг отделилась и пошла вслед за «Бернаром». Видно, капитан этой лодки заметил, что «Бернар» однажды уже намного обогнал всех.

— Смотри, что делают! Если они пойдут за нами, то мы проиграли!

Такого поворота они не предусмотрели.

— Да, нас накрыли,— сказал Ян.— Но в одно местечко они не рискнут сунуться.

Он шел впритирку к Валсорденской мели, оставив пристань справа, а затем опять повернул на восток.

Вторая яхта шла за ними, не отставая. Братья могли уже прочесть название. Это был «Фэникс» из Гента.

У входа в фарватер «Феникс» шел с ними борт о борт.

— Ваш спинакер тянет больше вверх, чем вперед! — крикнули с «Феникса».

— Не твое дело! — буркнул Марк.

Он сидел на борту и ждал команды Яна повиснуть на трапении.

— Посмотри, как далеко все ушли. Твой лоцман просто дурак набитый,— сказал Боб.

— А все же течение здесь сильнее, смотри на карту!

— Что мне карта! Я вижу, как нас обгоняют.

Команда «Феникса» тоже поглядывала на юг.

Вдруг «Феникс» повернул направо.

— Что он делает, Ян?

— Молчи, пусть себе плывет. Они решили вернуться.

Наблюдатель не знал, за кем плыть: за «Бернаром», который направлялся к опасному Циммерманпольдеру, или за «Фениксом», который пошел к главному фарватеру.

Течение вдоль Циммерманпольдера было такое сильное, что заливало даже буи.

— Следите за буюми! Марк, ты тоже!

При таком ветре паруса не бездействуют. Спинакер расправился, и «Бернар» несея быстрее, чем когда-либо.

Скорость течения все усиливалась. Боб считал, что около Бата они опять догонят головную группу. Но до города было еще пятнадцать миль.

И вдруг словно огромная волна подхватила «Бернар» и понесла. Давление на паруса упало, а скорость увеличилась. Марк и Боб в испуге смотрели на брата.

В узком фарватере Шельда утроила свои силы. Спинакер опал.

— Спустить спинакер!

Если «Бернар» закрутит в водовороте, то мачты с парусами переломает, как спички.

— Спустить фок!

«Бернар», словно снаряд, выпущенный мощной катапультой, летел в излучину Бата.

— Надеть спасательные жилеты!

Младшие мгновенно повиновались, хотя раньше никогда их не надевали. С «Бернара» казалось, что вся флотилия стоит. Даже «Б-404» и «Ласточка» плыли очень тихо.

И тут «Бернар» закрутило.

Ян успел крикнуть:

— Спустить грот!

Работая рулем, Ян сумел вырваться из водоворота и взять курс на восток.

— Поднять паруса, быстро!

Буи главного фарватера приближались с чудовищной быстротой. Надо было поднять паруса, чтобы как-то обуздать лодку. По излучине Бата буксир с трудом тащил две баржи. Они загородили фарватер.

— Фок! Скорей поднять фск!

Течение тянуло их на баржи. Гудок буксира прозвучал угрожающе громко и настойчиво.

Лодка не слушалась руля. Мачты мотало из стороны в сторону. Сейчас их разобьет вдребезги о баржи или о буксир. К счастью, течение отнесло буксир и баржи в сторону, но вдруг буксир рыскнул вправо, нацелив нос на «Бернар». Три метра... два метра... Уф! Лодка проскочила под самым его носом, увернулась от барж и пошла по северному фарватеру.

Ян вытер холодный пот и вздохнул с облегчением, чувствуя, что «Бернар» снова стал послушным.

Марк возбужденно махал руками. Все яхты отстали от них на несколько миль, и расстояние между ними все увеличивалось. Да, им удалось использовать самое мощное течение Шельды.

— Поднять спинакер!

Здесь нужно быть поосторожней, где-то поблизости торчит затонувший корабль. Карта соскользнула на пол. Где же это место?

— Дай-ка мне карту, там, у левого борта.

Быстрый взгляд на карту. Так, здесь они в безопасности. Течение здесь не такое сильное, как на Циммерманпольдере, но все же гораздо сильнее, чем в главном фарватере, где красочной вереницей растянулись на воде лодки участников.

— Им не догнать нас, Ян! Никогда! Никогда! Никогда!

Восторженные вопли Марка долетели до буксиров, стоявших на якоре в ожидании супертанкеров. У команды земснаряда просто глаза на лоб полезли, когда они увидели, что лидером стала такая невидная лодка, как «Бернар».

По голландско-бельгийской границе курсировал полицейский катер. Агент, стоявший на корме, крикнул ребятам:

— Bravo!

Самая большая моторка наблюдателей, которая ни разу не отошла от главной группы, теперь развила полную скорость, чтобы догнать «Бернар».

«Б-404» отстала от них на две мили. Но теперь она пагоняла их. Это было изумительное зрелище — белая яхта с белыми парусами неслась, как стрела.

Догонит ли их Курносый? Да? Нет?

«Б-404» шла почти с той же скоростью, что и моторка.

— Пожалуй, он нас догонит,— сказал Ян.— Но других нет!

— Ты в самом деле так думаешь, Ян?

— Такой яхте не стыдно и проиграть, полюбуйтесь, как идет.

Да, такой яхте совсем не стыдно проиграть.

У Дула сдался даже Марк. Расстояние между лодками быстро сокращалось.

Вдруг спинакер треснул и повис на мачте жалкой тряпкой.

— Сложить и убрать! Этот парус уже никогда больше не понадобится.

Около Кётелплата «Бернар» пошел к шлюзам. Марк повис за бортом. У шлюзов стояли четыре судна, Ян оставил их по левому борту и пошел вдоль берега к форту Филипп. Проходя мимо бухты Пейп-Табак, они услышали шум воды, разрезаемой носом лодки, увидели флажок на мачте, а у руля — улыбающегося Курносого.

— А ты еще его машину искал! — вздохнул Марк.

— Надо быть спортсменами, ребята. Придем вторыми, что ж в этом плохого,— возразил Ян.

И правда, разве это не достижение? Но первое место есть первое.

«Б-404» сделал поворот у последнего буя и пошел к финишу. Марк скатывал спинакер. На левом берегу раздались приветственные крики. «Б-404» прибыла первой. Но когда из-за угла появился «Бернар», приветствия удесятерились.

Специальный корреспондент вел репортаж о ходе гонок. На борту одного из наблюдателей был радиотелефон, и он передавал оттуда сообщения.

На берегу стояли отец и мать, а вопи и сторож со своим приятелем крановщиком.

— Смотрите-ка, здесь и инспектор, который привез меня в Лилло! — сказал Боб.

Они бросили якорь. Соустин был уже на берегу, но он не получил возможности приветствовать своих самых ярых соперников.

— Следуйте за мной, господин Соустин, — вежливо сказал ему инспектор.

Ах, да! Ведь сегодня для него день удач: нашлась его машина и он выиграл гонки.

Мальчики принимали поздравления от зрителей. Отец был очень горд, но сторож гордился еще больше. Они и надеяться не смели на такой результат. Два агента посадили Соустина в полицейскую машину, а инспектор подошел к мальчикам.

— Поздравляю с победой, — сказал он.

— Конечно, мы очень рады, но победитель-то беседует сейчас с вашими агентами. Это он пришел первым. А мы заняли только второе место.

— Первое место ваше, — настаивал инспектор. — Господин Соустин не в счет.

— Наверное, он отказался от поездки в Танжер, потому что Боб нашел его машину, — сказал Ян.

— Нет, — сказал инспектор. — Господин Соустин отправится в места не столь отдаленные за счет государства. Он главарь шайки, угонявшей машины.

Онемев, смотрели ребята на инспектора. Курносый... и вор.

— Так вот почему он всегда так сильно душился! Чтобы отбить вонь... — сообразил Боб. — Нет, но... Он...

Тут подошла «Ласточка», и опять поднялись веселые крики.

Группа голландцев затянула национальный гимн.

— Но зачем же он украл собственную машину? — допытывался Боб.

— Машина была застрахована на полную стоимость. Последняя проделка стоила ему свободы.

Через два часа состоялось награждение победителей, и умытые и причесанные братья поднялись на трибуну.

— А кто же поедет в Танжер?

— Папа с мамой, ладно? — предложил Ян.

Отец отказался — он на работе.

— Бернар, — сказал Боб. — Бернар выкроил паруса, это он обеспечил нам победу. Пусть он и получит приз.

Старик только головой качал. Ну и народ!

— А вы чем теперь займетесь? — спросила мать.

— Останемся здесь, на Шельде, — хором ответили братья.

ВОСПИТАНИЕ ЧУВСТВ

Три повести под одной «крышей». Формально их объединяет принадлежность серии «Мир приключений». Однако хотелось бы отметить в данном сборнике естественную и более глубинную связь между ними. Все три автора — канадский писатель Фарли Моуэт, английская писательница Нина Бодэн и бельгийский писатель Либер Карлье — пришли в детскую литературу из «большой», «взрослой» литературы, уже завоевав известность у себя на родине и в других странах. Эти мастера прозы в полную силу своего таланта создали увлекательные, искренние и серьезные произведения для подростков.

Серьезность их — в широком и правдивом показе важнейших проблем жизни современного общества; для каждого писателя, для каждой страны — своих. Искренность — от любви к подрастающему поколению. Увлечательность — от тонкого понимания детской психологии (чтобы интересно было читать): отсюда их реалистическое письмо приобретает в произведениях для юного читателя романтическую приподнятость и отмечено мягким юмором.

Фарли Моуэт прославился на весь мир как «Певец Севера». Он большой друг ссевероамериканских эскимосов, индейцев и наших чукчей, юкагиров и других родственных им народов Севера. Еще в детстве он впервые побывал в Канадском Заполярье со своим дядей, известным биологом, и с тех пор навсегда полюбил суровую красоту северного края. Главные его

книги — о жителях Севера. Первая — «Люди оленьего края» — была написана в 1952 году и сразу сделала его знаменитым. Он с такой болью и страстностью поведал в ней о трагическом положении эскимосов, что правительству Канады пришлось, наконец, оказать хоть какую-то реальную помощь им.

За этой книгой последовали: «Отчаявшийся народ», «Испытание льдом», «Не кричи, волки!». Произведения эти переведены на русский язык, так что их можно прочитать в советских изданиях. А для детей он написал веселые и добрые книги — «Собака, которая не хотела быть просто собакой», «Совы в нашей семье», «Затерянные в тундре» и другие, а также приключенческую повесть, включенную в настоящий сборник, — «Проклятие могилы викинга». В этой повести могут привлечь не только приключения, но и богатый познавательный материал: приметы и краски канадской тайги и тундры, следы древней своеобразной культуры коренных жителей Северной Америки — индейцев и эскимосов различных племен, их обычаи, верования, их представления о свободе человека, родившиеся много веков назад и сохранившиеся поныне.

Ведущая мысль произведения прочитывается в выборе главных героев — представителей трех разных народов, населяющих север Канады. Это очень юные люди: брат и сестра из *индейского* племени кри, *эскимосский* мальчик и племянник *белого* охотника. Опасные приключения, общая цель их полного препятствий путешествия через бескрайнюю тундру к Гудзонову заливу, взаимная выручка, самоотверженность и отвага — все символизирует содружество людей разных национальностей, о какой всегда мечтал автор повести. В мире капитала эта мечта остается лишь мечтой. Моуэт понимает это и скорбит, не переставая, однако, бороться за права малых народов Севера и в жизни, и в своем творчестве.

И все-таки, как он сам писал, ему посчастливилось увидеть претворение в жизнь своей мечты — но только не в родной стране, а в Советском Союзе. Впервые с советскими людьми Фарли Моуэт встретился в 1945 го-

ду, когда пехотинцем воевал с фашистами в Европе. То была историческая встреча на Эльбе советских войск с войсками союзников. А в 1966 и 1969 годах он совершил путешествия по Советской Сибири и написал большую восторженную книгу «Сибирь. Мое открытие Сибири». На Западе книга вызвала настоящую сенсацию и разошлась огромным тиражом. Моуэт побывал в разных населенных пунктах Сибири: в Иркутске, Якутске, в городах Мирный, Чернышевский, на Колыме, в Магадане. Повидал новые стройки, заводы, школы, совхозы оленеводов.

«Неоспоримо одно,— писал автор после этого,— свершения советских людей в Сибири несравненны по великолепию замысла и исполнения!» Особенно высоко он оценил, что на освоение и развитие районов Севера, как промышленное, так и культурное, Советское правительство не жалеет огромных средств. Не переставая думать о судьбах малых народов своей страны, Фарли Моуэт готовит сейчас совместно с советским телевидением фильм о природе и людях Севера — канадско-американского и советского. Ясно, в защиту кого будет этот разговор, поэтому, может быть, недаром еще раньше одна американская газета предупреждала: «Фарли Моуэт опасен. Он — за волков, за оленей и за тюленей». То, что он в первую очередь за людей (за людей Севера), газета не рискнула упомянуть.

Последняя книга Фарли Моуэта называется «Мое открытие Америки». Поводом для ее написания послужило одно неожиданное событие: 23 апреля 1985 года, когда Моуэт, по приглашению Университета штата Калифорния, собрался лететь в США, его задержали в аэропорту. Объяснение дали короткое: «Вам запрещен въезд в Соединенные Штаты Америки». Отказ властей США пустить в страну знаменитого канадского писателя вызвал настоящую бурю в канадской и американской прессе. Со всех концов страны к Моуэту посыпались письма от американцев самых разных слоев общества с выражением негодования и сочувствия. Так Моуэт открыл для себя новую, неофициальную, демократическую Америку.

Когда мы говорим о произведениях того или иного жанра, мы не имеем в виду, что познавательная книга несет только полезную информацию, а детектив повествует исключительно о раскрытии преступления. Напротив, чем шире круг проблем, поставленных в произведении, чем своеобразнее характеры героев и сложнее их взаимоотношения, тем выше художественные достоинства книги, и мы легко прощаем автору его отступления от законов жанра. Ценно, если в книге есть и то, и другое, и третье, а жанр мы определяем зачастую по внешним признакам, даже просто по построению сюжета. Этому пример, как мы видели, повесть Фарли Моуэта «Проклятие могилы викинга». Трилогия Либери Карлье «Тайна «Альтамаре» — более чистый образец приключенческой литературы, хотя одновременно она богата приметами и социального реалистического романа, и детектива, и повести об увлекательных профессиях с привлечением богатого познавательного материала.

Про книги Нины Бодэн мы, пожалуй, во вторую очередь скажем, что они приключенческие. Главное в них — психологически верно воссозданные человеческие характеры. В детских книгах Нины Бодэн всегда острый сюжет, захватывающая тайна, чрезвычайные события («чрезвычайные» для детей того возраста, которому они адресованы), столкновения, приключения, сюрпризы. Ученые степени, которые писательница получила в Оксфордском университете в области философии, политики, экономики, не засушили ее фантазии. И все-таки самое большое достоинство ее детских книг — это рождение неповторимого индивидуального характера действующих лиц, непосредственность поведения юных героев, логика их поступков, их реакция на события внешнего мира. И Юмор. Юмор, смягчающий даже порой трагические ситуации и всегда оставляющий надежду на победу при любых жизненных обстоятельствах.

Английская критика, давая оценку творчеству Нины Бодэн в целом, отмечает, что она как никто ратует за достоверность в книгах для детей. Да и сама Нила Бодэн пишет: «Для меня работа над книгой для детей

так же серьезна, как для взрослых, а в каком-то отношении, пожалуй, даже более ответственна». Интересно, что первую книгу для детей она писала спустя десять лет после начала своей писательской деятельности, когда в 1953 году вышел ее роман «Кто отгадает мотив».

Главная тема творчества Бодэн — жизнь английского среднего класса. Ее книги называют социальными комедиями о современности. Вернее было бы назвать трагикомедиями, поскольку у ее героев так драматично складывается судьба, они так стараются что-то выиграть в жизни и так часто терпят фиаско. Возвышает эти произведения над простым бытописанием опять же неизменное чувство юмора автора и психологическая тонкость при изображении своеобразия человеческой натуры.

Из раннего творчества Бодэн наиболее известным считается ее роман «Как истинная леди». Ключевым, принципиально важным произведением, рассказывающим опять же о средней английской семье с ее проблемами — любовь, измена, друзья, родители и дети, вторжение закона в семейные отношения, — следует назвать повесть «Птицы на деревьях». Последние два романа — «Иду обнаженной» и «Ледник», продолжая развивать главную тему, особое внимание дарят женщинам, быющей в тисках условностей не только семейной, но и социальной среды. Вот какими словами передает мироощущение героиня романа «Иду обнаженной», писательница по профессии: «Я пишу, потому что боюсь жить». По сравнению с флорберовским признанием, что жить не его профессия, его профессия — писать, какой они выдают страх, какую безысходность.

К сожалению, из двадцати «взрослых» романов Нины Бодэн на русский язык пока еще не переведен ни один. Зато ее детским книгам повезло больше — в 1984 году издательство «Детская литература» выпустило три ее повести: «Мятный поросенок», «Кэрри в дни войны» и «Сбежавшее лето».

На клапане суперобложки первого английского издания «Кэрри в дни войны» помещены интригующие

строки из повести: «Разрушатся стены, если череп покинет этот дом»,— сказал африканский мальчик, заколдовав Долину друидов... Кэрри подняла руку и изо всех сил швырнула череп». А потом, как вы помните, в доме случился пожар. Но, конечно, не потому, что сбылось предсказание, а по чистой случайности. Однако эти несколько рекламных строк очень точно выхватили главные тайны книги — Долину друидов, полную чьих-то вздохов и теней, связанную памятью людей с фольклором древнего Уэльса, и грустную легенду об африканском мальчике, которого якобы привезли в этот дом, стоящий в Долине друидов, в давние времена рабства.

Тема свободы и рабства, свободы и несвободы проходит через многие произведения Бодэн, в том числе и детские. Человеку необходима свобода, особенно юному, в пору становления его характера. Если не социальная свобода, на нее Нина Бодэн не рассчитывает, то хотя бы в личных отношениях, в кругу друзей. Именно поэтому герои повести — Кэрри, и Ник, и даже тетя Лу восстают против деспотии мистера Эванса, хотя, когда выясняются достаточно серьезные причины, отчего он так мрачен и скуп — трудное детство, тяжелая работа, гибель отца и прочее,— у автора находят слова сочувствия ему.

Против несвободы, несправедливости в современном буржуазном обществе особенно резко Бодэн восстает в повести «Сбежавшее лето», где маленькие герои, десятилетняя фантазерка Мэри и ее приятель Саймон, укрывают от полиции нелегального цветного иммигранта — мальчика из Ниобин, по имени Кришну. Им удастся его спасти, но достаточно разумный, старший по возрасту Саймон, лучше знакомый с законами общества, признает: «Разве Кришну удалось бы спасти, если б он был бедняком? У него богатый дядя, вот в чем штука!»

Повесть «Сбежавшее лето» была написана до произведений «Кэрри в дни войны» и «Мятный поросенок», и может показаться, что постепенно писательница отходит от острых социальных тем в более камерную

проблематику («Мятный поросенок» — весело написанная грустная история из детства матери Нины Бодэн). Однако в 1978 году она публикует повесть «Мятежница на скале» — о событиях в Греции в пору диктатуры черных полковников; позже — повесть «Грабители» — о детской преступности; затем — «Спрятанные во тьме» — о трудной судьбе подростка из небогатой семьи. И все это книги откровенные и правдивые. Как правило, автора интересует поведение героев в момент трудных жизненных испытаний. И как бы романтично, причудливо и загадочно ни складывались события повести, мотивировка поступков героев, описания места и времени действия у Бодэн всегда достоверны. И в деталях, и в общем решении.

Автор трилогии «Тайна «Альтамаре» Либера Карлье живет в бельгийском городе Антверпене, недалеко от порта. По профессии он капитан дальнего плавания, правда, большую часть жизни проработал лоцманом во внутренних водах — на реке Шельде. Первые его произведения о войне, о фашистской оккупации Бельгии и движении Сопротивления. Именно война заставила его взяться за перо — ее бедствия, чудовищная жестокость, и особенно героизм людей, проявляющих истинную человечность. В романе «Форум» выходит в эфир» он оценивает ее через восприятие молодого героя бельгийского Сопротивления Марка ван Дайка. От войны бежит его семнадцатилетний герой повести «Побег» — в свободную от немцев зону, в Испанию.

Отношение к войне определило мировоззрение Карлье. Благодаря антифашистским книгам, а также повестям «Поединок с танкером» и «Канал» Либера Карлье стал одним из самых известных бельгийских писателей послевоенного поколения. Повесть «Поединок с танкером» — это уже классика, она входит в программу по фламандской литературе в бельгийских школах. По ней снимался фильм, причем главную роль в нем — роль молодого лоцмана Ливенса — очень удачно играл сам автор. И неудивительно, поскольку работа лоцмана, требующая острого видения, эмоционального напряжения в сочетании с четкостью и энергией мысли,

главная и горячо любимая работа самого автора. Мы это чувствуем во всех его произведениях, в том числе и в трилогии «Тайна «Альтамаре».

Как у истинного фламандца мир книг Либеры Карлье предметен, материален, по весь этот реальный, сочный, яркий фон, как и у мастеров великой фламандской живописи, верно служит одной цели — показать человека: его внутренний мир, поведение в процессе труда, преданность своей профессии, иногда далеко не романтической, проявление характера в борьбе. Это даст автору возможность ставить социальные и нравственные проблемы.

«Общественная и экономическая реальность определяют человеческое сознание,— пишет Карлье.— До тех пор, пока на земле есть люди, страдающие от голода, социально мыслящие писатели должны протестовать, не боясь упрека, что ими движет так называемый плоский материализм...»

Такое высказывание вызывает глубокое уважение к известному писателю-реалисту, но никто не станет упрекать его в «плоском материализме», ибо все материальное у него живет, дышит, принимает участие в захватывающих событиях. Так, в трилогии «Тайна «Альтамаре» сам Антверпенский порт, с его доками, шлюзами, морскими и речными судами, выступает словно живое действующее лицо. Он покровительствует трем братьям Петерс, помогает им ловить преступников, укрывает их от бандитов. Действующее лицо — и река Шельда с ее притоками, ребятам она несет удачу, попутный ветер, а их соперникам «подставляет ножку», правда, не просто соперникам, а членам преступной шайки, угонявшей машины. И уж настоящий герой и заслуженный ветеран — бывший пассажирский лайнер «Альтамаре», который участвовал в войне против фашистской Германии. Как вы помните, узнав о нападении гитлеровцев, бельгийские моряки, находившиеся в плавании на борту «Альтамаре», примкнули к союзникам, и пассажирский «Альтамаре» открыл свои трюмы для военных грузов и ходил опасным фарватером, отбиваясь от фашистских самолетов.

Роман «Форум» выходит в эфир», повести «Поединок с танкером» и «Канал», так же как и трилогия «Тайна «Альтамаре», уже издавались на русском языке и, судя по откликам в печати, завоевали популярность у нашего читателя.

В завершение разговора о трех авторах, чьи повести объединены в этом сборнике, хотелось бы отметить, что все трое — известные профессиональные писатели, не раз награжденные почетными национальными премиями за свои литературные произведения, в то же время остаются преданными своим изначальным профессиям. Фарли Моуэт — видный общественный деятель, защитник прав народов Севера, борец за ядерное разоружение. Нина Бодэн — мировой судья в графстве Суррей, президент «Общества женщин-писательниц и журналисток». Либер Карлье, как мы уже говорили, — капитан дальнего плавания, лоцман на Шельде, — как когда-то был лоцманом на Великой Миссисипи Сэмюэль Клеменс, взявший псевдоним Марк Твен.

Собственно, все трое выступают своего рода лоцманами, поскольку заботливо и умело ведут своих юных героев, а с ними и читателей по морю жизни, думая при этом не только о событиях сегодняшних, о переживаниях и потрясениях сиюминутных, но и о будущем подрастающего поколения. Вероятно, поэтому так трепетно они относятся к воспитанию их чувств, добрых чувств: чувства справедливости, человеческого достоинства, чувства ответственности, чувства национальной гордости и независимости, высоких гражданских чувств.

Татьяна Санина

СОДЕРЖАНИЕ

Фарли МОУЭТ

Проклятие могилы викинга

Перевод с английского Р. Облонской

ГЛАВА 1	
Школа среди лесов	5
ГЛАВА 2	
Холод, который убивает	10
ГЛАВА 3	
Анджелика	17
ГЛАВА 4	
В бегах	22
ГЛАВА 5	
Бегство на Север	30
ГЛАВА 6	
Зэбэдис	37
ГЛАВА 7	
Ньюэлтин-гуа — Озеро Спящих Островов	45
ГЛАВА 8	
Наперегонки со временем	52
ГЛАВА 9	
Стойбища ихалмиутов	57
ГЛАВА 10	
Иннуит Ку — Реска Людей	64
ГЛАВА 11	
Илайтутна	70
ГЛАВА 12	
Лук викинга	76

ГЛАВА 13	
Планы меняются	81
ГЛАВА 14	
Могила Кунара	86
ГЛАВА 15	
Нежданная помеха	92
ГЛАВА 16	
Озеро-в-озере	98
ГЛАВА 17	
Эноиук — ураган	104
ГЛАВА 18	
Оленья дорога	107
ГЛАВА 19	
Мошкара — проклятие тундры	113
ГЛАВА 20	
О волках и плаваниях	121
ГЛАВА 21	
Морское племя	128
ГЛАВА 22	
Джошуа Фадж	135
ГЛАВА 23	
Конец путешествию	141

Нина БОДЭН

Кэрри в дни войны

Перевод с английского Н. Емельяниковой

ГЛАВА 1	149
ГЛАВА 2	156
ГЛАВА 3	166
ГЛАВА 4	177
ГЛАВА 5	183
ГЛАВА 6	193
ГЛАВА 7	201
ГЛАВА 8	214
ГЛАВА 9	220

ГЛАВА 10	226
ГЛАВА 11	231
ГЛАВА 12	238
ГЛАВА 13	244
ГЛАВА 14	254
ГЛАВА 15	259

Либера КАРЛЬЕ

Тайна «Альтамаре»

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Тайна «Альтамарс»

<i>Перевод с фламандского Е. Макаровой и К. Федоровой . . . . .</i>	269
---	-----

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Аквалангист

<i>Перевод с фламандского К. Федоровой . . . . .</i>	322
--	-----

ЧАСТЬ ТРЕГЬЯ

Большие гонки

<i>Перевод с фламандского Е. Макаровой и К. Федоровой . . . . .</i>	404
---	-----

<i>Т. Санина. Воспитание чувств . . . . .</i>	466
---	-----

Моуэт Ф., Бодэн Н., Карлье Л.

- М 86 Проклятие могилы викинга. Кэрри в дни войны. Тайна «Альтамаре»: Пер. с англ. и фламанд. /Сост. Н. Шерешевской; Послесл. Т. Саниной; Ил. О. Бай.— М.: Правда, 1988.— 480 с., ил.

Эта книга о жизни подростков.

Герои повести канадского писателя Фарли Моуэта «Проклятие могилы викинга» путешествуют к Гудзонову заливу, в опасном пути им помогают отвага и самоотверженность. Английская писательница Нина Бодэн в повести «Кэрри в дни войны» рассказывает о событиях, пережитых братом и сестрой в дни второй мировой войны. В детективной трилогии бельгийского писателя Либер Карлье «Тайна «Альтамаре» трудолюбивые братья, непримиримые ко всякому злу, помогают полиции ловить преступников и контрабандистов.

Фарли МОУЭТ
ПРОКЛЯТИЕ МОГИЛЫ ВИКИНГА

Нина БОДЭН
КЭРРИ В ДНИ ВОЙНЫ

Либера КАРЛЬЕ
ТАЙНА «АЛЬТАМАРЕ»

Составитель
Наталия Викторовна Шерешевская

Редактор С. П. Фалеева
Оформление художника Г. А. Раковского
Художественный редактор Т. Н. Костерина
Технический редактор К. И. Заботина

ИБ 1557

Сдано в набор 02.09 87. Подписано к печати 04.11.87.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага книжно-журнальная.
Гарнитура «Литературная» Печать высокая.
Усл. печ. л. 25,20. Усл. кр.-отт. 25,83. Уч.-изд. л. 26,15
Тираж 500 000 экз. (2-й завод: 250 001 — 500 000).
Заказ № 192. Цена 2 р. 70 к.

Набрано и сматрицировано в ордена Ленина и ордена
Октябрьской Революции типографии имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС «Правда».
125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Отпечатано в типографии издательства
«Советская Сибирь», 630048, г. Новосибирск, 48.
ул. Немировича-Данченко, 104.

2 р. 70 к.